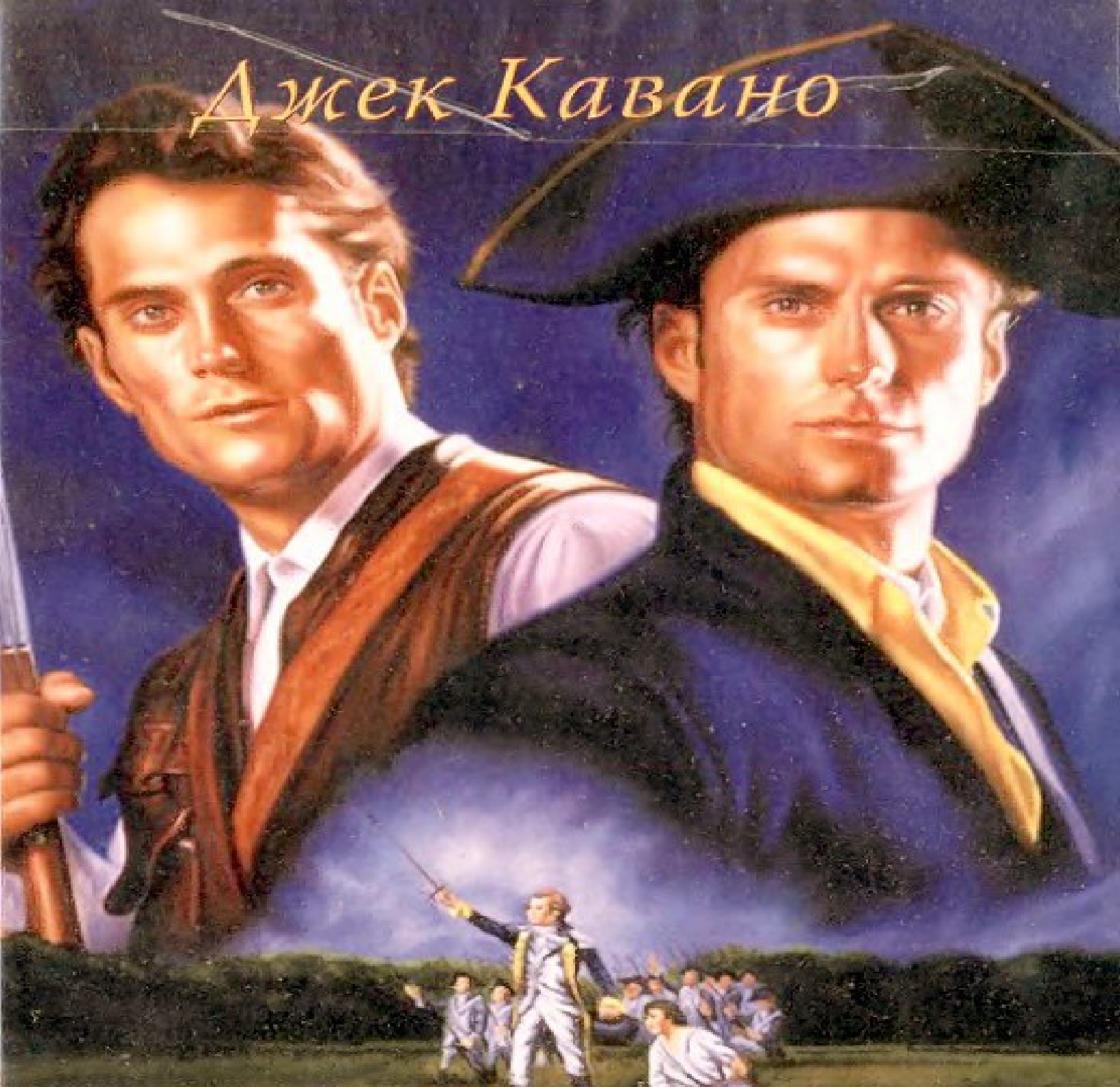

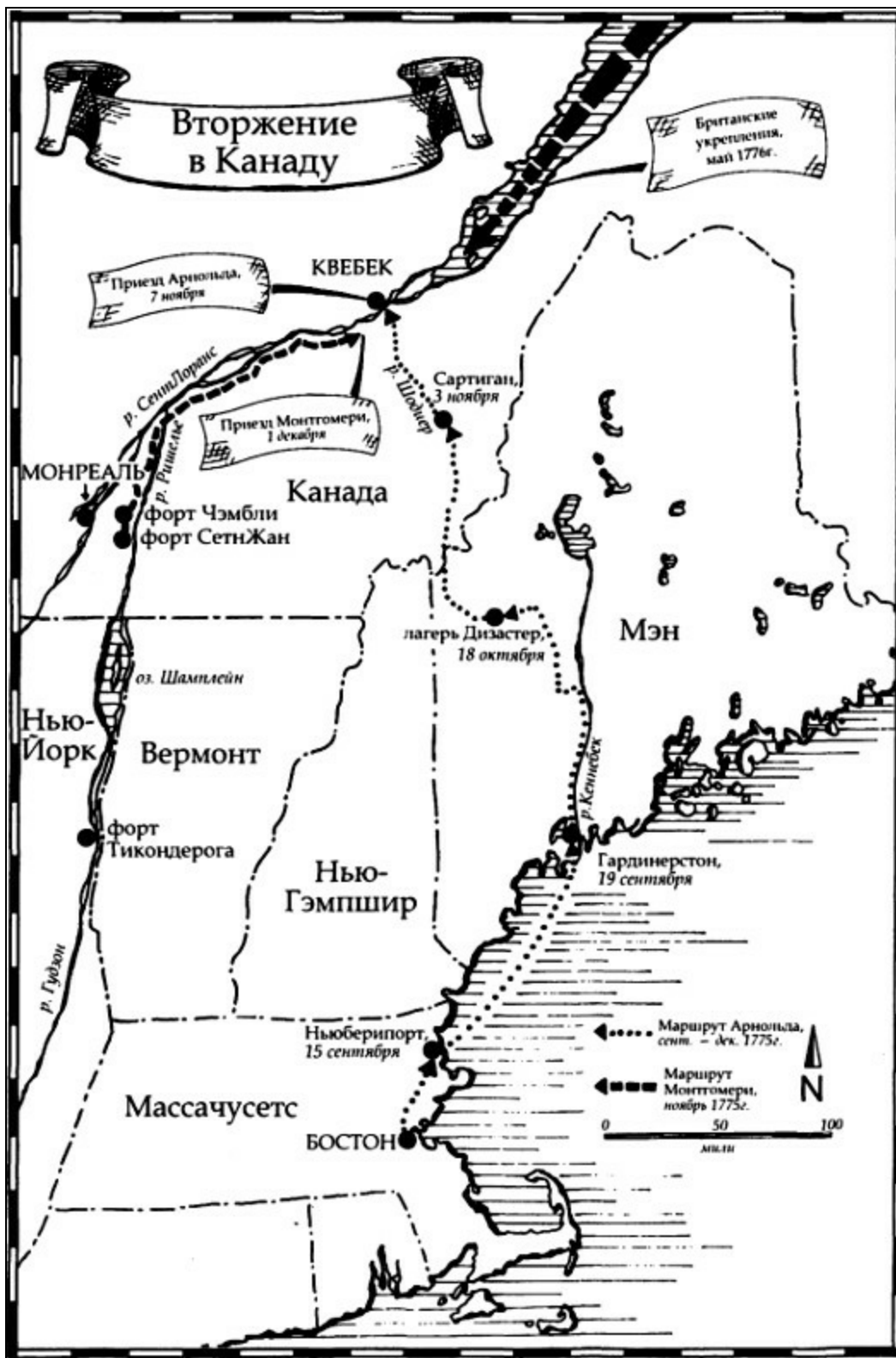
Джек Кавано

ПАТРИОТЫ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Уникальная серия историко-приключенческих романов современного американского писателя Джека Кавано рассказывает о духовном становлении американской нации на примере хроники жизни одной семьи (с XVII века до наших дней). Благодаря динамичному, профессионально выписанному сюжету, сложной интриге, причудливому переплетению подлинных фактов и вымысла произведения Джека Кавано пользуются неизменным успехом у читателей. Близнецы Джейкоб и Исав Морганы с детства были охвачены духом соперничества. А после того как один брат увел у другого невесту, между ними разгорелась настоящая вражда, которая не затухала ни на минуту. В те годы Северная Америка переживала тяжелые времена: началась Война за независимость. Храбрый и решительный Джейкоб безоговорочно принимает сторону революции, мягкий и мечтательный Исав становится ее последовательным противником. Только пройдя суровую школу войны, только освободившись от эгоизма и злобы, братья сумеют простить друг друга и поймут, что в мире всегда есть место для самопожертвования, дружбы и любви. Роман «Патриоты» — третья книга серии — написан на большом историческом материале.

Глава 1

— Предатель!

— Лжец!

Джейкоб и Исав Морганы стояли друг против друга, набычившись и стиснув зубы. Их лица налились кровью, глаза сверкали от бешенства. Молодые люди ходили друг на друга как две капли воды, если не считать того, что на Джейкобе были штаны из темно-коричневого шерстяного сукна, а на Исаве — из шелка.

— Сядь, Джейкоб! Исав, веди себя прилично! У нас гости! — тяжело громыхнул властный голос.

Энн Морган глянула на мужа, сидевшего во главе стола. Морской воздух и солнце не пощадили его кожу: выдубленная насквозь, она стала сухой и темной. И все же, несмотря на морщины и поредевшие седые волосы, Джаред по-прежнему отличался суровой мужской красотой и был полон сил и энергии. В его голубых глазах частенько мелькали озорные искорки, которые делали его таким привлекательным.

«Ладно, — подумала она. — Пусть сам разбирается с мальчиками. — И мысленно усмехнулась: — Мальчики. Какие там мальчики! Близнецам уже за тридцать. Однако стоит им сойтись — и они, как маленькие, затевают ссору».

Братья пропустили слова отца мимо ушей. Разгневанный Джаред медленно поднялся из-за стола. Старый капитан привык отдавать приказы стоя — в противном случае толку от твоих слов будет не больше, чем от приглашения на чай.

Он встал, и трое гостей — доктор Сэмюэл Купер, Джон Хэнкок и Сэм Адамс^[1] — дружно перевели на него глаза, затем их взоры вновь обратились к братьям. Было забавно наблюдать за выражением лиц этих почтенных джентльменов: каждый из них реагировал на происходящее по-своему. Хэнкок восседал между Энн и Мерси Морган, отстраненно полуопустив веки. На его лице застыла скука — так лорд, увидев дерущихся простолудинов, брезгливо переходит на противоположную сторону улицы. Рядом с Джаредом расположился преподобный Сэмюэл Купер, облаченный в традиционное черное одеяние с белым галстуком — в отличие от Хэнкока он зорко следил за стычкой. Когда старый капитан призвал сыновей к порядку, Купер одобрительно кивнул, явно стремясь поддержать авторитет Джареда. Рядом с Джейкобом, слева от Купера, сидел Сэм Адамс. Этот человек вел себя так, словно был маленьким бродягой, которому посчастливилось попасть на цирковое представление. Он жадно впитывал в себя атмосферу ссоры. Надо полагать, при иных обстоятельствах мистер Адамс и сам с удовольствием ввязался бы в потасовку.

— Джейкоб! Не смей так вести себя при гостях! — отрывисто рывкнул Джаред. — Исав, хочешь очутиться за дверью?

Пряча улыбку, Энн опустила голову. Ее развеселил не только капитанский тон мужа, но и то, сколь тщательно он подбирал слова. Энн знала, что хотя Джаред и не любил сквернословить, у себя на корабле он не стал бы деликатничать. Однако при гостях — особенно при священнике — старый капитан изо всех сил избегал крепких словечек. Джареду не раз приходилось умирять разбушевавшихся матросов. Но сегодня скандалили не они, а его дети, и дело происходило не на корабле, а за обеденным столом, да еще в присутствии видных членов бостонского общества.

— Джейкоб! Слышишь меня? Исав, кому говорю!

«Обратиться к каждому. Хорошо. Джаред не забыл». С раннего детства близнецы не желали делиться друг с другом ничем, даже словами. Для того чтобы добиться послушания, их приходилось успокаивать по отдельности. Если удавалось убедить их разойтись мирно, это было великим достижением. Уговаривать Энн умела. Ведь именно ей — пока муж находился в море, за тысячи миль от дома — приходилось разнимать мальчиков. Однако по мере взросления сыновья все меньше подчинялись матери. А недавно, споря о правах колоний, они вообще потеряли голову от возбуждения. Выкрикивали безумные, совершенно недопустимые вещи. Перепуганная Энн не могла их успокоить — сыновья точно лишились разума.

Впрочем, сегодня слова Джареда достигли цели. Исав отступил. Он посмотрел на отца, затем, обведя глазами стол, наткнулся на неодобрительный взгляд матери. Та глядела на него, как на непослушного ребенка. Хотя он был взрослый мужчина, для Энн это значения не имело. Тот, кто ведет себя как несмышленное дитя, заслуживает соответствующего обращения!

— Прошу прощения, — извинился Исав перед гостями, — если мое поведение вас оскорбило, — и сел на место.

Джейкоб не шелохнулся. Стиснув кулаки, он по-прежнему грозно возвышался над братом.

— Я сказал, сядь! — Глядя на непокорного сына, Джаред тоже сжал кулаки.

Напротив Джейкоба сидела его жена — Мерси. До этой минуты она мало интересовалась потасовкой. Такие ссоры она видела не раз. Выходка братьев заставила Джареда, Энн и их гостей оторваться от еды, Мерси же невозмутимо положила себе вторую порцию телятины и с удовольствием разделалась с ней. Теперь, когда Исав сел, и родительский гнев целиком сосредоточился на ее муже, молодая женщина, проглотив кусочек мяса, сухо произнесла:

— Дорогой, сядь. Ты портишь вечер.

Долгую, мучительную минуту Джейкоб Морган играл желваками, потом, не сводя глаз с брата, опустил на стул. Сев, он передернулся от отвращения.

Между тем хозяин дома продолжал стоять. Всем своим видом он словно бы говорил сыновьям: «Попробуйте еще что-нибудь выкинуть!» Спустя минуту-другую он принес извинение гостям и сел; все опустили взгляды в тарелки и вернулись к трапезе. Некоторое время слышалось только негромкое постукивание серебра о фарфор.

Об обеде договорились несколькими днями ранее, в воскресенье. После службы доктор Купер отвел Джареда в сторону и предупредил, что тот должен держать язык за зубами. Затем увлек его за собой. Когда капитан вошел вслед за своим провожатым в небольшое служебное помещение, перед его удивленным взором предстали Хэнкок и Адамс. А ведь он полагал, что их давно нет в городе! Друзья не раз предупреждали Адамса об опасности: за ним охотились англичане, попадись он им в руки — и его в два счета скрутят, закуют в кандалы и осудят как бунтовщика. Поговаривали, что Адамс и Хэнкок бежали из Бостона.

После того как Джаред перебросился со старыми знакомыми шуточными приветствиями, доктор Купер предложил собраться в ближайшее время и обсудить один важный вопрос. О чем именно пойдет речь, сказано не было, а Джаред, всецело доверявший пастору, об этом не спросил. Зато пригласил всех троих отобедать у него дома в среду. Обменявшись взглядами, Адамс, Купер и Хэнкок приняли приглашение.

Когда Джаред сказал Энн о том, что в среду у них будут гости, та сообщила мужу, что в

этот день у них обедает Исав. (Молодой человек жил в Кембридже, на берегу реки Чарльз, в доме семьи Морган, а Джейкоб и Мерси — в Бостоне, в родительском особняке.)

Отменить приглашение не представлялось возможным; Джареду и Энн оставалось только надеяться на то, что во время обеда их сыновья не устроят потасовку. И все из-за Адамса. Для сторонников свободы, к которым принадлежал Джейкоб, он был героем, в то время как лоялисты ^[2] — а значит, и Исав — считали его исчадием ада. Желая предотвратить стычку, родители сказали сыновьям, что вечером у них будут гости, а вот какие — не уточнили. Когда через заднюю дверь в дом неожиданно вошли Джон Хэнкок и Сэм Адамс, Джейкоб возликовал, а Исав налился яростью.

Энн украдкой глянула на мужа — в эту самую минуту он как раз пригубивал вино из хрустального бокала. Сколько же воды утекло с того памятного вечера в Кембридже, когда Джаред сидел на дереве под окном ее спальни и тайком слушал, как она поет о любви. До чего все было просто в те годы! Они были молодыми идеалистами, безрассудными в любви. Джаред в ту пору понятия не имел, какую жизненную стезю изберет. И вот теперь он один из богатейших торговцев Бостона. Известные люди — безотносительно к их политическим взглядам — спрашивали его совета. Господь был милосерден к Джареду Моргану и его семье.

Самый дом, где они жили, был свидетельством Господнего благоволения. Когда-то он принадлежал их врагу, но после его гибели превратился в семейное гнездышко Джареда и Энн. Вспомнив прошлое, женщина невольно содрогнулась. Всевышний избавил их от недругов, но победа далась им дорогой ценой. Отцу Джареда она стоила жизни. Коммерсант Дэниэл Коул, злой и жестокий человек, для того, чтобы прибрать к рукам скромный капитал Морганов, вложенный в его компанию, приказал убить главу семьи — Бенджамина Моргана. Затем он обманом заставил Констанцию, вдову Бенджамина и мать Джареда, выйти за него замуж. Совместными усилиями Джаред, его старший брат Филип и сестра Присцилла одолели Коула, однако при этом все их имущество ушло с молотка. По иронии судьбы после смерти отчима к Морганам вернулось их состояние. Желая себя обезопасить, Коул перевел свою собственность на имя жены. Когда его не стало, Констанция все отдала детям.

Вложив деньги Коула в торговлю с Китаем, Джаред и Присцилла приумножили семейный капитал. Присцилла управляла делами, а Джаред водил суда. Филип вернулся в резервацию наррагансетов ^[3], где женился на своей возлюбленной. Он не занимался коммерцией и жил среди индейцев, используя свою часть семейного дохода в миссионерских целях.

После свадьбы Джаред и Энн по просьбе Констанции поселились у нее, в бывшем особняке Дэниэла Коула. Здесь и родились близнецы. Здесь же в год пятнадцатилетия мальчиков Господь призвал Констанцию к себе.

Со временем Джаред и Энн обставили дом по собственному вкусу. Первым делом они избавились от громадного оловянного чайника, висевшего над входом. Чайник этот указывал на то, что хозяин особняка сколотил первоначальный капитал, торгуя оловянной посудой. Мало-помалу, комната за комнатой, особняк перестал напоминать жилище хвастливого и алчного нувориша. Теперь он больше походил на музей — ведь Джаред привозил из своих путешествий немало диковинок.

Морганы принимали гостей в столовой. Стол красного дерева был сервирован хрусталем из Уотерфорда, старым английским серебром и тончайшим китайским фарфором. По углам стола тускло посверкивали серебряные подсвечники, на кипенно-белую скатерть

мягко лила радужный свет хрустальная люстра. За спиной Энн, на каминной полке, красовались китайские вазы. Над камином висел портрет сэра Амоса Моргана — отважного английского адмирала, героя битвы с «Непобедимой армадой» [4]. Во время своего пребывания в Лондоне Джаред узнал, что адмирал был его предком. Старому капитану нравился этот портрет. Так же, как Амос, он страстно любил море. Впрочем, с адмиралом его роднило кое-что еще (хотя он и не думал об этом). Оба были людьми чести. Сэр Амос Морган сделал себе имя при дворе королевы Елизаветы [5], а Джаред Морган — в Бостоне. Не случайно за его столом сидели такие гости. Джон Хэнкок считался одним из богатейших людей города, доктор Купер — уважаемым священником, а Сэм Адамс — влиятельным политиком. Это были люди одного с Джаредом круга.

Первым нарушил неловкую паузу, вызванную перепалкой близнецов, Джон Хэнкок.

— Не огорчайтесь, мэм, — сказал он, коснувшись салфеткой уголка рта. — Нынче весь Бостон шумит. — И, чувствуя, что Адамс хочет его поправить, торопливо добавил: — Точнее, всеколонии, даже юг, Джорджия. Во многом, — он покосился на политика, — это результат превосходной работы комитетов мистера Адамса [6].

Адамс, не переставая жевать, снисходительно кивнул.

Однако сочувственное высказывание Хэнкока не произвело на Энн особого впечатления.

— Меня это не утешает, сэр, — ответствовала она мягко. — Мне бы хотелось, чтобы мои дети вели себя за столом должным образом — независимо от того, что вытворяет Бостон и даже весь мир. Честно говоря, этот шум, как вы его называете, пугает меня до смерти.

— Однако согласитесь, мэм, — вступил Адамс, проглотив очередной кусок, — выяснять отношения нам придется. Наша свобода висит на волоске! Вы же знаете, ради чего мы боремся! На карту поставлено будущее наших внуков и правнуков!

Ответить Энн не успела — в разговор вмешался Джаред:

— Не сомневайтесь, господа, моя жена все понимает. Но, по-моему, мистер Адамс, вы считаете, что наши соотечественники, англичане, пойдут нам навстречу, хотя до сих пор делать этого они не спешили. Возможно, вы полагаете, что у колониальной милиции достанет сил противостоять парламенту? Если так — будьте осторожны. Боюсь, в случае нашей неудачи положение резко ухудшится.

Энн взяла мужа за руку:

— Дорогой, полагаю, мистер Адамс обращался ко мне, — и, адресуя свои слова гостю, сказала: — Лично я еще не определилась, какую из сторон поддерживать. Что до моих близких, то я считаю, что семейный обед не место для политических дебатов. Я не хочу, чтобы под этой крышей бушевали политические штормы, и сделаю все ради мира и спокойствия в моем доме. Уверена, мистер Адамс, вы меня поймете.

Адамс с улыбкой уступил хозяйке.

— Нечасто слышишь столь четко выраженную мысль, мэм. Считайте, что моя поддержка вам обеспечена — политические бури вашему дому не грозят.

Разговор выдохся, и Энн почувствовала себя неловко. Она не привыкла читать нотации гостям. Но эти люди перевернули вверх дном весь Бостон, и ей не хотелось, чтобы они втянули в свои дела Джареда.

Политические разногласия между Англией и ее американскими колониями были

опасны для нормальной жизни Бостона по многим причинам. Так лавина сносит на своем пути все и вся. Энн знала: ей эту грозную силу не остановить, но она не собиралась отказываться от своей семьи, без боя покоряться неизбежному. Вместе с тем она понимала: битва почти проиграна.

Первое время — Джаред как раз находился в море — Энн Морган не разрешала сыновьям говорить дома о политике. Но после возвращения мужа (а он был увлечен происходящим), ей пришлось отступить. Поначалу она делала все, чтобы споры мужчин не выходили за пределы кабинета. Это продолжалось менее недели. Затем политические дебаты выплеснулись в холл, в гостиную и, наконец, в столовую. Уступив безумию, она потеряла дом, но отказалась сдавать последний плацдарм — столовую. До сих пор мальчики и Джаред не посягали на этот островок тишины и покоя. Но сегодня черная тень накрыла и его.

Энн глянула на близнецов, сидевших в конце стола. Ее испугал не спор мальчиков, а ненависть в их глазах и голосах. Что станет с ее детьми, когда вместо слов в ход пойдут пули? С королевскими войсками схватятся не эти джентльмены, а Джейкоб и Исав. И что будет с Джаредом? Останется ли он в стороне? Едва ли. Ее муж был не из тех, кто сидит сложа руки, когда жизнь требует действий. Он привык к риску, и возраст ему не помеха. Так что пусть господа Хэнкок, Купер и Адамс считают ее нелюбезной хозяйкой.

— А я благодарна Энн за то, что она избавила нас от этого ужасногоразговора! — внезапно прервал тишину веселый голос. — В конце концов, господа, — шутливо сказала Мерси, — есть вещи, недопустимые на званом обеде. Помните, чему вас учили?

Молодая женщина озорно улыбнулась и приняла нарочито чопорную позу. Затем, убедившись, что все смотрят на нее, нараспев начала повторять то, что не раз приходилось слышать бостонским мальчишкам от матерей:

— Никогда не садитесь за стол без приглашения. — Поучительное покачивание изящным пальчиком. — Да еще не прочитав молитвы. Ничего не просите; ждите, пока вам предложат. Не разговаривайте. Хлеб не кусайте — ломайте. Соль берите только чистым ножом. — Она подняла нож. — Не макайте еду в солонку. — Она изобразила сердитый взгляд. — Нож держите наклонно, кладите его справа от тарелки, лезвием на тарелку.

Мерси Рид Морган любила повеселиться. Она была падка до развлечений и в обществе просто расцветала. Мерси была на три года моложе близнецов. Впервые Джейкоб и Исав увидели ее на балу. Вечные соперники, они тотчас начали сражаться за ее благосклонность. Поначалу никому и в голову не приходило, во что это выльется.

Хотя Энн отказывала невестке в уме, сегодня ее шутки пришлись как нельзя кстати. Хэнкок определенно получал удовольствие от этой лекции по этикету. Он усмехался, разглаживая складки на своих черных атласных панталонах и оправляя белые шелковые чулки. Доктор Купер вел себя более сдержанно, а Сэм Адамс почти не обращал на молодую женщину внимания. По его глазам было видно, что он все еще находится под впечатлением давешней потасовки. Джаред и близнецы улыбались. Им никогда не приедались остроты Мерси. Выражение лица Исаво встревожило Энн. Взгляд сына указывал на то, что он до сих пор без ума от Мерси. Джейкоб и Мерси были женаты уже десять лет, но Энн не раз замечала, как Исав поедает глазами жену брата. Только бы Джейкоб ничего не заметил, иначе ссоры не избежать.

А Мерси между тем продолжала свою лекцию:

— Не пяльте глаза на обедающих! — Она опустила голову и метнула кокетливый взор

на гостей. Встретившись с ней взглядом, Хэнкок расхохотался и зааплодировал. — Не наедайтесь до отвала. — Мерси удовлетворенно похлопала себя по талии. — Не пойте! Не хмыкайте! Не ерзайте! Не плюйте на пол... ну разве что в углу...

Тут рассмеялся даже Адамс.

Мерси была довольна тем, что на нее обратили внимание.

— Не ешьте слишком быстро и жадно! Не чавкайте, не щелкайте языком, не втягивайте в себя с шумом суп, не сопите. Не обнюхивайте кушанье, не подносите его к носу. Если еда вызывает у вас отвращение, не бросайте ее под стол! — Мерси подняла скатерть и швырнула воображаемый кусок на пол. Закончив представление, она сложила изящные руки на коленях, как и приличествовало истинной леди; лицо молодой женщины приняло ангельское выражение.

Восторженные аплодисменты Джона Хэнкока вынудили и других гостей вежливо похлопать. Мерси отблагодарила их легким кивком. Это тоже было частью представления.

Затем доктор Купер затронул далекую от политики тему.

— У Энн и Джаред великолепная коллекция китайского фарфора, — обратился он к Хэнкоку и Адамсу. — Взять, к примеру, эти тарелки.

Адамс и Хэнкок, сдвинув в сторону телятину и овощи, покорно принялись разглядывать свои тарелки. Бирюзовый и красно-черный эмалевый узор был нанесен на белые тарелки поверх глазури. В центре тарелок над голубой волной поднимались черные пагоды. По краям были изображены четыре маленькие пагоды, разделенные четырьмя красными завитками с надписями. Хотя фарфор сменил оловянную посуду почти на всех столах Бостона, столовый сервиз Морганов был одним из самых изысканных в городе.

— Прекрасно, — изрек Адамс.

А вот на богача Хэнкока тарелки, судя по всему, не произвели особого впечатления. И тогда доктор Купер обратился к хозяйке дома:

— Энн! — сказал он взволнованным голосом. — Покажите им вазу... ну ту, яйцо дрозда.

Энн вопрошающе глянула на мужа. Тот кивнул.

Спустя минуту женщина вернулась с большой — почти два фута высотой — фарфоровой вазой, с узким, как у бутылки, горлышком. Начав плавно расширяться от горлышка, ваза сужалась у самого дна.

— Такую посуду делают только в одной провинции Китая, — пояснил Джаред. — Это любимая вещь Энн.

Если тарелки оставили Хэнкока равнодушным, то ваза его просто очаровала. Она была покрыта глазурью, переливающейся голубым и бледно-лиловым цветом, и очень напоминала...

— Яйцо дрозда, — широко улыбнулся доктор Купер, — как я и говорил.

— Можно? — Хэнкок поднялся со своего места и протянул к вазе руки.

Энн бережно передала ему свое сокровище. Несколько мгновений Хэнкок, наслаждаясь игрой цвета, осторожно поворачивал вазу. Энн с удовольствием наблюдала за гостем.

Тем временем Сэм Адамс наклонился к доктору Куперу и что-то прошептал. Купер кивнул.

— Дорогая миссис Морган, — сказал он, поднимаясь, — вы, как всегда, были на высоте. Мы с удовольствием провели бы в вашем обществе не один час, но моих друзей ждут срочные дела, — а затем, обращаясь Джареду, добавил: — Не могли бы мы перейти в ваш

кабинет?

Хэнкок вернул вазу хозяйке. Восхищенный взгляд ценителя сменился твердым взглядом делового человека. Мужчины поднялись из-за стола и проследовали за Джаредом в его кабинет; в комнате остались только Мерси и Энн.

Мгновение спустя молодая женщина криво улыбнулась свекрови и выскользнула из столовой.

Бережно держа в руках фарфоровую вазу, Энн Морган замерла перед столом, на котором стояли тарелки с недоеденным ужином. На дне хрустальных бокалов темнело рубиновое вино. Энн понимала, что так называемые срочные дела — всего лишь уловка, которая позволит мужчинам продолжить спор. Словно бы в подтверждение этого из кабинета просочились гневные голоса. Женщина прижала «яйцо дрозда» к груди. Покой оказался иллюзией, причем куда более хрупкой, чем эта ваза. Энн знала: что бы она ни делала, лавина обрушится на ее дом и унесет с собой Джареда и сыновей.

Энн с ужасом думала о страшных последствиях того, что неотвратимо надвигалось на ее семью. Она пыталась сохранить самообладание, не поддаваться страхам, внушала себе, что надежда еще жива. Но это не помогало. Страх такого рода глух к доводам рассудка. Она чувствовала себя маленькой девочкой, которая твердо знает, что под кроватью затаилось чудовище. И чем дольше она стояла в столовой, тем больше ее душил ужас. От бессилия перед ним Энн заплакала. Она не знала, как и когда это случится; но чувствовала, что сегодня члены ее семьи в последний раз собрались за этим столом. Не знающая пощады лавина унесет с собой чью-то жизнь. И быть может, не одну.

Энн тряхнула головой. И громко сказала себе, что это всего лишь дурные предчувствия.

Глава 2

Кабинет Джаред Моргана был во многом похож на кабинеты других бостонских торговцев. Вдоль стен тянулись резные деревянные полки. За их стеклянными дверцами строгими шеренгами выстроились книги; у окна стоял небольшой письменный стол, заваленный бумагами; диван и несколько мягких стульев были выдвинуты на середину комнаты; единственным источником света служила люстра с восемью свечами. На маленьком столике красного дерева лежали две фамильные реликвии — Библия и шахматная доска с расставленными на ней фигурами. Шахматы когда-то принадлежали капитану Деверо, под началом которого Джаред плавал на пиратской шхуне «Голубка». После того как «Голубка» затонула, Джаред не чаял их увидеть вновь, однако спустя годы знакомый моряк Джеймс Мэйджи подарил ему спасенные во время кораблекрушения шахматы Деверо. Даже теперь — по прошествии сорока лет — стоило Джареду взять в руки эти, слегка траченные водой фигуры, и его охватывала тоска по прошлому.

Своей уникальностью кабинет Джаред был обязан прежде всего китайскому колориту. На стенах — зеленоватые обои с нарисованными на них ветвями деревьев и побегам бамбука. Повсюду — фарфоровые кубки, вазы и, конечно, статуэтки: на столе поднялся на дыбы дракон, каминную доску охраняли два китайских воина.

Пока английские колонисты выясняли отношения друг с другом и с метрополией, со стены на них надменно взирал китайский император Цяньлун ^[7]. Во время разговора Джаред невольно взглянул на портрет, подарок знакомого торговца. Императора запечатлели сидящим. На нем была длинная красная мантия, просторные рукава которой полностью скрывали руки повелителя Поднебесной, удобно покоившиеся на круглом брюшке. Длинные усы императора волнами спускались ему на грудь. Маленькая бородка напоминала сосульку; глаза — узкие щелки — вместе с тонюсенькими черными бровями почти врезались в переносицу. Это был нынешний правитель Китая, четвертый император династии Цинь.

«Интересно, что бы сотворил Цяньлун со своими подданными, встань они на путь заговора?» — спросил сам себя Джаред, косясь на высокомерного китайца.

— Решительно не согласен! — горячился меж тем Адамс. — Парламент сбросил с себя маску. Они хотят нас поработить! — Он стоял против Исава и грозил молодому человеку указательным пальцем.

Силы спорящих были неравны. Исав в одиночку выступал против четырех революционеров, отстаивая позицию лоялистов. Джаред пытался сохранять нейтралитет, хотя делать это ему с каждой минутой было все труднее.

То, чему он сейчас являлся свидетелем, больше напоминало политическое хулиганство, а не спор. Хэнкок, Купер и Джейкоб по очереди нападали на Исава. И вот пришел черед самого сильного оппонента — Адамса. Джаред не разделял убеждений Исава, но гордился сыном — как-никак выпускник Оксфорда. Сэм Адамс был опытным спорщиком и одним из влиятельнейших политиков города. Он возглавил бостонских вигов ^[8], выступивших за независимость колоний. В умении подогреть толпу Адамс — истинный политикан и застрельщик — не знал равных. Его инструментами были острый ум и не менее острый язык.

Глядя на Сэмюэла Адамса, никто бы не догадался, что этот человек обладает огромным политическим авторитетом. Он был неприметен, скорее приземист, нежели высок ростом, дурно одет.

Кое-кто в Бостоне и Англии высказывался о его внешности еще резче. Поговаривали, будто один американский художник, близко знакомый с Адамсом, заметил как-то, что если бы он захотел написать портрет дьявола, пригласил бы позировать Сэма Адамса. Политические враги Адамса охотно повторяли этот анекдот.

Сподвижники Адамса расположились прямо за его спиной. Хэнкок горбился на стуле, постукивая по губам пальцами, сложенными домиком. Купер разместился на диване, с которого только что поднялся Адамс. Джейкоб подался вперед, сидя на самом краешке стула; он был готов броситься на защиту своего кумира в любую минуту — хотя Джаред сомневался, что такому опытному политику понадобится помощь.

— В течение одиннадцати лет парламент безобразно с нами обходился! — кипятился Адамс. — Я считаю, что в жилах лондонских тиранов течет черная зависть и злоба. Ни для кого не секрет, что все слои этого старого, загнившего общества разъедает невиданная коррупция! И она контрастирует с высоким гражданским достоинством, которое наглядно продемонстрировали колонии. Парламент открыто заявил, что он рассматривает американские колонии только как источник доходов. Осваивая бескрайние земли ради наживы англичан, мы превращаемся в рабов! Лично я больше не намерен это терпеть! Мы свободные люди! И я не позволю этой коррумпированной нации увлечь нас за собой в бездну!

Доктор Купер в знак согласия энергично стукнул рукой по подлокотнику дивана.

— Слушайте! Слушайте! — с жаром выкрикнул он. Хэнкок торжественно кивнул. Джейкоб победоносно улыбался.

Однако Исав не желал уступать более опытным спорщикам. С детства он имел обо всем на свете свое собственное суждение. Он обстоятельно изучал проблему, делал выводы, а потом действовал в соответствии с ними, не обращая внимания на поступки окружающих и не заботясь ни о чьем мнении на свой счет. Это сослужило ему добрую службу в юности: он сумел избежать многих неприятных ситуаций, в которые то и дело попадали его друзья и брат. Но в последнее время Джаред начал опасаться, как бы самоуверенность Исав не сыграла с ним злую шутку — как подданный Британии он может потерпеть крах. Толпой руководит страсть. Индивидуализм нынче не в моде. Плохо придется тому, кто не присоединится вовремя к большинству.

Готовясь сразиться с Адамсом, Исав расправил плечи. Он был полнее брата — все-таки большую часть жизни он провел, согнувшись над счетными книгами, в то время как Джейкоб трудился в доках. У близнецов были густые каштановые волосы, кустистые брови, широкие носы и раздвоенные подбородки. Бороды и усов они не носили. Но если Исав предпочитал наряжаться в шелка и любил осыпанные пудрой парики, то его брат чувствовал себя уютнее в кожаных штанах. Волосы Джейкоб собирал в пучок и перехватывал их бантом. Взгляд Исав отличался мягкостью и мечтательностью, а вот у Джейкоба глаза были дерзкими и горячими. Правда, сейчас глаза горели как раз у Исав — он возражал против того, как Адамс толковал действия парламента.

— Сэр, неужели вы считаете Англию беспомощной морщинистой каргой, которую может безнаказанно оскорбить любой невежда? Нет, она полная сил молодая женщина, у нее достанет духа и сил наказать своих строптивых детей. Я недавно вернулся из метрополии и могу с полной ответственностью заявить: предпринятые вами шаги были напрасными — Британия не устрашилась. В Америку скоро придут английские военные корабли и войска. Судя по всему, британский лев ^[9]намерен восстановить контроль над

колониями.

Принимая боевую позу, Исав выставил ногу вперед.

— Только подумайте, сэр, — продолжил он, — правильно ли будет рисковать такими ценными приобретениями, как право собственности, свобода и жизнь, единственно ради войны? К тому же самой страшной войны — гражданской? Войны, в основе которой лежит мятеж? И даже не попытаться разрешить противоречия мирным путем? И не попросить единственную силу, способную сделать это, исправить несправедливость? Когда между независимыми государствами возникают разногласия, они для начала пытаются договориться, обмениваются послами, привлекают посредников — никто не кидается в драку очертя голову. Я скорее бы пошел на множество уступок своему родителю — а он их, безусловно, заслуживает, — нежели вызывал бы его на дуэль! Мы же готовы ввязаться в потасовку с государством, нашим родителем, не предлагая никаких условий соглашения, мы даже не соизволим подумать о компромиссе. А как вы, сэр, используете свое перо и способности? Вы предлагает меры, ведущие — и вам это очень хорошо известно! — к ускорению сего скорбного события. Да простит вас Господь. Да дарует Он вам раскаяние и вразумит вас!

После этих слов Джейкоб вскочил на ноги, требуя, чтобы Исав принес Адамсу извинения. Гостям пришлось немало потрудиться, дабы не допустить новой стычки между братьями.

Джаред лишь покачал головой и вздохнул. До чего же нелепо: его сыновья — политические противники, а он сам так и не определился с выбором. Он выходил не один час по кабинету, провел не одну бессонную ночь, пытаясь разобраться в сложившейся ситуации. Конечно, ему не нравились действия парламента — тот, казалось, делал все, чтобы разрушить британскую колониальную систему. К этому Джаред, как и большинство его сограждан, не мог относиться равнодушно. Будучи коммерсантом, он страдал вдвойне: с него брали налог как с потребителя и на него накладывали множество запретов как на поставщика. Тем не менее вооруженное восстание против собственной родины... Нет, это немыслимо! Он был англичанин и гордился этим. Поездив по миру и повидав немало мест — Карибы, Африку, Индию, Китай, — он начал испытывать еще большую гордость за свою страну. Старый капитан не сомневался: британская система управления — лучшая в мире и посягать на нее, участвовать в заговоре против собственного правительства... Нет, это не укладывалось у него в голове!

Хорошо, но до каких пор он может защищать правительство, издающее законы, которые подвергают сомнению само существование колоний? Все бостонские торговцы сходились, по крайней мере, в одном: надо что-то делать! Но что? Нужно ли брать в руки оружие и идти за Адамсом? Хотя Джаред достаточно разозлился, чтобы так и поступить, его разум не позволял чувствам взять над собою власть. Колониям не победить. У Британии лучшая в мире армия, а у колонистов аморфная милиция, сформированная из оборванных добровольцев. Разве они возьмут верх над «красными мундирами»? Только в порядке чуда. А если они все-таки вступят в схватку с англичанами и проиграют? Какие законы примет парламент против мятежных колоний? Джареду и думать об этом не хотелось.

Сама идея вооруженного восстания казалась фантастичной, почти смехотворной. Общеизвестно — колонии просто не способны ладить между собой. Если убрать стабилизирующие силы Британии, начнется полнейшая анархия! Колонии захотят сформировать собственные правительства, и тогда Америка будет напоминать Европу: на ее

территории возникнут постоянно воюющие и враждующие между собой государства.

А кто возглавит Бостон? Сэм Адамс? Вряд ли. Такие, как он, годятся лишь на то, чтобы устраивать беспорядки и подстрекать к революции. Воспользовавшись своим ораторским даром, Адамс заложил бомбы во всех колониях и сейчас готовился привести их в действие. И как не допустить взрыва, если фитили уже подожжены? А когда подойдет время, смогут ли Адамс и его друзья обуздать революцию, которой сами же и способствовали? Сумеют ли создать стабильное правительство и обеспечить долговременный мир? Джаред с сомнением покачал головой.

Старый капитан считал вооруженное сопротивление шагом недалеким. Ломать — не строить. Страх перед хаосом — вот что удерживало его от того, чтобы взять в руки оружие.

Джаред очнулся от своих раздумий и вновь сосредоточился на разговоре. В этот момент Исав — он по-прежнему обращался к Адамсу — грозил пальцем брату.

— Сами-то вы понимаете, за что боретесь? За насилие! Позвольте откровенно заявить: ваши едкие высказывания о действиях парламента находят отклик только у портовых грузчиков, думающие люди за вами не пойдут!

Джареда до такой степени поразила правота Исава, что он чуть было не вскочил со стула, но Адамс остановил его жестом. Все знали, что Адамсу в основном удавалось вербовать в свои ряды малообразованных рабочих — такие люди, как Джейкоб, среди его сторонников встречались редко.

Если Исав, выпускник Гарварда и Оксфорда, унаследовал от деда любовь к знаниям, то Джейкоб предпочитал проводить время в тавернах, в обществе портовых грузчиков. Разность характеров сыновей в какой-то мере была Джареду на руку. Когда мальчики выросли, он смог найти им обоим место в своей компании, да так, что они не пересекались в работе. Джейкоб трудился в доках. А Исав помогал Присцилле вести счетные книги и документацию.

— Все очень просто, мистер Адамс, — продолжил между тем Исав. — Менее двадцати лет назад, когда французы и индейцы угрожали колониям [\[10\]](#), мы поспешили напомнить парламенту, что мы тоже англичане. Нам прислали продовольствие, снаряжение и войска, без этой помощи мы бы не сдюжили. Если бы не наши товарищи, англичане, мы бы сейчас изъяснялись по-французски! И то при условии, что остались бы живы. А кто покрыл все расходы? Парламент! А кто выиграл от увеличивающихся морских перевозок после победы? Торговцы-колонисты, такие, как мистер Хэнкок и моя семья! А сейчас, когда война закончена, и Англия находится на грани финансового краха, мы ведем себя как неблагодарные дети. Нас просят оплатить часть военных расходов — и что же мы? Бряцаем оружием! Я хочу спросить вас, мистер Адамс: желание помочь должно исходить только с той стороны Атлантики? Как можем мы, англичане, считающие себя честными людьми, тянуть руку за помощью в случае нужды и грозить кулаком, после того как нас попросили внести свою лепту в казну страны?

Адамс гневно отверг утверждение Исава, будто в создавшемся положении пострадавшей стороной является Англия, а не колонии.

— Молодой человек, — начал он, — вопрос не в том, благодарны мы или нет. В вашей интерпретации парламент не похож на себя. Относись он к нам как к англичанам, мы бы выполнили что должно и даже более того! Проблема не в верности короне, а в том, что в парламенте некому защищать наши интересы. Нас не просят о помощи, от нас ее требуют.

При этом мы не имеем права участвовать в дебатах, зато нас обложили дополнительными налогами. Англичане, будто карманники, влезли к нам в кошельки, забрали без нашего на то согласия наши же денежки! А теперь ответьте мне, разве от того, что мы живем в Новой Англии [\[11\]](#), мы лишаемся права представительства? Я скажу — нет. Имеем ли мы те же права, что и англичане? Нет. И каков результат? Парламентарии устроили сговор, чтобы издать ряд законов, касающихся исключительно колоний, но не метрополии.

Адамс загибал пальцы, подсчитывая обиды, нанесенные парламентом колониям.

— Во-первых, был издан закон о золотом стандарте. Одним росчерком пера парламент признал, что наши денежные знаки не являются законным платежным средством. И как после этого мы должны выплачивать долги, ведь деньги колоний недействительны? Затем, зная, что наши запасы золота и серебра крайне скудны, парламент запрещает вывоз слитков из Англии в Америку. Результат? От нас ждут, что мы выплатим значительную часть долгов из нашего скудного денежного запаса. Далее. Желая увеличить налоги, англичане проводят закон о сахаре. Конечно, увеличение налогов — их право. Но для чего нужно было лишать нас, тоже англичан, прав: принудительно заменять назначенных королем судей на присяжных, объявлять, что подозреваемый считается виновным до тех пор, пока не докажет обратное? Как видите, молодой человек, дело не в деньгах, а в гражданских правах. Мы, как граждане Англии, теряем свои права.

Исав начал было что-то говорить, но Адамс поднял руку, останавливая его.

— Я не закончил, — отчеканил он. — А еще был закон о гербовом сборе — самый чувствительный для нас удар. По этому закону все официальные документы необходимо заверять зарегистрированной печатью. Естественно, предполагалось, что нам придется платить за заверку документов — а это еще один налог! Этот налог также применим к газетам, брошюрам, альманахам, азартным играм. Учитывался ли наш голос при принятии закона о гербовом сборе? Нет! Парламент все решил за нас и без нас. А если мы возражаем? На этот случай закон предусматривает следующее: нас будет судить назначенный королем судья, а не присяжные! Таким образом, у нас отобрали еще одно право гражданина.

Адамс загнул четвертый палец.

— Далее следует закон о постое войск, по которому общественные гостиницы, таверны, пустующие здания и сараи могут без нашего согласия использоваться для размещения солдат. Как только закон был принят, парламент перевел войска из западных районов к нам и расквартировал их в городах. Наши города наводнили военные; как и в предыдущих случаях, согласия колонистов не спрашивали.

Для пятого пункта Адамс использовал большой палец.

— Потом ввели новые налоги на стекло, свинец, краски и бумагу, на чай. Нам было сказано, что эти продукты можно покупать только в Англии, а пошлину следует платить золотом или серебром.

Следующий палец пришлось загибать уже на второй руке (делая это, Адамс улыбался).

— Ну и наконец, закон о чае — парламент принял документ, обязывающий нас спасти погибающую Ост-Индскую компанию. В действительности парламент попытался предоставить лояльным к нему торговцам чайную монополию на нашем рынке. Мы, как и следовало ожидать, воспротивились, и теперь чай тот покоится на дне залива.

— Позорное деяние! — взорвался Исав. — Неужели вам не ясно, что, совершив это плохо замаскированное под нападение индейцев бесчинство, вы вынуждаете короля действовать? Устраивая беспорядки и прибегая к кровопролитию, мы демонстрируем всему

цивилизированному миру свою неспособность к самостоятельному ведению дел! Я как раз находился в Англии, когда король высказался по поводу вашего отвратительного «Бостонского чаепития» ^[12]. Вы слышали его речь? Цитирую: «Мы должны либо подчинить их себе, либо отказаться от них вовсе и относиться к ним как к иностранцам».

— Я бы предпочел второе, — ухмыльнулся Адамс.

— Разве вы не видите, к чему привели ваши бесчинства? — Теперь пришел черед Исава загибать пальцы. — Во-первых, бостонский порт закрыт для всех судов до тех пор, пока Ост-Индская компания не получит компенсацию за чай и не вернет пошлину, уже заплаченную за него. Во-вторых, губернатору предоставили больше полномочий, и теперь он может запретить общественные собрания. В-третьих, все официальные лица, подозреваемые в этом преступлении, будут отправлены в Англию и там осуждены. И последнее: отныне королевские войска могут занимать не только таверны и пустующие здания, но и частные дома! Вот и выходит, мистер Адамс, что ваши насильственные действия обернулись против вас! Вы не улучшили наше положение, вы его ухудшили! Мы не только не отстояли свои права, но и многое потеряли!

На лице Адамса расцвела широкая улыбка. Она была искренне теплой. Без всякой тени злобы или неприязни.

— Совершенно ясно, что вы не станете моим приверженцем после сегодняшнего вечера, мистер Морган, — произнес он. — Все, что я могу сказать в свою защиту, — я каждый день молю Бога, чтобы в эти трудные времена небеса указали нам верный путь.

Исав не ответил на улыбку.

— процитирую мистера Локка ^[13], которого вы, революционеры, столь высоко цените. «Тот, кто обращается к небесам, должен быть уверен в своей правоте».

После этих слов доктор Купер поднялся со стула и, встав рядом с Джаредом, произнес спокойным голосом:

— Нам еще предстоит обсудить кое-какие вопросы, но, — кивок в сторону Исава, — боюсь, это дело строго конфиденциальное.

— Исав, Джейкоб, — обратился к сыновьям Джаред, — прошу нас простить...

— Джейкоб может остаться, — шепнул Купер на ухо капитану. Однако тот думал иначе.

— Так будет лучше.

Дождаясь ухода сыновей, Джаред стоял, придерживая дверь. Исав учтиво поклонился каждому гостю по отдельности. На пороге его остановил отец.

— Едешь в Кембридж?

Исав кивнул.

— К нам заселяется новый постоялец, очень одаренный парень. Я обещал присутствовать при переезде.

Одной из первых побед Джареда над его врагом Дэниэлом Коулом была покупка родового гнезда Морганов на реке Чарльз. В этом доме поселились Филип и Присцилла. И хотя Филип предпочитал жить среди наррагансетов, а Присцилла и Джаред — в Бостоне, они решили сохранить старый отцовский дом. Филип предложил превратить его в пансион для лучших студентов Гарварда. Это было сделано в память об их отце, долгие годы преподававшем в университете. Жильцам предоставлялась отдельная комната с письменным столом и прекрасная библиотека. Морганы наняли прислугу — повара, горничную, дворецкого — и преподавателя, присматривающего за молодежью. Всеми делами в пансионе ведал Исав. У него там была комната. Если позволяло время, он не без

удовольствия участвовал в студенческих дискуссиях, которые частенько — особенно во время подготовки к экзаменам — затягивались за полночь.

— Завтра мы с Присциллой собираемся просмотреть счетные книги. Приедешь?

— Конечно. На этот раз я не задержусь. — И, пожелав отцу покойной ночи, Исав вышел из кабинета.

Дождаясь ухода Джейкоба, капитан продолжал стоять в дверях. Меж тем Адамс придерживал молодого человека за локоть и что-то нашептывал ему на ухо. Джейкоб кивал в знак понимания.

И тут Джаред уловил краем глаза какое-то движение в дальнем конце коридора. Исав был уже у входной двери. В эту самую минуту зашуршали юбки, и женская рука втащила молодого человека в гостиную. Вскоре он вновь появился в коридоре; на его губах блуждала легкая улыбка. Но едва Исав глянул в сторону кабинета, улыбка погасла. Из гостиной выскользнула Мерси. Громко пожелав Исаву спокойной ночи, она кивнула ему и взбежала вверх по лестнице. Молодой человек еще раз попрощался с отцом и поспешил к выходу. Джаред повернулся и увидел прямо перед собой озабоченное лицо Джейкоба.

— Доброй ночи, отец, — выпалил молодой человек и опрометью бросился на улицу.

— Я отправил Джейкоба в таверну «Зеленый дракон», — объяснил Адамс, хотя Джаред счел это излишним. — Меня там ждут джентльмены. Ваш сын любезно согласился передать им мои извинения и объяснить причину задержки.

Услышав слово «джентльмены», старый капитан мысленно улыбнулся. «Зеленый дракон» был излюбленным местом сбора Комитета безопасности, организации с дурной репутацией — ее члены отличались как раз неджентльменским поведением. Большинство из них были рабочие и матросы. Они обожали слушать разглагольствования Сэма Адамса о революции; вешали чучела общественных деятелей; поднимали серьезных людей с постели, чтобы досадить им, и участвовали в развлечении с дегтем и перьями.

— Джаред, — произнес отеческим тоном доктор Купер и положил руку на плечо хозяина дома, — нам нужна ваша помощь.

— Я вас слушаю.

Преподобный обернулся к Адамсу. Тот прочистил горло, взглянул на Джареда и сказал:

— Мы хотим, чтобы вы съездили в Лондон и понаблюдали там за Франклином [\[14\]](#).

— Бенджамином Франклином?

Гости одновременно кивнули.

Мужчины снова сели. Адамс и Хэнкок устроились на диване, а доктор Купер и Джаред расположились против них на стульях.

— Вы хотите, чтобы я шпионил за Бенджамином Франклином?

— Да не хотим мы этого! — с сердцем воскликнул доктор Купер и широко развел руками, как бы показывая, что ему нечего скрывать. — Нам нужен беспристрастный наблюдатель. Человек, который будет нашими глазами и ушами в парламенте. Вы подходящая кандидатура, Джаред. Все очень просто.

«Беспристрастный наблюдатель». Джаред задумался над словами Купера. И все же для него это было шпионажем и ничем другим. Отрицательно покачав головой, он дал понять, что предложение принято не будет.

— Помните тот давний скандал, — как ни в чем не бывало продолжил Купер, — ну тот, что разгорелся из-за публикации частных писем губернатора Хатчинсона? [\[15\]](#)

Джаред кивнул.

— В них мистер Хачинсон утверждал, — сказал он, — что низшими сословиями должны управлять люди благородного происхождения.

— Совершенно верно, — подтвердил Купер. — Возможно, вы также помните, что эти высказывания губернатора вызвали вспышку негодования и спровоцировали массовые беспорядки.

— И эти люди были во всех отношениях правы, — горячо вмешался Адамс, подавшись вперед. — Подобные заявления направлены на то, чтобы мы не могли представлять свои интересы в правительстве!

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул Хэнкок.

Доктор Купер выразительно глянул на этого ярого поборника свободы, а потом продолжил:

— Вообще-то, эти разоблачения не только помогли нам, но и подорвали наше единство.

— Что вы имеете в виду? — осведомился Джаред.

Прежде чем ответить, доктор Купер бросил вопросительный взгляд на своих товарищей. Джареду показалось, что с ним собираются поделиться какой-то конфиденциальной информацией. Адамс кивком дал на это согласие, Хэнкок промолчал.

— Эти письма, — сообщил Купер, — были добыты Франклином.

Джаред кивнул.

— Знаю. Из-за этого он нажил себе врагов в Англии и потерял должность генерал-почмейстера колоний.

— А вот чего вы не знаете... — не выдержал Хэнкок. Но Купер жестом заставил его остановиться.

— Чего вы еще не знаете, — подхватил он, — так это того, что Франклин согласился передать эти письма на особых условиях. Он запретил делать с них копии; иными словами, с ними могли ознакомиться только несколько влиятельных колонистов. Затем письма были возвращены в Англию.

— Содержание этих писем нужно было придать гласности! — загремел Адамс.

И тут Джаред начал кое-что понимать. Значит, это Адамс прочел письма в Массачусетской палате представителей. А Хэнкок, судя по всему, был тем самым человеком,

в руки которого попали тщательно сверенные с оригиналами копии писем.

Тем временем доктор Купер продолжил своим негромким, спокойным голосом:

— В результате возникли разногласия между нами, — он кивком головы указал на Адамса, — и Франклином. Надо ли говорить, что доктор Франклин больше не может быть для нас надежным источником информации. А мы сейчас, как никогда, нуждаемся в наиточнейших сведениях из Англии. Вот почему мы обратились к вам. Как коммерсант вы пользуетесь уважением по обе стороны Атлантики. От вас требуется немного: поехать в Англию, предложить свою помощь доктору Франклину в качестве человека, хорошо разбирающегося в торговых интересах колоний, и сообщать нам все, что увидите и услышите.

Закончив излагать суть дела, Купер сел на место и терпеливо принялся ждать.

Джаред поднялся со стула и подошел к небольшому — чуть выше колен — круглому столику красного дерева. Погрузившись в раздумья, старый капитан рассеянно постукивал кончиками пальцев о край столешницы и скользил глазами по комнате. И хотя гости внимательно следили за каждым движением хозяина дома, ни один из них не нарушил тишины, понимая, что решение еще не принято.

Непроизвольно рука Джареда коснулась раскрытой книги, лежавшей на столике. Это была фамильная Библия Морганов; в 1630 году ее привез из Англии их предок Эндрю Морган. Библия эта являла собой своеобразный символ веры семьи. В том, что она оказалась здесь, в кабинете, старый капитан увидел знак провидения. Ведь от его ответа зависит дальнейшая жизнь Морганов.

Час пробил. Раздумывать больше нельзя. Сохранят ли Морганов преданность британской короне или присоединятся к мятежникам и вверят свою судьбу случаю?

Пальцы Джареда машинально погладили страницу Библии, и этот простой жест помог ему стряхнуть с себя оцепенение. Когда-то эта книга принадлежала епископу Лоду [\[16\]](#) — человеку с очень дурной репутацией. Он подарил ее Эндрю Моргану для того, чтобы обмениваться с ним секретными посланиями, — Лод вместе с Энди пытался найти и уничтожить пуритан [\[17\]](#). Но потом произошло событие, коренным образом изменившее ход их жизней. Бог даровал Энди прозрение. Глаза юноши открылись. Он ясно увидел, что намерения его покровителя злобны, а вера людей, которых он преследовал, искренна. Так уж случилось, что в это же время пуританам наконец-то было разрешено покинуть Англию, а епископ Лод утратил свое влияние. И та самая Библия, что лежала сейчас на столике, та, что использовалась когда-то юным шпионом Энди, стала руководством в его жизни и послужила основой всего того, за что боролись Моргановы.

Эту Библию Эндрю взял с собой в Америку. А потом она самым загадочным образом исчезла вместе с его сыном, Кристофером, — он проповедовал христианство индейцам. Про Библию забыли. Несколько поколений Морганов даже не догадывались о ее существовании. Но вот однажды какой-то человек обнаружил у себя на чердаке дневник Энди и принес его отцу Джареда. В дневнике говорилось о фамильной Библии Морганов и ее значении для семьи. И тогда Бенджамин решил посвятить свою жизнь поискам утерянной реликвии. В конце концов ему удалось выяснить, где она находится. К несчастью, прежде чем он успел удостовериться в своей правоте, его убили. Филип, старший брат Джареда, продолжил дело отца и нашел не только саму Библию, но и совсем уже дряхлого Кристофера Морганов — первенца Эндрю и Нелл Морган, — который все эти годы жил среди индейцев. После того как мечта Бенджамина осуществилась и Библия вернулась в семью, Филип передал ее на

хранение брату; причем сделал это в полном соответствии с ритуалом, установленным Эндрю Морганом. Тем самым он возложил на брата ответственность за духовное наследие Морганов. Эта ответственность тяжелым грузом легла на плечи Джареда еще в ходе церемонии; и сейчас, тридцать лет спустя, давила на него все больше и больше.

Меж страниц Библии лежал белый кружевной крестик. Его сплела своими руками возлюбленная жена Эндрю, Нелл. Она родилась и выросла в небольшом английском городке Эденфорд; там же она встретила Эндрю и полюбила его.

И тут Джареда как громом поразила одна мысль. А ведь Морганам не впервой противоречить англичанам. «Интересно, что бы подумал Эндрю обо всех этих разговорах про революцию? — мысленно спросил сам себя Джаред. — Согласился бы на предложение Купера?»

— Я не политик и не юрист, — начал он. — И ничего не смыслю в парламентских процедурах. Я просто растеряюсь.

— Все, что от вас требуется, — ответил Адамс, — это сообщать нам о том, что вы увидели и узнали. Мы сами решим, что важно, а что нет.

— Не получится. Франклин никогда не доверится незнакомцу.

Доктор Купер — а он уже много лет был близким другом Франклина — предложил написать рекомендательное письмо. В нем будут указаны причины, по которым Джареду надо находиться в Лондоне, а именно: он должен представлять интересы коммерсантов и помогать Франклину — ведь тот далеко не молод и не очень здоров.

И снова Джаред не согласился.

— Я всего лишь на три года его моложе.

— Дело ведь не в возрасте, — возразил Хэнкок. — Вы намного крепче Франклина. Да и потом, он скорее доверится человеку одного с ним поколения.

В комнате опять повисла тишина. И вновь взгляд Джареда упал на Библию. Даже спиной он чувствовал, как гости поедают его глазами.

— Я ваш друг и министр, — прервал молчание Купер. — Поверьте, Джаред, мы не обратились бы к вам за помощью, если бы это не было жизненно необходимо для нашей страны. — Последовавшая за тем продолжительная пауза придала вес его последним словам. «Наша страна». Не Англия. Эти трое больше не считали себя англичанами. — Джаред, пришло время решать, с кем вы.

И снова воцарилось молчание.

Кем же он будет: патриотом Англии или патриотом Америки? Пальцы старого капитана коснулись Библии — Исход, Числа, Иисус Навин, Псалмы. Теперь Джаред знал, что делать.

Библия помогла найти ответ, который так долго ему не давался. Джаред обнаружил его не в каком-то конкретном тексте, а в широком видении истории, представленном в книгах Ветхого Завета. Старый капитан мысленно пролистнул эти книги; их объединяла одна тема — свобода. Ради нее Господь вывел израильтян из египетского рабства. Но не только Ветхий Завет напоминает людям о свободе. Разве не говорил Иисус в синагоге, что Господь пришел освободить узников? А страстное послание Павла галатам? Разве не он сказал, что Христос дал верующим свободу? И если Джаред все помнит правильно, апостол предупреждал христиан: не позволяйте более поработать себя. Свобода! Господь желает, чтобы Его люди жили свободными.

Все содержание лежащей на столике Книги давало ответ на вопрос Джареда, оставалось

лишь произнести «Аминь». Ведь не за чем иным, как за свободой отправился Энди Морган в Америку. Ведь ради свободы от рабства греха и смерти умер на кресте Иисус, о чем так трогательно напоминает кружевной крестик, лежащий меж страниц фамильной Библии Морганов. Библия разговаривала с Джаредом. И говорила она о свободе. То был крик Божьих людей из темниц Египта. Свобода. Божественное провидение для Его детей с начала времен. Свобода. Основа духовного наследия семьи Морган. Свобода.

— Все верно, — тихим, еле слышным голосом произнес старый капитан, а затем твердо добавил: — Я еду в Англию.

Когда Джаред объявил жене о том, что он спешно отплывает в Англию, та не произнесла ни слова. По опыту старый капитан знал: Энн сердится.

Проводив гостей, он поднялся на второй этаж, в спальню. Хотя покрывала с кровати работы Чиппендейла [18] были сдернуты, она пустовала. Энн уже переоделась ко сну и сидела за маленьким письменным столом в углу комнаты.

Ничем не приукрашенная естественная красота жены по-прежнему волновала Джареда. Воспоминания об Энн служили ему единственным утешением в длительных морских походах. Легкие рыжие волосы свободно рассыпались по плечам женщины, светлая кожа лица и рук отражала пламя свечи; Энн что-то писала. Даже в зрелом возрасте она сохранила невинность юности. Вместе с тем — и Джаред обнаружил это много лет тому назад — не стоило принимать эту невинность за отсутствие характера. Энн была стройной, невысокой, на редкость умной женщиной. Джаред был обязан ей самыми лучшими минутами в жизни.

Под бумагой, на которой писала Энн, в беспорядке лежали какие-то листки. Свечи, стоявшие по углам стола, отбрасывали перекрещивающиеся тени на страницы. Тишину нарушал только легкий скрип пера. Это было любимое время Энн — между вечерней трапезой и сном. В эту пору она садилась за свои стихи.

Но так было не всегда. Привычка сочинять вечерами родилась из страха. В течение многих лет Джаред уходил в море; впрочем, страхи Энн просыпались по ночам еще до замужества — в те годы она жила с Присциллой, сестрой Джареда. Как только темнело и произносились пожелания доброй ночи, она начинала чувствовать себя очень уязвимой и одинокой. Оттягивая момент отхода ко сну, она старалась занять разговором Присциллу, посидеть с ней подольше. Но это было неудачное решение. Разве можно каждый вечер разговаривать до изнеможения? Тогда Энн сменила тактику. Пытаясь быстрее заснуть, она сразу же ныряла в постель, зажмурировала глаза и заставляла мир страха и тьмы отступить перед миром сновидений. Однако вскоре она обнаружила, что граница между сном и явью труднопреодолима.

Вот тогда на нее и снизошло откровение. Она поняла, что тот, кто жаждет сна, вряд ли его обретет, равно как и те, кто борется с ним, неизбежно сдаются. И словно воин, обнаруживший убежище врага, Энн придумала, как перехитрить сон, воспользовавшись его же коварным характером.

Каждый вечер она, преисполненная решимости бодрствовать всю ночь, брала с собой в постель стопку книг. И энергично принималась за чтение. Очень скоро ее начинала одолевать дремота, и книга выпадала из рук. План работал. Сон, который она уподобляла птичке, вырезанный на пологие ее кровати, порхал где-то рядом. Но следующий шаг требовал от Энн осторожности и терпения — сон нельзя было спугнуть.

Она пристраивала книгу на согнутые колени и не поддавалась дремоте. Она читала.

Читала до изнеможения, пока могла помнить предыдущую главу, пока буквы не превращались в размытые точки. Сон слетал с полога и осторожно приближался к ней. Теперь она старалась не делать резких движений. Многие люди совершают ошибку именно в этот момент, думают, что вот-вот уснут. Они откладывают книгу и задувают свечу, но уже в следующую минуту обнаруживают, что сна нет ни в одном глазу — он сбежал в дальний угол и дразнит оттуда своей недосягаемостью.

Энн не позволяла проделывать с ней этот трюк. План Энн в том и состоял, чтобы заставить сон захотеть ее — пусть прилетит и унесет ее с собой. Она продолжала читать.

Энн проговаривала вслух слова до тех пор, пока ее губы могли шевелиться. Она отгоняла сон, билась в его когтях, боролась, пока он ее не одолевал.

Вскоре она обнаружила, что может засыпать не только читая, но и сочиняя. Однажды — она как раз сидела над Псалмами — ей захотелось писать. Решив набросать кое-какие строки немедля, пока не забыла, она поднялась с постели и взяла в руки перо. Энн была довольна: утром замысел стихотворения не сотрется из памяти. Но, вернувшись в постель, она поняла — стихи не хотят ее покидать. Даже лежа, она продолжала сочинять — и тут к ней подкрался сон. Энн пыталась бороться. Но, верный своим обычаям, сон одолевал ее тем успешнее, чем старательнее она его отгоняла. А на следующее утро, как она ни старалась вспомнить свои вчерашние мысли, у нее ничего не выходило. Последние строфы стихотворения были потеряны навсегда.

То стихотворение так и осталось ненаписанным, зато родилась привычка. Выяснилось, что если Энн работает над стихами вечерами, ее душа сближается с Богом и находящимся в плавании мужем. Больше ей было незачем расставлять силки и заманивать в них сон: Энн успокаивало сочинение стихов. Мысли о Боге и любви согревали женщину — отныне она могла преодолеть тонкую грань между сном и явью без особых усилий. С тех пор вечер стал для Энн Морган самым продуктивным временем суток. Она продолжала писать и тогда, когда Джаред находился дома.

И именно это благословенное время старый капитан выбрал для недоброй вести: он уезжает в Англию.

Энн Морган отложила перо. С минуту, сохраняя бесстрастное выражение лица, она думала о том, что ее ждут долгие одинокие ночи. Затем встала и подошла к окну.

— Энн, — тихо сказал Джаред, — мы хотя бы можем это обсудить?

Морской сундук Джареда — его принес молодой темнокожий слуга — с грохотом опустился на пол. Почувствовав напряжение хозяев, слуга поспешно ретировался.

Энн обернулась и взглянула на сундук.

— А что обсуждать? Ты ведь уже все решил. Приятного путешествия, капитан. — И она снова повернулась к окну.

— Это не так, Энн. — Джаред сделал паузу, надеясь, что жена проявит к его словам хоть какой-то интерес. Однако она молчала. И ему пришлось продолжать самому: — Знаю, я обещал не уезжать. И я намеревался сдержать свое слово. Но я ведь не мог предвидеть подобного развития событий. Это совсем другое!

Он снова помолчал. Но Энн по-прежнему не обнаруживала желаний говорить.

— Совсем другое, — повторил Джаред, — на этот раз я буду пассажиром. Речь идет о дипломатической миссии.

У Энн пробудилось любопытство. Она повернулась к мужу лицом. Ей представлялось, что Джареда попросили перевезти в колонии боеприпасы и порох с Карибских островов. Ни

для кого не было секретом, что колониальная милиция собирает и складывает оружие и продовольствие в маленьких городах вроде Медфорда и Конкорда. Между тем в прошлом сентябре арсеналы в Медфорде были захвачены войсками генерала Гейджа [19]. В доках поговаривали, что Комитет безопасности хочет возместить эти потери.

Когда Джаред заговорил о поездке в Англию, Энн поняла, что ее догадки неверны, но она так разозлилась на мужа, что предпочла пропустить его слова мимо ушей. И вот теперь она была заинтригована.

— О дипломатической миссии? — переспросила Энн.

Джаред внутренне улыбнулся. Главное — жена внимательно его слушает. Теперь нужно убедить ее в неизбежности поездки.

— Если подробнее, я должен помочь доктору Франклину.

— Но ведь это какая-то бессмыслица. Почему ты? Ты не дипломат.

Замечание Энн задело Джареда за живое. Он хотел ей напомнить, что капитану корабля необходимо обладать немалыми дипломатическими способностями: ему приходится создавать и поддерживать добрые отношения с поставщиками, заключать контракты с экипажем, разрешать конфликты в море, умиротворять администрацию порта... Однако после минутного размышления он пришел к выводу, что переубеждать Энн попросту некогда.

— Доктор Франклин прекрасно справляется с дипломатической частью. Я буду помогать ему в коммерческих вопросах.

Лицо Энн осветила слабая улыбка. Ее впечатлили слова мужа.

— Не знала, что ты знаком с Франклином.

— А я и не знаком.

— В таком случае, почему он попросил тебя стать его помощником?

Джаред опустил глаза и облизал губы.

— Он не просил. То, что я могу быть ему полезен, решил его близкий друг, доктор Купер. — Джаред пожал плечами. — Понимаю, это звучит глупо, но я не могу сказать больше. Поверь, тебе лучше остаться в неведении — на тот случай, если в Бостоне начнутся беспорядки.

Улыбка Энн погасла. Она гневно вскинула руки и принялась их безотчетно потирать. Эта хрупкая женщина не любила, когда к ней относились как к ребенку. Этому она научилась у Присциллы, сестры Джареда, которая ни в чем не желала уступать мужчинам.

— Как долго ты, будешь отсутствовать? — только и спросила она.

Этого вопроса Джаред боялся больше всего.

— Не знаю, — признался он. — Пока не знаю. — Старый капитан внутренне молился, чтобы жена его поняла.

— Ясно, — Энн взглянула на свои руки и только тут осознала, что делает. Она тотчас опустила их вниз, рассердившись на себя за то, что так откровенно выказала свою тревогу. И снова отвернулась к окну.

— Энн, — взмолился Джаред. Подойдя к жене, он обнял ее за плечи, зарылся лицом в ее волосы. Их запах был приятным, сладковатым. Сколько раз он, вслушиваясь ночью в скрип корабля, кутался в спасавшее от пронизывающего морского холода одеяло и мечтал об Энн; сколько раз думал, суждено ли ему вновь вдыхать аромат ее волос. Лишь сейчас Джаред отчетливо осознал, до чего же ему не хочется ехать в Лондон. Но у него не было выбора. Это дело чести.

— Мне не хочется уезжать, — шепнул он. — Ноя обязан, Энн, обязан. Лышу себя надеждой, что сумею помочь уладить спор мирно. Тогда мы избежим войны. Во всяком случае, мне хотелось бы на это надеяться.

— Ты и впрямь считаешь, что это возможно? — спросила Энн тихо. Ее голос был холоден. — Помнишь сегодняшний обед? Мальчики чуть не разодрались! А Адамс с дружками все время их подзуживали. Повсюду: в газетах, на рынках, в церквях — звучат подстрекательские заявления. Неужели ты думаешь, что Адамс удовлетворится мирным соглашением?

— Я должен попытаться.

Внезапно Джаред почувствовал, что его жена дрожит. Тогда он заключил ее в объятия и поцеловал в шею. Энн продолжала дрожать.

— Джаред, мне страшно, — призналась она. — После сегодняшнего обеда у меня возникло такое чувство, будто нам больше не быть семьей. Я не могу объяснить, откуда оно взялось. Но оно было сильным. Очень сильным.

Джаред еще крепче стиснул ее в объятиях.

— Бояться естественно, — шепнул он Энн на ухо. — Я и сам боюсь. Нам остается только просить Господа не лишать нас в эти тяжелые времена Своей поддержки.

Энн молчала.

Старый капитан прижался щекой к волосам жены, его губы почти касались ее уха.

— Господи, — произнес он вслух, — Ты же знаешь: Энн заслуживает большего. Она свое уже отстрадала. Она заслужила мужа, который бывает дома дольше, чем отсутствует. Господи, Тебе известны мои помыслы. Я ничего другого не хочу в этой жизни, как только быть рядом с ней. Но по причинам, известным Тебе одному, Ты даровал нам жизнь во времена беспокойные. На улицах нашего города царит злоба, наша колония, наша семья балансируют на грани войны. Нам не дано предугадать будущее, Господи. Но мы знаем одно: мы в Твоих руках. — Голова Энн склонилась на плечо мужа. Ее лицо было мокрым от слез. Джаред понял: Энн присоединилась к его молитве. Молиться в тяжелые минуты жизни вошло у них в обычай еще со свадьбы. — И, Господи, я молю тебя за Джейкоба и Исава. Если пламя полыхнет и начнется война, прошу Тебя, защити их. А еще, Господи, пошли мне мудрость в лондонском предприятии. Мое самое искреннее желание — сохранить мир на нашей земле. Но если мой отъезд сделает несчастной ту, кого я люблю больше жизни, цена будет для меня непомерной. Прошу Тебя, Господи, укажи мне Твою волю. Аминь.

Как только смолк звук его голоса, свою молитву начала Энн:

— Господи, сделай поездку моего мужа безопасной. Позволь ему принести мир в нашу несчастную колонию. С самого начала мы передали в руки Твои свои жизни и жизни наших детей, там они и остаются. И прошу Тебя, Господи, если будет на то Твоя воля, верни Джареда побыстрее домой.

После молитвы супруги принялись снаряжать Джареда в дорогу. Проходя мимо окна, Энн заметила во дворе какое-то движение. В саду за оснеженными кустами мелькнула чья-то тень. Женщина прижалась лицом к стеклу и взгляделась в ночь — в саду было тихо. Шапки снега, освещаемые луной, лежали на живой изгороди; между кустами чернели проталины. Дорожки были плотно утоптаны ногами. Ни шороха. Возможно, она увидела в стекле собственное отражение.

И тут Энн заметила человека, идущего короткими перебежками к дому. Фигура и походка указывали на то, что это мужчина. Незнакомец оглядывался. Но не успела Энн

позвать мужа, как уже сообразила, кто это. «Исав! Что привело ее сына ночью в сад? Разве он не уехал в Кембридж?» Но вот из темноты вынырнула еще одна фигура. Край плаща приподнялся, сверкнуло что-то белое. Мерси. На ней — вечернее платье. Молодая женщина схватила Исаву за руку и увлекла за собой в тень. Сад снова опустел.

Сначала он услышал ее смех. Затем зашуршали юбки, лунный свет выхватил из-под накидки белый край платья. Исав почувствовал, как изящные женские пальцы затрепетали на его руке... И последняя, ярким пятном отпечатавшаяся в памяти картина: он стоит в тени промерзшей изгороди и к нему прижимается Мерси. Головокружительная Мерси. Ее глаза игриво поблескивают в темноте, на губах порхает задорная улыбка. Грудь волнующе поднимается. Легкие клубы пара указывают на короткое, убыстренное дыхание. Не выпуская руки молодого человека, Мерси приковала его к себе еще и взглядом. Ее запах, подобно наркотику, парализовал все чувства Исав. Особенно то самое чувство здравого смысла, которое, не пребывая оно в состоянии временной летаргии, непременно воспротивилось бы встрече в саду в столь поздний час.

— Где ты был? — пожурила она его, игриво выпятив нижнюю губку и притворяясь обиженной. — Вот уже целую вечность я жду тебя на морозе!

— Ты знала, что я приду, — с восторгом выдохнул Исав.

По лицу молодой женщины пробежала самодовольная улыбка. — Почему ты хотела встретиться со мной здесь? — спросил он лишь бы что-то спросить. На самом деле он готов был с ней встретиться где угодно и по какому угодно поводу. Пошел бы на все, только бы остаться с Мерси наедине, как это частенько бывало в старые добрые времена, до ее замужества.

— А что, для этого нужна какая-то особая причина? — поддразнила его Мерси.

Настал его черед улыбнуться. Молодой человек помотал головой. Он все рассчитал верно. Мерси подмигнула и наградила его обольстительной улыбкой. В этой женщине было что-то дурманящее. С первой их встречи он не мог противиться действию ее чар. И теперь, по прошествии почти двенадцати лет, власть Мерси над ним ничуть не ослабла. А ведь она уже десять лет как жена Джейкоба.

Каждый раз, вспоминая сей неприятный факт, Исав закипал злобой. Этого не должно было случиться. Мерси принадлежала ему! Джейкоб ее украл! Только так братец мог ее заполучить. Предательство, которое Исав никогда не простит. Никогда.

— Мне нужно было с кем-нибудь перекинуться словечком, — сказала Мерси. — Джейкоб уехал по делам этого дурацкого Комитета безопасности, который чем-то там занимается всю ночь напролет.

Услышав о брате, Исав напрягся. Почувствовав это, Мерси прильнула к нему. Ее тело обладало волшебной силой — оно дарило тепло и покой. И Мерси умело этим пользовалась.

— Мне нужно было с кем-то пошептать, — доверительно сообщила она, — а ты такой душка, позволяешь с тобой болтать.

И тотчас без видимого перехода разразилась обличительной критикой нынешнего обеда. Подобная светская болтовня была обыденным развлечением Мерси Рид Морган — самоуверенной светской бабочки, привыкшей быть душой любого собрания, большого или маленького, официального или нет. Даже злопыхатели, в основном женщины, сжигаемые завистью к Мерси, всегда окруженной толпой заискивающих поклонников, скрепя сердце начинали составление списков гостей с ее имени. Им было хорошо известно: успех их небольшого светского предприятия всецело зависит от присутствия на нем этой молодой особы.

Бедняжка Абигайл Хантер! Дорого ей обошлось понимание этого закона бостонского света. Наивная дочь богатого печатника решила доказать, что званый вечер может обойтись и без Мерси Рид Морган. В течение шести месяцев Абигайл тщательно продумывала детали своего приема; она наняла лучших музыкантов, выписала из-за границы изысканную еду и напитки, потратила больше времени на составление списков гостей, чем новоизбранный премьер-министр на формирование кабинета. В ночь перед этим торжественным событием все было доведено до совершенства: яркий теплый свет, веселая цветовая гамма, волшебная музыка... Когда же из Филадельфии прибыл Бенджамин Франклин, Абигайл Хантер засветилась победной улыбкой.

К сожалению, она торжествовала преждевременно. Отсутствие Мерси было замечено с первой минуты приема. Толки о том, что это не случайно, искрами разлетались от одного кружка гостей к другому. Во время обеда перешептывания стали обретать форму предположений и домыслов. «Чем бедняжка Мерси могла так прогневить Абигайл?»

Мисс Хантер героически пыталась увести разговор в другую сторону. Тщетно. Даже distinguished доктор Франклин со своими легендарными светскими анекдотами не мог повернуть ход беседы в более приемлемое для мисс Хантер русло. Один за другим, чуть ли не по очереди, гости вспоминали истории, связанные с Мерси, ее имя перелетало из уст в уста. И вскоре прием Абигайл начал напоминать ирландские поминки. Мерси Рид Морган не просто отсутствовала. Все выглядело так, словно она умерла! Мало-помалу ее фигура выросла до мифических размеров. Шутки Мерси казались веселее, а шалости более дерзкими и сумасбродными. Абигайл не удивилась бы, предложи кто-нибудь канонизировать Мерси как главную святую бостонского света! Ну а если Мерси — невинная мученица, то Абигайл — ее палач, и, стало быть, подлежит осуждению.

На следующий день чуть свет Абигайл Хантер появилась в доме Морганов, покаянно извиняясь за свое недостойное поведение. Мерси благосклонно, хотя не без некоторой поспешности, отпустила несчастной ее грехи. Как-никак Абигайл оказала ей неоценимую услугу. За один вечер репутация Мерси поднялась на недостижимую высоту. С этого дня Мерси Рид Морган стала в бостонском обществе непререкаемым авторитетом.

— До чего скучным был сегодняшний обед, — возмутилась Мерси, прижимаясь к руке Исава. — Мужчины только и говорят об этой смехотворной революции. Я сделалась абсолютно больной.

Мерси обожала слово «абсолютно» — почти так же, как другие экспрессивные словечки и выраженьица, которые были призваны демонстрировать ее чувства.

Исав не мог насытиться ею. Ему не мешали ее невежество и тщеславие. Мерси прекрасно уживалась с этими недостатками. Более того — выставляла их напоказ. Может, потому-то Исав так сильно и любил ее. Она такая уверенная и свободная. И всегда веселая и забавная.

— Неужели все время нужно говорить об этой гадкой войне? — жаловалась между тем Мерси. — Рассуждая на эту тему, люди становятся агрессивными! — И, продолжая тянуть Исава за руку, добавила: — И ты, и твой брат были сегодня абсолютно невыносимы с вашими дурацкими спорами! Почему все не может быть как прежде? Почему мы не можем просто пообедать без того, чтобы не обратить застольный разговор в дурацкие политические дебаты.

— Я был не прав, — покорно согласился Исав. — Прости.

— Да, ты был не прав! — В глазах Мерси вспыхнули сердитые искорки. Но лишь на

мгновение. Тут же она ласково добавила: — Тебе хотя бы достаёт здравого смысла признать это.

Взгляды молодых людей встретились. Даже в сумраке ночного сада было заметно, что в глазах Мерси плясали озорные искорки. Исав не знал женщины более ошеломительной. Длинные черные волосы мягко оттеняли белую матовую кожу. Полные губы слегка приоткрылись, когда он потянулся к ней. Внезапно Мерси отстранилась.

— Боже, до чего здесь холодно! — воскликнула она и плотнее закуталась в накидку. Затем, выпростав руку и одарив Исаву своим теплом, дотронулась до его щеки. — Ты такой милый, так терпеливо слушаешь. Джейкобу вечно не до меня. Или он слишком занят, или слишком зол. — Мерси потянулась к Исаву и легонько коснулась губами его щеки. — А ты всегда рядом, правда? — сказала она и добавила на прощание: — Доброй ночи!

Шурша юбками, молодая женщина удалилась. Исав остался один в холодной ночи. Так было всегда — близкая, но недостижимая. Но так будет не всегда.

— Разве ты еще не знаешь, родная? Я всегда буду рядом, — прошептал он в ночь.

Но только сад слышал его обещание.

Подобно многим молодым девушкам того времени, Мерси Рид впервые вышла в свет на шестнадцатом году жизни. Младший ребенок в семье и единственная девочка из двенадцати детей Ричарда и Пейшнс Рид, она с самого рождения была боготворима отцом, модным филладельфийским портным. Бальные наряды для подрастающей дочери стали главным удовольствием жизни Ричарда Рида.

Мерси впервые надела элегантно творение отца на открытие сезона в Филадельфии. Это было белое с голубым платье во французском стиле: низкое каре обтягивающего лифа с лентами, бантами и оборками, подчеркнутое легкомысленной нижней юбкой — роскошный низ фасона «полонез». Шедевр портняжного искусства дополнял белый пудренный парик с двумя локонами, спускавшимися на плечи, и жемчужное ожерелье.

На многих молодых женщинах подобный наряд выглядел бы экстравагантным и, возможно, более эффектным, чем они сами. Но не на Мерси. И девушка, и платье казались одинаково сногшибательными. Глубокий блеск черных глаз юной красавицы оттенялся матовым мерцанием жемчуга; белизна кожи и тонкая изящная линия шеи, высокие скулы — все это давало повод для зависти, пожалуй, такой же отчаянной, как и французский покрой ее платья. Смелой глубиной своего декольте Мерси громко заявила о себе как о молодой самоуверенной особе, обладающей всей полнотой власти над мужчинами.

Центр общественной жизни колоний — Филадельфия как нельзя лучше подходила для светского дебюта Мерси. Юная красавица с ходу покорила филладельфийское общество. А уже через год стала его душой, желанной гостьей модных салонов, царицей балов и незаменимой участницей поединков в остроумии — любимом времяпрепровождении местной знати.

Вполне естественно, что Мерси Рид пользовалась своим положением для достижения главной цели — выгодного замужества.

Стесненная в средствах — деньги ей приходилось делить с одиннадцатью братьями, — она тем не менее могла выбирать жениха среди сотен молодых людей, стекавшихся в Филадельфию почти со всей Америки. Вскоре ее внимание сосредоточилось на двух поклонниках — братьях-близнецах из Бостона.

Впервые, издали, она увидела этих юношей в Филадельфии, однако познакомилась с

ними лишь несколько месяцев спустя, во время весеннего бала в Бостоне. Что доставляло ей особое удовольствие, так это их постоянное и неистовое желание обратить на себя ее внимание, порадовать и развеселить. Словом, они были очарованы и влюблены. А Мерси нравились влюбленные. Их искреннее обожание являлось ее светским капиталом.

Девушка находила близнецов привлекательными. Любой из них был достоин сопровождать ее на светские рауты. Проблемы выбора на первый взгляд не стояло. Они были похожи — следовательно, одинаково красивы, и они были братья, а значит, одинаково равно наследовали громадное состояние семьи. Но едва речь заходила об их личностных качествах — идиллия нарушалась. Утонченный, великолепно образованный Исав привык вращаться в кругу научной элиты. Но хорошее воспитание, как известно, порой навеивает скуку, поэтому Мерси случалось отдавать предпочтение Джейкобу. Его несколько грубоватые манеры казались ей обаятельными, а речь и юмор с налетом непристойности шокировали и восхищали. Но временами Джейкоб переходил границы дозволенного, становился развязным — и девушка вновь обращала свой взор на Исава.

Четко поставленная цель — жить богато и красиво — помогла остановить выбор на Исаве. Мерси рассудила так: превосходное образование и положение в обществе превратят Исава в главу моргановского клана — после смерти капитана, конечно. Итак, решено. Она выкажет расположение Исаву, и он женится на ней. Однако не успела юная прелестница прийти к столь благоразумному заключению, как узнала, что ее избранник зачислен в Оксфорд для прохождения двухгодичного курса обучения и уже готовится отплыть в Англию. Возникла новая дилемма: ждать Исава или переключиться на его брата?

Трудную ситуацию помог разрешить сам Исав. К радости Мерси, молодой человек поспешил засвидетельствовать свое горячее желание жениться на ней и увезти ее в Англию. Впрочем, Морган-старший не дал на то согласия; он полагал, что сын для начала должен получить образование. Исав понимал и даже принимал разумные доводы отца: учеба действительно будет съедать все время без остатка, и он не сможет целиком принадлежать молодой жене. Но если из-за отъезда ему придется потерять Мерси, он готов послушаться родителя и увезти девушку с собой или вовсе отказаться от поездки — прими его возлюбленная такое решение.

Умненькая Мерси убедила Исава отправиться в Оксфорд без нее. И пообещала его ждать. Мудро поступит тот, рассудила она, кто не испортит отношения с семьей и поспособствует спокойному счастью Джареда Моргана. Эта небольшая жертва только удвоит в будущем — когда станут зачитывать завещание капитана — ее дивиденды. Пожалуй, такое промедление можно счесть выгодной инвестицией: два года терпения в обмен на долгую обеспеченную жизнь.

После неистового прощания — с клятвенными заверениями в любви и верности, с бесконечными просьбами Исава ждать его — девушка уверилась в правильности своего выбора. Все, что от нее требовалось, — потерпеть.

Поначалу письма из Англии прибывали пачками — по два-три послания, датированных одним днем: Затем, по мере погружения Исава в науки, Мерси стала получать по одному письму в неделю. Но зато какие это были письма! Полные страсти и нежности поэтические излияния юного студента, тоскующего по любимой.

Между тем отсутствие Исава было на руку Джейкобу — у него появился шанс завоевать сердце Мерси. Он частенько навещал ее, дарил подарки, сопровождал на приемы. Мерси, как особа светская, его не отвергала. В конце концов, он вот-вот станет ее деверем, а в семье

должен царить мир. Кроме того, Джейкоб так же хорош собой, как и Исав (чего, правда, нельзя сказать о его манерах)... И потом, всегда лучше появиться в свете в сопровождении молодого красавца, нежели одной.

Вместе с тем Мерси не поддавалась на настойчивые ухаживания Джейкоба: все его попытки сблизиться с ней отклонялись с холодной решимостью. Мало-помалу молодой человек осознал, что соперничать с отсутствующим братом очень и очень трудно. Все равно что сражаться с мучеником! Ведь Исав не мог совершить ошибку и казался самым совершенством.

Джейкоб был близок к отчаянию. Исав отсутствовал уже год. Медлить было нельзя. Еще шесть месяцев — и Мерси посвятит в рыцари или, чего доброго, канонизирует своего романтического воздыхателя. Необходимо свергнуть брата с пьедестала.

Счастливая мысль посетила молодого человека в доках.

В тот день из Англии вернулся «Камберленд»; он привез мебель, серебряные чайные сервизы и, само собой, очередные вирши Исава. Один из портовых грузчиков — в его ведении находилась почта — от души потешился над Джейкобом из-за писем Исава, присылаемых с завидной регулярностью (по ним можно было определять день зарплаты — он наступал через двое суток после прибытия корабля). А другой добавил, что Джейкобу лучше сосредоточиться на работе в порту — скорее уж хозяин осыплет его деньгами, нежели Мерси Рид одарит своей благосклонностью.

Джейкоб отмахнулся от грузчиков, как от назойливых насекомых. Грубые шуточки — обычное дело в доках. И тут — идея! Что, если письма не будут приходить каждую неделю? Что, если вообще перестанут приходить? Мысль начала обретать форму. Мысль, как заполучить Мерси.

Не одна ночь, а несколько недель потребовалось на детальное обдумывание плана. Молодой человек не хотел спешить. Риск был велик. Зато и награда достойная.

Первый шаг самый простой. Надо оградить Мерси от Исаевых писул. Молодой человек подкупил грузчика, отвечающего за почту, — тот был не прочь нагреть руки на проделке Джейкоба, а заодно и насолить его брату.

Когда письма перестали приходить, Мерси расвирепела. Она не привыкла, чтобы ею пренебрегали. Впервые столкнувшись с подобным отношением, девушка поняла: ей это не по нраву. Затем, после двух пустых, без писем месяцев она заволновалась.

Что-то здесь не так. Хорошо еще Джейкоб был рядом — есть кому ее поддержать и успокоить. Но ведь и он всецело с ней согласен: невнимательность не свойственна Исаву. Такое долгое молчание должно иметь веские причины.

Для дальнейшего осуществления плана требовались деньги, и Джейкоб был готов раскошелиться. Он знал, что из-за прерванной переписки Мерси не свергнет его восторженного брата с пьедестала. Значит, ему нужны красноречивые свидетельства, порочащие Исава; причем исходить они должны из надежного источника. Пришлось нанять этот самый «источник» в таверне близ Гарварда. Для того чтобы претворить задуманное в жизнь, Джейкоб нуждался в людях образованных. И он прибег к помощи актера.

Второй шаг представлял собой тщательно организованную «случайную» встречу.

На одном из приемов Мерси был представлен некий Говард Франкс, на днях вернувшийся из Англии, точнее из Оксфорда. Услышав об Оксфорде, девушка, само собой, поинтересовалась, не располагает ли ее новый знакомец сведениями об Исаве Моргане. Безусловно, располагает, последовал ответ. Не так давно Франкс видел своего доброго

приятеля и теперь уже бывшего бостонца Исава Моргана на приеме в честь его, Исава, помолвки с леди Леви Беркширской.

Как и следовало ожидать, эта новость раздавила Мерси. Ну а Джейкоб, само собой, был рядом.

Третий шаг — удар на поражение. Хотя отсутствие любовных писем заронило подозрение, а свидетельство Говарда Франкса лишило Исава ореола святости, Джейкобу надо было подготовить почву для окончательного и бесповоротного разрыва Мерси с женихом. Третий шаг являл собой письмо, точнее, два.

Письмо первое — от Говарда Франкса Джейкобу. В этом послании Говард Франкс выражал глубочайшие сожаления в связи с тем, что известие о помолвке Исава самым губительным образом сказалось на такой благородной особе, как Мерси Рид. «Если бы, — говорилось в письме, — я знал об отношениях мисс Рид и Вашего брата, то попридержал бы язычок и не ранил столь сильно эту чистую юную душу». Далее адресант просил Джейкоба передать его, Франкса, искренние сожаления милой Мерси. Кроме того, в письмо было вложено «недавнее послание Исава», призванное раскрыть истинную суть этого молодого человека.

Второе письмо — от Исава Франксу — было мастерски выполненной фальшивкой. Джейкобу пришлось выложить кругленькую сумму профессиональному мошеннику, подделавшему почерк Исава. Подложное письмо содержало признания Исава в том, что он счастливо женат. Как благосклонна была к нему фортуна, якобы восклицал адресант, подарив ему встречу с леди Леви! В противном случае он вынужден был бы связать себя узами брака с ловкой филадельфийской выскочкой, которая только и умеет, что задирать нос, словно она дама из высшего общества. Да она в сравнении с истинной леди просто очаровательная провинциальная охотница! В послании также упоминалось о причине, вынудившей Исава скрывать от родителей эту женитьбу: отец не хочет, чтобы сын вступал в брак, не окончив учебы. Но как только ему присвоят степень, он немедленно сообщит обо всем Джареду и Энн. К тому времени их возражения окажутся несостоятельными, и они с распростертыми объятиями примут в семью английскую аристократку.

В заключительной части письма Джейкоб превзошел самого себя. Ход был просто гениальным: Исав якобы просил Франкса сделать все возможное для того, чтобы держать Джейкоба подальше от Мерси. Хотя, говорилось в письме, эта особа ему не нужна, он, Исав, не хочет, чтобы брат связал себя с ней узами брака.

Письма сработали. Мерси кинулась в объятия Джейкоба. В отчаянии, смертельно уязвленная, потерянная, она изливала в потоке слов свой гнев. Молодой человек терпеливо слушал, утешал, даже позволил себе осудить брата, а когда настал подходящий момент, с необычной для себя нежностью признался девушке в любви. Вместе, сказал он, они справятся с любой бедой. Не прошло и месяца, как Мерси и Джейкоб были женаты.

Впрочем, решение Мерси выйти замуж за Джейкоба не было продиктовано одними эмоциями. Слишком многое она могла потерять, отказавшись от предложения молодого человека. Для начала не надо забывать о богатстве Морганов. Девушка привыкла считать его своим и даже в мыслях не желала с ним расставаться. К тому же самый лучший способ поквитаться с Исавом — стать женой его брата. Более того, из года в год под одной крышей — прекрасная возможность превратить жизнь бывшего жениха в ад...

Мерси мысленно продумывала всевозможные ходы, которые позволили бы ей довести до общественного сознания, что это она, Мерси Рид Морган, пренебрегла Исавом. Для этого

она помимо прочего намеревалась сделать вид, что находится в неведении относительно женитьбы Исава на леди Леви.

Исав узнал о свадьбе из письма матери. В наивном неведении Энн детально описывала брачную церемонию, происходившую у них в саду. Письмо заканчивалось материнским напутствием. Энн писала следующее: я знаю о твоих чувствах и поэтому надеюсь, что, вернувшись домой, ты, как истинный христианин и член семьи, поздравит новобрачных.

Если бы на Исава рухнула колокольня Святой Магдалены, то последствия этого падения оказались бы менее страшными, чем последствия материнского письма. В тот период, когда молодой человек получил известие о замужестве Мерси, он особенно сильно ощущал любовь к ней. Строго держась своего обещания, Исав избегал любого женского общества и вел почти монашеский образ жизни.

С самого начала Джейкоб отлично понимал, что рано или поздно тайное станет явным. Он был готов терпеливо выслушивать нудные родительские нравоучения; он смирился с тем, что отец и мать будут его упрекать, говорить о своем разочаровании, засыплют нескончаемым потоком вопросов, на которые есть только один ответ. Он так поступил из любви к Мерси. Джейкоб был готов и к неистовству брата. Более того — жаждал этого. Поскольку находил извращенное наслаждение в том, чтобы выводить Исава из себя.

Ни родители, ни брат не могли изменить его отношения к содеянному. Победа или проигрыш? Ответ на этот вопрос зависел только от Мерси. Как она отнесется к тому, что была повенчана обманом? Конечно, Джейкоб надеялся убедить жену в чистоте своих помыслов и любви. Внушить, что не мыслит жизни без нее; что пошел бы на все, абсолютно на все, лишь бы повести ее к алтарю.

Как оказалось, Джейкоб понимал Мерси лучше, чем представлялось окружающим и даже ему самому. Когда обман вскрылся, это ее ранило, но не столь уж и сильно. Настоящий удар она пережила, когда ее «отверг» Исав. А вот разочарование в Джейкобе не было таким уж болезненным — вероятно, потому, что от мужа она многого и не ожидала. Кроме того, она уже стала одной из Морганов. И ей это нравилось. Мысль о разводе серьезно не рассматривалась; поступи она так, общество отвело бы ей роль продажной и беспринципной кокетки. Мерси заказала игру по высшему разряду и завершит ее так же. С этим можно жить. Слишком многое поставлено на карту. Да и потом, это очень романтично. Ради нее мужчина прошел такой длинный и извилистый путь.

Исав не сумел простить брата. А вот Мерси он не винил. Его возлюбленную обманом завлекли в ловушку. Единственное утешение — надежда на то, что Господь все рассудит. Конечно, предпочтительнее было бы поразить Джейкоба ударом молнии, но пусть Всевышний сам выберет орудие мести. Исав был готов ждать. Наступит час, и Мерси станет его женой.

Более десяти лет Исав ждал и молился. Со временем выяснилось, что молодая пара бесплодна. Обманутый жених воспринял сей факт как знак свыше: Господь не одобрял этот союз. Все эти годы Исав довольствовался короткими тайными встречами с любимой. Свидания были невинными и полностью контролировались Мерси. Она, казалось, радовалась тому, что может иметь не только мужа, но и поклонника. Молодая женщина с готовностью виделась с Исавом; иной раз даже устраивала встречи сама. Дозволялись беседы, легкий флирт, невинные прикосновения — не более. Стоило Исаву выказать более серьезные намерения, и его возлюбленная тотчас исчезала.

И в этот вечер, в конце второго месяца 1775 года, покинув сад и возвращаясь в

Кембридж, Исав с удвоенным пылом обратил свои мольбы к Господу в надежде на то, что на брата обрушится заслуженная кара. «Может, растущее противостояние между колониями и Англией сулит мне что-то хорошее, — говорил себе молодой человек. — Как-никак Джейкоб мятежник. Конфронтация может привести к войне. Ну а на войне люди погибают. Если мятеж неизбежен, пусть Джейкоб погибнет одним из первых. И тогда Мерси будет моей».

Северный район Бостона был компактным и оживленным. Эта часть города — за исключением, пожалуй, склонов Копп-Хилл, где находилось кладбище и ветряная мельница, — была густо заселена; оседали здесь в основном торговцы — их дома и магазины со складскими помещениями располагались подле причалов — и корабельи, предпочитающие селиться поближе к верфям. Отсюда регулярно ходил паром в Чарлстон. Той ночью тяжело вооруженное подразделение 29-го полка «красных мундиров» под командованием длиннолицего, дерзкого на язык лейтенанта перекрыло все подходы к воде.

Вынужденный вернуться с полдороги, Исав силился подавить кипевшее в нем бешенство. Молодой человек неустанно напоминал себе, что буря в его душе поднялась не из-за задержки в пути. Конечно, он был раздражен тем, что ему пришлось в столь поздний час тащиться через весь город. Мало того — ему предстояло, добираясь до Кембриджа по суше, дать изрядный крюк. Однако Исав вывели из себя не эти неприятности, а чрезмерно ретивый сквернослов-лейтенант и находящаяся под его началом банда головорезов с их язвительными насмешками, угрозами и необоснованными намеками. Вместо того чтобы просто сообщить о закрытии переезда, лейтенант счел своим долгом спешить всадника. А потом засыпал его градом вопросов. Куда он направляется? Почему так поздно? Почему один? Мятежник ли он? Почему они должны ему верить? Пока Исав отвечал, офицер нервно тыкал дулом заряженного пистолета ему в грудь и время от времени перебрасывался комментариями со своими людьми.

— Очень и очень надеюсь, — говорил он, — что оружие не разрядится самопроизвольно, иначе может случиться неприятный казус, а это, уверяю вас, меня сильно огорчит.

Следующий шквал вопросов был более враждебным: где находятся арсеналы колониальных войск? где пройдет сегодняшняя встреча «Сынов свободы» [\[20\]](#)? кто станет их очередной жертвой?

Неважно, что отвечал Исав, неважно, сколь убедительны были его заверения в преданности Англии, лейтенант-красномундирник упорно продолжал именовать задержанного «сынком свободы», не забывая при этом тыкать ему в грудь своим жутким пистолетом. Допрос длился почти час. После чего молодому человеку было разрешено убраться туда, откуда, собственно, он явился. Едва он тронул лошадь, вдогонку понеслась непристойная брань, а еще — злобные напутствия «сынкам свободы», предателям, которые заслуживали только мушкетной пули, штыка да петли.

Крики смолкли лишь после того, как Исав отъехал на значительное расстояние. Одинокое цоканье копыт по торцам булыжной мостовой, эхом отзывалось на узенькой улочке. По обе стороны Принс-стрит еще высились сугробы, много снега лежало на выступах домов, ступенях, фонарных столбах. Густой туман, крадучись, полз переулками из гавани, змеясь, юрко проскальзывал на Принс-стрит и, скатившись клубами с сугробов, обволакивал ее. Затем, упрямо двигаясь вверх, закручивался спиралью вокруг домов, брал в кольцо дорожные столбы и плотно окутывал стеклянные плафоны фонарей, как будто пытался просочиться внутрь, потушить свет и затопить улицу мраком. Запотевшие стекла фонарей роняли на мостовую капельки влаги — казалось, они плакали из-за грубого натиска тумана.

Исав поежился. Шляпа, сюртук пропитались сыростью и отяжелели. На лбу

образовалась капля и потекла вдоль носа. Зависла над губой. Исав смахнул ее дрожащей рукой. До сего момента он не осознавал, как его взбудоражило столкновение с солдатами. Молодой человек непроизвольно вздрагивал. «Довольно. Что за ребячество! — распекал он себя. — Может, они и походили на грубых животных, но пулю-то в тебя не всадили!»

Хотя могли бы. Исаву не хотелось признаваться в этом даже самому себе, но он знал, что солдаты жаждали его крови. Их лица заволокли грозовые тучи злобы — это была злоба англичан, разочарованных предательством колоний. Казалось, они умоляли Исаву дать им любой, пусть самый ничтожный повод для расправы над ним. Убив колониста, они утолили бы свою страшную жажду — смерть снимет напряжение, и их охватит чувство благодарного успокоения. Но Исав не желал им угождать. Каждым словом и движением он старался выказывать как можно меньше агрессии. Молодой человек полагал, что его кровь не предназначена для окрашивания мостовых и пригодится для великих свершений.

Не сохрани Исав присутствие духа, доведенные до отчаяния английские солдаты растерзали бы его на месте, причем не он был бы их первой жертвой. Почти пять лет назад, 5 марта, на Кинг-стрит погибли люди; бостонские бунтовщики объявили этот день днем памяти своих погибших соратников; смутьяны обрели ореол мучеников, а напряженность в городе усилилась. На ставших традиционными сборищах Сэм Адамс умело превращал благопристойных граждан в бесчинствующих хулиганов. А сегодняшний лейтенант, собрат из Англии... Интересно, при других обстоятельствах, скажем, в Оксфорде, в университете, могли бы они подружиться?

Внезапно Исав захохотал: ему в голову пришла очень странная мысль. Звук его низкого голоса эхом отозвался на пустынной улице. «Воображаю, что сотворил бы со мной лейтенант, знай он об обеде с Адамсом!»

— Стоять!

Повсюду замелькали факелы. Снег хрустел под ногами мужчин, выбегающих из каждого переулка и дверного проема. Темные фигуры разорвали пелену тумана, и тот, сердито закручиваясь, тут же принялся их обволакивать. Конь Исаву взвился на дыбы.

— Стоять, я сказал!

Две огромные темные фигуры вцепились в уздечку. Вокруг Исаву сомкнулось живое кольцо. К всаднику подступил коренастый толстяк в треуголке. Пляшущие языки пламени — толстяк держал в руке факел — отбрасывали рваные отблески на жуткое лицо: безобразный прищур незрячего левого глаза, под ним, вдоль щеки, порочный шрам, нос — толстый, луковицей, злобно вздыбившиеся усы, меж редких зубов — чернота.

— Ну, и куда нацелился? — грозно рявкнул кривой.

Исав огляделся. Его плотно обступили молодчики в вытертых холщовых рубахах, грубоотканых штанах, фетровых шляпах; мужчины молча смотрели на него. Их лица были непроницаемы как гранит.

— Не думаю, что вас это касается, сэр.

Услышав слово «сэр», толстяк криво ухмыльнулся, остальные ответствовали свистом и улюлюканьем.

— Говоришь как образованный.

Исав промолчал.

— Кембридж, несомненно.

— Оксфорд.

— О! Джентльмен из Оксфорда, — с напускным восхищением выкрикнул в толпу

одноглазый, чем вызвал ответный хор восклицаний. — Я сам из Кембриджа!

Взрыв хриплого хохота. На Исава со всех сторон наплывал тяжелый запах рома. Молодой человек, беспокойно перебирая поводья, ждал удобного момента прищпорить коня. — Несомненно, — пророкотал на всю улицу толстяк, — ты близкий друг короля Георга!

[21]

Исав хранил молчание. И быстро обводил взглядом толпу. Их так много!

— Я сказал: наверняка ты друг короля! — На этот раз кривой обратился непосредственно к Исаву. Возбуждение его возрастало. — Так ты друг короля или нет?

Повисла напряженная пауза, толпа выжидающе замерла. Исав приосанился — он не позволит этому сброду запугать себя. Его взгляд сцепился с взглядом допросчика. Спокойным чистым голосом молодой человек провозгласил:

— Да, друг.

Жуткое лицо толстяка расколола мерзкая ухмылка. Он сладострастно скомандовал:

— Он ваш, парни.

Со всех сторон к Исаву потянулись жадные руки. Пытаясь ухватить свою жертву за рукава, плечи, волосы — словом, за что угодно, — люди высоко подпрыгивали. Исав попробовал прищпорить коня. Тщетно. Следующее, что он помнил — его стащили с седла и швырнули лицом о землю. Молодому человеку казалось, что по нему, вбивая в землю, молотили сотни кулаков. Щека Исава расплющилась о ледяные камни мостовой. Потом ему заломили руки за спину и крепко скрутили их грубой веревкой. Ноги тоже связали. Затем несчастного, как куль с мукой, подняли и бросили в телегу, с громом выскочившую с боковой улочки. Держа в руках факелы, мужчины плотно окружили Исава и с пьяным гиканьем поволокли его, будто циркового медведя, к пакгаузу.

— Требую порядка на собрании Комитета безопасности!

Допросчик со шрамом от души колотил по стулу (тот, как и толстяк, был исполосован); в руках вместо молотка коротышка держал старый кожаный башмак. Стук башмака эхом отдавался под стропилами пакгауза. Мужчины всех габаритов и мастей сгрудились вокруг толстяка; кто-то из них прислонился к подпиравшим балкон столбам, кто-то притулился на сваленных в кучу ящиках и мешках с зерном. Факелы освещали только центральную часть помещения — углы тонули во мраке. В воздухе стоял густой едкий запах, он пропитал все пространство и перебивал даже, казалось бы, ничем неискоренимый ромовый дух.

Новоявленный председатель самостийного суда швырнул потрепанную треуголку на край стола. После того как удар башмака оборвал разговоры, толстяк запустил свою короткопалую руку в шевелюру, похожую на дикое поле. Затем той же рукой вытер нос и подтянул штаны.

Исав стоял в нескольких футах от стола, все еще спеленатый по рукам и ногам. Нетвердо. Пошатываясь. Из-за туго связанных ног молодому человеку приходилось беспрестанно прилагать усилия к тому, чтобы не упасть. Если он чуть рассеет внимание или сделает резкое движение — свалится, а это, учитывая настроение публики, явно не в его интересах.

— Поступим проще, — сказал коротышка. — Предай анафеме губернатора, парламент и короля, и мы зачислим тебя в ряды патриотов, а потом отпустим. Ну а в случае отказа облачим в новые одеяния, которые ты сможешь носить с гордостью, — уж в них-то ты будешь неотразим для всех цыпочек Бостона.

Так вот что они готовили ему. Деготь и перья. Молодой человек узнал этот разъедающий ноздри запах. Деготь.

Исав огляделся — осторожно, сохраняя равновесие; не спеша, он рассматривал лица, одно за другим, ища на них хотя бы проблеск сочувствия; а еще он надеялся увидеть какого-нибудь знакомого, к которому мог бы обратиться с призывом о помощи. Но глаза, смотрящие на него, были холодны и враждебны. Большинство собравшихся, как и давешние «красные мундиры», судя по всему, искали повода для расправы. Остальных он вообще не видел. Они стояли в тени. Исав различал только их силуэты. И среди этих силуэтов выделялась черная, в капюшоне фигура палача.

— Причинив мне вред, вы поступите несправедливо, — громко заговорил Исав. — Потому как я патриот!

Рот крепыша открылся от удивления. До чего же это комическое зрелище — пустое выражение лица. Допросчик явно не знал, что делать дальше. Глазки мужчины забегали, и было заметно, как в них мало-помалу начала формироваться мысль: того ли человека я схватил? Обежав задержанного, взгляд крепыша скользнул в темноту. Исав был прав. Пустоголовый председатель чья-то марионетка. Молодой человек напрягся. Ему хотелось увидеть кукловода. Но, как он ни старался, следуя за взглядом председателя, никого не высмотрел.

— Смотри на меня и объясни! — прикрикнул толстяк. — Ты не патриот!

— Но я-то и есть патриот, — откликнулся Исав. — И большего патриота вы не встретите. Как только вы осознаете, какими необъятными богатствами и какой мощью обладает та нация, которой я служу, вы затрепещете от несообразной дерзости ваших ничтожных умишек. Уже нынешним летом каждый житель Бостона будет думать так же! Я сочувствую нищете и страданиям своих сограждан. Но — увы! Они должны благодарить за это собственную глупость.

Толстяк моргнул зрячим глазом раз, другой. На его изуродованном лице застыло недоуменное выражение — судя по всему, он безуспешно пытался осмыслить сказанное. И это выражение утвердило Исаву в его позиции. Молодой человек больше не тревожился из-за того, что эти немые, нечесаные, насквозь пропитанные ромом бедолаги могли с ним сотворить. Он не позволит себя запугать.

— Скажу проще, — повторил Исав слова, которыми толстяк открывал собрание. И, взглядываясь в лица людей, сидевших на мешках с зерном, прислонившихся к столбам, взгромоздившихся на ящики, выкрикнул: — Я патриот Англии! Пусть будут прокляты предатели короны! Господи, храни короля нашего великого Георга!

Толпа обрушилась на него в неистовом бешенстве. Люди брызгали слюной. Проклинали. Вбивали в землю. Стаскивали одежду, рвали ее в клочья. Так стервятники раздирают на куски добычу. Исав не мог остановить своих мучителей. Острая боль пронзила его плечо. Когда с молодого человека сдергивали рубаху, ему вывихнули плечо. В этом аду, в страшном гвалте нападавших Исав с трудом слышал собственные стоны.

Затем, как по сигналу, толпа подалась назад. На молодого человека хлынул липкий горячий деготь. И обжег грудь, руки, ноги, лицо. Исав вновь застонал. Глаза закатились: из-за сильной боли меркло сознание. Когда на Исаву вываливали куриные перья, он находился в каком-то тумане — голоса его мучителей звучали смутно, словно бы сквозь вату.

Второй раз за ночь Исаву бросили на телегу. В угоду шайке голодранцев молодого человека возили по улицам Бостона под пронзительные звуки скрипок и монотонный треск

барабанов. Облаченные в ночные рубахи обыватели настороженно смотрели на представление сквозь полуоткрытые ставни. Те, кто жаждал принять участие в действе, оделись и присоединились к шествию.

Процессия несколько раз останавливалась, в основном у кабаков. В то время как участники шествия пополняли фляги элем, Исава выволакивали из телеги и зачитывали ему обвинение в предательстве, после чего пороли. Несколько раз пленнику предлагали произнести речь в свою защиту. Он хранил молчание. Молодой человек знал: все сказанное им приведет к побоям и унижениям. Кроме того, говорить было больно. Исава мучила жажда. Губы пересохли и распухли, язык прилипал к небу. Он не смог бы выговорить и слова. А поскольку молчание приравнивалось к признанию вины, толпа швыряла пленника на телегу и вновь пускалась в путь.

Парад патриотов достиг Дерева свободы. Здесь обычно вешали чучела известных государственных деятелей или зачитывали перед отправкой петиции к королю и парламенту. Телега с Исавом остановилась как раз под большим крепким суком. Через него была перекинута веревка с петлей на конце. Два человека поставили Исаву на ноги, накинули петлю ему на шею и спрыгнули с повозки.

Из-за смоляной корки Исаву даже на мгновение было трудно удержать глаза открытыми. Однако, кое-как разлепив их, он успел увидеть пылающие ненавистью лица горожан. В ожидании страшной команды, которая должна была прервать жизнь обвиняемого, толпа затихла. Трепетало пламя факелов. В ветвях Дерева свободы деловито шуршал ветер. Негромко ржала лошадь. Исав смотрел на своих соотечественников-колонистов, а они — на него.

— И что теперь скажешь, английский патриот? — прорвался сквозь первую шеренгу зрителей голос толстяка. — Выбирай: либо ты отрекаешься от короля и проклинаешь его, либо болтаешься в петле.

Молодой человек прикрыл глаза. Силы покинули его. Истерзанное тело кровоточило, раны запеклись; стоило Исаву шевельнуться — и острые края подсохшего дегтя впивались в незащищенную плоть. Обожженное горло саднило. Рубцы на спине ныли от малейшего прикосновения ночного воздуха. К чему было все? Еще несколько мгновений — и он встретит смерть и переместится в мир иной, намного лучший, если верить Библии.

— Отвечай, ну! — яростно заклокотал толстяк. — Или я прикажу телеге отъехать!

Исав медленно вскинул голову. Трудно. Больно. Нужно открыть глаза! И в этот миг он увидел его. Мельком... Он стоял там, с края толпы. Джейкоб. Его брат. Руки небрежно скрещены на груди. Вот он слегка наклоняется и что-то говорит стоящему рядом с ним человеку, тот усмехнулся в ответ. Исав узнал и его. Не имя — память услужливо воспроизвела картины сегодняшней ночи. Это был один из молодчиков с Принс-стрит. Он еще сидел на ящиках в пакгаузе. Один из зачинщиков.

Лицо толстяка побагровело. Он продолжал поносить Исаву и грозить ему — если не заговорит — петлей.

Ни слова в ответ. Он не мог оторвать взор от брата. Слезы, смешиваясь со смолой, застывшей в уголках глаз, скатывались, смачивая перья, на щеки, разъедали кожу, но Исав должен одолеть боль и увидеть глаза Джейкоба.

Телега так и не двинулась с места. Толпа рассеялась. Исав Морган был брошен в кучу мусора под Деревом свободы.

То, как выглядели события 5 марта в ежегодных речах, приуроченных к годовщине «бостонской бойни», мало соответствовало действительности. Фактически противостояние началось несколькими днями ранее, в пятницу, 2 марта, когда группа британских солдат, «красных мундиров» 29-го подразделения, направилась на канатный двор. Англичане нуждались в работе. Ничего необычного в этом для солдат британской армии не было — очень уж скудное жалование им платили. Но колонистов подобное положение дел не устраивало — «красные мундиры» соглашались на более низкую оплату, в результате в деньгах теряли горожане. Впрочем, причин для недовольства тем, что военные квартировали в городе, у бостонцев было предостаточно. Помимо всего прочего они жаловались на грубое поведение солдат, находящихся в увольнении, на шум учений, проводимых как раз во время церковной службы, на пьянство и, конечно же, на преследование женщин-колонисток.

В вышеозначенный день на территории канатной мастерской рабочий Сэмюэл Грей заявил британскому солдату Патрику Уокеру: нужна работа — разгребай отхожее место. Откровенная грубость вызвала ответную вспышку. Завязалась драка. Грей с легкостью совладал с солдатом и отправил его восвояси. Спустя время Уокер вернулся с восьмью или девятью товарищами, вооруженными дубинками. И вновь из-за явного численного превосходства бостонцев солдаты отступили. В третьей стычке англичан было уже тридцать или сорок человек. Однако и на этот раз драка окончилась для них неудачно. Солдат просто вышвырнули вон.

Через три дня жители Бостона, выйдя поутру на улицу, увидели на домах, деревьях и заборах листовки, написанные от имени расквартированных в городе британских военных. Следующая дерзкая выходка в отношении армии, говорилось в листовках, послужит поводом для применения силы против ее застрельщиков. Многие бостонцы проигнорировали эти листовки, сочтя их фальшивкой. И впрямь глупо было думать, что англичане могли напечатать и распространить заведомо незаконный — при этом подписанный! — документ, который в дальнейшем мог быть использован против них самих. Тем не менее город забурился.

В действительности эти листовки были плодом изощренных умов Сэма Адамса и преданной ему «девятки» — группы радикально настроенных бунтовщиков, вознамерившихся всеми правдами и неправдами очистить Бостон от англичан. У этих грубо выполненных фальшивок было свое назначение. Горожан хотели спровоцировать на демонстрации и погромы. Адамсу и его людям удалось пробудить в душах бостонцев злобу. Листовки подготовили почву для применения оружия. Его привели в боевую готовность. Теперь требовался повод.

Долго ждать не пришлось.

В тот вечер стайка мальчишек закидала снежками британских часовых, несших службу на Кинг-стрит. В этом происшествии не было ничего из ряда вон выходящего. Мальчишки частенько развлекались подобным образом. По сложившейся традиции караул обратил малолетних вояк в бегство. Обычно этим все и кончалось. Но пропагандистская деятельность Адамса не пропала втуне. Многие колонисты были теперь твердо уверены, что королевские войска представляют для них угрозу. В мгновение ока по городу пополз слух — солдаты избивают детей. На пожарной вышке зазвонил колокол, и население Бостона хлынуло на Кинг-стрит.

Вскоре площадь перед таможней запрудили беснующиеся, распаленные собственной бранью мужчины. Кто вооружился досками, отодранными от старых мясных прилавков, кто дубинками, кто зазубренными кусками льда... Среди собравшихся были: Сэмюэл Грей —

зачинщик свары в канатной мастерской, атлетически сложенный мулат Криспус Атукс — без него не обходилась ни одна жестокая потасовка, помощник капитана Джеймс Колдуэлл и ирландец Патрик Карр — бунтарь и драчун.

Город гудел всеми колоколами. Люди тесными группками бежали по обледенелым улицам, выкрикивая угрозы, матерясь, скандируя прозвища англичан — «кровожадные лобстеры» и «красноспинные мерзавцы».

У здания таможни в караульной будке нес службу часовой. Не долго думая, он послал за подкреплением, а сам меж тем зарядил мушкет и примкнул к нему штык. В то время как толпа самозабвенно забрасывала часового снежками, кусками льда и уличным мусором, небольшой вооруженный отряд под командованием капитана Томаса Престона ускоренным маршем двигался на помощь товарищу по залитой лунным светом мостовой. Достигнув таможни, офицер приказал зарядить мушкеты, прикрепить штыки и занять позицию перед зданием. Торговец по имени Ричард Пальмер подошел к Престону.

— Надеюсь, вы не откроете огонь по мирным жителям, — сказал он.

— Ни в коем случае, — ответил офицер.

Меж тем толпа, улюлюкая и глумясь, оттесняла солдат назад.

— Стреляйте, отчего же вы не стреляете?! Ну стреляйте же, трусы! Вы не посмеете выстрелить! — выкрикивали люди. Особо ретивые горожане, видимо из молодых, провоцируя солдат, осыпали их оскорблениями, да еще палками пытались выбить у них из рук мушкеты.

— Стреляйте! — неистовствовали эти молодчики. — Всех вам не перестрелять!

Неожиданно один из солдат рухнул — его свалила с ног, брошенная кем-то палка. Толпа взревела, требуя, чтобы по ней открыли огонь. Откуда-то сзади, из-за шеренги англичан, донесся истошный вопль:

— Стреляйте! Стреляйте, Бога ради! Я буду с вами до последней капли крови! Стреляйте!

Вскочив на ноги, солдат спустил курок. Мгновение — и англичане разрядили мушкеты в толпу.

В ту же секунду капитан Престон, размахивая саблей, бросился к своим подчиненным.

— Зачем вы стреляли? — зарычал он и выбил у одного из солдат мушкет — тот как раз пытался его перезарядить. Но дело было сделано. Три человека были убиты и два смертельно ранены; среди них — Сэмюэл Грей, Криспус Атукс, Джеймс Колдуэлл и Патрик Карр.

Капитан Престон и его люди предстали перед судом за убийство. Защищал их Джон Адамс ^[22], кузен Сэма Адамса. Знаменательным оказался тот факт, что на суде пресловутые листовки не фигурировали. После прений, длившихся два с половиной часа, присяжные вынесли вердикт. За исключением двух человек все солдаты были оправданы. Двоих англичан признали виновными в непредумышленном убийстве. Осужденных заклеили — на больших пальцах рук им выжгли букву «у» — и разрешили вернуться в свою войсковую часть. Капитан Престон был оправдан отдельным судом.

Сэм Адамс не терял времени даром, трудясь над созданием своего детища — «кровавой расправы на Кинг-стрит». В многочисленных статьях осуждался факт размещения британских гарнизонов в крупных городах; служители церкви то и дело поминали в проповедях «невинно убиенных»; печатались и повсеместно распространялись карикатуры на Престона — капитан стоит позади своих солдат, размахивая саблей и крича «Пли!». Как следствие — горожане выступили за то, чтобы 5 марта стало днем поминовения павших в

резне на Кинг-стрит; чтобы в этот день проходили публичные выступления с последующей реконструкцией «бостонской бойни»; чтобы участники этой реконструкции показывали жестокость солдат и офицера, приказавшего открыть стрельбу; чтобы они увековечивали образы простого бостонского люда, участвовавшего в «бойне», и, конечно, жертв расстрела, которые останутся навеки в памяти народа достойными, чистыми и непорочными тружениками. Только один убитый — Патрик Карр не удостоился ореола мученика, поскольку, умирая, успел отпустить англичанам грехи.

Джейкоб Морган, стоя плечом к плечу с Сэмом Адамсом, наблюдал за тем, как народ заполняет здание старого Южного молитвенного дома; жители города стекались на торжественное собрание, посвященное «бостонской бойне».

— Как вы и предполагали, — прошептал Джейкоб Адамсу.

— Никаких сомнений — они вознамерились устроить свару, — отвечивал тот.

Адамс имел в виду британских солдат и офицеров, набившихся в помещение в большом количестве. Не было секрета в том, что военный гарнизон воспринимал это ежегодное собрание как преднамеренное оскорбление. В особенности представителям Старой Англии не нравились беспрестанные упоминания о «кровавой бойне». Уже несколько лет ораторы, борясь с присутствием военных в городе, использовали данное выражение в качестве эмоциональной дубинки. Ходили слухи, что терпение англичан вот-вот иссякнет.

Сэм Адамс взбежал на помост и подошел к обитой траурным сукном кафедре.

— Добро пожаловать, друзья! — начал он энергично, обращаясь при этом непосредственно к большой группе солдат. — Как посредник и организатор ежегодного дня поминовения я хочу предложить нашим гостям из гарнизона занять эти места. — Он махнул рукой в сторону первых рядов. — Для нас важно, чтобы вы чувствовали себя комфортно.

Англичане вопросительно переглянулись: с чего это им предоставляют лучшие места? С минуту они пребывали в нерешительности — тем временем по рядам присутствующих катился шепот; наконец несколько дюжих вояк с нарочитой важностью, как бы бросая вызов, прошествовали к предложенным местам.

Меж тем Адамс вновь подошел к Джейкобу. Изумленное выражение, появившееся на лице младшего товарища, заставило его объясниться.

— Этот трюк отлично срабатывает и в политике, и на войне, — сказал он. — Сначала надо обвинить врага, затем подвести его к осознанию своей вины, ну а потом денно и ночью поддерживать в нем это чувство.

Подошло время начать церемонию — и Джозеф Уоррен, оратор дня, поднялся на кафедру. На помосте компанию ему составили Адамс, Хэнкок и Купер. Джейкоб Морган наблюдал за происходящим снизу.

Поначалу Уоррена смутило то, что прямо перед ним восседает столько солдат. Запинаясь, он что-то пробормотал об их количестве, потом оглянулся на расположившихся за его спиной соратников. Мало-помалу уверенное спокойствие товарищей сообщилось и ему. Уоррен примерил на себя позу Демосфена и заговорил.

Его речь не была самой красноречивой среди речей, произнесенных по данному поводу. Не была она и самой запоминающейся. Отличился Джозеф Уоррен, пожалуй, лишь одним: сдержанностью — свое выступление он завершил так же осторожно, как и начал. Он ни разу не назвал события пятилетней давности кровавой бойней, аккуратно обходил острые углы, дабы не спровоцировать потасовку. Окончание его речи ознаменовалось вежливыми

аплодисментами и едва различимым гулом. Окруженный этой вялой смесью одобрения и недовольства, он отступил назад и сел. Казалось, опасность столкновения между горожанами и солдатами миновала.

Сидя на удобном месте, сбоку от помоста, Джейкоб внимал речи Уоррена с нарастающим разочарованием. По его мнению, оратор капитулировал перед тактикой устрашения, продемонстрированной солдатами. Молодой человек предпочел бы услышать Адамса — вот уж кто не стал бы праздновать труса.

Словно в подтверждение этого, всякий раз, когда Уоррен в своей речи подходил к сути вопроса, а потом неожиданно отступал, лицо Сэма Адамса искажала досадливая гримаса. Уже само это зрелище вызывало у Джейкоба острую боль в мышцах шеи и плеч.

По окончании речи Уоррена Адамс на правах организатора вновь подошел к кафедре.

— Город должен выразить благодарность доктору Уоррену, — сказал он, — за его прекрасную и вдохновенную речь. — Адамс переждал аплодисменты. — Отдадим должное этому утонченному выступлению и скажем, что в полном соответствии с ним очередная речь будет произнесена в следующем году... — Адамс остановился и, выдержав эффектную паузу, в полной тишине с вызовом провозгласил: — Дабы почтить память погибших в кровавой бойне 5 марта 1770 года.

С криками «Тьфу!» и «Стыд-то какой!» офицеры вскочили со своих мест.

Джейкоб и его дружки захохотали и засвистели.

Неожиданно в задних рядах вспыхнула паника. Во всеобщем гвалте крики офицеров «Стыд-то какой!» прозвучали как «Стреляй!». В страхе толпа шарахнулась на улицу, люди напирала друг на друга, проталкивались через двери, вываливались из окон. В довершение всего в эту самую минуту мимо молитвенного дома шел маршем строй военных; услышав грохот барабана и стук сапог, бостонцы решили, что солдаты посланы перебить их всех прямо в молитвенном доме.

Джейкоб Морган в один прыжок взлетел на помост и, оттащив Адамса в сторону, прикрыл его своим телом. Несколько офицеров, сидевших в передних рядах, направились к ним. Молодой человек легко угадал, о чем они думали, — эти мысли читались в хищном блеске глаз, на них же указывали глумливые ухмылки: «Почему бы не воспользоваться неразберихой? Как ни крути, обязательно будут — должны быть — жертвы. Жаль, если в этом бедламе пострадает Адамс...» Но прежде чем англичане вскарабкались на помост, Джейкоб вытолкнул своего старшего товарища на улицу через черный ход.

Только чудом никто не был растоптан при паническом бегстве толпы. Немного погодя порядок восстановили, и собрание продолжилось.

На следующий день в типичной для него манере Сэм Адамс заявил, что как раз солдаты, а не мирные бостонцы должны были опасаться за свои жизни и что если бы не мужество и самоконтроль патриотов, ни один офицер, ни один солдат не ушел бы живым из молитвенного дома.

Разве так поступают порядочные люди?

Нежные интонации свидетельствовали о ее благосклонности. Мерси прислонилась спиной к запертой двери спальни и положила изящную ручку на грудь. Хотя на улице стоял полдень, да к тому же была середина недели, она щеголяла в роскошном наряде, которым не всякая женщина могла похвастаться на приемах и балах. На фижмы, крепившиеся поверх нижних юбок, ниспадала длинная верхняя юбка; рукава платья — по локоть, манжеты отделаны кружевными рюшами.

Посреди комнаты, в нескольких шагах от Мерси, держа в руке шляпу, стоял Исав. Свободной рукой молодой человек то нервно разглаживал складки на бархатных панталонах, то беспокойно крутил среднюю пуговицу жилета. Хотя со дня уличного судилища минуло две недели, кое-где на шее, лице, руках Исава все еще чернели пятна и алели струпыя. От молодого человека исходил стойкий запах дегтя. Однако сейчас это не имело никакого значения. Он был наедине с Мерси в ее спальне, где — хотя она и делила ее мужем — мало что указывало на присутствие последнего. Исав знал, что приходить сюда было глупо, но, если все пойдет как задумано, этот день положит конец секретам и тайным свиданиям и ознаменует начало новой жизни.

— Мне льстит ваша отчаянная смелость, сударь, — прошептала игриво Мерси, — но я настоятельно прошу вас незамедлительно покинуть мою спальню. Этажом ниже, в комнате вашего отца, — Джейкоб. Если он вернется...

— Знаю. Я управлюсь быстро, — тихо ответил Исав, мучительно пытаюсь облечь свои мысли в слова. — Мерси, — начал он нерешительно, — не уехать ли нам в Англию?

— О чем вообще ты говоришь?

— Давай сбежим. Сегодня ночью. Мы можем начать новую жизнь. Ты и я. Я все подготовил. Сначала отправимся в Филадельфию, затем за океан. Подумай, любовь моя! Мы можем быть вместе, как нам и было предназначено!

— Надо же!

Рука молодой женщины затрепетала подле ее лица. Это был тщательно отрепетированный жест. Мерси частенько прибегала к нему, когда какой-нибудь приятный светский молодой человек оказывал ей знаки внимания. Она давно поняла, что притворное замешательство воодушевляет воздыхателей на дальнейший флирт — причем более смелый. Но на сей раз это грациозное движение было рождено истинным чувством. Исав был настроен серьезно, и она растерялась.

— Надо же! — повторила она и внезапно бессильно привалилась к двери. — Право, не знаю, что и сказать. Я... я... действительно не знаю, что сказать.

— Скажи — «да». — Исав осторожно шагнул вперед. На его лице блуждала глуповатая улыбка.

— Это так не похоже на тебя, Исав. Я всегда могла рассчитывать на твое благоразумие.

— В дни опасности приходится идти на больший риск. И потом, здесь у нас нет будущего. А в Англии мы можем начать жизнь заново. Взять другие имена. Создать семью.

С лица Мерси мгновенно слетело выражение задора и кокетства. Глаза потускнели. Проказливая улыбка растаяла. Лицо внезапно приобрело какое-то плоское выражение. Исав встревожился. Он никогда не видел возлюбленную такой. Никогда. Сколько он ее помнил,

Мерси была сама игривость... сама жизнь... сама надежда. И вот от этого не осталось и следа. Сейчас Мерси Рид Морган напоминала заурядную и не слишком-то юную женщину.

— Я не могу поехать с тобой, — безжизненно выдохнула она.

Земля уходила из-под ног Исава. Его «светская бабочка» пыталась спрятаться в кокон. Он должен остановить ее. Молодой человек обнял Мерси за плечи и пристально, точно вознамерившись оживить любимую усилием воли, глянул ей в глаза.

— Не бойся, дорогая, — взмолился он. — Все отлично устроится.

Мерси опустила глаза.

— Деньги? Или дом? Это останавливает тебя? Знаю, я задаю много вопросов, милая, но мы можем открыть собственное дело. Вместе мы заработаем кучу денег! Тебе будут завидовать все лорды и леди Англии! Подумай об этом, любовь моя! Не какие-то там провинциальные Филадельфия и Бостон... Да в сравнении с Англией они ничто! Тебя примут самые благородные семейства Лондона, Оксфорда и Саутхемптона — они будут боготворить тебя так же, как и я!

Глаза Мерси, словно бы впавшей в ступор, медленно, невыразительно моргнули. Исаву захотелось встряхнуть ее. Кто эта женщина? Это не его Мерси. Его Мерси — прелестница. Фея. Нежное создание, само воплощение юности, скользящей по весеннему утреннему лесу.

— Мне не следовало... — с трудом подбирала она слова, — так долго...

Исав приподнял голову Мерси за подбородок. Она закрыла глаза, не хотела, отказывалась смотреть на него.

— Что бы это ни было — то, что пугает тебя, — вместе мы сумеем это одолеть!

Все еще с закрытыми глазами, она с трудом выдавила из себя:

— Я не могу... поехать... с тобой.

— Мерси, послушай меня! — в его голосе зазвучали стальные нотки. — То, что ты жена Джейкоба, не имеет никакого значения. Если бы не его обман, ты бы за него не вышла! И я не верю, что Господь почитает брак, основанный на лжи. Тот факт, что вы бездетны, свидетельствует о неодобрении Творца! Я убежден в этом! — Он взял в свои пропахшие дегтем ладони ее бледное нежное лицо. — Посмотри на меня! — требовательно произнес Исав. — Посмотри на меня!

Она медленно открыла глаза. В то же мгновение на обожженные руки Исава брызнули слезы.

— Джейкоб не может подарить тебе детей, — убежденно воскликнул он. — А я могу! Господь благословит наш брак — ведь он будет основан на любви!

Мерси безучастно глянула на Исава.

— Только скажи: еду. Это все, что от тебя требуется. Остальное беру на себя. Когда Джейкоб вспомнит о твоём существовании, мы уже будем на полпути в Лондон.

— Я ношу под сердцем его ребенка.

Исав похолодел; медленно отвел руки от ее лица; недоверчиво покачал головой. Должно быть, она ошиблась.

— Да, Исав, — без тени сомнения, твердо повторила Мерси. — У меня будет ребенок.

Мысли Исава смешались. Он принялся судорожно перебирать в уме свой скудный багаж медицинских знаний, вспоминать народные приметы... — словом, то, благодаря чему он сумел бы заставить ее усомниться в сказанном или доказать, что она ошиблась.

— Почему... кто еще... почему Джейкоб ничего не сказал?

— Я ему пока не говорила. — Увидев, как при этих словах глаза Исава засветились

надеждой, Мерси поспешила добавить: — Просто не было подходящего момента — вечно он занят в комитете. Я хотела ему сказать... Сегодня.

— Ему не обязательно знать! — вскричал Исав. — И ребенок никогда не узнает! Если уедем, малыш родится в Англии. Мы вырастим его вместе. Я стану ему отцом. Уже потому, что ты его мать, я буду любить его как своего собственного...

— Исав, прекрати! Прекрати сию секунду! — Мерси беспомощно обхватила руками голову. — Прекрати, прекрати... это я во всем виновата... мне не следовало...

Молодая женщина резко осела на пол. Нижние юбки сбились вокруг ее ног, и она стала походить на маленькую девочку, напялившую мамино платье.

— Мне не следовало вовлекать тебя во все это, — выговорила она между всхлипываниями. — Я была эгоисткой. Я знала об этом, но не меняла поведения. Я жаждала твоего внимания, и ты меня им одаривал; ради того, чтобы поболтать со мною наедине, ты мог пожертвовать семьей и пойти на публичное унижение. Но до сего дня ты не настаивал на чем-то большем. Я имела все, о чем только можно мечтать, — мужа и поклонника. А теперь посмотри, что я сделала... все эти годы... посмотри, что я сделала с тобой. Я так виновата.

— Но ты любишь меня, — не унимался Исав, — я всегда это знал. Ты любишь меня! Пока он говорил, Мерси недоуменно покачивала головой.

— Почему ты так поступаешь, Мерси? Наша любовь никогда не умрет!

Молодая женщина злобно вскинула на него глаза.

— Что я должна сделать, чтобы ты наконец-то понял? — стараясь не кричать, с сердцем произнесла она. — Почему ты вынуждаешь меня говорить гадости! Я пользовалась тобой, ясно? Я, как пиявка, кормилась твоей любовью. Понимаешь? Но я не люблю тебя. Больше не люблю. Слышишь меня? Я тебя не люблю!

Джаред пребывал в омерзительном настроении. На протяжении двух недель планы его менялись пять раз. Он собирался в Лондон — поездка откладывалась, собирался по новой — опять задержка. И вот вчера ему в очередной раз сообщили, что надо отправляться за океан. Политики... Если бы ему предложили выбирать между ними и тайфуном, он бы предпочел последний. Конечно, и политики, и тайфун непредсказуемы. И все же разница есть, и она — в честности. Ты знаешь, чего ждать от стихии. За все годы, проведенные в море, Джареду ни разу не довелось сталкиваться с ураганом, который готов швырнуть тебя на скалы тотчас после сердечных заверений в дружбе. Уже не один день старый капитан вел внутреннюю борьбу с самим собой, и его настроение от этого не улучшалось. Он не хотел в Лондон. И чем больше думал об этом, тем больше не хотел. Но он дал слово. И он поедет. Однако он не обещал получать от поездки удовольствие.

В основном он огорчался из-за того, что в столь тревожное время приходится оставлять Энн. Нынче улицы Бостона небезопасны для одиноких прогулок. Случай с Исавом лучшее тому подтверждение — если до тебя не доберутся лоялисты, это сделают мятежники.

Исав скупо описывал тот вечер, когда его вывалили в дегте и перьях. Если судить по его словам — обидчиков он не опознал. Может, сын сказал правду, а может, и нет. Джаред склонялся к последнему. Где-то в глубине души он догадывался, что в этой забаве принимал участие Джейкоб. Насколько большое, оставалось только гадать. Но в то, что Исав случайно угодил в лапы адамовой своры, да еще в ночь его словесной дуэли с их главарем, верилось с трудом.

Джаред сунул последнюю рубашу в лежавший на кровати саквояж. Он укладывался уже во второй раз. Сундук, который он собирал вместе с Энн, давным-давно уплыл в Англию — и только глупец мог рассчитывать на его сохранность. Старый капитан затянул ремни на саквояже и глянул на Джейкоба, развалившегося в углу на стуле. Молодой человек демонстративно не участвовал в сборах. Джаред как-то прямо спросил сына, не он ли натравил всю эту гольтьбу на брата. Ответ Джейкоба дурно пахивал. Как боец-ополченец, заявил молодой человек, я поклялся молчать о том, что происходит на собраниях. А потом добавил: надеюсь, ты понимаешь, как это важно — сохранять преданность товарищам. Слова Джареда о том, что семья важнее любой клятвы, данной собутыльникам, Джейкоб пропустил мимо ушей.

— Во время моего отсутствия семью будешь защищать ты. Исав нужен в Кембридже. Я хочу, чтобы ты повсюду сопровождал мать и жену. На улице сейчас небезопасно.

Джейкоб выпрямился на стуле.

— Меня здесь не будет, — отчеканил он. — Я уезжаю.

— Что?

— Меня здесь не будет. Я уезжаю.

— Куда?

В первую минуту выражение лица молодого человека явственно указывало на то, что он не расположен к откровенности. Однако искренняя озабоченность отца заставила его передумать.

— Лексингтон, — отрывисто бросил он. — Я еду в Лексингтон.

— А это еще зачем? — возмутился Джаред. — С чего вдруг Лексингтон стал для тебя центром земли? Выходит, какой-то городишко для тебя важнее жены и матери?

Джейкобу эти слова не понравились — отец ставил под сомнение его шкалу ценностей. Пришлось вновь ответить:

— Я буду сопровождать Адамса и Хэнкока.

Джаред закатил глаза.

Молодой человек вскочил.

— Не смей обращаться со мной как с ребенком! — вскипел он. — Признаешь ты это или нет, но вот-вот начнется война. Я уже большой мальчик и могу выйти со двора и постоять за свою страну!

— И этим ты оправдываешь свое небрежение к жене и матери?

— А как ты оправдывал себя все эти годы, оставляя нас с мамой и отправляясь невесть куда?

— В те дни Бостон был безопасен! Покидая вас, я не подвергал угрозе ваши жизни!

— И единственный путь вернуть Бостону спокойствие — прогнать англичан за море! Самое большее, что я могу сделать для защиты семьи, — приблизить этот день.

Джаред поднял саквояж с кровати и швырнул его на пол.

— И ради этого ты готов стать лакеем Сэма Адамса?

— Ну, он хотя бы не меняет взглядов. И четко знает, что должно делать. Более того, он это делает.

— И он нуждается в твоей помощи?

— Он хочет, чтобы я его охранял.

— Чем объясняется его выбор?

— Я защищал его на митинге 5 марта.

Джаред покачал головой и тяжело вздохнул.

— То есть безопасность мистера Адамса намного важнее безопасности твоей матери и жены?

Джейкоб негодуяще взмахнул руками.

— Я мог бы ответить тебе тем же. Твоя поездка в Англию... слезка за Франклином, с его сомнительным докладом о колониях... Неужели это важнее безопасности твоей семьи?

— Я бы предпочел не уезжать, — признался Джаред. — Но я дал слово.

— Я тоже, — спокойно ответил Джейкоб.

Мужчин стояли друг против друга; отец — подбоченясь, сын — скрестив на груди руки. Наконец Джейкоб сказал:

— Я попрошу Мастера и Хаулея — они работают в пакгаузе — приглядывать за мамой и Мерси.

— Они приличные люди, — кивнул Джаред.

Джейкоб медленно — он не был уверен, закончился ли разговор, — двинулся к дверям.

— Мне нужно собираться, — пояснил он. — И попрощаться с Мерси.

На пороге он оглянулся. Раздраженно кинув саквояж на кровать, Джаред развязывал ремни. Привычная картина. Отец перекладывает вещи по три-четыре раза, пока не впихнет все необходимое. Итак, он занят багажом — значит, разговор окончен; Джейкоб поспешно вышел.

В то время как Мерси

— Джейкоб идет! — взвизгнула Мерси, со страхом прислушиваясь к тому, как по коридору приближаются тяжелые, энергичные шаги мужа.

— В таком состоянии я тебя не брошу! — решительно заявил Исав.

Мерси уставилась на него, как на полоумного.

— Да он тебя убьет!

В поисках укромного уголка Исав обвел взглядом комнату.

— Нет, через окно! Там решетка! — вспомнила Мерси.

Исав подбежал к окну в тот самый миг, когда звук шагов стих перед дверью. Молодой человек высунул голову наружу и тотчас отпрянул назад.

— Решетка не выдержит, — прошептал он.

Щелкнула ручка. Дверь слегка отворилась, ударив Мерси по спине.

— Мерси? — послышался голос Джейкоба.

Неистово жестикулируя, Мерси знаком приказала Исаву лезть в окно. Молодой человек молча повиновался. Меж тем дверь закрылась, потом снова приоткрылась. Хозяйка спальни оставалась на месте.

— Мерси, что происходит? — проговорил Джейкоб в щель. — Почему ты сидишь на полу?

— Я... я... — запинаясь, протянула Мерси.

Исав перекинул ноги через окно и, лихорадочно ища опоры, на мгновение завис над бездной.

— Минутку, дорогой! — воскликнула Мерси.

Будучи человеком нетерпеливым, Джейкоб прикрыл дверь, а затем с силой толкнул ее, пододвинув жену на несколько дюймов вперед.

Исав наконец-то нашел опоры для ноги. Минуту-другую на фоне вечернего неба,

заклученный в раму окна, четко вырисовался его силуэт.

— Не толкай дверь, дорогой! Ты причиняешь мне боль! Минута — и я впущу тебя!

— Мерси, что-то случилось? — прозвучал голос Джаред.

Теперь в окне виднелась только макушка Исава. Спустя секунду исчезла и она. Мерси с облегчением вытянула ногу, и откинула край ковра.

— Встаю, — крикнула она. Затем дотянулась до щекотки и с деланным усилием приподнялась.

— Мерси, у тебя все в порядке? — заволновался Джейкоб.

Встав, Мерси вцепилась в притолоку. Затем поджала правую ногу, отскочила назад и открыла дверь. Первым в спальную ворвался Джейкоб, за ним протиснулся Джаред.

— Какая я неловкая. — Молодая женщина притворно рассмеялась и указала на ковер. — Должно быть, поскользнулась. — Затем, сделав вид, что хочет поправить ковер, разогнула ногу и тотчас взвизгнула.

— Нога! — воскликнул Джаред.

В ту же секунду мужчины подскочили к Мерси и, подхватив ее под руки, осторожно подвели к кровати. Свою роль Мерси сыграла великолепно, что свидетельствовало об актерском мастерстве, отточенном до совершенства на балах.

Усадив жену, Джейкоб опустился перед ней на колени и зашуршал юбками, пытаясь добраться до поврежденной ноги.

— Что ты делаешь? — вскинула на него глаза Мерси.

— Хочу осмотреть лодыжку, вдруг ты ее сломала! — озадаченно ответил молодой человек.

Мерси покачала головой и оттолкнула мужа.

— Нет, не сломала. Скорее растянула мышцы... слегка.

— Дай хотя бы взглянуть, — настаивал Джейкоб.

Джаред почувствовал, что его присутствие смущает невестку, и пошел к двери. На пороге он приостановился.

— В самом деле, все в порядке? Я могу послать за доктором.

Мерси заверила его, что в этом нет никакой надобности.

Джаред осторожно притворил за собой дверь.

— Отека вроде нет, — сказал Джейкоб, ощупывая лодыжку.

Во время этой манипуляции Мерси пришлось вскрикивать, взвизгивать и постанывать; словом, вести себя так, как вел бы человек, только что растянувший связки.

— Выглядит неплохо, — заключил Джейкоб и встал. — Однако тебе следует проявить осторожность и не опираться на эту ногу несколько дней.

В глазах молодой женщины зажегся огонек. Только что она с блеском выкрутилась из очень затруднительной ситуации, это ее возбудило, заставило кровь быстрее течь по жилам. Она стремительно возвращалась в свое нормальное состояние.

Похоже, ты собираешься стать моей сиделкой, — проворковала она игриво. — Два, может, три дня твоего внимания — и я исцелюсь.

Джейкоб слушал жену вполуха. Склонившись над ящиками комода, он извлекал оттуда одежду и клал ее на полусогнутую руку.

— Что ты делаешь? — любопытствовала Мерси.

Молодой человек покосился на жену.

— Еду в Лексингтон. Не знаю, надолго ли. — И, прочитав неудовольствие на ее лице,

добавил: — С тобой посидит мама.

— И что или кто тебя интересуется в Лексингтоне? — ледяным тоном спросила Мерси.

Джейкоб пожал плечами.

— Прости, не могу сказать. Уезжаю по делам комитета. — Молодой человек выпрямился; в руках он держал рубашки и штаны. — Право, Мерси, это для твоего же блага, — добавил он, — чем меньше ты знаешь, тем лучше.

— Когда ты вернешься?

— Я уже сказал. Не знаю.

Мерси сидела на краешке кровати в напряженной позе. До чего это похоже на Джейкоба! Он может, ни на секунду не задумываясь о ней, уехать на день, на ночь, на несколько суток. Вечно у него дела!

— Мог бы — сказал! — повторил Джейкоб.

Молодая женщина сердито скрестила руки на груди. Ну что ж, в эту игру можно играть вдвоем. Если он не желает довериться ей, она тоже промолчит. Он последним узнает о ее беременности. Вернется из Лексингтона через шесть или семь месяцев и увидит ее с ребенком на руках. Это будет ему хорошим уроком!

Между тем Джейкоб возобновил сборы. Он заметил и напряженную позу жены, и ее надутые губки. Итак, она на него злится. Если он услышит доброе слово на прощанье — считай, повезло. Джейкоб вздохнул. У него нет времени на нежности. По городу ползли слухи. «Красные мундиры» что-то готовили. Чаше проводились учения; движение в порту было перекрыто; охрана перешейка — узкой территории, соединяющей Бостон с материком, — усилена. Обычно он извинялся перед Мерси за грубость. Но сейчас он спешил в Лексингтон. Он исправит все по возвращении.

В то время как Мерси удерживала Джейкоба наверху, Исав благополучно приземлился на заснеженную клумбу и побежал к парадному входу. С крайней осторожностью он нажал на дверную ручку и юркнул внутрь. Дверь бесшумно затворилась, и молодой человек на цыпочках побежал вверх по лестнице в свою комнату.

— Исав? Это ты? — раздался из гостиной голос Энн.

— Да, мама, — отозвался Исав. — Я.

— Не зайдешь на минутку?

Исаву пришлось спуститься вниз и пройти в гостиную; дорогой он пытался привести в порядок одежду и выровнять дыхание. Войдя в комнату, он увидел, что мать сидит у окна. На ней было ярко-желтое, но при этом вполне пристойное платье (в одежде артистический вкус Энн проявлялся только в цвете). Подле нее на хрупком изящном столике лежала раскрытая Библия. По другую сторону столика стоял свободный стул. Этот уютный уголок ассоциировался у Исавы с тетей Присциллой. Здесь она любила вести долгие беседы с Энн.

— Ты знаешь Библию лучше меня, — мягко начала мать. — Не сможешь мне с этим отрывком?

Исав наконец-то утишил дыхание, улыбнулся и шагнул к Энн. Критическое отношение матери к себе всегда вызывало у него веселое недоумение. Для женщины, которая ни дня не провела в университетской аудитории, Энн знала Библию великолепно — во всяком случае, намного лучше большинства священников.

— Вот эти строки, — тонкий пальчик указал на стих. Мать откинулась на спинку стула так, чтобы Исав смог прочитать текст. — Иоанн 1:47, — сказала она, когда он склонился над

Библией, — Филипп только что нашел своего брата и повел его к Иисусу.

Исав прочел вслух:

«Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства».

Молодой человек кивнул.

— Хорошо, мама. Что тебя интересует?

Энн знаком указала сыну на стул. Исав молча сел.

— Видишь ли, мне пришло на ум, что в этом случае слово «лукавство» имеет несколько значений. Но это все, что я помню. Не поможешь мне?

— Приманка для рыбы! — ответил Исав. — Это слово означает «приманка». А еще: «обман», «хитрость», «предательство». Иисус говорит, что Нафанаил был честным человеком.

Энн положила пальчик на книгу, посмотрела на текст и повторила вслух: «Приманка для рыбы!»

Исав кивнул. Он был доволен тем, что смог помочь матери.

— Спасибо, сынок. Приятно сознавать, что годы учебы не прошли для тебя даром.

Молодой человек встал и шагнул к двери.

— И еще кое-что... — приглушенно сказала Энн.

Исав остановился.

— Это ты пробежал мимо моего окна несколько минут назад? Я полагала, ты уже наверху.

— Ну, — протянул молодой человек, судорожно пытаясь что-то придумать, — вообще-то, я уходил на несколько минут...

Энн спокойно сидела в своем кресле и с самым невинным видом внимала его незатейливой выдумке. Однако палец матери — и это привлекло внимание Исава — все еще лежал на Библии и указывал на слово, означающее «приманку для рыбы».

Молодой человек запнулся на полуслове.

— Мама, — неожиданно спросил он, — и давно ты здесь сидишь?

— Дай-ка подумать, — протянула она и внезапно ответила вопросом на вопрос: — Когда ты пробежал мимо моего окна?

Исав вернулся к своему стулу.

— Что ты пытаешься мне сказать?

— О, ничего, дорогой. Я подумала, пусть Слово Божье скажет за меня.

— По-твоему, я совершаю что-то постыдное?

— Я твоя мать, а не судья. И я молю Создателя, чтобы ты нашел счастье, которое Он уготовил тебе. Ты хороший человек, и, если я что-либо за свою жизнь узнала о Нем, то это одно: Он награждает верность и никогда злобу, зависть и обман.

На одну долгую минуту Исав уткнулся взглядом в пол. Он думал о Джейкобе и Мерси. Джейкоб получил жену обманным путем. Почему-то ложь помогла брату. Однако Исав знал: этот аргумент не подействует на мать, а потому предпочел промолчать. Избегая ее взгляда, он медленно поднялся.

— Я видела тебя и Мерси в саду той ночью, — отчеканила Энн.

Это признание ошеломило Исава.

— И я видела, как ты смотрел на нее тогда за обедом. Ты ведь все еще любишь ее?

Молодой человек не ответил.

— Исав, она замужем! Оставь ее. Уверена: у Создателя есть для тебя женщина, но Он не в силах помочь тебе обрести ее, пока ты одержим Мерси.

«Одержим». Это слово отозвалось в Исаве болью. Он любил Мерси. Любовь, а не одержимость двигала им. И если обратиться к Библии — источнику, из которого черпала мудрость мать, — то разве не она учит, что любовь никогда не сдается?

— Хорошо, — сказала Энн, — вижу, мне не удалось до тебя достучаться. Просто обещай подумать над моими словами. — Она посмотрела на шрамы и черные отметины на руках сына. — Знаю, ты борец. И я молю Господа: пусть Он одарит тебя мудростью знания, когда бороться, а когда — отступать.

Воспользовавшись последними словами матери, Исав поспешил сменить тему разговора.

— Кстати об отступлении... Что бы ты сказала, узнав, — спросил он, — что я всерьез подумываю перебраться в Англию?

Теперь настала очередь Энн опустить глаза.

— Я буду скучать, — призналась она. — И хотя эта мысль никогда не приходила мне в голову, я не удивлена. Пылкая преданность Англии делает твое положение уязвимым и опасным. Говоря откровенно, мне трудно представить себя не англичанкой. — Она остановилась, глубоко вздохнула и, глядя сыну в глаза, спросила: — Ты уже сказал отцу?

— Нет.

— Думаю, это лучше сделать сейчас, до его отъезда. — Она поднялась и оправила платье. — Одному Богу известно, когда вам вновь доведется свидеться. Могу я поехать с тобой?

Исав улыбнулся.

— Я был бы счастлив.

Энн потянулась к сыну и дотронулась до его руки.

— И, пожалуйста, обещай подумать над моими словами. Не отказывайся от Бога, сынок, — Он от тебя не отказался.

Лицо Исавы осветила широкая улыбка, и он ласково похлопал мать по руке. Однако от обещаний воздержался.

В ту самую минуту, когда Энн и Исав вошли в комнату, саквояж Джаред с грохотом опустился на пол.

— Собрался, дорогой?

Старый капитан буркнул что-то невразумительное. Он только что в третий раз затянул на саквояже ремни. Энн предоставила Исаву самому вести разговор.

— Отец, я должен тебе кое-что сказать, — начал молодой человек.

— И лучше поскорее, а то корабль выйдет в море без меня, — пошутил Джаред, — если только поездку опять не отложат.

— Я думаю перебраться в Англию. Навсегда.

Джаред выпрямился, глянул на сына и тотчас повернулся к платяному шкафу. Нырнув в него с головой, он заговорил:

— Не будь дураком, — казалось, слова доносятся со дна колодца. — В Англии тебе делать нечего.

— Мне нечего делать в Америке! — вскипел Исав.

Джаред отошел от шкафа и принялся рассматривать башмаки, которые только что

извлек из ящика, затем швырнул их обратно.

— Все, что тебе нужно, находится здесь, в Америке! — сердито возразил он. — Твоя семья, твое дело. Хватит быть эгоистом, подумай хотя бы раз в жизни о других.

Исав изо всех сил сдерживал клокочущую в нем ярость.

— А я и думаю о семье, — произнес он ровным голосом. — О будущем нашей семьи. Если беспорядки продолжатся, парламент Англии будет вынужден применить силу и в колониях установят военное положение. Если мы перейдем на сторону мятежников, можем обанкротиться! В этом случае, доказав свою преданность Англии, я смогу спасти хотя бы часть нашего имущества.

— Поздно что-то менять, — ответил Джаред. — Жребий брошен. Наши предки покинули Англию, потому что не желали мириться с притеснениями; они жизнь свою положили за это. Пришло время бороться за то, что по праву принадлежит нам. Политическим путем — если возможно, оружием — если необходимо.

— Не могу поверить, что ты позволил задурить себе голову этой чушью, — взорвался Исав.

— Это наша земля! — возвысил голос Джаред. — Будущее Морганов в Америке, не в Англии. И всякий Морган, отказавшийся бороться за свою страну, хуже дезертира! Я ясно выражаюсь?

В эту минуту с треском распахнулась дверь, голоса Мерси и Джейкоба вырвались в коридор. Джаред схватил саквояж и быстрым шагом вышел из спальни, Энн и Исав устремились за ним.

Мерси:

— Уезжай! И если, вернувшись, не найдешь меня дома — забудь про меня!

Джейкоб:

— Никуда ты не денешься. Хватит спорить.

Джаред Исаву:

— Мы обсудим это, когда я вернусь.

Исав:

— А если будет слишком поздно?

Джаред:

— Это что — угроза?

Энн:

— Джаред, не будь таким агрессивным. Поспеши, ты опоздаешь на корабль.

Мерси:

— Мне не следовало выходить за тебя замуж!

Джейкоб:

— Как это похоже на тебя. Полагаешь, любой мужчина мечтает заполучить тебя в жены?

Энн:

— Джейкоб, ты что — тоже уезжаешь?

Мерси:

— Да, он уезжает... Он оставляет меня одну и...

Исав, обращаясь к Мерси:

— Хочешь, я буду навещать вас с мамой?

Джейкоб:

— Навещай мать, но держись подальше от моей жены!

Энн:

— Он не имел в виду ничего дурного, Джейкоб.

Мерси:

— Хоть кто-то за меня переживает.

Джаред:

— Не пора ли нам уходить? Я опоздаю на корабль!

Джейкоб:

— Сдается мне, с тобой все в порядке, ты даже не хромаешь! Посмотрите! Чудо! Или ты не все мне сказала, мисс актриса?

Мерси, рыдая:

— Поверить не могу — ты думаешь, будто мне не больно! В таком случае не смей ко мне приближаться!

Джаред:

— Могу я все-таки отправиться на корабль?

Вскоре коридор опустел. Мерси лежала у себя в комнате и рыдала. Исав уехал в Кембридж, Джаред в порт, Джейкоб в Лексингтон. Энн вернулась в гостиную. Ей никак не удавалось избавиться от непонятной, тупой боли в сердце. Как и в день званого обеда, на нее нахлынула волна ужаса. И тогда Энн попыталась справиться с паникой с помощью единственного известного ей средства — молитвы.

«Господи, я слаба, Ты, Господи, силен...»

Марш-бросок англичан в Лексингтон и Конкорд не был неожиданным. Военные сюрпризы стали такой же редкостью, как тосты за здоровье короля Георга в трактире «Зеленый дракон». Враждующие стороны не знали недостатка в шпионах. О том, что военный гарнизон получил приказ уничтожить склад оружия в Конкорде и заодно схватить Адамса с Хэнкоком, Пол Ревир ^[23] предупредил жителей городка за три дня до прихода англичан.

Конкордцы давно догадывались: что-то затевается. В марте из города выпроводили двух шпионов генерала Гейджа и сотрудничавших с ними лоялистов — их застали за составлением карты (дороги, арсеналы); кроме того, они интересовались политическими взглядами местного населения. 22 марта в Конкорде собрался Конгресс. Все ждали, что англичане двинут на город войска, но не знали когда. То было время пугающей неизвестности.

Был разработан план трехступенчатого оповещения. Как только королевские войска начнут перемещаться, Пол Ревир сядет в лодку и доплывет до Чарлстона, а оттуда доберется верхом до Конкорда и предупредит горожан об опасности; тем временем Роберт Ньютон, молодой священник, подаст с колокольни Северной церкви ^[24] световой сигнал мятежникам, находящимся на противоположном берегу (одна вспышка — англичане передвигаются по суше, две — по воде) — то есть даже если Ревир не удастся достигнуть цели, сигнал заметят. И наконец, для страховки из Бостона в Конкорд пешком отправится еще один гонец — сапожник Вильям Доуз.

18 апреля подполковник британских войск Фрэнсис Смит получил приказ выступить ночью в поход. В подчинении Смита находилось шестьсот солдат, каждому лично, соблюдая осторожность, о цели операции сообщили сержанты. Затем людей потихоньку вывели из казарм; так же тихо они проследовали к воде и за час до полуночи погрузились в лодки.

В ту самую минуту, когда лодки поворачивали к Западному Кембриджу, на колокольне Северной церкви зажглись два фонаря. Доуз уже миновал кордон английских солдат, а Ревир, опережая неприятеля, греб в сторону Чарлстона — там он взял лошадь у помощника священника Джона Ларкина и отправился поднимать мятежников в ружье. О начале операции Ревира предупредил конюх — он услышал шутки офицеров по поводу ночных скачек.

Таким образом, операция англичан была обречена на провал. Мятежники перевезли оружие в Актон за день до вступления в Конкорд королевских войск и спрятали его в лесу и на городских окраинах.

Стоя на часах перед домом Джонаса Кларка, Джейкоб Морган дрожал от холода. Не выпуская из рук мушкета, он вытер нос тыльной стороной ладони. Насморк ему обеспечен. Близилась полночь. Помимо Джейкоба еще три человека вызвались охранять сон Сэма Адамса и Джона Хэнкока. Ночь начиналась спокойно. Но сейчас над окрестностями плыл колокольный набат, кругом гремели выстрелы. Хотя, возможно, тревога была ложной. Посовещавшись, часовые решили не будить спящих. После того как раздался гул колоколов, один из часовых, молодой человек с пышными рыжими усами, отчего-то заговорил фальцетом, другой начал заикаться и нервно вытирать ладони о штаны. «Интересно, —

мелькнуло в голове у Джейкоба, — а мое волнение внешне как-то проявляется?» Внезапно его слуха коснулся отдаленный топот копыт. К дому Джонаса Кларка приближался одинокий всадник. В свете яркой полной луны лошадь и седок были видны как на ладони. Вскинув мушкет, Джейкоб застыл в ожидании. Незнакомец направлял скакуна прямо к часовым.

— Меня зовут Ревир! — крикнул он издали. — Надо подать сигнал тревоги!

— У нас приказ не беспокоить здешних постояльцев ни под каким предлогом, — отозвался рыжеусый.

— Звуковой тревоги! — вновь крикнул Ревир. — Того и гляди, здесь начнется заваруха. Сюда идут войска!

Зазвонили колокола Лексингтона, ополченцы схватили мушкеты и устремились к причалам. Часовые разбудили спящих. Прямо за обеденным столом было проведено импровизированное совещание. На него пригласили Пола Ревира и — по просьбе Адамса — Джейкоба.

Все, кроме Джейкоба (он не мог усидеть на месте), расположились за столом.

Адамс жаждал подробностей, и Ревир пустился в пространное описание своего ночного приключения. Это был мужчина среднего роста, шатен, с прямыми волосами. Джейкобу бросились в глаза его сильные, с крепкими запястьями руки — руки серебряных дел мастера. Хотя они не были лично знакомы, молодой человек не раз слышал о Ревире на собраниях комитета.

— Двое друзей перевезли меня через реку Чарльз, восточнее того места, где залегли солдаты Саммерсета, — начал Ревир. — После того как меня высадили у Чарлстона, я пошел за лошадью.

— Уверен, — вмешался Хэнкок, — что Саммерсет выставил дозоры. Как вам удалось проскользнуть мимо них?

Ривер недоуменно пожал плечами и ухмыльнулся.

— Выходит, вы тоже заметили, что сегодня полнолуние? Хотя мы и старались грести бесшумно, я был уверен — нас обнаружат.

— Дополнительные предосторожности? — полюбопытствовал Адамс.

Ухмылка стала еще шире.

— Одна милая девушка отдала нам свою нижнюю юбку, и мы обмотали ею весла.

Хэнкок чуть не расплакался, представив юную деву, жертвующую нижнюю юбку на дело революции. От умиления он несколько раз стукнул ладонью по колену.

— Когда мы добрались до берега, — продолжил Ревир, — нас встретил полковник Конант с друзьями. Он увидел световой сигнал и захотел выяснить, что происходит. От него я узнал, что англичане патрулируют дороги между Кембриджем и Конкордом. Для меня, само собой, это не было неожиданностью, тем не менее я благодарен полковнику. Потом я отправился к Джону Ларкину. Он одолжил мне превосходную лошадь, и я помчался в Ленксингтон. Было почти одиннадцать.

Перед гонцом поставили огромную кружку эля. Он прервал свой рассказ и сделал два больших глотка. Адамс нервно барабанил пальцами по столу.

— До развилки я несея галопом. Затем свернул налево и поскакал к Кембриджу через болота.

— Чарлстонские общинные земли... — Ревир сделал еще глоток, и Джейкоб поспешил наполнить его кружку. Гонец кивнул молодому человеку в знак того, что его поняли

верно. — Там, где железная клетка с костями, — добавил он.

Много лет назад чернокожий мужчина по имени Марк убил хозяина. Убийцу казнили, а его тело оставили висеть в железной клетке для устрашения невольников.

— У клетки, под деревом, я заметил двух «красномундирников». Я опознал их по кобурам и кокардам. Меня тоже заметили. Один из них пришпорил коня. Поэтому... — Одним плотком Ревир осушил кружку. И знаком попросил налить еще. — Я развернул лошадь и во весь опор помчался прочь. — Англичанин хотел перерезать мне путь, но завяз в грязи. Я оторвался от него и поехал в сторону Медфорда. Там я разбудил капитана милиции. Ну а потом, пока добирался до Лексингтона, перебудил почти всю округу.

Входная дверь распахнулась. Джейкоб вскинул мушкет, однако, увидев знакомые рыжие усы, тотчас его опустил. Часовой привел Доуза — сапожник добрался до Лексингтона по суше, дорогой он будил фермеров и сообщал им о приближении королевских войск. Когда Доуз отдышался, гонцы поспешили в Конкорд.

К двум часам ночи около ста тридцати патриотов собрались на лексингтонской площади. Ими командовал сорокапятилетний капитан Джон Паркер, ветеран французской и индейской кампаний. Адамс отправил Джейкоба на площадь — узнать, каковы планы Паркера.

Посоветовавшись, ополченцы решили, что откроют огонь только в ответ на огонь противника. Паркер приказал разведать, где находятся «красные мундиры». Дожидаясь лазутчиков, колонисты вели свои разговоры, тесно сгрудившись. Борясь с ночной прохладой, мужчины переминались с ноги на ногу, потирали руки и плечи. В ночной тишине их смех и шутки звучали особенно отчетливо. После того как лазутчики вернулись ни с чем, было решено разойтись и собраться вновь по сигналу барабана. Кто-то из ополченцев отправился домой, кто-то предпочел согреться стаканчиком рома в ближайшей таверне Бакмана.

С первым проблеском зари вернулся Тадеуш Бауман, последний из паркеровских лазутчиков, и сообщил о приближении англичан. Барабанщики забили тревогу, и ополченцы спешно возвратились на площадь. В то время как Паркер строил людей, Джейкоб бежал к дому Кларка. Адамс и Хэнкок были готовы покинуть город.

В ту самую минуту, когда они намеревались выйти из дома, появился Пол Ревир, он был без лошади. По дороге в Конкорд Ревир с Доузом встретили конкордца Сэмюэла Прескотта, возвращавшегося домой от некоей лексингтонской дамы. Прескотт поинтересовался у гонцов, не может ли он им быть полезен. После чего они втроем отправились будить жителей Конкорда. На полпути между Лексингтоном и Конкордом их остановил английский патруль. Доуз, дав шпоры, понесся прочь. Он доскакал до какого-то деревенского дома, оставил там взмыленную лошадь и продолжил свой путь пешком. Прескотту удалось преодолеть невысокую каменную ограду и домчатся до Конкорда. Ревиру велели спешиться. Его допрашивали, а коня забрали. Затем Ревира отпустили. Ему пришлось возвращаться через кладбище.

Когда в сопровождении Ревира и Джейкоба Адамс и Хэнкок проскакали лесом в сторону Уобурна, британцы находились в двух милях от Лексингтона. И хотя Джейкоб понимал, что поступает правильно, оставаясь при Адамсе, ему не хотелось покидать город. Молодой человек давно мечтал схватиться с «красными мундирами», и вот теперь, когда ему предоставилась такая возможность, он стремительно удаляется от места будущего сражения.

Не успели они отъехать, как Хэнкок вспомнил, что забыл в таверне сундук с важными бумагами — попади эти документы в руки англичан, и мятежникам не поздоровится.

Джейкоб вызвался вернуться в Лексингтон и спрятать сундук в доме Кларка. С ним отправился Ревир, но не потому, что Хэнкок не доверял Джейкобу — просто сундук был тяжелым. Незаметно и быстро вынести его из таверны могли только два человека. Джейкоб и Ревир повернули лошадей и поскакали к Лексингтону. Адамс крикнул им вслед, чтобы они не торопились с возвращением, — он хотел знать, что будет происходить в городе.

Было пять часов утра. К тому времени, когда посланцы Адамса добрались до спрятавшегося в предрассветном тумане Лексингтона, край неба уже начал синеть. За домами всадники не могли видеть пристань, зато отчетливо слышали, как поют трубы и гремят барабаны англичан. Сердце Джейкоба забилося сильнее, пульс участился, все чувства обострились. Сейчас, как никогда, он ощущал себя живым — казалось, он был рожден для этой минуты.

Он вспомнил, как жадно внимал в детстве рассказам о доблести, проявленной колонистами в войне с французами и индейцами. Эти истории будили его фантазию. Джейкоб считал, что на войне жизнь зависит от личного мужества, дружба крепче, а человеческое существование сводится к простой формуле — выживай любым способом.

В четырнадцать лет Джейкоб сбежал из дому и отправился воевать с французами. Он полагал, что сможет прибиться к какому-нибудь отряду, надеялся, что его решимость впечатлит военных и ему предложат остаться. Трое суток бродил паренек по лесу с отцовским мушкетом, а потом вернулся домой усталый, голодный и злой. Злился он оттого, что ему так и не довелось схватиться с врагом. А через несколько дней из длительного плавания возвратился Джаред, и Энн препоручила беглеца его заботам. Джаред был снисходителен к сыну. В конце концов, мальчишка всего-то и сделал, что помотал нервы матери. К тому же Джаред вспомнил себя в этом возрасте, вспомнил об отцовском мушкете, волках и одной странной ночи, проведенной в лесу.

С возрастом тяга к войне у Джейкоба не ослабла. После того как в Бостоне началось противостояние между патриотами и англичанами, его жизнь стала простой: черное — белое, правда — ложь, мы — они. Организация «Дети свободы», позднее переименованная в Комитет безопасности, вдохнула в молодого человека жизнь и — что важнее — дала ему занятие. И вот сейчас, когда королевские войска шли маршем на Лексингтон, Джейкобу меньше всего хотелось сопровождать Сэма Адамса в Филадельфию, где тот намеревался созвать Континентальный конгресс. Ведь там все будут толочься в коридорах и говорить, говорить, говорить.

Барабаны англичан забили «атаку», Джейкоб услышал, как капитан Паркер приказывает двум колоннам по тридцать восемь человек пропустить противника. На площади около сорока мирных жителей наблюдали за тем, как их близкие готовятся к встрече с «красными мундирами».

Ривер и Джейкоб нашли сундук Хэнкока и потащили его к жилищу Кларка, где и препоручили его заботам хозяина дома. Затем вновь поспешили к таверне. Джейкобу отчаянно хотелось присоединиться к капитану Паркеру, но он помнил свой долг — ему было приказано наблюдать.

Первыми к площади подошли пехотинцы. В этот род войск отбирали отчаянных храбрецов. За ними следовали гренадеры. Все — не ниже шести футов ростом (из-за своих шапок, напоминающих формой окна собора, они казались еще выше). Все как один силачи. Перед выходом на площадь майор Питкern приказал своим подчиненным зарядить мушкеты и прикрепить штыки. Солдаты выстроились в цепи попарно. Питкern, сидя верхом,

командовал легкой пехотой.

— Не стрелять! Держать строй! Взять их в кольцо и разоружить!

Издав боевой клич, солдаты устремились вперед.

Капитан Джон Паркер, опасаясь за свой небольшой отряд, приказал ополченцам пропустить англичан и рассредоточиться. Был еще раз повторен приказ — не стрелять. Кое-кто из ополченцев покинул площадь. Вместе с тем многие — к примеру, Джонас Паркер, ему перевалило за шестьдесят — остались стоять на месте.

Итак, пехотинцы с криками ринулись на площадь.

— Негодяи и бунтовщики, разойдись! Разойдись! Бросьте оружие! Разойдись!

Цепь распалась, и преисполненные рвения, распаленные гневом англичане хлынули на площадь перемешанной толпой. Дисциплина рухнула в мгновение ока. Слишком долго солдаты дожидались начала похода, слишком долго брели болотами, проваливаясь в воду по пояс; они были голодные, мокрые, грязные.

Неожиданно прогремел выстрел. И тогда беспорядочная толпа «красных мундиров» дала залп. Майор Питкертн прищипил коня и, размахивая шпагой, отчаянно требовал прекратить огонь. Никто не обращал на него внимания. Солдаты больше не повиновались своему командиру.

Джонас Паркер, сраженный пулей, рухнул как подкошенный. К ужасу Джейкоба английский пехотинец добил старика ударом штыка.

Колонисты открыли ответный огонь. По площади, скрывая всё и вся, пополз дым. «Красные мундиры» по-прежнему стреляли; тем временем к площади подошел английский арьергард. Увидев бой, подполковник Смит приказал барабанщикам бить сбор. К ружейному грохоту присоединилось стаккато барабанов; англичане покинули место сражения.

Когда дым рассеялся, Джейкоб попытался подсчитать убитых и раненых. Восемь колонистов были мертвы, еще девять — ранены, большинство в спину. Сердце молодого человека бешено заколотилось, к вискам прилила кровь. Он страстно желал воздать неприятелям по заслугам и разрядить им в спины мушкет. Но вместо этого он схватил оружие в руки и поспешил к Адамсу.

Утро девятого апреля 1775 года только разгоралось. Англичане находились в Лексингтоне с полчаса. Но за это время характер борьбы колонистов против метрополии претерпел кардинальные изменения. Во всяком случае, для Джейкоба Моргана болтовня и тайные ночные посиделки закончились. Противостояние стало открытым. Началась война.

Джейкоб следовал за Адамсом. За его спиной англичане, празднуя победу, салютовали из мушкетов и торжественно кричали.

Выслушав доклад молодого человека, Адамс воскликнул:

— Какое замечательное утро! — И, увидев изумленное лицо Джейкоба, поспешно пояснил: — Я хочу сказать для Америки.

Новость о кровопролитии в Лексингтоне быстро облетала города. В то время как возбужденные недавней схваткой, согретые солнцем, подбадриваемые трубами и барабанами англичане маршировали к Конкорду, Джейкоб неспешно ехал за Адамсом и Хэнкоком в противоположном направлении. Навстречу им к Конкорду группками шли фермеры.

Адамс что-то радостно говорил скачущему за ним Хэнкоку, однако тот был погружен в свои мысли. За Хэнкоком следовал Джейкоб. Он размышлял над тем, что его ждет в

Филадельфии. Когда Адамс предложил Джейкобу стать его охранником, молодой человек подумал, что для революции нет ничего более важного. А вот сейчас он уже не был в этом уверен. Адамс, без сомнения, постарается избегать тех населенных пунктов, где бесчинствуют англичане. Стало быть, им придется уклоняться от столкновений и постоянно переезжать с места на место — иными словами, Джейкоб всегда будет показывать врагу спину.

Он смотрел на фермеров, идущих сражаться с англичанами. Молодые и старые, высокие и низкорослые, в добротной одежде и в рванье, все с мушкетами и пороховыми рожками. Их объединяло одно: непреклонность в глазах. Эти люди знали, что им придется схватиться с отборными королевскими войсками, что они могут не вернуться домой к любимым, — знали, и все-таки шли навстречу опасности. Шли сражаться за свою землю. За свою страну.

— Джейкоб? Джейкоб!

Размышления молодого человека были прерваны резким окриком Адамса. Джейкоб успел осадить лошадь прежде, чем она налетела на лошадь его патрона. Однако Адамс не спешил говорить, он ждал, пока мимо них пройдут двое фермеров. Один из мужчин был моложе, а другой старше Джейкоба. Судя по внешнему сходству и одинаковой походке, это были отец и сын. Латаная одежда указывала на их бедность, у молодого не было даже обуви. Адамс вежливо поприветствовал их, приподняв шляпу. Но пока они не отошли, рта не разомкнул.

— Вы ведь хотите пойти с ними? — спросил он.

Джейкоб оглянулся на старого фермера. Его фигура по мере удаления становилась все меньше.

— Я обязался охранять вас, — ответил он.

— Вы обязались служить своей стране, — уточнил Адамс.

Джейкоб взглянул на него. Он не знал, что сказать. Может, его проверяют?

Подмигнув, Адамс похлопал Джейкоба по плечу.

— Убейте за меня красномундирника.

— А как же...

— Идите! — настаивал Адамс. — К несчастью, я недостаточно молод для того, чтобы составить вам компанию. Хотел бы я поквитаться с англичанами. — И Адамс вскинул воображаемый мушкет, направив его в сторону Конкорда.

У Джейкоба кровь прилила к голове. Он слез с коня и передал поводья Адамсу.

— Жаль, не могу отдать вам лошадь: увы, она не моя. Поспешите, а не то пропустите самое интересное! — Адамс протянул молодому человеку руку.

Джейкоб дважды ее пожал и зашагал к Конкорду.

К тому времени, когда Джейкоб Морган добрался до города, он узнал о себе кое-что новое. Выяснилось, что его душа моложе тела. Тридцатилетнее тело Джейкоба, хоть и было привычно к физической нагрузке, начало сдавать, едва он вошел в Конкорд. Ноги сводило судорогой, грудь горела.

Джейкоб присоединился к группе ополченцев, шедших к Северному мосту; от них он узнал, что «красные мундиры» заняли центр Конкорда в восемь утра. Дорогой один из попутчиков поведал молодому человеку о том, что здесь произошло.

Блестя штыками в лучах утреннего солнца, отряд колонистов вышел навстречу королевским войскам, однако затем развернулся и двинулся к городу — конкордцы

опережали англичан всего-то на двести ярдов. Некоторое время треск барабанов и сигналы рожков противостоящих сторон сливались. Как уверял рассказчик, сначала колонисты остановились у Дома собраний, но при приближении английской пехоты вновь отступили. И расположились у холма, за кладбищем. Затем после короткого совещания перешли речку Конкорд по Северному мосту. Около него они и стоят, ожидая прихода подкрепления из соседних городов. Попутчик Джейкоба был послан в город для того, чтобы направлять добровольцев к Северному мосту.

В нескольких сотнях ярдов от моста высился небольшой холм; около него молодой человек наткнулся на отряд из четырехсот ополченцев под командованием майора Баттрика. По другую сторону моста расположились англичане, их было меньше сотни. Неприятелей разделяло восемьсот ярдов.

Джейкоб с облегчением опустился на землю. Он попал в часть к Дэвиду Брауну. Возле Джейкоба сидел бородатый фермер из Линкольна, отрекомендовавшийся Илайсом Тоддом. Судя по его лицу, он был ровесником Джейкоба. Пока англичане и колонисты с любопытством разглядывали друг друга, Тодд ввел нового товарища в курс дела. Молодой человек узнал, что дом их командира находится в двух шагах отсюда. Когда они двинутся к мосту — как раз пройдут мимо. Если верить словам Тодда, слабоумный дядюшка Брауна все утро вел из окна словесную перепалку с красномундирниками. Сейчас дом пустовал.

— Какие новости из города? — спросил Джейкоб.

— Скоро узнаем. Туда побежал мой мальчонка, — ответил Тодд. — Ему девять. Самый подходящий возраст — не привлечет внимания. По слухам, солдаты обшаривают дома. Но вряд ли они что-то найдут. Почти все удалось вывезти.

В эту самую минуту к ним подбежал кареглазый босоногий мальчишка. Штаны пестры от грязи и заплат, рубашка латаная-перелатаная, в пятнах. У него было веснушчатое личико и густая копна каштановых волос. Из того, что говорил мальчик, Джейкоб не разобрал ни слова — похоже, речь маленького Тодда состояла из одних гласных.

Илайс взял сынишку за руку и, старательно выговаривая каждое слово, произнес:

— Давай помедленнее!

Мальчик глубоко вздохнул и начал заново. Однако Джейкоб так ничего и не понял. Когда ребенок замолчал, Тодд заулыбался, потрепал вихрастого разведчика по голове и притянул его к себе за шею, словно хотел удержать на месте.

— Вот и Бо, — обратился он к Джейкобу. — Мой сын.

Мальчик отчужденно глянул на молодого человека. Без всякого интереса, будто они принадлежали к разным мирам.

— Бо — глухой, — пояснил Илайс Тодд. — Его мать подцепила корь, когда была им тяжела. Бо это стоило слуха, ей — жизни. — Но мы, — обратился он к сыну, — прекрасно ладим, верно, Бо?

Умненькие глаза ребенка сияли, было заметно, что он в отце души не чает. Бородач притянул к себе сынишку и снова потрепал по волосам. Бо шутливо отбрыкивался.

— Бо. Какое необычное имя...

Тодд рассмеялся.

— Вообще-то его зовут Джедидая. — На лице Джейкоба появилось озадаченное выражение. Тодд снова засмеялся (похоже, на такую реакцию он и рассчитывал): — Так хотела его мать. Она ведь не знала, что наш сынишка родится глухим. Я старался, очень старался научить его выговаривать свое имя... Но он привык откликаться на Бо [\[25\]](#).

Мальчик усмехнулся и похлопал себя ладонью по груди:

— Бо.

Мужчины замолчали, устремив взгляды на Северный мост. Англичане по-прежнему стояли без дела.

— Бо, — вновь заговорил с мальчиком отец, — это Джейкоб. — Не поворачиваясь, он протянул руку и похлопал молодого человека по ноге. — Джейкоб, — повторил он, старательно выговаривая слоги и пристально глядя ребенку в глаза. — Повтори. Джейкоб.

Бо сосредоточенно наморщил лоб, напряженно всматриваясь в движение отцовских губ, а потом попробовал воспроизвести новое слово.

— Джейб, — получилось у него. — Джейб.

Повторив имя молодого человека, несколько раз, Илайс пожал плечами.

— Лучше не получится. Он не слышит «к».

— Все равно похоже, — улыбнулся Джейкоб.

Илайс и Джейкоб снова повернулись к мосту и принялись разглядывать красномундирников — те в свою очередь глазели на них. Илайс тяжело вздохнул.

— Что вам сказал Бо, как там в городе?

— Солдаты сбрасывают все, что нашли, в мельничный пруд. Бочки. Пару орудий. Несколько ядер. Мелочь... Мы почти все вывезли. Они отправили отряд дальше... — Илайс махнул рукой через плечо. — В местечко Барретт. Там тоже ничего не найдут.

— Райт! Вернитесь немедленно! Это приказ!

Долговязый мужчина, на вид чистокровный англичанин, прошел мимо Джейкоба к мосту. Остановился, отдал свой мушкет и зашагал дальше.

— Райт, не валяйте дурака!

— Это кричит капитан Майлз, — шепнул Илайс Джейкобу. Потом с тяжелым вздохом продолжил: — Ничего у него не выйдет. — И, указав на долговязого ополченца, объяснил: — Это Эзра Райт. Чистопородный англичанин. Чудаковатый парень, но отменно поет. Страх какой упрямый.

Тем временем Райт сделал несколько шагов назад, в сторону Майлза, и крикнул:

— Я просто хочу с ними поговорить!

Сотни глаз были устремлены на Райта — он уже подходил к мосту. Ему навстречу зашагал английский офицер. Некоторое время они о чем-то переговаривались, стоя на середине моста.

Эзра Райт вернулся в свое подразделение, забрал мушкет и заявил, что отправляется домой. Из его слов следовало, что англичане не собираются более атаковать колонистов. Товарищи Эзры наблюдали, как его долговязая фигура исчезает за гребнем холма.

А вскоре по рядам колонистов прокатился крик, и четыреста человек, один за другим вскочили на ноги — со стороны это выглядело так, словно вздыбилась гигантская волна. Внимание ополченцев сосредоточилось на центре города. Над крышами домов взметнулся столб черного дыма. Удивленный ропот быстро перерос в крики и ругань. Командиры с трудом призвали подчиненных к порядку.

И тут на огромный валун вскочил лейтенант Джозеф Хосмер.

— Мне не раз доводилось слышать, — громовым голосом начал он, стараясь докричаться до каждого, — как англичане хвастались, что они могут пройти через всю страну, разоряя наши города и села, и мы не сумеем им помешать. Теперь я начинаю в это верить! — Хосмер выразительным жестом указал на дым и повернулся к одному из

командиров: — Вы позволите им сжечь город?

Было проведено короткое совещание. Решение приняли единогласно. Надо идти в центр города и защищать свои дома. Ополченцы построились в две колонны. Джейкоб и Илайс Тодд встали рядом, плечом к плечу. Впрочем, их было трое — Бо замер подле отца, в руках — пороховой рожок и патроны.

Отряд города Эктона под командованием Исаака Дэвиса возглавил первую колонну. За ними следовали люди Дэвида Брауна и капитана Майлза. Перед выступлением майор Баттрик отдал приказ не стрелять, пока англичане не откроют огонь, зато потом отвечать без раздумий. Под звуки «Белой кокарды» колонны двинулись по дороге к Северному мосту; ополченцы шагали торжественно, словно шли в церковь. Когда колонна проходила мимо пустого дома Брауна, Джейкоб заметил, как его командир с тоской покосился на родные стены. Пшеница на полях уже поднялась и зазеленела. Яблони покрылись кипенью. Это был его дом. За него он шел сражаться.

При приближении мятежников капитан «красных мундиров» заволновался. Он то и дело тревожно поглядывал поверх голов своих солдат в сторону города, надеясь увидеть подкрепление. И в то же время отдавал какие-то приказания. Англичане спешно начали строиться, но сделать это из-за узости моста было затруднительно. И они просто сгрудились в кучу. Несколько человек принялись отрывать перила моста. От колонистов солдат отделяло ярдов шестьдесят.

Англичане дали предупредительный залп. Илайс Тодд велел сыну спрятаться у дороги. Красномундирники перезарядили ружья. Колонистов было намного больше, и они неотвратимо приближались. Джейкоб уже различал искаженные страхом лица пехотинцев.

Один молоденький солдатик, зарядив мушкет, уронил рожок. Порох рассыпался по земле и запылил сапоги юноши, однако тот ничего не замечал. Вот он вскинул оружие. Попытался прицелиться. Ствол ходил ходуном в трясущихся руках. По лицу солдатика катился пот. В глазах плескался испуг. Юноша нервно облизывал губы.

Раздался выстрел.

И тотчас затрещали ружья. Два колониста упали замертво.

Майор Баттрик подпрыгнул и закричал:

— Стреляйте, братцы, стреляйте!

Над рядами колонистов поднялись дымки выстрелов. Три красномунирника были убиты наповал, от восьми до десяти — ранены.

Джейкоб вскинул мушкет, прицелился, выстрелил. Почти одновременно с ним выстрелил Илайс Тодд. Джейкоб нащупал рожок, а Илайс просто опустил мушкет. Из укрытия вынырнул Бо. Мальчонка быстро зарядил мушкет и передал отцу. Илайс все это время стоял неподвижно, не сводя глаз с противника. Когда он сделал второй выстрел, Джейкоб еще возился с патронами.

На противоположном конце моста смятенно металась англичане. Несмотря на все попытки капитана навести порядок, они, смешав ряды, всем скопом повалили к центру города — там сосредоточились их основные силы.

Импровизированная армия колонистов устремилась по мосту к городу. Битва при Конкорде длилась две минуты.

Ополченцы прекратили преследовать врага, засели за каменной оградой и принялись наблюдать за центром города.

Выяснилось следующее. Во-первых, дома никто не поджигал. Был разрушен и сожжен

только Столб свободы. Во-вторых, англичане вели себя неуверенно. Уже больше часа солдаты занимались грабежами; время от времени их созывали на построение, после него они вновь принимались грабить.

В полдень, после четырехчасового пребывания в Конкорде, королевские войска отступили из города той же дорогой, по которой пришли. Вот только на этот раз не пели трубы, не трещали барабаны. Англичане шагали молча. Гренадеры шли вдоль дороги, прикрывая ходячих раненых. Тяжелораненые тряслись в повозках. Легкая пехота, двигаясь полями по обе стороны колонны, прикрывала фланги.

Пока Джейкоб смотрел, как отступает враг, ряды ополченцев пришли в движение. По цепочке передавали какой-то приказ. Получив его, колонисты вылезали из укрытия и бежали к полям, тянувшимся вдоль дороги.

И вот приказ достиг ушей Илайса Тодда, а от него поступил к Джейкобу.

— Деревня Мериам! Пошли!

Джейкоб передал приказ по цепочке и вслед за фермером и его сыном перевалился через ограду. Они бежали полями, перелезали через изгороди, переходили вброд ручьи. Их целью была деревня Мериам — там колонисты намеревались устроить засаду.

Джейкоб сидел, прислонившись спиной к стволу большого дерева. Голова откинута назад, рот жадно ловит воздух, грудь тяжело вздымается. Молодой человек с трудом верил, что все это вместилось в один день: Ревир, бойня в Лексингтоне, прощание с Адамсом, битва за Северный мост. А ведь сейчас только полдень! Подле Джейкоба, опираясь обеими руками на низкую каменную ограду, стоял его новый товарищ Илайс Тодд. Он тоже пытался выровнять дыхание. Здесь же, на земле, лежал ничком Бо — руки безвольно закинута за голову. Совсем обессилел. Это зрелище несколько приободрило Джейкоба. Если девятилетний мальчишка выдохся, значит, он сам не так уж и плох.

Колонистам пришлось пробежать (причем быстро — нужно было опередить англичан) не меньше мили. По дороге к ним присоединялись ополченцы из Рединга, Биллерики и Восточного Садбери. Теперь американцев было не меньше тысячи ста человек.

Все они двигались к деревушке Мериам; у этого населенного пункта холм, тянувшийся вдоль дороги, мало-помалу сходил на нет. Здесь же, перед мостом, переброшенным через речку, суживалась дорога. Это было идеальное место для засады. Для того чтобы перейти через мост, английским пехотинцам — они прикрывали фланги — придется соединиться с основным отрядом. Колонисты засели за домами, амбарами, деревьями, бугорками. Джейкоб, Илайс и Бо затаились у самой дороги, за пригорком. Все стихло. На этот раз рассчитывать на то, что о приближении неприятеля возвестят трубы и барабаны, не приходилось.

— А вот и они, старина! — шепнул Джейкобу фермер, шутливо ткнув его под ребро.

Джейкоб потянулся за мушкетом. Он был заряжен и готов к стрельбе. Молодой человек привалился спиной к дереву и нацелил оружие в сторону моста. Илайс и Бо сидели спиной к ограде, низко склонив головы. Они не выказывали ни малейших признаков беспокойства — по-видимому, у них, в отличие от Джейкоба, под ложечкой не сосало. Перестрелка на Северном мосту и сумасшедшая пробежка не просто утишили возбуждение Джейкоба — молодой человек был опустошен. К тому же сказывались бессонная ночь и голод. Впрочем, к этому прибавилось кое-что еще. До сегодняшнего дня (и уже не один год) Джейкоб ненавидел англичан за то, что они попирали справедливость и нарушали моральные принципы. Но после расстрела в Лексингтоне и разграбления Конкорда для него все изменилось. Теперь мотивы, руководившие его поступками, были не столь возвышенными. Его вел вперед гнев — это было хорошо контролируемое пламя, которое не погаснет до тех пор, пока последний англичанин не будет изгнан с американской земли. Они не имели никакого права творить подобные вещи. Пора отвечать насилием на насилие, убивать или быть убитым.

Первый красномундирник ступил на мост. Джейкоб прищурил левый глаз и мысленно провел воображаемую линию. Он опускал оружие до тех пор, пока не навел его на пехотинца — тот как раз сошел с моста. Молодой человек выстрелил. Бах! Приклад больно ударил в плечо. Из ствола поднимался дымок. Англичанин схватился за горло и рухнул замертво.

Отовсюду, из-за каждого куста, дерева, стены, сарая и дома зазвучали выстрелы. Англичане падали десятками. И мост, и дорога были усеяны убитыми, залиты кровью.

— Одним меньше! — крикнул Илайс. По своему обыкновению он передал мушкет сыну, а сам, не отрывая взгляда от противника, продолжал стоять, упершись ногой в каменную

ограду. Спустя мгновение Бо вернул отцу заряженный мушкет. Илайс старательно прицелился и снова выстрелил.

— Двумя меньше!

У моста что-то яростно кричали английские офицеры. А вокруг них падали и падали солдаты; но вот красномундирники начали строиться в линию.

— Пригнись! — крикнул фермеру Джейкоб.

Илайс протянул сыну мушкет.

— Бо, поторопись, — громко сказал он. — Успеем еще разок выстрелить.

Джейкоб сделал второй выстрел, а Бо уже передавал отцу мушкет для третьего. Тодд выбрал цель и вскинул мушкет. Тем временем Джейкоб за деревом заряжал свое оружие.

Ответный залп англичан и выстрел Тодда слились воедино. И в эту самую секунду Джейкоб — он как раз доставал патрон из ранца — услышал душераздирающий крик.

Илайс Тодд распластался на земле. В его щеке зияла кроваво-черная дыра. Бо горестно прижался головой к груди убитого. Мальчик громко, на своем невнятном языке звал отца. Но Илайс Тодд, единственный в мире человек, который понимал этого ребенка, больше ничего не слышал.

Крик, донесшийся с моста, вывел Джейкоба из оцепенения. По склону холма двигался отряд легкой пехоты. Колонисты спешно покидали свои позиции и бежали к лесу.

Джейкоб низко пригнулся и подскочил к Бо. Швырнув наземь мушкет, он схватил мальчика за руку и закричал:

— Солдаты! Солдаты!

Однако Бо не желал смотреть на него — он уткнулся лицом в грудь отца.

Молодой человек еще крепче вцепился в ребенка.

— Надо уходить! Солдаты! — громко повторил он, указывая на склон. Но мальчик его не слышал, тогда Джейкоб опустился на колени и схватил Бо за плечи.

Бо отбивался, он хотел одного — остаться с отцом.

Джейкоб взял его голову в руки и заставил посмотреть на себя.

— Красномундирники! — закричал он. — Сюда идут красномундирники! — И мотнул головой в сторону склона.

Кажется, мальчик его понял. Он перестал сопротивляться. Молодой человек тотчас отпустил его — пусть удостоверится в приближении врага. Затем вновь повернул Бо к себе.

— Хочешь пойти со мной?

Бо кивнул.

Однако как только Джейкоб разомкнул руки, мальчишка бросился к ограде. С противоположной стороны к ней приближался англичанин. Увидев выглядывающего из-за ограды Бо, он остановился и вскинул мушкет.

— Бо! Прячься! — рефлекторно закричал Джейкоб. Сработала привычка. Ведь он ни на минуту не забывал: мальчик глух. Молодой человек схватился за мушкет — тот был разряжен. Времени на зарядку не оставалось. Мушкет Илайса тоже не был готов к стрельбе. Джейкоб беспомощно смотрел на красномундирника. Возможно, солдата смутил возраст Бо или то, что мальчик был безоружен, но он колебался и не стрелял. Воспользовавшись этим, маленький колонист подобрал камень. И, изловчившись, с силой швырнул его в голову врага. Солдат отклонился в сторону, и камень пролетел мимо, но из-за резкого движения англичанин потерял равновесие. Некоторое время он, тщетно пытаясь устоять, размахивал руками. Затем, не выпуская мушкета, вытянул руки вперед, желая приземлиться на них.

Коснувшись земли, мушкет самопроизвольно выстрелил. От ограды отлетели каменные брызги. Джейкоб метнулся к мальчику.

Бо и не думал уходить — он нагнулся за бульжником. Солдат заметил летящий в него камень и зарылся лицом в грязь. Камень со стуком врезался ему в затылок. Меж тем Джейкоб рывком оторвал мальчика от земли и потащил прочь. Но не успел он сделать и двух шагов, как Бо вырвался и помчался назад.

— Бо! Вернись! — закричал Джейкоб. Тот не слышал. И молодой человек припустил следом.

Бо присел на корточки около тела отца. Взял мушкет, пули, пороховницу и со всех ног понесся к Джейкобу.

Как раз в этот момент из-за ограды появилась голова еще одного англичанина. Джейкоб поднял свой незаряженный мушкет и навел его на врага.

— Я прикрою тебя, Бо! — крикнул он мальчику.

Красномундирник нырнул за ограду.

Они с Бо бежали рядом. До леса оставалось ярдов сорок. Им ни за что не добежать. Джейкоб ждал, что вот-вот его ужалит в спину пуля. Молодой человек на бегу взглянул через плечо. Красномундирник поднялся во весь рост; мушкет нацелен на Джейкоба.

В эту минуту из-за деревьев грянул залп, и ограду изрешетили пули. Один выстрел достиг цели — раненный в плечо враг завертелся волчком и исчез за оградой. Ему так и не удалось выстрелить.

Бо и Джейкоб добежали до леса под радостные крики прятавшихся там ополченцев.

Все шесть миль до Лексингтона войска полковника Смита несли потери. Из-за того, что дорога петляла меж холмов и пересекала ручьи, англичане то и дело оказывались в невыгодном положении. Кроме того, ополченцев было намного больше (и их число постоянно увеличивалось); к тому же англичанам приходилось стрелять вслепую. Обученные вести огонь на открытой местности, они не имели возможности прицелиться и палили туда, куда им указывал шпагой командир. Естественно, такая тактика не приносила успеха.

Чем ближе англичане подходили к Лексингтону, тем труднее становилось офицерам сохранять порядок в войсках. Единственное, что удерживало солдат от бегства, — оружие в руках командиров.

Где-то к двум часам пополудни ситуация изменилась. На подступах к Лексингтону навстречу отступающему отряду вышло подкрепление из девятисот вооруженных солдат первой бригады лорда Перси. Он привел своих людей из Бостона по просьбе полковника Смита — гонец был отправлен за подмогой рано утром. Как только солдаты увидели на общинных землях Лексингтона соотечественников, они, стремясь обезопасить себя, хлынули сквозь их ряды; а затем легли на землю, тяжело дыша, словно усталые собаки.

Получив сведения о том, что мятежники прибегли к индейской тактике ведения боя, лорд Перси разработал план отвода войск в Бостон. Для минимизации собственных потерь и нанесения максимального урона противнику было решено воспользоваться артиллерией. Англичане дали несколько предупредительных залпов по тем ополченцам, что преследовали их слишком настырно. И хотя ущерб был невелик, демонстрация силы оказалась убедительной. Особенно когда ядро прошило насквозь Дом собраний.

Лорд Перси дал отдохнуть людям полковника Смита, сам же занялся подготовкой

коридора для вывода войск в Бостон. По его приказу солдаты — им было разрешено убивать всех тех, кто будет отстреливаться, — осматривали придорожные построения. При необходимости дома дозволялось сжечь. В случае обнаружения ополченцев по ним следовало открыть огонь из орудий.

Дом, в котором засели Бо и Джейкоб, был пуст. Он находился близ дороги и идеально подходил для снайперов. Джейкоб поднялся на второй этаж в детскую — там стояла неприбранная кровать и валялась тряпичная кукла, — укрепил мушкет на подоконнике, нажал на курок. Во дворе лицом в грязь упал солдат. Не оборачиваясь, Джейкоб протянул оружие Бо — мальчик сидел позади него на полу. Бо передал ему второй мушкет, уже заряженный, и Джейкоб взял на мушку еще одного солдата. Бо так быстро перезаряжал оружие, что между выстрелами почти не было зазора.

Джейкоб старался не оборачиваться по нескольким причинам. Во-первых, Бо был приучен отцом действовать при стрельбе именно так. Во-вторых, мальчик вкладывал мушкет прямо ему в руку. В-третьих, Джейкоб благодаря такой методе мог не выпускать из поля зрения англичан. Ему с Бо уже дважды приходилось менять дома. И все же он не хотел оглядываться главным образом из-за самого мальчика. Бо все время плакал, о чем свидетельствовали две мокрые дорожки на щеках. Да и у Джейкоба всякий раз при взгляде на него в глазах закипали слезы. И еще кое-что беспокоило молодого человека. Неистово горящие глаза Бо. Его тяжелое дыхание. Сжатые челюсти. Мальчик заряжал мушкеты быстрее прежнего. Теперь это была его война. Он мстил за отца. А Джейкоб не мог не думать о том, что ребенку больше пристало бегать босиком по лугу. Бо был слишком мал для ненависти и убийства.

Последний выстрел Джейкоба привлек внимание гренадеров. Молодой человек отскочил от окна как раз в тот момент, когда прогремел ответный выстрел — в лицо полетели щепки. Пуля угодила в раму.

На личике Бо застыла гримаса ужаса.

— Джейб! — в панике закричал он.

— Со мной все в порядке! — крикнул молодой человек. И, ползком добравшись до мальчугана, добавил: — Они идут сюда!

Бо протянул руку и коснулся лица Джейкоба. На маленькой ладошке остался след крови. Молодой человек тоже дотронулся до лица и взглянул на пальцы. Занозы.

— Ничего страшного, — проговорил он одними губами. — Пошли!

Они подобрали мушкеты, пороховые рожки и пули, выскочили из детской и скатились по лестнице вниз. Спускаясь, Джейкоб подтолкнул мальчика к стене — англичане скорее всего направятся к парадному входу, а туда как раз выходит лестничное окно.

Дверь из кухни вела на улицу. Через узкую, в полглаза, щель Джейкоб заметил двух гренадеров, направляющихся к дому. Он резко остановился. Бо врезался ему в спину. Молодой человек указал на дверь и яростно затряс головой, давая понять своему маленькому товарищу, что во дворе их подстерегает опасность.

И в это мгновение Джейкоб услышал, как со страшным грохотом, словно ее снесли с петель, распахнулась парадная дверь. «Двое солдат спереди, двое сзади. Куда бежать? Разве что проскочить мимо кого-то».

Он потянулся за Бо, но того не было! Мальчишка исчез.

— Джейб! Джейб!

Шепот доносился из камина. То было громадное сооружение не менее восьми футов в

ширину. Угли давно прогорели — видимо, из-за событий в Лексингтоне хозяева не разводили утром огонь. Маленькая нога мелькнула в трубе и исчезла.

Вверх по лестнице прогрохотали тяжелые шаги — поднимался только один солдат. Стало быть, второй остался внизу. Еще двое того и гляди нагрянут в дом через черный ход. Джейкоб ступил в камин и протянул мушкет вверх, в темноту. Его забрали. Мальчуган затаился в трубе, упершись в нее спиной и ногами. Вопрос в том, сумеет ли протиснуться в дымоход мужчина. Осторожно, прижимаясь спиной к кирпичной кладке и пытаясь не оставлять следов в золе, молодой человек поднял ногу.

Дверь черного хода с грохотом распахнулась, спустя мгновение закрипели половицы.

Джейкоб подтянул вторую ногу — и едва не соскользнул вниз, в золу. Кирпичная кладка царапала спину и шею. Морщась, молодой человек изо всех сил карабкался вверх — наконец ему удалось немного продвинуться. Колени касались лица, мышцы ног напряглись до предела, но все-таки он не упал.

Солдаты рыскали по дому минут десять, заглядывали в шкафы и кладовки, били стекла, сквернословили. Один из них клялся, что снайпер уйти не мог. По мнению его товарища, здесь негде было спрятаться.

— Да гори ты ясным пламенем! — в сердцах произнес первый солдат, споткнувшись обо что-то тяжелое.

И сразу стало тихо.

— Ну, что ж, — раздался через минуту-другую чей-то голос, — пошли.

По дому прогрохотали кованые сапоги, и все смолкло. И хотя Джейкоб ободрал спину о кирпичи, а мышцы были готовы лопнуть, он не спешил вылезать на свет божий. Вдруг им устроили ловушку?

Запах дыма они почувствовали сразу. А немного погодя их слуха коснулся нарастающий с каждой минутой рев пламени.

Джейкоб и Бо зашлись мучительным кашлем: по дымоходу с гулом несся вверх дым.

— Джейб! — прошептал Бо.

Молодой человек медленно пополз вниз, затем, пытаясь высвободить ногу, напряг уставшие руки. Внезапно руки его ослабли, и он грохнулся в золу. Джейкоб выполз из камин. Кухня была объята пламенем. Молодой человек прикрыл лицо рубахой и с тревогой оглянулся на камин. Вниз упал мушкет, за ним второй. Джейкоб подобрал оружие. Появилась нога. Потом что-то щелкнуло, и в золу шлепнулся Бо. Если бы не пожар, появление Бо можно было бы считать забавным. Камин словно бы родил мальчика.

Удостоверившись, что его подопечный в порядке, Джейкоб подошел к двери и выглянул наружу. Начало нешуточно припекать, но молодой человек не хотел, убегая от пожара, угодить под огонь мушкетов. Он высунул голову. Поблизости никого не было.

Джейкоб схватил мушкеты, взял Бо за руку, и они, кашляя, побежали прочь.

К тому времени, когда они добрались до пансиона, на улице стемнело. Джейкоб не хотел возвращаться в Бостон, не узнав о том, как отреагировали на сегодняшние события «красные мундиры». Самым безопасным местом в округе, на взгляд молодого человека, было родовое гнездо Морганов, ныне служащее пансионом студентам Гарварда. И действительно, Джейкоба приняли там восторженно.

Как только в комнатах наверху узнали, что в гостиной находится участник сегодняшних событий, по лестнице затопотало множество ног. Воображение студентов было разбужено

бродившими по окрестностям слухами. Молодым людям не терпелось послушать очевидца боев. Джейкобу и Бо принесли ужин. Пока они ели, молодежь рассаживалась — был занят каждый стул, каждый дюйм пола.

Джейкоб расположился в кресле. Бо сидел на полу, привалившись к ногам молодого человека. Мальчуган смотрел на галдящих студентов широко открытыми глазами и обгладывал холодную куриную ножку. Здесь же находился Исав, чему Джейкоб ничуть не удивился. Исав — его руки были скрещены на груди — стоял, опираясь на дверной косяк. При виде еще одного Джейкоба Бо открыл рот от удивления и долго-долго переводил взгляд с одного близнеца на другого.

Стоило Джейкобу отодвинуть тарелку, и студенты тотчас набросились на него с вопросами. Пытаясь сдержать обрушившийся на него словесный поток, молодой человек поднял руки. Затем промочил глотком эля горло и заговорил.

— Для начала расскажу, что видел, а уж потом отвечу на ваши вопросы.

Кто мог перечить мужчине, у чьих ног лежали мушкеты, пороховые рожки и пули?!

Джейкоб начал рассказ с прибытия в Лексингтон Пола Ревира. К тому моменту, когда он закончил, Бо уже сладко посапывал, уткнувшись ему в колени. После того как в животе разлилась приятная тяжесть, молодой человек и сам почувствовал, что крайне утомлен. Еще пару часов он, борясь со сном, отвечал на вопросы. Но в конце концов заявил, что с разговорами лучше повременить до утра.

Стремясь пожать руку герою революции, студенты облепили его со всех сторон. В эту самую минуту Джейкоб увидел, как на лице брата появилось кислое выражение.

Джаред Морган до Англии так и не добрался. Их судно преодолело более половины пути, когда с идущего встречным курсом судна, вышедшего из лондонского порта десятью днями ранее, раздались приветственные выстрелы. Капитаны кораблей, встречающихся в открытом море, как правило, не упускают шанса скоротать вечерок за совместным обедом. На этот раз дружеская пирушка должна была состояться на борту судна, направляющегося в Америку.

По традиции на совместный ужин приглашались почетные гости. За годы подобных встреч сложился обычай: капитаны, словно завязтые картежники, пытались переиграть друг друга, причем в качестве козырей они использовали авторитет и богатство пассажиров. Как правило, корабли, держащие курс на Новый Свет, с легкостью обставляли «коллег», следующих в Англию. В конце концов, Британия была королевством, да к тому же богатым — так что у англичан определенный ресурс для побед имелся. Но после того как в колониях начались волнения, Америку посещало все меньше людей с положением. Вот почему капитан судна, шедшего из Бостона, заранее потирал руки — как-никак у него на борту находился Джаред Морган, богатый торговец и бывалый моряк в одном лице. Но на его долю выпало горькое разочарование. Перешагнув порог капитанской каюты, он увидел рядом со своим сияющим конкурентом Бенджамина Франклина.

Джаред эта встреча ошеломила не меньше. Поэтому, когда ему задали вопрос о цели его визита в метрополию, он без обиняков ответил:

— А у меня более нет никаких дел в Англии, потому как целью моей поездки был доктор Бенджамин Франклин.

Тема эта больше не затрагивалась. От объяснений Джаред уклонился, только поинтересовался, получил ли Франклин письмо от доктора Купера, на что ему был дан отрицательный ответ. Между тем Франклин со свойственной ему пронизательностью почувствовал, что Джаред хочет побеседовать с ним с глазу на глаз, и после обеда пригласил его к себе в каюту.

Кабюта оказалась тесноватой и узкой, но уже само то, что Франклин пользовался ею единолично, свидетельствовало о его высоком общественном статусе. Как только дверь затворилась, Джаред заговорил. Он вкратце пересказал Франклину свой разговор с Адамсом, Хэнкоком и Купером, результатом которого явилось его путешествие через Атлантику.

— Так-так! — хмыкнул Франклин. — Стало быть, вам велено за мной шпионить!

Лицо Джареда приняло такое растерянное выражение, что Франклин не выдержал и раскатисто расхохотался.

— Уверяю вас, сэр, я бы никогда не... — смущенно начал Джаред.

Франклин сделал успокаивающий жест. И не тратя времени даром, взял инициативу в свои руки.

— Прощу прощения, мистер Морган. — Говоря это, он обхватил руками свой необъятный живот. — Не хотел вас обидеть. Видите ли, я о вас наслышан. Знаю: вы человек высоких моральных принципов.

Польщенный, Джаред замолчал. А Франклин продолжил:

— Поверьте, я испытываю к вам глубокое почтение. И если хоть малая толика из того, что о вас говорят, правда, то я смело могу утверждать — вы не из тех, кто становится

игрушкой в чужих руках.

С этими словами Франклин пододвинул своему гостю стул. Сам же разместился на краю койки; он сидел, слегка подавшись вперед, локти на коленях, пальцы сцеплены, на лице — мальчишеский задор и любопытство.

— И все же у меня есть один вопросик... Для себя я решил, что непременно задам его вам при личной встрече. — Он выжидательно замолчал. Как только Джаред кивнул, он продолжил: — Люди поговаривают, и заранее прошу простить за прямоту, я ни в коей мере не хочу вас оскорбить, что до того как заняться торговлей, вы были, — Франклин запнулся, — пиратом.

На лице Джареда не дрогнул ни один мускул.

— По слухам, вы и есть тот самый легендарный Веселый Моряк с пиратской шхуны «Голубка». Ловкий и отважный сорвиголова, который, как бы это поточнее выразиться, ни разу не замарал руки бессмысленным убийством. Можно ли предположить, что Веселый Моряк и вы — один и тот же человек?

Джаред знал об этих слухах. Ему не раз припоминали его прошлое. В такие минуты он всегда реагировал одинаково: называл эти разговоры досужими и беспочвенными. Но сегодня подобный ответ показался ему неуместным. То ли легкое покачивание судна взбудрило кровь старого морского волка, то ли присутствие почтенного государственного мужа, вокруг которого тоже клубилось немало эксцентричных слухов, сыграло свою роль, но Джаред рискнул.

— Если бы я оказался тем человеком, — спросил он, — отнеслись бы вы ко мне с меньшим уважением?

— С меньшим уважением? — пророкотал Франклин изумленно. — Напротив, сударь! — Его глаза засверкали. — Мое скромное мнение таково: истинно великие люди соединяют в себе святого и разбойника. И я полагаю, что Веселый Моряк как раз такой человек.

Весь вечер Веселый Моряк потчевал хозяина каюты байками о приключениях «Голубки».

Этой ночью капитан Джареда потерпел двойное поражение. Он не только проиграл состязание на самого почетного пассажира, но и потерял своего лучшего клиента. Прежде чем корабли разошлись в океане, Джаред пересел на судно, идущее в Америку. Это произошло по его просьбе и настоянию Франклина. Таким образом, десятидневный вояж Джареда завершился, он возвращался в колонии, точнее в Филадельфию.

Случайная встреча оказалась подарком судьбы как для старого капитана, так и для Франклина. Они провели долгие часы в приятной праздности и разговорах: Франклин говорил о политике, а Джаред травил байки о своем плавании в Китай и Индию.

Во время путешествия Франклин в общих чертах обрисовал свой план по объединению колоний и Англии. Ядро идеи — единение колоний, их автономия и самоуправление, а также мирный, скрепленный кровными и дружескими узами союз Америки и Англии. Он назвал этот союз Содружеством наций. И, если ему удастся убедить колонии и Англию в выгоды своего предложения, этот союз, несомненно, станет самым впечатляющим мировым политическим альянсом.

Джаред был восхищен не только умом, но и страстностью Франклина. Этот человек говорил о Содружестве наций как о свершившемся факте. Широкими мазками он набросал

такую яркую картину, что Джаред мысленно уже видел себя и свою семью живущими в новом, франклиновском мире. И ему страстно захотелось помочь этому человеку.

Тем не менее план Франклина почил в бозе. Не успели они достичь Филадельфии, как узнали о вооруженном конфликте, произошедшем в Конкорде и Лексингтоне. Пока они в полной изоляции от мира предавались утопическим мечтаниям об англо-колониальном союзе, американские ополченцы и королевские войска безжалостно уничтожали друг друга. Франклин и Джаред не догадывались, что страница истории уже была перевернута — перевернута без их участия и согласия.

Этот конфликт оказался всего лишь первым толчком, знамением грядущих, еще более трагических событий. Быстро формирующаяся после вооруженных столкновений колониальная армия и английский военный гарнизон встретились на поле боя еще раз, теперь уже в Бридс-Хилле. Бостон — а стало быть, и Энн, обожаемая жена Джареда — попали в осаду. Не бывать великому содружеству наций. Англия и Америка оказались втянутыми в войну.

Двумя годами ранее, когда началось противостояние между Англией и ее североамериканскими колониями, был закрыт бостонский порт. Из-за этой блокады Бостон уже давно испытывал острую нехватку продовольствия. Чем меньше оставалось в городе запасов кофе, сахара, других продуктов, тем длиннее становились очереди, стремительнее росли цены и сильнее накалялись страсти.

Гостиная Энн Морган наполнилась голосами, звяканьем чашек и тихим жужжанием прялок. Внутреннее убранство дома на Бикэн-стрит свидетельствовало о завидном материальном положении его хозяина: под лепным потолком — тончайшей работы хрустальная люстра, на полу — массивный ковер с рисунком, на окнах — чудные парчовые шторы. И среди всего этого великолепия с тканями, спицами, ножницами, иглками сидели женщины; вокруг них в беспорядке валялись разноцветные лоскутки. В глубине комнаты ни на минуту не смолкая гудели две прялки. Женщины пришли сюда по приглашению хозяйки особняка: Они шили рубахи и вязали носки для бойцов колониальной армии.

После того как мужчины покинули фермы, конторы, мастерские, мануфактуры и записались в армию, женщинам ради спасения семей пришлось выйти в поля, стать к печатным станкам, взять на себя руководство компаниями. Вдобавок к этому многие колонистки занимались в свободное время нуждами армии. Одни собирали деньги на обмундирование и пособия для солдат, другие размещали у себя раненых. Немало хозяек отдавало оловянную посуду — тарелки, кастрюли, блюда — на переплавку; из олова отливали мушкетные пули. Некая дама вовлекла соседей в двухдневный марафон по выпечке хлеба. Когда ополченцы проходили мимо ее дома, на улицу выносили длинные столы, на которые выставляли столько сидра и клали столько хлеба и сыра, что можно было накормить целый полк. Энн Морган превратила свой дом в пошивочную мастерскую. Женщины работали здесь, сменяя друг друга; каждая из них старалась внести посильную лепту в общее дело. На связанных и сшитых вещах вышивалась дата их изготовления. Поскольку нынешний год уже перевалил за середину, на рубахах и носках ставили дату следующего — 1776.

Энн организовывала работу, кормила женщин, читала им отрывки из Библии, а также, по особому настоянию, декламировала свои стихи — мастерицам это казалось достойным

вознаграждением. Женщин ободряло то, что они могут помочь своим мужчинам. Кроме того, пока они шили, Энн связывала их души дружбой. Ей удалось создать на редкость доверительную атмосферу: мастерицы посвящали друг друга в семейные тайны и делились сокровенными, доселе высказываемыми лишь во время молитвы желаниями. А еще они обсуждали свежие новости с театра военных действий, рассказывали, где можно найти те или иные товары. И все же главной заслугой Энн было то, что в ее доме женщины ощущали моральный и эмоциональный подъем.

Деловой партнер Джареда — его старшая сестра Присцилла Морган Гиббс принимала живейшее участие в затее Энн. Она не только ведала бухгалтерией в семейной компании Морганов, но и вместе с мужем владела бостонской таверной «Добрая женщина». Тем не менее ей удавалось выкраивать время и как минимум два раза в неделю трудиться у Энн. Присцилла всегда была женщиной рациональной, чуждой сантиментов. Однако когда при первой встрече со своими работницами Энн объяснила им, что заняться изготовлением одежды для ополченцев ее побудил опыт некогда существовавшего кружка «Дочери Деворы», миссис Гиббс чуть не расплакалась.

Кружок «Дочери Деворы» был создан Присциллой Морган в юности. Входящие в него молодые женщины собирались вместе и изучали Библию. Местные власти и служители церкви «щедро отблагодарили» Присциллу за старания, поставив ее на целый день к позорному столбу. Энн одна из первых присоединилась к «Дочерям Деворы»; в течение всей своей жизни она с благодарностью вспоминала, как члены кружка воодушевляли ее на создание стихов.

— Пока мы держим иголку в руках, — сказала Энн, открывая свое предприятие, — мужчины могут за нас не беспокоиться.

В кружке Энн не считалось зазорным читать вслух личные письма. Открытость и благожелательность хозяйки дома вызывали у женщин желание делиться семейными новостями. Одни письма заставляли сердца разрываться от тоски и боли, другие — биться от радости. Если на этой неделе женщина проливали слезы над печальным известием, то на следующей плакала от счастья.

— Сегодня у меня хорошие новости, дамы, и я спешу ими поделиться, — сказала Энн, разворачивая сложенный лист. — Это письмо от Джареда, и оно просто замечательное. Видите ли, предполагалось, что он находится... впрочем, давайте я просто прочту его вам.

Ее лицо зарумянилось от удовольствия, и она начала читать:

«7 мая 1775 года, Филадельфия, Пенсильвания.

Моя дорогая Энн. Да, ты все прочла верно — Филадельфия. До Англии я так и не добрался. Если бы не Божий промысел, поездка моя оказалась бы зряшной. По приезде в Лондон я бы узнал, что доктор Франклин уже две недели как отбыл в Америку. Но Господь добр (а случившееся со мною можно объяснить только этим): Его рука направила наши корабли к неминуемой встрече в Атлантике.

Спешу сообщить тебе, что доктор Франклин поразительный человек и что наше взаимное уважение переросло в теплую дружбу.

Летом я буду помогать ему — по его просьбе — на Континентальном конгрессе. Как бы мне хотелось поведать тебе о невероятных событиях, происходящих здесь, о людях, которых мне довелось встретить, — представителях всех колоний! Когда я вернусь домой, времени у нас будет предостаточно, и я расскажу тебе обо всем очень-очень подробно.

Моя милая, драгоценная Энн. Что я могу сказать, как передать словами свое страстное

желание быть подле тебя? В конце концов, благодарение Господу, наша разлука не будет столь долгой, как мы предполагали. Надеюсь вернуться домой к сентябрю. Ты никогда не узнаешь, как сильно я люблю тебя, потому что слова не могут этого передать.

Бесконечно преданный тебе,
Джаред».

Застенчиво улыбаясь, Энн сложила письмо.

— Многие из вас знают, что Джаред редко бывает дома. Тяжела доля жены моряка. И когда он сообщил мне о своей поездке в Англию, я здорово на него разозлилась — опять остаюсь одна! Но я была глупа. Господь бесконечно добр к нам, Он вернул Джареда домой, в Америку. — Она выпрямилась на своем стуле. — Ну, хорошо, кто следующий?

Следующей была Присцилла — она решила познакомить женщин с письмом своей подруги Абигаиль Адамс, жены Джона Адамса. Для чтения был выбран следующий отрывок:

«Я сказала Джону, что мы здесь ни в коей мере не впадаем в отчаяние. Наш дух не сломишь. Если наши мужчины будут от нас отрезаны, а мы подвергнемся нападению, обнаружится, что в Америке появилось племя амазонок. И если мужчины уступят Британии, им придется встретиться с армией женщин, которые выступят против них самих. Потом я напомнила ему, что сарацины — после того, как они, поджав хвосты, позорно бежали с поля боя — были убиты своими женщинами!»

Присцилла отложила письмо и расхохоталась. А затем присовокупила:

— И зная Абигаиль, скажу: она пишет, что думает.

В эту минуту в гостиную вошла Мерси. Все мгновенно умолкли; тишину нарушало только легкое жужжание прялок. На балах, среди разодетых в пух и прах дам и кавалеров, в атмосфере веселья и радости, Мерси единодушно признавали королевой; однако здесь, меж буднично одетых женщин, чей стиль отношений определяла выполняемая ими работа, она была чужой.

Лицо Присциллы мгновенно стало серьезным и строгим. Ни для кого не было секретом, что она недолго любила невестку брата. Они были полярно противоположны по характеру. Если младшая привлекала мужчин красотой, то старшая даже в юности отпугивала их своим умом. Мерси была высокой, черноволосой, Присцилла — миниатюрной и рыжей. Мерси обожала находиться в центре внимания и души не чаяла в развлечениях. Присцилла страстно любила книги, теологию и интеллектуальные поединки. Мерси жила минутой, Присцилла была дальновидна и рачительна. При всяком удобном случае она старалась избегать общества Мерси. Так легче сохранить гармонию в семье. Чем дольше Присцилла находилась рядом с женой племянника, тем труднее ей было удержаться от колкостей. Наступившая тишина подсказала Присцилле, что в Бостоне не она одна с трудом сохраняет вежливость в присутствии этой молодой особы.

— Вы хотели видеть меня? — Мерси подошла к Энн. Она была в шикарном, украшенном лентами и бантами платье — резкий контраст со скромной одеждой мастериц. Легкая, заметная лишь острому глазу округлость в талии указывала на ее беременность.

— Да, дорогая. Мне нужна твоя помощь, — ответила Энн.

Мерси оторопело глянула на пестрый ворох лоскутов и ниток.

— Боюсь, — смущенно хихикнула она, — от меня не будет проку. Мой отец был портным, но я в шитье ничего не смыслю.

— А печь вы умеете? — взглянув поверх очков, поинтересовалась сидящая рядом с Энн старушка.

Мерси отрицательно покачала головой.

— Моя мама прекрасно готовит, но я никогда...

— А прибираться в доме? — подала голос мать десяти детей, женщина с грубо скроенным лицом.

Мерси нахмурила лоб и стала похожа на обвиняемого во время допроса. Энн поспешила ей на выручку:

— Слава Богу, для домашней работы у нас есть слуги. — А потом обратилась к невестке: — Дорогая, сходи, пожалуйста, на Кинг-стрит. Говорят, один из тамошних лавочников получил партию кофе.

Мерси непонимающе смотрела на свекровь.

— Ты ведь умеешь стоять в очередях, правда? — вкрадчиво поинтересовалась Присцилла.

По гостиной прокатился возбужденный, сопровождающийся смехом шепоток.

— Ну что ж, я с удовольствием куплю кофе, — тряхнув непокорной головой, хладнокровно сказала Мерси. — Если вы проследите, чтобы экипаж подали прямо к входу, я выйду через минуту.

На этот раз Энн ничем не помогла невестке:

— Ты же знаешь: лошадей сейчас не хватает. Сожалею, но тебе придется пойти пешком. Это не так уж и далеко.

— Ты умеешь... — сладко протянула Присцилла, давась от смеха.

Твердый взгляд Энн остановил ее на полуслове.

Но сказанного было достаточно — по гостиной вновь порхнул смешок.

— Я скоро вернусь.

Не обращая внимания на ехидные взгляды женщин, Мерси поднялась к себе, взяла шляпку и вышла из дому.

О месте продажи кофе, должно быть, знал весь город. К тому времени, когда Мерси подошла к лавке, здесь уже собралась добрая половина женского населения Бостона. Мерси окинула взглядом улицу — вдоль ее правой стороны лепилась длиннющая очередь. При виде этой картины Мерси чуть было не повернула обратно, как вдруг ей пришло на ум, что дамочки из гостиной обязательно подымут ее на смех. Капризно выпятив губку, она пристроилась в хвост очереди.

Мерси простояла больше получаса, но с места не сдвинулась. Она прочитала все вывески на улице. Поглазела на прохожих — в основном это были женщины и английские солдаты. Безучастно послушала стоящих впереди нее горожанок, с увлечением обсуждавших, опасно ли выдергивать молочные зубы и больно ли при этом детям. Передумала о чем только можно. Но не продвинулась ни на шаг.

— Простите, пожалуйста. — Она дотронулась до плеча женщины, стоящей впереди нее, — та с упоением описывала, как у ее сына семь часов безрезультатно выковыривали, выкручивали и вытягивали гнилой зуб. Раздраженная тем, что ее прервали на полуслове, женщина обернулась.

— Простите, пожалуйста, — повторила Мерси, — как долго вы здесь стоите?

Женщина — у нее во рту не доставало нескольких зубов — оглядела Мерси с головы до ног и тотчас преисполнилась к ней неприязнью.

— Намного дольше, чем ты, принцесса, — нелюбезно процедила она, а затем,

отвернувшись, вновь принялась чесать языком.

— Еще раз прошу прощения, но не могли бы вы выразиться точнее? Как долго вы стоите?

— Три четверти часа! — рявкнула женщина. — Тебе-то что?

— Ничего. Спасибо.

Мерси сошла на мостовую и окинула взглядом очередь. Никаких изменений. Полчаса — и никаких перемен. «В конце концов, это просто смешно!» — сказала она сама себе. И, приподняв юбки, зашагала по улице. Подойдя к середине очереди, она поинтересовалась у какой-то женщины, давно ли та здесь стоит. Оказалось, два часа. Мерси сделала еще несколько шагов и повторила свой вопрос. «Два часа сорок пять минут», — ответили ей. Женщины, находящиеся в голове очереди, ждали уже более трех часов. Дверь, возле которой они стояли, была заперта.

— Вы уверены, — спросила Мерси у женщины, стоящей подле двери, — что это та самая лавка, где продают кофе?

— Так сказал владелец товара.

— Он сам это сказал? Три часа назад?

Женщина кивнула.

— Что же его так задерживает?

— А я почему знаю? Я не его партнер! Ступайте-ка лучше на свое место.

Мерси оглянулась на длиннющую очередь, потом шагнула к двери. И принялась в нее колотить.

— Открывайте! — закричала она. — Отоприте эту дверь немедленно!

Она постояла, подождала ответа. Никто не откликнулся. Тогда она начала колотить в дверь с еще большим рвением.

— Открывайте! Я буду стучать, пока вы не откроете...

Дверь со скрипом распахнулась. На пороге стоял сутулый человечек с крючковатым носом и жидкими седыми волосами — его ответные крики были слышны еще до того, как щелкнул замок. Когда двери полностью отворились, на улицу хлынула отборная брань. Внезапно лавочник запнулся на полуслове — он увидел Мерси.

— И что у нас случилось? — протянул он медоточивым голосом. За его спиной, в глубине помещения, Мерси заметила стол, за ним в небрежных позах сидели два подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Один из них водрузил ноги на стол. Мальчишки ели. Еще один стул был не занят, перед ним лежали хлеб и рыба.

Сутулый человечек шагнул вперед и взял Мерси за локоть.

— Входите, мэ, — промурлыкал он, а затем, источая елей, поинтересовался: — Могу я вам чем-то помочь?

Мерси стряхнула руку лавочника со своего локтя.

— Вы можете продать нам немного кофе.

Мужчина мазнул взглядом по толпе. Пытаясь разглядеть, что происходит в дверях, женщины сошли на мостовую и подались вперед.

— Вам лучше войти, — человечек сморщил свой крючковатый нос и кивнул Мерси, — и переговорить со мной с глазу на глаз.

— Нет. Мы будем разговаривать здесь, если не возражаете.

— Но я возражаю, милочка. У тебя появился шанс. Входи, и мы договоримся, или ты вообще ничего не получишь.

Мерси негодуяюще отступила. И воинственно уперев руки в боки, крикнула:

— Да как вы смее! Эти женщины торчат здесь уже три часа. Будете вы продавать им кофе или нет?!

Очередь вздрогнула и загудела; с десятков голосов присоединились к требованию Мерси начать торговлю.

От ярости рот торговца сжался в ниточку. Он шагнул на мостовую и изверг на женщин поток грязных ругательств. А затем, крикнув:

— Не будет вам никакого кофе! Хотите кофе — приходите завтра! И завтра вы заплатите в пять раз больше против сегодняшней цены! — скакнул через порог и захлопнул за собою дверь.

Улица потонула в гневных криках; толпа обвиняла Мерси в повышении цены на кофе, осуждала ее поведение, осыпала проклятиями. Увидев рядом с собой искаженные яростью лица, Мерси испугалась за свою жизнь. Некоторые женщины подступили к ней почти вплотную. Они напирали на нее, бесновались, плевались, потрясали кулаками.

И в этот самый миг в душе Мерси Морган что-то вспыхнуло и рванулось на волю. Словно бы проснулся доселе спящий вулкан.

— Послушайте меня! Послушайте меня! — Она вскинула руки над головой, повторяя вновь и вновь эти два слова. — Послушайте меня! — Мало-помалу крики смолкли. — Вы злитесь! — прокричала Мерси. И толпа тотчас ответила ей новой вспышкой гнева, которую было так же трудно погасить, как и первую. — И вы имеете на это право! — не сдавалась Мерси. — Но ваше негодование направлено не на того человека. — Очередь опять взревела. — Злиться на меня бесполезно, это вам ничего не даст!

Какая-то женщина крикнула в ответ:

— Не знаю, как другие, но я, по крайней мере, чувствую себя лучше!

Эти слова вызвали смех и породили новый шквал восклицаний.

— Позвольте поинтересоваться, — упорствовала Мерси, — вы хотите чувствовать себя лучше или вы хотите кофе?

— Как же мы купим кофе, если он не желает его продавать? — раздалось несколько голосов.

— А вы знаете, чем занимался этот человек, пока вы маялись в очереди? Когда дверь распахнулась, я увидела, что он делал! Так вы знаете, чем он там занимался?

Дружный хор голосов потребовал от Мерси дать ответ на ее же вопрос.

— Он сидел, задрав ноги на стол, и неторопливо набивал свою утробу! Ваши дети дома одни, неухоженные, без пригляда, ваше хозяйство заброшено, дела недоделаны, вы впустую простаиваете в очереди, а он наслаждается неспешной трапезой!

Толпа негодуяюще взревела.

— Разве его работа важнее вашей? А время драгоценнее? С какой стати он заставляет вас часами куковать в очереди? Кто позволил ему вот так, по первой прихоти, в пять раз вздуть цену на кофе? Пока вы тут стоите, он придерживает товар и накручивает цены!

Негодование женщин нарастало.

— И что мы собираемся делать со всем этим? — Пытаясь перекричать толпу, Мерси вновь возвысила голос.

— Говори! Говори!

Лицо Мерси озарилось победной улыбкой, озорной и лукавой; глаза весело сверкнули.

— Мы собираемся купить кофе, — гордо заявила она. — Но для начала нам надо

добраться до этого наглеца. Кто-нибудь знает, как открыть эту чертову дверь?

Под натиском разъяренных женщин двери было не устоять. В мгновение ока она слетела с петель, и толпа хлынула в помещение. Мальчишки тотчас исчезли. Лавочник был не столь проворен. Крепкие, привычные к тяжелому труду руки женщин пригвоздили мужчину к стене. Он мгновенно покрылся крупным лошадиным потом.

— Мы пришли сюда, — заговорила Мерси безапелляционным тоном, — купить кофе по сегодняшней цене.

Лавочник выругался.

— Вы не можете заставить меня продать вам мой кофе! — заклокотал он возмущенно и попробовал высвободиться.

— Не думаю, что дамы жаждут получить такой ответ, — произнесла Мерси. — Сами им это скажете?

Лавочник молча уставился на нее, тогда Мерси повернулась к женщинам и прокричала:

— Он не намерен продавать вам кофе, дамы. И как, по-вашему, мы можем его переубедить?

Толпа всколыхнулась и подалась вперед. Отнюдь не дружеский настрой женщин и их количество вынудили лавочника изменить линию поведения.

— Кофе здесь нет! — взвизгнул он. — Его здесь нет!

— То есть вы хотите сказать, что все это время водили нас за нос и у вас нет кофе?

Лавочника чуть не распяли.

— Стойте! У меня есть кофе! Но не здесь! Не на этом складе!

— Ну так веди нас куда надо! — бойко приказала Мерси.

Женщины погрузили пленника на телегу, найденную здесь же, на улице, и двинулись к верфи. Процессия добралась до склада и остановилась перед запертой дверью. Мерси потребовала ключ и получила отказ. После чего пять или шесть дюжих хозяйшечек помогли лавочнику найти ключ, раздев его чуть ли не догола.

Склад открыли, и женщины занялись поисками кофе, а потом и его продажей. Они приволокли мешки, сдвинули столы, поставили весы. Мерси, войдя в раж, взвалила себе на плечи мешок и совсем уже было собралась тащить его к весам. Однако какая-то женщина отобрала у нее кофе и, заботливо похлопав будущую мамашу по округлившейся талии, сказала:

— Подумай о малыше, дорогая. К тому же кто-то должен заняться продажей кофе. Ты все затеяла, так почему бы тебе не довести дело до конца?

Пока женщины возились с кофе, лавочник сбежал. Мерси отслеживала каждую покупку, заносила данные в список и считала деньги.

Вид работающих женщин привлек внимание большой группы мужчин. Торговля кофе шла бойко, и покупательницы были этим очень довольны. В ту самую минуту, когда последняя женщина расплатилась за покупку, в складское помещение в сопровождении чиновников ворвался лавочник. Он некоторое время кричал о краже кофе, избиении и похищении. Затем чиновники потребовали от Мерси объяснений, и та обвинила лавочника в сокрытии товара и обмане потребителей.

— А что до кражи, господа... — И он протянула чиновникам деньги и список. — Справедливая цена на кофе, не находите?

Просмотрев бумаги, чиновники вынуждены были с ней согласиться. Лавочника задержали для дальнейшего разбирательства.

Когда Мерси покидала склад, столпившиеся вокруг него мужчины разразились бурными рукоплесканиями. Однако молодая женщина восприняла это холодно.

— Будь вы джентльменами, — сказала она им, — вы бы нам помогли, а не глупо на нас тарасились.

Мерси Рид Морган возвращалась домой победительницей. Когда она вошла в гостиную, женщины как раз заканчивали шитье.

— Да что же это такое? — вскричала Энн, увидев невестку, — Мерси, дорогая, что с тобой случилось?

— Я ходила за кофе, — последовал ответ.

— Милая, но ты выглядишь ужасно! Лицо — в грязи, а руки-то, руки!.. Будто ты на складе мешки таскала.

Все члены маленького мануфактурного сообщества сгрудились вокруг молодой женщины.

— Купить кофе было не так-то просто. Намного труднее, чем я предполагала. — Мерси протянула свою добычу Энн. — Но я все-таки купила, и притом за хорошую цену.

С этими словами она рассекла плотное кольцо женщин и начала подниматься по лестнице.

Присцилла наклонилась к Энн и прошептала:

— Может, все это время мы ошибались на ее счет?

Но тут Мерси приостановилась:

— Энн, я хочу немного полежать. Будьте добры, проследите, чтобы меня не беспокоили. Но на обед позовите — я умираю с голода.

— А может, и не ошибались, — добавила Присцилла.

Исав Морган стоял против офицера, занимающегося вербовкой в континентальную армию. Вместе с другими молодыми людьми, только что произведенными в офицеры, он поднял руку и повторил клятву:

«Я, Исав Морган, торжественно свидетельствую, что я не являюсь подданным короля Британии Георга III и не обязан служить ему верой и правдой; подтверждаю, что я не связан с ним более никакими обязательствами; клянусь все свои способности и всю свою волю направить на то, чтобы поддерживать тринадцать колониальных конфедераций Америки, а также защищать их от вышеупомянутого короля, его наследников и правопреемников (либо от его или их верноподданных пособников и последователей). Клянусь не замарать честь мундира офицера континентальной армии».

После событий 19 апреля жизнь Исавы дала крутой зигзаг. Неделями он пытался переспорить своих пансионеров — но тщетно. Все они были пламенными пропагандистами революции, ее фанатичными приверженцами. За это Исаву следовало благодарить брата, неожиданно появившегося на пороге пансиона и рассказавшего студентам о столкновениях с англичанами. Поначалу Исав склонен был приписывать подобные настроения только незрелым, восторженным умам. Однако после событий в Лексингтоне и Конкорде он обнаружил, что революционными настроениями заражены все колонии и что даже непреклонные лоялисты, самые утонченные и эрудированные умы Гарварда, страдают патриотической горячкой.

В воскресный полдень после утренней службы — в церкви как раз была произнесена

очередная тирада против короля и парламента, изобиловавшая цитатами из Ветхого Завета, в которых говорилось о необходимости свободы для людей Божьих, — Исав прогуливался по берегу реки Чарльз, несущей свои воды мимо величественного белоколонного дома Морганов. Молодой человек вошел в прохладную тень деревьев, опустился на землю и прислушался к тихому плеску волн. Он сидел близ реки до тех пор, пока не решил следующее:

Во-первых, после разговора с Мерси мысль о переезде в Англию потеряла для него всякую привлекательность. К тому же если он останется в Америке, а с Джейкобом что-то случится, отношения с Мерси могут наладиться.

Во-вторых, конфликт между метрополией и колониями неминуемо завершится войной. Правда, Континентальный конгресс послал королю символ мира — «оливковую ветвь» [\[26\]](#), но надеяться на то, что она будет принята, глупо. Только что был отвергнут план по мирному урегулированию лорда Норта [\[27\]](#) и принята Декларация о причинах и случаях необходимого применения оружия; кроме того, Конгресс назначил главнокомандующим колониальной армией вирджинского плантатора Джорджа Вашингтона [\[28\]](#).

В-третьих, если сопротивление окажется упорным (хотя о победе колониальных войск и думать-то смешно), Англия будет вынуждена вступить в переговоры.

И наконец, последнее: ему надо определиться, на чьей он стороне. Занимать нейтральную позицию опасно. В одном отец прав. Будущее их семьи здесь, в Америке. Впрочем, как и его, Исава, будущее с Мерси.

Основание для принятия решения о вступлении в континентальную армию у Исава Моргана было одно: вынудить власти Англии принять отвечающее интересам обеих сторон соглашение. По крайней мере, так он говорил знакомым. Благодаря своему образованию и возрасту, он был произведен в офицеры и принят в полк, которым командовал полковник Бенедикт Арнольд [\[29\]](#).

Летом 1775 года Джордж Вашингтон, прибыв в Кембридж для того, чтобы вступить в должность главнокомандующего континентальной армии, обнаружил, что почти семнадцать тысяч мужчин жили в совершенно недостойных для людей условиях. Их небольшой, возведенный на скорую руку лагерь состоял из землянок, палаток и сколоченных из подручного колья хибар. Большинство солдат имели при себе одну смену одежды — как правило, домотканые шерстяные штаны, льняную рубаху и кожаный жилет. Вооружены они были самодельными кремневыми ружьями, собранными из старых мушкетов. Денно и ночью эти люди волновались о своих семьях.

Дисциплины не было никакой. Командный состав состоял из нескольких офицеров и необученных сержантов. Вашингтон был неприятно поражен тем, что офицеры враждующих сторон то и дело переговаривались между собой через заграждения. Наблюдались случаи трусости и несоблюдения субординации.

Таким образом, первоочередной задачей Вашингтона было преобразование стихийно сложившегося ополчения в хорошо организованную армию. Главнокомандующий потребовал неукоснительно соблюдать дисциплину, запретил богохульствовать, сквернословить, пьянствовать. Строго следил за тем, чтобы солдаты и офицеры ежедневно посещали церковь, чтобы они выглядели опрятно и содержали лагерь в чистоте. За нарушения, особенно за воровство и самовольные отлучки, полагались жесточайшие телесные наказания. Каждый день проводились построения и устраивались показательные порки. Нарушители получали от тридцати девяти до пятисот ударов плетью.

Наведением порядка командующий армией занимался до тех пор, пока не изгнал из лагеря всех негодных к службе офицеров и солдат.

Кроме того, под его неусыпным руководством полным ходом шли хозяйственные работы: возводились ограждения, рылись окопы, заготавливался и поставлялся в лагерь лес.

Исав направлялся к своему командиру. Сегодня все было для него впервые. В первый раз он собирался встретиться с полковником Арнольдом, в первый раз шел по лагерю в офицерском одеянии, с капитанскими знаками отличия. Впрочем, мундиров во вновь формирующейся армии еще не существовало — молодому человеку выдали красную шелковую ленту, маленькую саблю с ремнем и ножнами и серебряный эполет, который он нацепил на правое плечо. Когда Исаву отдавали честь, это доставляло ему больше удовольствия, чем следовало. (Имеющим при себе оружие солдатам при виде офицера предписывалось замереть на месте и примкнуть ружье к плечу, прочие должны были остановиться, повернуться лицом к старшему по званию и широким жестом снять шляпу.)

— Джейб! Джейб!

Исав помнил Бо с той самой ночи в Кембридже. Мальчонка тянул Джейкоба за рукав и указывал на Исаву. Рядом с братом и Бо навстречу Исаву шли два солдата, которые при виде капитана остановились и сняли свои шляпы в знак приветствия. Спустя секунду их глаза полезли на лоб от изумления — незнакомый офицер разительно походил на их друга. Джейкоб в соответствии с предписанием машинально поднес руку к шляпе, но, сообразив, кто перед ним стоит, тотчас ее опустил. Его недоумение сменилось яростью.

— Ах ты, вероломная лисица! — заклокотал он. — Что ты здесь делаешь? Как ты

посмел нацепить на себя знаки отличия офицера континентальной армии! Да я...

С этими словами он угрожающе двинулся на брата.

— Отставить! — прогремел за спиной Исава чей-то голос.

В ту же секунду Джейкоб вытянулся в струнку и отдал честь. Исава обернулся и, увидев гарцевавшего перед ним на коне человека, последовал примеру брата.

Развернув широкие плечи, в седле сидел Джордж Вашингтон. Сопровождающего его полковника Исава не узнал, но отметил волевое лицо, высокий лоб, выдающуюся вперед челюсть и пронзительные серые глаза. Хотя Джекоба остановил властный окрик полковника, сердито нахмуренный лоб Вашингтона красноречиво указывал на то, что он солидарен со своим спутником. Полковник обратился к Джейкобу:

— Полагаю, у вас есть достаточно серьезные основания для нападения на офицера. — В эту самую минуту он обнаружил, что стоящие перед ним капитан и солдат похожи как две капли воды. — Так! Ясно! Братья. — Он обернулся к генералу. — Поразительное сходство, не находите, сэр? Один — офицер, другой — солдат. Это многое объясняет.

— Сэр, это не объясняет... — начал Джейкоб.

— Говорите, но быстро, — перебил его полковник. — И постарайтесь быть убедительным, тогда я смогу ограничить наказание тридцатью девятью плетями.

— Он предатель, сэр, — твердо произнес молодой человек. — Я совершенно уверен: он шпион. Революционные идеи никогда его не волновали, он всегда сочувствовал англичанам.

Вашингтон и его спутник устремили глаза на Исава.

— Это правда? — спросил полковник.

— Сэр, я перешел на сторону революции недавно, — признался Исава. — Да, поначалу я поддерживал короля, но это в прошлом.

Полковник испытующе буравил холодными стальными глазами лицо Исава.

— Вы принимали присягу? — поинтересовался он.

— Да, сэр.

— Вы можете доказать, — обратился к Джейкобу Вашингтон, — что ваш брат оказывал содействие врагу?

— Нет, сэр.

Вашингтон кивнул.

— Не думаю, солдат, что переход из подданных Англии в подданные Америки дался кому-то из нас легко. Есть, конечно, люди, которые пересмотрели свои взгляды раньше остальных. Приняв присягу, ваш брат признал свершившуюся в нем перемену. И до тех пор, пока нет очевидных фактов, доказывающих обратное, этот человек является офицером континентальной армии и заслуживает уважения.

— Ваше имя, капитан? — обратился полковник к Исаву.

— Морган, сэр.

— Исава Морган?

— Да, сэр.

— Вы один из моих подчиненных, верно? Я полковник Арнольд. Уверен, вы направляетесь на офицерское собрание.

— Да, сэр.

— Извольте позаботиться о наказании вашего брата — тридцать девять плетей за нарушение субординации.

И Вашингтон с Арнольдом продолжили свой путь.

Исав остался наедине с братом, его друзьями и Бо. Повисла долгая, напряженная пауза.

— Я предпочел бы забыть об этом инциденте, Джейкоб, — нарушил затянувшееся молчание Исав. — Мне не хочется тебя наказывать.

— Я не нуждаюсь в вашем снисхождении, сэр, — умышленно обходя взглядом брата, ответил Джейкоб, а затем добавил: — Мы можем идти, сэр?

— Как там родители, не знаешь?

Молчание.

— Ты ведь с апреля не был дома?

Молчание.

— Удивительно, что застал тебя здесь. Думал, ты попытаешься добраться до Бостона и навестишь Мерси... учитывая ее положение.

Глаза братьев встретились.

— Какое положение?

«Он не знает! Мерси ему ничего не сказала!» — Голова Исавы закружилась от радости. Губы расплзлись в широкой улыбке.

— Какое положение? — взвился Джейкоб. Ярость так явственно проступила на его лице, что напугала Бо. — Офицер ты или нет, я разорву тебя на клочки, если не скажешь!

— У нее будет ребенок, — проронил Исав.

— Почему она сообщила об этом тебе, а не мне?

— Об этом следует спросить у нее.

Джейкоб ринулся с кулаками на Исаву.

— Я знаю, почему...

Друзья схватили Джейкоба за руки. Им пришлось приложить все свои силы, чтобы оттащить приятеля от Исавы. Даже Бо держал Джейкоба за ноги.

— Ты отец, верно? — клокотал Джейкоб. — Признайся! Ты отец!

— Предлагаю вам, — посоветовал Исав солдатам, — увести своего дружка, пока он чего-нибудь не выкинул и не попал под трибунал.

С этими словами капитан Морган повернулся и зашагал прочь.

В тот же день, позднее, Джейкоб вернулся в часть, дабы понести наказание. Молодой человек сообщил о назначенных ему тридцати девяти ударах плетью. И тут выяснилось, что дела на него не заведено и никакого дисциплинарного взыскания ему, счастливчику, не полагается. Джейкоб продолжал настаивать на порке и полез на рожон. На него посмотрели как на сумасшедшего и приказали вернуться в подразделение. Тогда молодой человек обругал офицера полевого суда и получил свои тридцать девять плетей.

С офицерского собрания Исав вышел раздосадованным. Он направлялся в Квебек. Полковник Бенедикт Арнольд прибыл в Кембридж главным образом для того, чтобы убедить Вашингтона взять Квебек до наступления зимы. Справиться с такой ответственной задачей, по мнению полковника Арнольда, мог только один человек — сам полковник Арнольд.

— Морган!

Резко обернувшись, Исав едва не столкнулся со своим командиром.

— Вы приняли надлежащие меры в связи с сегодняшним инцидентом? — осведомился полковник.

— Да, сэр.

— Из чистого любопытства, Морган. Как так вышло, что вы — капитан, а ваш брат

простой пехотинец?

— Джейкоб никогда не пылал страстью к ученью, сэр. Пока я грыз гранит науки, он работал в доках. А вот на военных сборах мы были оба. Так что разницу в наших званиях определило образование.

— Резонно, — буркнул полковник. — Да, вот еще что...

— Да, сэр?

— Есть хоть частичка правды в обвинениях, выдвинутых против вас братом? Можно ли вас считать неблагонадежным человеком?

— Нет, сэр.

Какое-то время Исав ощущал на себе изучающий взгляд Арнольда. Пятнадцать секунд, тридцать, сорок пять.

— Наши жизни зависят от каждого из нас, Морган, — наконец разомкнул уста полковник. — Если выяснится, что вы подвергаете риску моих ребят, я вас расстреляю. Лично. Я достаточно ясно выразился?

— Да, сэр.

«Это было ошибкой. — Исав Морган пришел к такому заключению, не прослужив в континентальной армии и недели. — Как я мог совершить подобную глупость? Люди не меняются. Ни та, ни другая сторона меня не примет. Революционеры никогда не простят мне преданности королю, а англичане того, что я колонист».

Молодой человек вихрем влетел в палатку и принялся паковать вещи. Полдень, пятница, 15 сентября. Через пару часов отряд выступает в поход. Исав только что присутствовал на военном совете, где рассматривался план предстоящей экспедиции.

На бумаге план выглядел просто, а вот воплощать его в жизнь будет тяжело.

Целью похода был Квебек. Несколькими месяцами ранее колонисты захватили форт Тикондерогу; полковник Арнольд, принимавший участие в этой операции, твердо уверовал в то, что овладеть Квебеком можно. Полковник не сомневался: канадцы — имей они выбор — охотно присоединятся к мятежникам. В конце концов, в Квебеке в основном жили французы, перешедшие после недавней англо-французской войны под управление англичан. Операция не была направлена на захват территории или объединение с Канадой — требовалось исключить малейшую угрозу нападения с севера. Иными словами, захват Квебека был важен стратегически.

Полковник Арнольд пребывал в полной уверенности, что город могут взять только его люди. Однако Вашингтон возложил эту миссию на генерала Шуйлера, чьи войска стояли в окрестностях озера Чамплин. Шуйлер будет продвигаться в сторону Квебека по реке, Арнольд — через Мэн. Соединившись, войска Шуйлера и отряд Арнольда начнут штурм города.

Сначала людям полковника Арнольда предстоит пройти по суше к Ньюберипорту, затем по воде они переберутся в Мэн, далее по реке Кеннебек как можно дальше продвинувшись на север и достигнув Гардинерстоуна. В этом городке экспедиция возьмет двести канадских плоскодонок и продолжит свой путь по реке. Затем, преодолев полдюжины запруд, войдет в реку Чодер, впадающую в реку Святого Лаврентия (в ее устье расположен Квебек). Как раз при обсуждении последнего отрезка пути Исав и навлек на себя гнев начальства.

Представление о местности, по которой должен был продвигаться отряд, строилось на

единственном подробном ее описании, приведенном в полевом журнале, и, кроме того, на карте 1760 года (составитель Джон Монтрезор, молодой военный инженер, участник штурма Квебека). Землемер и топограф плимутской компании Сэмюэл Гудрич сделал копии журнала и карты Монтрезора для Арнольда и его командиров.

Услышав имя топографа, Исав выразил сомнение в мудрости человека, заключившего контракт с Гудричем. Полковник потребовал объяснений.

— Я знаю мистера Гудрича, — начал молодой человек. — Он выполнял работу для моей семьи. Мы заказывали у него карты и чертежи.

— Хотите сказать, они ненадежны?

— Для нас компания Гудрича всегда составляла наиточнейшие карты.

— И в чём же дело, Морган?

— Видите ли, сэр, я знаю этих людей. Они непримиримые лоялисты. Если топограф намеренно исказит карту, едва ли это будет первым случаем в истории.

— Я слышан о подобной практике, — молниеносно отреагировал полковник. — Полагаете, карты неточны?

— Я этого не утверждаю, сэр, просто говорю что знаю. На кону наши жизни. Можем ли мы довериться картам Монтрезора?

Арнольд криво ухмыльнулся.

— Морган, когда вы в последний раз беседовали с Гудричем и его представителями?

Исав в раздумье поднял глаза к потолку.

— Два, может три года тому назад, — подытожил он, наконец.

— Не вы ли, Морган, были лоялистом два, может, три года тому назад?

Исав понял — ему лучше прикусить язычок.

— Мы и так опаздываем на месяц, — продолжил между тем полковник. — Если у вас есть что-то большее, чем простые подозрения, Морган...

— Нет, сэр.

Совещание продолжилось; до его окончания Исав не проронил ни звука. Когда офицеры покидали штаб, полковник Арнольд придержал молодого человека за руку.

— Надеюсь, вы не пытались замедлить наше выступление, Морган, — предостерегающе отчеканил он.

Чем больше Исав думал о карте и словах полковника, тем больше выходил из себя. Он добрался до палатки и взялся за сборы, вымещая при этом гнев на всем, что попадало ему под руку. Молодой человек яростно орал на вещи, расшвыривал их, пинал. Наконец засунул в ранец башмаки, штаны, куртку, одеяло, взял оружие, нахлобучил шляпу и присоединился к товарищам.

В тот момент, когда за его спиной с шумом сложилась палатка, Исав как раз сражался с самим собой. «Да, — говорил он себе, — я слишком болезненно на все реагировал. Знаю. И взбесился я не из-за карты — это всего лишь дымовая завеса, призванная скрыть истинную причину моего беспокойства. Страх... Я боюсь войны, ее реалий, своей несостоятельности, слабости. Я книжный червь, а не вояка. На пороге зимы я должен тащить солдат куда-то в глухие канадские леса. Согласен, кое в чем я разбираюсь, но не в том же, как выжить в дикой природе! Ну хорошо, допустим, мы доберемся до Квебека, а дальше-то что? Разве может человек с моим опытом вести людей в бой?»

Исав ненавидел то, что сделалось с его жизнью и жизнью его страны. Чем больше он размышлял на эту тему, тем сильнее скребли у него на душе кошки. И тогда он решил

обратиться мыслями к Мерси. Прими она его предложение, все сложилось бы иначе. Исав представил, как они стоят у борта судна, как мягко, в такт волне, покачивается нос корабля, как неспешно погружается в море солнце. На лице Мерси — оранжевый отсвет заката, волосы любимой откинута назад, на губах играет теплая улыбка, полная любви к нему... к нему... только к нему.

Самой опасной частью маршрута были девяносто миль от Ньюберипорта до реки Кеннебек. За неделю до прибытия полковника Арнольда, английский патруль захватил несколько американских судов и отконвоировал их экипажи в Бостон. Когда взорам участников экспедиции предстали одиннадцать кораблей — быстроходных шлюпов и шхун, сосредоточенных (и спрятанных) здесь стараниями Натаниела Трэйси, богатого друга полковника Арнольда, многие офицеры заявили, что эти посудины мало чем отличаются от утлых рыбацких суденышек. Исав счел за лучшее не раскрывать рта. Он твердо решил держать свое мнение при себе — вне зависимости от того, к какому выводу придет полковник. Даже если Арнольд задаст вопрос в лоб, Исав от ответа уклонится.

Между тем полковник высоко оценил деятельность друга. Во время осмотра кораблей Исав узнал, что его командир бывалый моряк — он ходил на принадлежащих ему торговых судах на Карибы и даже как-то раз добрался до Квебека. Три самых быстроходных корабля по приказу полковника Арнольда вышли в разведку — необходимо было посмотреть, где находятся патрульные шхуны врага. Это было непростое решение. Из-за обычного армейского бюрократизма — Вашингтон не разрешил Арнольду выступить в поход, пока план не одобрил генерал Шуйлер, — они и так уже задержались на месяц. Однако полковник решил, что они наверстают потерянное время в ходе марш-броска.

В Ньюберипорте Исаву впервые пришлось доказывать, что он не случайно носит звание офицера. Когда Вашингтон дал согласие на продвижение экспедиции через Мэн, он отдал приказ — обращаться с местным населением уважительно. Однако в то время как большая часть отряда готовила суда к походу, кое-кто из солдат грабил дома лоялистов. Возглавлял банду мародеров рядовой Абнер Страйкер, широкоплечий славянин с траурно-черными, глубоко посаженными глазами.

С нарушителями воинской дисциплины полковник Арнольд поручил разобраться Исаву Моргану.

Первым делом Исав поинтересовался у мародеров, знают ли они о приказе Вашингтона. Страйкер, вызвавшийся отвечать от имени своих дружков, признал: да, знают. Тогда Исав потребовал объяснить, почему они пренебрегли приказом. И услышал в ответ: все местные жители — английские шпионы.

— Кроме того, — нагло добавил Страйкер, — я не считаю лоялистов соотечественниками, как не считаю вас офицером континентальной армии. Такие, как вы обожатели «красноспинных лобстеров», не вправе командовать настоящими американцами.

Желчные высказывания мародера не задели Исаву — он привык к нападкам. Скорее, его тревожило то, как отреагируют на эти слова солдаты — к примеру, конвоиры Страйкера. Многие до сего момента о прежних взглядах Исаву не знали.

Между тем допрос шел своим чередом.

— С чего вы взяли, — осторожно осведомился Исав, — что я симпатизировал англичанам?

В ответ на это Страйкер напомнил, что он работал в компании Морганов грузчиком. На верфи все знали: у Джаред Моргана два сына, один — патриот, другой — лоялист.

Исав внимал Страйкеру с бесстрастным выражением лица. Затем достаточно громко, чтобы быть услышанным всеми, объяснил: да, когда-то он и впрямь надеялся на то, что Англия и Америка могут существовать мирно, однако теперь его симпатии, так же как и жизнь, принадлежат Америке. Изложив свои взгляды, Исав запретил Страйкеру и его людям покидать борт корабля, дабы предотвратить дальнейшие случаи мародерства. По ухмылке, тронувшей губы бывшего грузчика, было ясно: капитан Морган доверия у него не вызывает; зато большинство солдат, судя по всему, сомневались в правдивости обвинений Страйкера.

Рапорт по делу Страйкера был подан Арнольду. Полковник не выразил ни одобрения, ни неудовольствия действиями Исавы. Вместо этого он приказал провести смотр войска — причем в смотре должны были участвовать все солдаты, в том числе и имеющие дисциплинарные взыскания.

Семнадцатого сентября, ясным теплым воскресным днем, в миле от города на южном берегу реки Мерримак проходил смотр экспедиционного войска. Полковник Арнольд гордо восседал в седле, наблюдая за своими людьми, марширующими перед ним с развевающимися знаменами под бой барабанов. На это красочное зрелище с огромным энтузиазмом глазела толпа зевак.

После смотра военные сдвоенной шеренгой промаршировали на церковную службу. Стройное, белое, с взметнувшейся ввысь остроконечной крышей здание Пресвитерианского молитвенного дома словно парило над стоящими на рейде кораблями. Войдя в храм, солдаты сложили мушкеты в боковых порталах; а горожане тем временем сгрудились вверху, на открытой галерее. Когда Исав вместе с другими офицерами устраивался в первом ряду, он почувствовал на себе чей-то сверлящий взгляд. Молодой человек обернулся. И увидел черные зловещие глаза Абнера Страйкера.

Службу вел ставленник полковника Арнольда — капеллан Спринг. Этот рослый басовитый человек был одним из самых консервативных учеников доктора Джона Уизерспуна [\[30\]](#). Для проповеди он выбрал тридцать третий стих из Книги Исход. В нем Моисей, взойдя на гору Синай, обращается с мольбой к Всевышнему: «...Если не пойдешь Ты Сам с нами, то и не выводи нас отсюда» [\[31\]](#).

Спринг читал проповедь необычно — громовым голосом, наизусть. Когда же он заговорил о походе, в который со дня на день выступит их отряд, речь его полилась непрерывным потоком. В храме воцарилось благоговейное молчание.

После проповеди Спринг признался, что он глубоко взволнован тем, что ему довелось прочесть свои наставления над могилой великого евангелиста Джорджа Уайтфилда [\[32\]](#) — человека, с которого тридцать пять лет назад в Новой Англии началось Великое пробуждение. То, что здесь находится место захоронения Уайтфилда, задело Исаву за живое. Дело в том, что его отец почувствовал себя обращенным как раз после бостонской проповеди Уайтфилда. Джаред часто упоминал об этом. Даже много лет спустя при воспоминании о той проповеди его взор затуманивался.

Кто-то попросил позволения посетить склеп. Нашли церковного старосту, раздобыли ключи, и полковник Арнольд вместе с несколькими офицерами, в их числе был и Исав, под звон сабель начали спускаться в склеп. По каменной лестнице застучали кованые сапоги, загремели шпоры. Шесть лет назад душа евангелиста упокоилась под этими темными

сводами. Офицеры сгрудились вокруг гроба — они уговорили старосту сдвинуть крышку домовины. Останки евангелиста обратились в пыль. Однако кое-какие части одежды уцелели; лучше всего — воротник и обшлага рукавов. С разрешения старосты офицеры взяли их, осторожно разорвали на крошечные лоскутки и распределили между собой. Исав Морган аккуратно сунул один из них за пазуху. Как только, по милости Божьей, он увидит отца, вручит ему подарок.

Вечером того же дня в честь полковника Арнольда и его офицеров в имени Натаниела Трейси закатили веселую пирушку. Обед, последовавший за проповедью, взбодрил Исава. Блюда и вино радовали отменным качеством, скатерть сверкала белизной, серебро блестело так, как и положено серебру. Для молодого человека этот вечер был символом всего того, что он ценил в жизни. Печаль вызывало только одно: наступит рассвет, и люди полковника Арнольда начнут свое утомительное и рискованное странствие.

В понедельник, чуть свет, вернулись посланные в разведку корабли. Ни одного английского патрульного судна в прибрежных водах замечено не было. Людей спешно погрузили на корабли, и к семи утра экспедиционный отряд полковника Бенедикта Арнольда вышел в Атлантику. Возглавлял поход флагман «Брод Бэй». Менее чем через двадцать четыре часа корабли достигли реки Кеннебек и стали на якорь.

Этот стомильный поход вдоль восточного побережья Северной Америки был, как предполагали поначалу, самым рискованным и опасным этапом экспедиции. Хотя плавание в целом завершилось благополучно, без неприятностей не обошлось. К сожалению, не всем кораблям удалось преодолеть песчаные отмели Ньюберипорта. Перегруженная шхуна «Свалоу», на борту которой помимо провизии находилось двести пятьдесят человек, застряла в прибрежных песках. Долгие мучительные часы судно пытались снять с мели при помощи гребных шлюпок. Все это время в океане, словно утки в заводи, болтались остальные корабли, с ужасом ожидая, когда их обнаружит британский охотник. В конце концов Арнольд приказал переправить солдат на другие корабли. Частично перевезли и груз. Однако все было напрасно: шхуна не сдвинулась с места. Расстроенному полковнику ничего иного не оставалось, как бросить «Свалоу».

При дальнейшем продвижении вдоль берега два корабля — «Конвей» и «Абигайль» — из-за проливного дождя и густого тумана проскочили мимо устья реки Кеннебек. А шлюп «Ханна» сел на мель — впрочем, он довольно быстро сумел с нее сняться.

Настроение участников похода было бодрым. Они полагали, что самая опасная часть пути уже позади, и воспринимали это как залог успеха всего предприятия.

Исав Морган стоял, облокотившись о борт «Абигайль»; взгляд молодого человека был устремлен на скалистый, поросший соснами берег. Густой туман лениво плыл над Атлантикой, обволакивал скалы, дымился над дремлющей рекой. Звуки корабельной жизни встревожил птиц. Огромные стаи уток и канадских казарок, тяжело вспарывая воздух, поднялись в воздух и, вытянувшись клином, полетели прочь; поспешила укрыться от людей и колония бакланов. В неверном, приглушенном туманом свете по берегам реки полыхали ярко-красными кострами клены.

После шестичасовой передышки экспедиция вновь продолжила свой путь. Теперь кораблям предстояло пройти по реке Кеннебек и отшвартоваться в трех милях от Гардинерстоуна. Там отряд должен был высадиться на берег и отправиться вверх по реке в канадских плоскодонках.

Перед тем как покинуть Кембридж, полковник Арнольд отдал распоряжение изготовить двести лодок. Контракт на постройку заключили с майором Рубеном Колберном — он подрядился выполнить работы в двухнедельный срок на принадлежащей ему верфи.

Исав присутствовал при осмотре готовых плоскодонок. В первые минуты ему показалось, что Колберн выполнил заказ должным образом. Но при более тщательном осмотре стали видны нарушения в постройке лодок. На бортах плоскодонок, срубленных из тяжелой влажной молодой сосны, явственно проступали трещины. Под сосновыми планками находились более тяжелые дубовые. Полковник Арнольд попытался поднять одну из плоскодонок — и не смог. В среднем каждая посуда весила около четырехсот фунтов. Как их нести на плечах несколько миль, да еще по крутым склонам?

Кроме того, не все лодки имели одинаковую длину. Договаривались о плоскодонках в двадцать пять футов. Однако некоторые лодки оказались восемнадцатифутовыми скорлупками, в которых при всем желании не могли поместиться шесть человек с поклажей и оружием.

Несмотря на свое возмущение, полковник не стал тратить время на пререкания с Колберном. А просто сделал заказ на постройку двадцати новых плоскодонок, после чего потребовал довести до ума самые пригодные из уже имеющихся лодок. Еще одной задержки экспедиции было не избежать.

В течение трех дней полковник Арнольд и его штаб находились на борту «Брод Бэй». Большая часть отряда была расквартирована в Гардинерстоуне. Руководитель экспедиции использовал непредвиденную задержку для издания приказов, анализа сложившейся обстановки и написания рапорта Вашингтону. Кроме того, по его заданию сто человек отправились на плоскодонках вверх по реке к форту Вестерн. Остальным солдатам пришлось пройти сорок пять миль по грязи, чтобы забрать в Галифаксе запасы провианта. Полковник доложил главнокомандующему, что хотя продовольствия хватит на сорок пять суток, он по-прежнему надеется достигнуть Квебека за двадцать дней. Помимо этого полковник Арнольд провел на борту флагмана слушания военно-полевого суда. Трое солдат из Коннектикута обвинялись в нарушении субординации, одного сержанта публично разжаловали в солдаты, одного человека, уличенного в воровстве, с позором изгнали из отряда. Несколько солдат арестовали за мародерство: они грабили дома лоялистов в Гардинерстоуне и его окрестностях. Среди них был и Абнер Страйкер.

— Капитан Морган, если не ошибаюсь, этот человек уже осуждался за мародерство?

На палубе, против грот-мачты, за столом восседал полковник Арнольд. Прямо перед ним замер Исав. Страйкер, со связанными руками, стоял сбоку от стола.

— Да, сэр. Он был осужден в Ньюберипорте по аналогичному обвинению.

— Сэр, — встрял Страйкер, — вы же не собираетесь слушать эту английскую свинью?

— Прикусите язык, солдат! — оборвал его полковник.

Мародер вновь открыл было рот, но пронзительный взгляд серых глаз полковника заставил его призадуматься.

— Капитан Морган, — продолжил меж тем Арнольд, — какое наказание было назначено этому человеку в Ньюберипорте?

— Ему было запрещено покидать судно, сэр.

Полковник накарябал что-то на полях обвинительного акта.

— Какое наказание, на ваш взгляд, он должен понести за повторное преступление?

Исав надеялся, что этот вопрос не прозвучит. Полковник явно его проверял. Слишком суровый приговор укажет на сочувствие лоялистам, а снисходительный даст понять, что он дурной офицер.

— Думаю, Страйкера следует вернуть в Кембридж и приписать к другой части, — ответил молодой человек нарочито спокойным тоном.

Полковник положил руки поверх бумаг и слегка подался вперед.

— И вы считаете это наказание справедливым, капитан?

— Да, сэр. Страйкер уже нарушал закон. В ходе разбирательства в Ньюберипорте он признал, что знаком с приказом генерала Вашингтона. Стало быть, он игнорирует его намеренно, из-за личного предубеждения. К тому же такое поведение свидетельствует о

систематическом нарушении законов и доказывает, что этот человек склонен подчиняться только тем приказам, с которыми он согласен. В то время как каждый из нас, вопреки своим сомнениям и пристрастиям, должен приказы не обсуждать, а исполнять. Если мы отправим его в Кембридж, он сможет не только осознать свои ошибки, но и принести пользу нашей стране с оружием в руках.

Полковник откинулся на стуле и изучающе уставился на своего подчиненного. Исав чувствовал себя подсудимым, ожидающим вердикта судьи.

— Отлично, капитан, — наконец изрек Арнольд, — соблюдайте дисциплину, но не забывайте проявлять сочувствие. Принимается. Страйкера вернуть в Кембридж.

И тут на Исава обрушилась отборная брань.

— Этот человек предатель, сэр! Английский шпион! Я работал на его семью в Бостоне. И вы слушаете этого проходимца, которому нельзя доверить даже уборку нужника?

С этими словами Страйкер повернулся и плюнул в Исава.

Побледнев, Арнольд рывком сорвался со стула.

— Молчать! — рявкнул он. — Я уже приговорил одного человека к смерти. Ты что, мерзавец, хочешь, чтобы я затянул петлю еще и на твоей шее? — а затем бросил конвою: — Увести!

Речь шла о смертном приговоре, вынесенном лесорубу из Мэна. В пьяной потасовке он убил оружейника из Норвича. Спустя некоторое время после судебного разбирательства, полковник Арнольд самолично подвел лесника к виселице, набросил петлю ему на шею, но в последнюю минуту отменил казнь и приказал отослать убийцу к генералу Вашингтону, прося последнего о помиловании.

После несостоявшейся казни полковник подошел к Исаву.

— Морган.

— Слушаю, сэр.

— Я хочу, чтобы арестантов в Кембридж сопровождали вы. Необходимыми бумагами вас снабдят.

— Сэр, — Исав на мгновение замешкался, — я бы предпочел остаться.

— Вы отказываетесь подчиниться приказу, капитан?

— Нет, сэр. Просто хочу принять участие в экспедиции.

— Почему? Вы, конечно, не лесоруб, но вы и не солдат. Чем вы занимались в Бостоне?

— Ведал бухгалтерией в компании моего отца.

Полковник Арнольд подозрительно глянул на молодого человека.

— Ну и к чему упорствовать? Оставшись, вы подвергнете себя опасности — ведь впереди нас ждут дикие места. Что вами движет, капитан?

— Сэр, я хочу вам доказать...

— Не понял.

— Вы все еще сомневаетесь во мне, сэр. Вот почему вы хотите, чтобы арестантов в Кембридж сопровождал я.

Полковник Арнольд промолчал.

— Если уеду — сомнение останется. Я смогу убедить вас в своей благонадежности, только участвуя в походе.

Ответ последовал незамедлительно:

— Вы покидаете нас завтра, в семь утра. Бумаги заберете вечером.

Глядя в жесткие серые глаза Арнольда, молодой человек отчеканил:

— Слушаюсь, сэр.

Утром следующего дня Исав Морган поднялся на борт «Конвея». Арестанты уже находились на корабле. За несколько минут до отплытия по трапу взбежал Гарольд Дин, один из адъютантов полковника. Приказ был изменен. Вместо Исав в Кембридж отправлялся Дин; капитану Моргану предписывалось незамедлительно явиться в лагерь и сесть в одну из плоскодонок. Экспедиция отправлялась вверх по реке. Исав так и не узнал, почему Арнольд изменил свое решение.

Тяжелогруженные лодки продвигались вперед с помощью весел и шестов (порой их просто тащили по мелководью). Почти в пятидесяти милях от побережья отряд миновал последний населенный пункт, деревушку Скоуган; дальше начинались дикие, нехоженые места. Мало кто из людей углублялся так далеко в здешние леса, и только один человек оставил о своем путешествии письменные свидетельства. Во время долгой экспедиции карта Монтрезора будет служить путеводной нитью полковнику Арнольду и его людям.

Наступил удивительно ясный полдень. Деревья, росшие по берегам реки, роняли в воду последние листья. Лес почти обнажился. В воздухе растекался холодок. Второе октября. Впереди сотни миль непроходимых лесов, болот, рек, озер. А между тем экспедиция Арнольда уже находилась на грани срыва.

Во многом виной тому были неуклюжие, оседающие под тяжестью грузов плоскодонки. Побитые о камни на волоках, они давали течь (некоторые из-за недобросовестной работы мастеров просто расползались по швам). К тому же двигались они до того медленно, что солдатам приходилось вылезать за борт и тащить их за собой. Самые неустойчивые плоскодонки переворачивались, при этом намокали провизия и снаряжение. А при переноске посуху четверо мужчин еле справлялись с одной лодкой. Вода тяжелым грузом стекала им на плечи и обильно смачивала землю — та раскисала.

В ночь на второе октября резко похолодало. Промокшие, вымотанные спешкой люди легли спать, не обсохнув, — к утру их одежда обледенела.

Третьего октября с лодкой, в которой находилась большая часть провизии, случилась беда. Плоскодонка дала течь и начала тонуть. После этого происшествия двое интендантов показали полковнику Арнольду, до чего небрежно и бестолково были скреплены ее планки и как бездарно законопачено днище. Кое-где швы вообще разошлись — конопатить их было бесполезно. Провизия промокла насквозь. Арнольд приказал вскрыть одну из бочек с соленой рыбой. Выяснилось, что соль смыло водой, а рыба протухла. Остальные продукты находились в таком же удручающем состоянии. Драгоценные запасы солонины, трески, гороха, кукурузной и пшеничной муки пришлось выбросить. Прежде чем вновь двинуться в путь, солдаты восемь дней ремонтировали плоскодонки.

Наконец они достигли места, которое Монтрезор обозначил на карте как Великий Волок. В горах, от реки Кеннебек до реки Мертвая участникам экспедиции пришлось двенадцать миль тащить плоскодонки со всем снаряжением по земле — несколько облегчили передвижение только три широкие и глубокие заводи. Многие солдаты, изнуренные непосильным трудом и измученные жаждой, не выдерживали и пили тошнотворную воду из бочажков. В результате более сотни человек заболели дизентерией; пришлось срочно организовывать госпиталь. На Великий Волок ушло пять дней.

15 октября отряд дотащил плоскодонки до покрытой снегом вершины горы Бигелов.

Взору участников экспедиции открылась гладкая, как зеленая дорожка для боулинга, равнина. Казалось, им наконец-то улыбнулась фортуна. Однако, начав спуск с горы, они довольно быстро обнаружили, что это не так. Зеленый ковер обернулся, как в ночном кошмаре, трясинной, поросшей травой и мхом, — четырнадцатимильной полосой препятствий, которую пришлось преодолевать под неистовым ливнем с ветром.

В четыре часа утра, когда они достигли Мертвой, рев падающей с гор воды предупредил их о новой опасности. Из-за сильной бури с гор на равнину низвергся настоящий водопад. За три дня уровень воды в реке поднялся на двенадцать футов, Мертвая вышла из берегов и затопила, сколько было видно глазу, землю. Из-за обломков деревьев, веток, всяческого сора, плававшего в реке, перевернулось семь лодок. Пропало все: продукты, мушкеты, порох, одежда. Остаток дня участники экспедиции провели, спасая товарищей из бурлящей реки и переправляя их на берег. В тот день отряд преодолел не более полумили. Лагерь, который был разбит ночью, окрестили лагерем Бедствия.

В ночь с 23 на 24 октября полковник Арнольд в плаще, надетом поверх потемневшего от дождя мундира, сидел перед огромным костром, от которого с гудением уносилось вверх множество искр. Вокруг костра расположились офицеры — они собрались на внеочередное совещание. На повестке дня стоял один вопрос: продолжать поход или возвращаться назад?

Исав на манер индейца сидел прямо на земле, плотно укутавшись в мокрое одеяло. Молодой человек непроизвольно выбивал зубами дробь, его тело сотрясала дрожь. Время от времени он, как и другие офицеры, заходил в натужном кашле. От дыма першило в горле, слезились глаза.

Полковник Арнольд объяснял ситуацию детально, пункт за пунктом, постукивая при перечислении каждого указательным пальцем правой руки по ладони левой. Из его слов следовало, что если они надумают повернуть назад, делать это надо немедленно. Запасы продовольствия вот-вот иссякнут. Мало того, из-за недавней бури куда-то подевалась вся дичь. И еще: ошибки в карте Монтрезора просто ошеломляют. Сказав это, полковник глянул на Исаву.

— Торопясь с походом, я пренебрег советом одного офицера, который предупреждал меня, что карты могут быть неточными. Впредь обещаю не игнорировать его мнение. — И он слегка мотнул головой в сторону Исавы.

Далее он перечислил положительные моменты: участники экспедиции относительно здоровы; продовольствия должно хватить до французских поселений, расположенных вдоль реки Чодер; с наступлением холодов прекратятся дожди, так что идти будет легче. Полковник ясно дал понять, что он по-прежнему верит, что Квебек можно взять, и спросил, есть ли у его подчиненных вопросы. Их оказалось немного. Затем полковник Арнольд встал и попросил офицеров высказаться.

Поднялся Исав Морган, худой, истощенный, продрогший. Его жизнь в Бостоне — полная чаша — казалась далеким воспоминанием. Он никогда не стремился быть сильным физически, не мечтал и о приключениях в глухих канадских лесах. По доброй воле он никогда не выбрал бы такую жизнь. Но теперь он хотел завершить начатое.

— Я могу говорить только от своего имени, — сказал он. — Впрочем, в нашем положении иначе и нельзя, верно? Каждый должен решить для себя: пойдет ли он дальше. Мы уже преодолели немало — и путь наш был полон лишений и испытаний. И какое бы решение мы ни приняли: идти вперед или возвращаться — нас ждут все те же лишения и испытания, возможно даже более жестокие. Так вот, я хочу, чтобы они не были напрасными.

Если уж я подписался на это, то не ради поражения. Вот как я смотрю на наше возвращение. Неужели мы столько вытерпели и еще будем терпеть для того, чтобы предстать перед нашими близкими и друзьями с поникшей головой. Остальные могут возвращаться, я иду в Квебек.

Один за другим поднимались офицеры; они говорили о том, что не откажутся от первоначального плана.

После того как было решено продолжить экспедицию, Арнольд приказал выдать больным и раненым четырехдневный паек. Этим людям предстояло вернуться в Галифакс — там им окажут необходимую помощь. Оставшуюся часть продуктов полковник потребовал поделить между теми, кто продолжит экспедицию. Затем из пятидесяти человек был сформирован небольшой отряд — он должен был расчистить дорогу и добыть еду для основного отряда. Участники экспедиции принялись сворачивать лагерь и занялись погрузкой на плоскодонки.

Утром 25 октября солдаты проснулись в палатках, провисших под тяжестью снега. В тот же день полковник Роджер Энос провел в своем подразделении тайное совещание — оно очень напоминало давешнее собрание Арнольда. Вот только его итоги оказались прямо противоположными. Люди Эноса решили, что с них довольно; они больше не желали рисковать и проголосовали за возвращение. Впрочем, поначалу голоса разделились поровну, но офицеры убедили полковника присоединить свой голос к одной из сторон. После этого совещания Энос — а он отвечал за снабжение экспедиции — проигнорировал приказ Арнольда поделить продукты, порох и мушкеты поровну между всеми участниками похода. К примеру, подчиненные Кристофера Грина получили от него лишь часть того, что им полагалось. Прихватив с собой оружие и медикаменты, полковник Энос повернул назад, в Кембридж.

Узнав о том, что Энос увел за собой треть отряда, да еще прибрал к рукам половину запасов экспедиции, участники похода впали в уныние. Своими действиями Энос приговорил их к смерти.

Отряд полковника Арнольда, не обладая точными картами, вслепую, день за днем, с огромными трудностями двигался чуть ли не по пояс в воде по заболоченной пойме реки Чодер. Часть солдат разделась и брела, держа одежду и оружие над головой. Запасы продовольствия иссякли. Доведенные до крайности люди ели корешки трав, кору деревьев, свечи, варили кожаные башмаки и патронташи. Многие падали, а, упав, более не поднимались; кто-то бессильно опускался на землю и, привалившись к дереву, умирал.

Исав помнил, как он прислонился к дереву. Его неодолимо клонило в сон. Голова казалась легкой и пустой. От жажды и голода он совсем ослаб. Глаза закрылись сами собой. И тут где-то совсем близко хрустнула сухая ветка. «Может, это и дичь, — мысленно сказал себе молодой человек, — но у меня нет сил ее ловить. Впрочем, как и воевать с индейцами. Если это они». Превозмогая себя, Исав открыл глаза — и ничего не увидел. Веки вновь смежились. И тут кто-то легонько ткнулся ему в лицо и жарко обдал теплым утробным дыханием. И еще раз. Исав с трудом разлепил глаза. Прямо перед собой он увидел огромное животное с короткой, глянцевиной, коричнево-белой шерстью и карими глазами. Молодому человеку пришлось отстраниться, чтобы как следует рассмотреть это чудовище. Корова! Не помня себя от радости, Исав вскочил на ноги. Коровы, целое стадо коров. Это вернулся передовой отряд. Наконец-то! От избытка чувств молодой человек поцеловал корову в мокрую морду.

Третьего ноября, в пятницу, в десять тридцать вечера, отряд полковника Арнольда достиг деревеньки Сартиган, первого французского поселения на реке Чодер. Участники экспедиции держались из последних сил: они шли, качаясь, как пьяные, оступаясь на каждом шагу; пытаясь устоять на ногах, хватались за кусты и деревья — и все-таки падали. Они шли босиком, и за ними по снегу тянулись кровавые следы. Их поход длился пятьдесят один день. Сорок процентов солдат так и не добрались до Сартигана. Они либо погибли, либо дезертировали.

Исав Морган, с трудом переставляя ноги, шел по тропинке, ведущей к Сартигану; на окраине деревеньки он рухнул как подкошенный. Товарищи дотащили его до большого сарая (позже там устроили казарму). От усталости Исав не чувствовал ни голода, ни жажды; он хотел только одного — спать. Впервые за несколько недель молодой человек не задавался мыслью, суждено ли ему проснуться. Он выживет. Теперь Исав твердо знал: он выживет.

Второго декабря 1775 года изнуренный переходом отряд полковника Бенедикта Арнольда неподалеку от Квебека соединился с армией генерала Ричарда Монтгомери [33]. Экспедиционные силы были невелики. Численность отряда полковника Арнольда составляла шестьсот пятьдесят человек; Монтгомери привел из Монреаля четыреста бойцов. Генерала Шуйлера среди них не было (его здоровье — а оно всегда было слабым — серьезно пошатнулось в Сент-Джоне). Арнольд несколько не возражал против того, чтобы перейти под командование Монтгомери. За какие-то несколько недель эти двое стали друг другу ближе, чем родные братья. Оба жаждали действий и оба склонялись тому, что Квебек нужно атаковать немедленно — несмотря на невысокие шансы на успех. Генерал Монтгомери рекомендовал главнокомандующему присвоить полковнику Арнольду очередное воинское звание за успешно проведенную экспедицию; а Арнольд всячески восхвалял стратегические таланты Монтгомери и его план штурма Квебека.

Между тем для взятия города их взаимного восторга было явно недостаточно. Из-за задержки в пути, экспедиционным войскам не удалось застигнуть защитников Квебека врасплох — те успели стянуть в город значительные силы. Из донесений лазутчиков следовало, что защитников города вдвое больше, чем американцев. При этом отряд Арнольда продолжал стремительно сокращаться, что стало особенно заметно к концу декабря. Словом, нужно было действовать быстро.

Генерал Монтгомери и полковник Арнольд планировали напасть на город с двух сторон. Монтгомери должен был нанести удар с запада, со стороны реки. Его людям придется, спускаясь с гор, пройти по узкой козьей тропе — шестнадцать лет назад во время войны с французами и индейцами ею воспользовался английский генерал Вольф. Хотя Вольф и погиб во время атаки, королевские войска город взяли.

Итак, Монтгомери будет двигаться к Квебеку с запада, а полковник Арнольд — с востока, из местечка Солт-о-Матло. На подступах к Квебеку они встретятся и устремятся вверх по скале в центр города. К полям своих шляп американцы договорились прикрепить веточки болиголова [34], чтобы отличаться от врага. Штурмовать город было решено в первую же снежную, безлунную ночь.

Рождественским вечером Монтгомери провел в речной долине смотр войск. В честь праздника он приказал выдать солдатам дополнительную порцию рома; а кроме того, объявил, что в качестве рождественского подарка разрешает им оставить себе все трофеи, добытые в Квебеке. Защитникам города было хорошо слышно, как веселились в своем лагере американцы.

В ночь на 27 декабря мохнатыми хлопьями повалил снег. Ранним утром солдат подняли в атаку. Но прежде чем они успели занять позиции, небо прояснилось. Между тем в новом году у многих солдат истекал срок службы. Если в самые ближайшие дни вновь не пойдет снег, Квебек некому будет штурмовать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

31 декабря 1775 года подул северо-западный ветер. Небо затянулось стальными тучами. Пошел снег. В восемь часов вечера сержанты предупредили солдат о том, чтобы они были готовы к полуночи.

В два часа ночи к полковнику Арнольду начали поступать первые донесения от

офицеров. Пока полковник их принимал, его адъютант сверял при свете фонаря списки. В четыре утра Арнольд присоединился к небольшому авангардному отряду из тридцати человек, отправляющемуся штурмовать крепость. Все это время капитан Исав Морган безотлучно находился при полковнике.

Прикрепив к поясу коротенькую саблю, генерал Монтгомери повел солдат сквозь буран к скале. Они двигались вдоль скалы более двух миль, и все это время снег сыпал людям прямо в лицо, вынуждая их то и дело спотыкаться и падать.

Когда они добрались до частокола, тянувшегося от подножия скалы до речного берега, Монтгомери отошел в сторону и приказал плотникам выпилить проход. Каждый подпиленный кол генерал валил лично. После того как плотники выполнили свою работу, Монтгомери шагнул в проход, за ним следовали офицеры. Футов через сто их поджидало еще одно препятствие. По правую руку от американцев высился двухэтажный дом. Он был погружен во тьму и казался заброшенным. Монтгомери и его товарищи побежали прямо к нему.

Три мощных взрыва прозвучали почти одновременно. Из окон второго этажа вырвалось пламя, и постройку обволокло дым. Градом посыпались пули; они прошили бедра, грудь и челюсть Монтгомери. Генерал умер мгновенно. Вместе с ним погибли четырнадцать офицеров. Оставшиеся в живых американцы в страхе, беспорядочной толпой бросились назад.

Таким образом, атака с запада была подавлена за какие-то доли секунд. На подступах к городу отряд полковника Арнольда будет тщетно ждать подкрепления.

Пуля, ударившаяся о бревно над самой головой Исава, заставила его метнуться за угол склада. Сердце молодого человека лихорадочно бухало. Глаза расширились от ужаса, однако спустя мгновение он с облегчением перевел дыхание.

— Эта была близко, Морган! — засмеялся полковник Арнольд. — Хорошо, что вы пригнулись.

В отличие от полковника Исава опасность не возбуждала; воевать ему не понравилось. Короткие перебежки от здания к зданию, от укрытия к укрытию, предрассветная полутьма, залепленные снегом глаза, ураганный огонь — все это не укладывалось в его представление о приятном времяпрепровождении.

Они направлялись к крепостным воротам. Сначала они двигались вдоль подошвы скалы, затем устремились по склону к крепостной стене, перебегая от одной складской постройки к другой — сараи эти отстояли друг от друга на значительном расстоянии. На открытых пространствах с крепостного вала на них градом сыпались пули. Отстреливаться не имело смысла. Им оставалось только бежать и молиться.

Следом за Арнольдом, в бешеном беге Исав влетел на улицу Святого Павла. Она была узка. А снег глубок. Увязая в снегу, медленно, они продвигались вперед, рискуя быть убитыми в любую минуту. Полковник Арнольд бежал впереди — он направлялся к преграждающей улицу баррикаде. По плану ее следовало снести орудийным выстрелом. Но пушка увязла в сугробе. Добежав до баррикады, Исав по примеру своего командира сунул мушкет в щель заграждения и, не прицеливаясь, выстрелил. Звук этого выстрела эхом отозвался на другой стороне улицы. Молодой человек услышал крики и стоны защитников баррикады.

— На баррикаду! — зычно закричал Арнольд. — На баррикаду!

Резко взмахивая руками, он звал солдат за собой.

Неожиданно изо всех домов, справа и слева, грянули залпы англичан. Исав слышал, как пули глухо ударяются о дерево, как они испарывают снег и отскакивают рикошетом от камней.

— На баррикаду, Морган, — крикнул полковник, а потом, сделав несколько шагов назад, вновь начал яростно рубить руками воздух, требуя, чтобы солдаты, несмотря на свинцовый дождь, лезли на заграждение.

Исав рванулся к гребню баррикады. Перед тем как скатиться на другую сторону, он обернулся. Полковник Арнольд, сделал несколько решительных шагов к баррикаде — он хотел сходу преодолеть половину заграждения. Но этому не суждено было случиться. Внезапно его нога подвернулась, и он упал на землю; возле его правой штанины на снегу начала шириться красная лужица.

Увидев своего командира, лежащим на земле, Исав спрыгнул с баррикады и бросился к нему. Тем временем полковник успел подняться. Он решительно отклонял все попытки отвести его в безопасное место, а когда мимо него в очередной раз просвистел рой пуль, скомандовал:

— Вперед, ребята!

Наконец Исав убедил Арнольда отойти в сторону. Полковник облокотился о стену дома и продолжил, неистово размахивая саблей, подбадривать людей. А увидев Елизара Освальда, приказал ему взять командование на себя. Между тем кровь уже стекала по башмаку Арнольда и окрашивала в красный цвет его белые гетры. Однако он все еще не позволял себе принять помощь и не желал отправляться в лазарет — ждал, пока большая часть его отряда преодолеет баррикаду.

Исав и капеллан Спринг помогли Арнольду пройти зону огня и добраться до безопасного места, где полковнику наконец-то смогли оказать помощь.

Атака с востока оказалась чуть более успешной, чем атака с запада. Тем не менее каждый третий офицер был либо убит, либо ранен, либо пленен. Четыреста двадцать шесть американцев — практически весь кеннебекский отряд — попали в руки врага. Когда Арнольд узнал, что армия Монтгомери отступила, а сам генерал убит, он не мог сдержать слез.

Хотя существовала очень большая вероятность того, что англичане начнут контратаку, Арнольд отказался отступить вместе с лазаретом. На случай прихода врага он приказал раздать раненым револьверы и сабли. Все четыре дня, пока Бенедикт Арнольд лежал в забытьи, Исав Морган с оружием в руках просидел у его изголовья.

— Пойдите поешьте.

Исав вздрогнул и с трудом разлепил веки. Усталость взяла свое, он задремал.

— Я не голоден, — протирая глаза, ответил молодой человек; затем вскочил, едва успев поймать соскользнувший с колен револьвер.

— Помогите мне сесть, — попросил полковник.

Исав положил оружие на стул, зашел к раненому со спины, обхватил его рукой и аккуратно посадил.

— Пуля даже не была целой, — проворчал Арнольд.

От доктора Сентера Исав знал, что в ранении полковника повинна рикошетная пуля.

— Прежде чем попасть в меня, она обо что-то ударилась и раскололась. Потеряла треть, сплющилась, а потом пробила ногу. Прямо над башмаком.

Полковник стянул простыню и глянул на повязку, словно хотел убедиться, что бинты все еще на месте. Затем снова укрылся.

— Доктор не сказал, долго мне здесь валяться?

— От четырех до шести недель.

Арнольд выругался.

— Долго. Дайте мне неделю, и мы снова пойдем в наступление.

— Вам еще повезло, что нога цела, — сказал Исав. — А ведь речь шла об ампутации. Так считало большинство врачей. Но доктор Сентер им не позволил.

Арнольд воспринял эту информацию крайне серьезно. По-видимому, с ним об ампутации никто не говорил.

— Молодец, Сентер, — похвалил он. Затем улыбнулся: — Полагаю, доктор сейчас наслаждается.

— Не понял.

— Наконец-то он занят серьезным делом. Раны. Операции. И всякое такое. Не идет ни в какое сравнение с Великим Волоком, где все, что у него было, это сотня стонущих от дизентерии мужчин.

Арнольд и Исав рассмеялись.

Несколько минут полковник оценивающе изучал молодого человека: взъерошенные волосы, заросший щетиной подбородок, покрытые грязью башмаки. И наконец изрек:

— Вы оказались совсем другим человеком.

— Простите за прямоту, сэр, но вам давно пора было с этим разобраться.

Арнольд кивнул головой и вновь засмеялся.

— Предубеждение, — пояснил он. — Чистой воды предубеждение. Раньше я преследовал всех лоялистов. Они, кстати, даже внешне были похожи на вас. Это сходство становится разительным, если сравнить вас с вашим братом-близнецом. Он грубоватый, со складным, сильным телом, тогда как вы более рыхлый, полный. Ваши руки никогда не знали мозолей. — Арнольд сел ровнее. — Поразительно, что может сделать с мужчиной небольшая прогулка по лесам Мэна.

Исав вытянул руки и взглянул на свои ладони. Удивительно, они и впрямь выглядели так, будто принадлежали Джейкобу — жесткие и мозолистые. Ну и конечно, суровая, голодная жизнь, которую он вел в последнее время, не могла не сказаться на его весе.

Арнольд запрокинул голову и уставился в потолок. Ему хотелось поговорить.

— То, что я поначалу испытывал к вам неприязнь... Это чувство уходит корнями в прошлое и не связано с нынешними политическими разногласиями. Вы напомнили мне меня самого. В юности я себя не любил. Я был трусом. — Он приподнял голову и взглянул на Исава. — Удивлены?

— Я был с вами в экспедиции, видел, как вы, раненый, держались под огнем... Да, должен признаться, меня это удивляет.

Арнольд расплылся в широкой улыбке; он откровенно наслаждался словами Исава.

— Был! — настойчиво повторил он. — До пятнадцати лет я был трусом, и ненавидел себя за это. Вечно изощрялся в глупых трюках — пытался доказать самому себе, что я храбр. — Арнольд снова вперил свой взгляд в потолок и принялся вспоминать: — Однажды

я прыгнул на вращающиеся лопасти водяного колеса. О, как я цеплялся за свою драгоценную жизнь, когда меня, перепуганного до смерти, затащило под воду, протащило под колесом, а затем подняло наверх. — Он сделал паузу, дожидаясь, пока в памяти всплывут другие образы. — А еще я, пытаюсь произвести впечатление на мальчишек и девчонок, с разбегу перепрыгивал через груженные телеги на центральной улице. Да!.. — Прежде чем продолжить свой рассказ, он выпрямился и глянул на Исава. — Как-то раз в День благодарения [\[35\]](#) весь Норвич собрался на печеные бобы. Так вот, мы с дружками стащили где-то около порта бочонки с дегтем. Пока все наслаждались обедом, мы подожгли деготь на вершине горы Бин. Отличное было зрелище! — Арнольд засмеялся. — Но, само собой констебль смотрел на это иначе. Он полез на гору. Ребята сбежали, а я остался отражать нападение: размахивал курткой, будто саблей, безостановочно молол всякую чушь, что-то напыщенно выкрикивал! Словом, вел себя как сумасшедший.

Исав рассмеялся.

— Вы убежали?

— Нет, меня в конце концов обуздали. Впрочем, у меня не было ни единого шанса. Констебль весил фунтов триста, не меньше! Все, что от него требовалось, — навалиться на меня сверху!

И они вновь расхохотались. Надо сказать, что Исаву его собственный смех казался странным. Истории полковника заставили его вспомнить о проделках Джейкоба. Как раз за подобное ребячество Исав презирал брата более всего, а вот хулиганские выходки Арнольда почему-то пробуждали в нем теплое чувство.

Повисла небольшая пауза; полковник закрыл глаза — он отдыхал.

Когда раненый заговорил, стало ясно, что он пролистнул в памяти несколько страниц своей жизни.

— Вы женаты, Морган?

— Нет, сэр, и никогда не был.

Брови Арнольда взлетели вверх.

— Не интересуетесь этим?

— Да, нет, интересуюсь, — вздохнул молодой человек. — Просто женщина, которую я люблю, недостижима.

Во взгляде Арнольда промелькнул острый интерес.

— Она замужем?

— За моим братом.

— Ну и дела! — полковник зашелся в таком громком смехе, что в палату вбежали испуганные монахини (они ухаживали за больными). Полковник Арнольд успокоил встревоженных женщин, а затем, приглушив голос, задумчиво произнес:

— Вот почему брат глядел на вас волком, — а потом прибавил: — Давайте, Морган, выкладывайте вашу историю.

И Исав рассказал, как ловко у него увели прекрасную Мерси; сознался и в том, что бездетность Джейкоба и Мерси он принимал за знак Божьего неодобрения их брака. При этом он умолчал о сделанном Мерси предложении бежать с ним в Англию, не упомянул и о ее беременности.

Выслушав Исава, Арнольд закинул руки за голову и изрек философским тоном:

— Отношения с женщинами всегда не просты, верно?

— А вы женаты, сэр?

— Был. Я вдовец. Она скончалась год назад, в июне, пока я находился на озере Чамплин с генералом Шуйлером. Ей было тридцать. Умерла по неизвестной причине. Ее звали Пегги.

— Мне очень жаль, сэр.

Полковник вновь мысленно вернулся в прошлое. Пока память оживляла видимые только ему сцены, его взгляд перебегал с предмета на предмет. Наконец он заговорил:

— Она была дочерью старшего шерифа округа Нью-Хэвен. Всегда беспокоилась о моей компании. Слишком беспокоилась... Небольшой спад в делах — и ей казалось, что предприятие на краю гибели.

— Чем вы занимались?

— Держал аптеку. На Чепел-стрит можно было прочесть вывеску: «Б. Арнольд аптекарь, продавец книг и многого другого. Из Лондона. Sibi Totique».

— Для себя и для всех, — перевел Исав.

— Я всегда гордился этим девизом, — улыбнулся Арнольд. — Мой магазин в Нью-Хэвене был единственным в своем роде. Лечебные травы и медицинские препараты, косметика из Лондона, ожерелья, серьги, пуговицы, картины, офорты, канцелярские принадлежности, бумажная драпировка для комнат и даже медицинские книги и хирургические инструменты. У меня было несколько судов, и я регулярно ходил в плавание. — Затем он снова вернулся к Пегги. — Уезжал я надолго, даже до нашей женитьбы. Писал письма на каждой почтовой станции. А вот она редко отвечала мне тем же. Помню, как умолял ее черкнуть хотя бы строчку. Однажды на Барбадосе я задержал корабль на два дня — думал дождаться от нее письма. Мысль провести два месяца в море, не получив от нее весточки, казалась непереносимой. — Арнольд закрыл глаза и тяжело вздохнул. — Когда ждать уже было нельзя, мы подняли паруса. И правильно сделали: Пегги письма не посылала.

Исав решил молчать. Так будет лучше. Все, что он мог сказать, прозвучало бы банально или покровительственно. Пауза длилась минуту. Две... Ритмичное дыхание полковника Арнольда указа-до на то, что он уснул. Стул Исавы закрипел; молодой человек поднялся и вышел на свежий воздух. Воспоминания о Мерси и разделенная с полковником печаль по недавно ушедшей жене наполнили сердце Исавы тоской.

До 4 января полковник Арнольд отказывался покидать окрестности Квебека. Однако потом он все же дал согласие на то, чтобы его перевезли в санях в бывшую штаб-квартиру генерала Монтгомери. Организовав вербовку канадских солдат и бессовестно блефуя, он сумел продержать Квебек в осаде до первого апреля, когда бригадный генерал Давид Вустер прибыл ему на помощь.

Через день после приезда Вустера полковник Арнольд вновь повредил ногу. Во время тревоги он поспешил вскочить в седло. Лошадь упала и придавила ногу седока. И снова десять дней без движения. Лежа в лазарете, Арнольд назначил Исаву Моргану своим адъютантом. А когда выздоровел, отправился в Монреаль принимать командование.

29 апреля оказалось удачным и для Бенедикта Арнольда, и для Исавы Морган.

— Отец! Какими судьбами?

На пороге стоял Джаред Морган, подтянутый и щеголеватый.

В ту самую минуту, когда отворилась дверь, Исав сидел за маленьким деревянным столиком и записывал на бумаге очередное распоряжение полковника. Молодому человеку — как адъютанту Арнольда — выделили отдельную комнату в имении богатого торговца

Томаса Уокера, приятеля полковника.

— А мне говорили, что люди Арнольда приучены к тяготам походной жизни. — Джаред окинул беглым взглядом картины, широченный шелковый ковер, покрывало на кровати. — Полагаю, по возвращении в Филадельфию придется сочинять кляузу.

Смешинки в глазах и плохо скрытая лукавая улыбка указывали на то, что Джаред шутит. Отец и сын обнялись.

— Рад тебя видеть, садись.

Исав подтащил стулья к камину, который, несмотря на весну, по ночам все еще приходилось топить.

— Итак, что ты делаешь в Монреале?

— Я здесь с делегацией Конгресса — с Франклином, Сэмюэлем Чейзом и Чарлзом Кэрроллом. — Мы привезли золото для покупки армейского снаряжения и печатный станок для выпуска пропагандистской литературы на французском языке. Ну и вдобавок нам предстоит оценить здешнюю ситуацию, состояние нашего войска и сделать все возможное для объединения с Канадой.

— Мне казалось, ты должен быть в Англии.

— Ни дня там не был. Перебрался на другой корабль прямо посреди Атлантики и присоединился к Франклину — он как раз возвращался домой. А потом застрял в Филадельфии. Твоей матери это не понравилось. В своем последнем письме она особо подчеркнула: то, что я нахожусь в Филадельфии, а не в Англии, для нее ничего не меняет. И еще приписала, что если бы я был в Индии, отсутствовал бы точно так же. Я пытался уговорить ее приехать ко мне, но она не большая любительница путешествий. К тому же Энн организовала женскую пошивочную мастерскую. Эта бабья армия собирается в нашем доме и шьет одежду для солдат. Совесть никогда не позволит твоей матери закрыть мастерскую ради того, чтобы коротать вечера со мной.

— Да, на маму это похоже, — улыбнулся Исав и тут же с тревогой спросил: — А как она себя чувствует?

— Прекрасно. Как, впрочем, и Мерси. — Заговорив о невестке, Джаред помог Исаву избежать неловкого вопроса. Затем скорбно добавил: — Она потеряла ребенка.

Эту новость молодой человек выслушал со смешанным чувством. С одной стороны, он беспокоился о любимой, с другой — его теория о Божьем благословении и бесплодии Мерси обрела второе дыхание.

— Как она?

— По словам доктора, физически она здорова. Но твоя матушка пишет, что Мерси еще не оправилась от эмоционального шока.

— Джейкоб знает?

— Послали письмо. Уверен, он его получил.

Повисло неловкое молчание — казалось, между мужчинами выросла невидимая стена. Исав никак не мог решить, довериться ли отцу, или оставить все как есть. Но он слишком затянул паузу, и Джаред взял ситуацию в свои руки.

— Ну а ты как поживаешь? Выглядишь похудевшим.

Руки Исавы машинально коснулись одежды — она висела на нем мешком.

— В походе я малость отощал, но чувствую себя превосходно.

— Выглядишь лучше. Возмужал. Я тебя таким никогда не видел. Походная жизнь пошла тебе на пользу. Хотя, должен признаться, я удивлен, что ты в армии.

— После Лексингтона и Конкорда у меня просто не было выбора... Если уж я надумал остаться в Америке.

— Вы определенно завоевали сердца участников Конгресса и, добавлю от себя, всего населения колоний. Твой Арнольд — герой. И неважно, что Квебек все еще в руках англичан. Героический марш-бросок вашего экспедиционного отряда по глухим лесам и бездорожью и отважная атака превосходящих сил противника всколыхнули колонии.

Исава глубоко тронули эти слова. Для него не существовало большей награды, чем похвала отца — человека, чья юность изобиловала самыми невероятными приключениями.

— Ты наверняка знаешь, что его повысили? Теперь Арнольд бригадный генерал, — сказал Джаред.

Исав кивнул.

— А об Эносе и его людях слышал?

— Нет.

Джаред положил ногу на ногу и обхватил колено руками.

— Они благополучно добрались до Кембриджа; причем выглядели, надо сказать, неплохо — такие упитанные... Вашингтон их арестовал.

Это известие вызвало широкую улыбку на лице Исава.

— Против Эноса выдвинули обвинение, но военный суд его оправдал. Он заявил, что покинул лагерь ради успеха экспедиции. Если верить его словам, останься он — весь отряд помер бы с голодухи.

Лицо Исава покраснело от негодования.

— Из всего, что...

Джаред оборвал его на полуслове.

— Он мог говорить что угодно. Среди присяжных были только его друзья. Все офицеры Эноса присутствовали на суде и могли подтвердить каждое его слово, в то время как ты с товарищами месил грязь в Квебеке. После суда Эноса восстановили в должности, но его солдаты не хотели иметь с ним ничего общего. Они считали его предателем. Восемь дней спустя он подал рапорт об отставке. По слухам, он связался с ополчением Вирджинии.

«Вопреки решению суда справедливость все-таки восторжествовала», — мысленно успокоил себя Исав, а потом обратился к отцу:

— Что собираешься делать дальше?

— Будь моя воля, уехал бы в Бостон. Конгресс разрешил каперство ^[36]. Мы можем с большей пользой использовать наши суда. Но... — Джаред пожал плечами. — Франклин — а он ко мне очень расположен — хочет, чтобы я вернулся в Филадельфию. Сейчас много говорят о Декларации независимости ^[37], об отделении колоний от Англии.

От такой новости Исав просто опешил.

— Да, для меня это тоже было неожиданностью, — взглянув на сына, сказал Джаред. — Георг отказался принять «петицию оливковой ветви» и объявил колонии мятежными. Отношения хуже некуда. Боюсь, пути назад нет. Нам остается либо бороться за независимость и молиться о победе, либо проиграть и молиться о пощаде.

Слова отца встревожили Исава. Он тут же представил, как ликуют люди такого типа, как Адамс и Хэнкок, — их план отколоть колонии от Англии удался! Но он не знал, что тревожило его больше — новость сама по себе или мысль об успехе Адамса.

— Ну а ты что намерен делать? — Вывел его из задумчивости голос отца.

— Я — с полковником, точнее, с генералом Арнольдом. Куда он — туда и я.

Джаред пристально взглянул на Исава.

— Знаю, этот поход дался тебе нелегко. Я горжусь тобой, сын. На мгновение Исаву показалось, что его накрыло теплой и ласковой волной. Молодой человек сконфузился, рывком поднялся со стула, подошел к ранцу и достал Библию.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал он. И, вынув из Библии полуистлевший лоскут, протянул его отцу.

— Что это? — изумился тот, разглядывая тряпочку.

— Часть обшлага.

— И, по всей видимости, довольно старого, — заключил Джаред. — Кому он принадлежал?

— Тому, кого ты знал, точнее, кого ты как-то раз видел. Этот человек сыграл значительную роль в твоей жизни.

К великой радости и удовольствию Исав, отец был заинтригован.

— Хорошо, — поддался Джаред на игру, — где ты это нашел?

— В Ньюберипорте.

— В Ньюберипорте? — Глубокая морщина прорезала лоб Джареда. — Ньюберипорт... а что там в Ньюберипорте?

— Перед походом я был на церковной службе.

— Церковная служба... — В мозгу Джареда что-то сверкнуло.

— В Пресвитерианском молитвенном доме.

Джаред беспомощно покачал головой.

— Там под кафедрой находится склеп.

Наконец-то забрезжил свет. Джаред восторженно воскликнул:

— Склеп Уайтфилда!

Исав кивнул.

Лоскуток начал обретать в глаза Джареда необыкновенную ценность.

— Он оттуда? — охрипшим от благоговения голосом прошептал старый капитан.

— Староста позволил нам всем взять по кусочку обшлага. Я знал, что проповедь Уайтфилда стала для тебя спасительной. Мне показалось, что тебе захочется иметь этот лоскуток.

Глаза Джареда затуманились; некоторое время его взгляд перебегал с бесценного лоскута на сына и опять на лоскуток.

— Я буду хранить его до конца своих дней, — тихо проговорил он. — Спасибо, Исав, спасибо тебе.

Джаред вскочил на ноги и обнял сына. И для того, и для другого это был миг духовного откровения. Исчезли война, политика, разногласия... Маленький лоскуток, оторванный от погребальной одежды Джорджа Уайтфилда, напомнил им о более существенных вещах — вере и семье.

Бенедикт Арнольд так же, как и Исав, был несказанно удивлен прибытием делегации из Филадельфии. Приезд этих людей означал, что его письма с настоятельными просьбами о снабжении и дополнительной поддержке экспедиционных войск наконец-то возымели действие. Семидесятилетний Франклин изумил Арнольда своим проектом, призванным защитить американцев от нападения королевских войск с Атлантики. Франклин ускорил строительство нескольких грандиозных *chevaux de frise*, подводных перекрытий из

остроконечных рогатин, призванных вспарывать днища вражеских кораблей, и предложил разместить их на всех водных артериях. Арнольд с энтузиазмом поддержал идею оборонять с помощью таких рогатин реку Сент-Лоренс. Кроме того, при содействии Франклина он сумел добиться от делегации одобрения его плана строительства двух фортов на реке Сент-Лоренс.

Вечером того же дня Арнольд устроил в честь гостей грандиозный прием в своей штаб-квартире в Монреале. Новоиспеченный генерал находился в приподнятом настроении. А почему бы и нет?! Как-никак его гостями были самые прославленные мужи страны. Бенджамин Франклин — знаменитейший человек Америки; Чарлз Кэрролл — первый богач колоний; Сэмюэл Чейз — крупный торговец из Мериленда, друг Арнольда со времен первого похода в Монреаль, один из самых красноречивых его сторонников в Конгрессе. На приеме присутствовали также направляющийся в Квебек генерал-майор Джон Томас и бостонский торговец Джаред Морган, друг Франклина и отец Исава Моргана, адъютанта Арнольда.

Этот прием ошеломил даже видавших виды богачей. В то время как приглашенные, обмениваясь приветствиями и расточая друг другу комплименты, собирались в зале, слуги подавали им вино. Затем гостей проводили в соседнюю комнату, где их ждал приятный сюрприз в лице премиленьких француженок. После чаепития и легкой беседы подали великолепный обед, за которым последовала подготовленная дамами музыкальная программа. Исаву этот вечер напомнил о бостонских и филадельфийских балах. После Мэна и Квебека прием в штаб-квартире Арнольда стал для молодого человека значимым событием. Тем не менее он никак не мог избавиться от чувства, что ему чего-то недостает. Вечеринка была бы куда веселее, присутствуя на ней Мерси Рид Морган.

Под низеньким серым весенним небом во весь опор неслась обезумевшая лошадь. Тихая, неторопливая прогулка внезапно обернулась яростной борьбой за жизнь. Энн потеряла всяческий контроль над своей кобылой. Обычно послушная, сейчас та скакала как одержимая, ее швыряло из стороны в сторону, она закатывала глаза, испуганные и бешеные одновременно, жутковато косилась на хозяйку.

«Прыгай! Прыгай!» — твердила себе Энн. И никак не могла отпустить поводья — они были туго обмотаны вокруг руки, связывая судьбу Энн с судьбой взбесившегося животного. Внизу, под копытами, стремительно проносилась каменистая земля.

Лошадь мчала Энн стрелой, неумолимо приближаясь к черному деревянному мосту. Это уж совсем некстати; раньше его там не было. Мрачные тучи, такие же черные, как и мост, зловеще нависли над всадницей. Она не должна приближаться к мосту, не должна его пересекать. Почему — Энн не знала, знала только, что не должна.

Вновь и вновь всадница истошно выкрикивала имя лошади, натягивала поводья, всаживала каблуки в бока животного. Безрезультатно. С каждым мгновением она была все ближе и ближе к мосту.

Внезапно Энн увидела впереди несколько деревьев и мужчин, лежащих под ними. Казалось, и эти деревья, и эти мужчины соткались прямо из воздуха. Женщина криком попросила о помощи. Ее не услышали. Она опять закричала. Никакого ответа. Лишь приблизившись, она поняла почему. Мужчины были мертвы; их тела — от колен до подбородка — кто-то прикрыл шинелями.

И тут лошадь замедлила свой бег. Уже спокойным, ровным шагом она пошла к деревьям — ее словно бы тянуло туда магнитом — и стала как вкопанная. Тяжелое хриплое дыхание измученной кобылы делало все каким-то ирреальным.

Меж мертвецов, строго выпрямившись, стоял мальчик. На голове — каштановые вихры. В руке — серебряный потир.

— Хозяину нужна вода, — внезапно заговорил он с характерным британским акцентом и глянул на Энн. — Хозяин хочет пить.

Мальчик склонился над бездыханным телом, лежащим навзничь у его ног. Свободной рукой дотронулся до шинели. На ней красными нитками были вышиты инициалы «Дж. М.». Джейкоб Морган! Энн сама вышивала эти буквы!

Она хотела отвести взгляд — и не могла. Меж тем мальчик сдернул с тела шинель. Это был Джейкоб! Мальчик поднес потир к синим губам мертвеца. Но губы так и не разомкнулись, и вода потекла по серым, впалым щекам покойника.

Энн закричала. И от этого крика кобыла взбросилась на дыбы и вновь понесла. Гроыхнул гром. Да нет же, не гром — пушечный выстрел. В ту самую минуту, когда лошадь оказалась перед черным мостом, Энн заметила на противоположной стороне реки английские орудия. Гулкий стук лошадиных копыт заглушил более громкий и страшный звук — в мост врезалось ядро. В секунду разлетелись перила. Еще одно ядро проделало огромную дыру в мосту. Лошадь начала пятиться, мост накренился. Вновь просвистело ядро. Во все стороны полетели щепки. Настил начал проваливаться. Кобыла споткнулась — копыта застряли в щели. Энн попробовала выпутаться из поводьев. Но они крепко держали ее. Она падала. Падала вместе с лошадью в реку. Из воды торчали острые камни. Она кричала,

кричала, кричала.

— Энн! Энн! Это я, Мерси! Энн!

Темные волосы Мерси упали ей на лицо. Широко раскрытые глаза заволокло слезной дымкой. Она нервно сглатывала.

— Энн! Вы меня пугаете!

Мерси схватила свекровь за плечи и встряхнула ее раз, другой, третий — голова Энн безвольно перекатывалась по подушке.

— Со мной все в порядке, — выговорила наконец Энн. Но ее выдал осипший голос.

Нижняя губка Мерси запрыгала. Пытаясь совладать с этой дрожью, молодая женщина закусила губу.

Энн прочистила горло.

— Дорогая, со мной все в порядке. — На этот раз голос звучал тверже.

Мерси закрыла глаза и откинула голову назад — волосы тяжелой волной хлынули ей за спину. На ее фарфоровом личике читалось облегчение.

— Опять тот сон?

Энн кивнула. Этот сон преследовал ее целый месяц. Она пересказала его Мерси в деталях, умолчала только о Джейкобе. Просто упомянула о мертвом солдате.

— Хотите, я заварю вам чай? — Полностью овладев собой, Мерси поднялась на ноги.

Молодая женщина стояла, уперев руки в боки. Ее поза напомнила Энн о том, что невестка снова постройнела. Во время беременности Мерси и после потери ребенка Энн не раз ночью готовила для нее чай. А потом они вдвоем сидели в гостиной, и Энн читала вслух Священное Писание. При мысли о том, что у Мерси вошло в обыкновение успокаивать себя и других чаем, Энн не могла сдержать теплой улыбки.

— С удовольствием.

Женщины завернулись в одеяла и расположились в креслах подле маленького столика. Они пили чай, а на столике между ними, под лампой, лежала открытая Библия. В мягком свете настольной лампы комната казалась чрезвычайно уютной.

— Я хочу прочесть вам что-нибудь из Библии, — сказала Мерси, — вы же делали это для меня. Но я не знаю что.

— Попробуй 2-е Коринфянам, глава первая, — предложила Энн.

Мерси недоуменно глянула на свекровь поверх чашки.

— Это Новый Завет.

Со смущенной улыбкой Мерси отставила чашку в сторону, взяла в руки Библию и принялась ее листать с конца. Энн помогать не стала — пусть ищет сама. Пока Мерси возилась с книгой, Энн внимательно вглядывалась в свою невестку. Прошедший год оставил на лице Мерси неизгладимый отпечаток. Она выглядела более зрелой, жесткой, возле губ залегли морщинки. Но вот глаза Мерси вспыхнули — она нашла то, что искала.

— Начни с третьего стиха, — попросила Энн.

Мерси взглянула на нее, затем приподняла книгу так, чтобы ей было лучше видно, и принялась читать вслух: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих! Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше».

Мерси оторвалась от страницы и удивленно глянула на Энн.

— Вы выбрали эти стихи для меня? — И, найдя поразившую ее строчку, прочла: — «... чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением». — В глазах молодой женщины светилось понимание. — Когда-то меня утешали вы, теперь пришел мой черед утешать вас!

— А источник утешения один — Господь, — добавила Энн.

— Что удивляет меня в вас больше всего, — задумчиво протянула Мерси, — так это то, что вы всегда находите в Библии стихи, подходящие случаю. Жаль, мне этого не дано.

— Ну, в этом-то нет ничего необычного, — улыбнулась Энн. — Чем больше времени проводишь с книгой, тем лучше ее знаешь.

— И все же я считаю вас необыкновенной женщиной, — не согласилась Мерси. — Теперь, когда Джейкоба нет рядом, когда война превратила нашу жизнь в кошмар, а мой ребенок так и не родился... — Она коснулась своего живота. — Вы всегда готовы меня утешить. Я люблю вас за это, Энн. На самом деле люблю.

На следующий день пришло письмо от Джейкоба. Рыдая в голос, Мерси взбежала вверх по лестнице. Джейкоб обвинял ее в измене. К счастью, писал молодой человек, малышу не суждено было появиться на свет — ведь в противном случае он, Джейкоб, продолжал бы сомневаться, его это ребенок или брата.

Мерси всхлипывала, уткнувшись лицом в подушку, а Энн сидела на краешке кровати. Одной рукой она нежно гладила невестку по спине, другой сжимала письмо.

— О нет, Джейкоб, нет, — твердила она, читая про себя послание сына; по ее лицу текли слезы.

Бум! Бум! Бум! Бум!

Кто-то изо всех сил колотил в дверь.

Рука с письмом безвольно опустилась. В глазах застыло отчаяние.

— Ради всех святых, что еще?! — воскликнула Энн.

Бум! Бум! Бум! Бум! — нетерпеливо повторился стук.

С началом войны в доме остался только один слуга. «Наверное, он вышел», — решила Энн. Она ободряюще похлопала Мерси по спине.

— Я скоро вернусь, дорогая.

На полпути Энн столкнулась с возбужденной Присциллой, несущейся вверх по лестнице. Входная дверь была распахнута.

— К какому полку приписан Джейкоб? — задыхаясь, выпалила Присцилла.

От неожиданности Энн позабыла все на свете.

— Не к шестому массачусетскому?

— Вроде бы.

— Его командир Уэстон?

— Да, полковник Уэстон. Точно.

Присцилла взяла Энн под руку.

— Тогда у нас неприятности.

Хлюпающая носом Мерси села в кровати. Присцилла устроилась справа от нее, а Энн слева. Отдышавшись, гостья заговорила.

Один знакомый кучер привез ей сегодня письмо из-под Нью-Йорка, от Питера — там стояла его часть. Гиббсы знали этого кучера уже много лет. Это был бесчестный и

продажный человек.

В обычных обстоятельствах Питер никогда бы ему не доверился. По-видимому, предположила Присцилла, никого другого просто не оказалось под рукой.

Итак, в таверну «Добрая женщина» вломился мертвецки пьяный кучер с письмом Питера в руке. Потребовав в обмен на письмо выпивку, он внезапно рухнул на пол. Присцилла и ее помощник усадили пьяного гонца на стул и принялись вливать в него кофе. Во время этой операции кучер не переставая бормотал про какую-то английскую ловушку.

— Вот уж парни из Масса... Масса... Масса... тьфу ты... из Бостона удивятся, когда перейдут реку.

Чтоб не затягивать рассказ, Присцилла вкратце передала остальное. Кучер несколько раз упомянул полковника Уэстона, парней из Бостона, Окскирк, Милфорд и небольшую долину близ Милфорда.

Мерси побледнела как полотно.

— Милфорд... — повторила она будто во сне. В следующее мгновение она встрепенулась, схватила письмо и впилась в него глазами.

— Да-да, Милфорд, — подтвердила Энн догадку Мерси.

— Что?! — вскричала Присцилла. — Джейкоб в Милфорде?

Мерси прочла вслух:

— «...направляясь в Нью-Йорк...» — пропустила несколько строчек. — Вот... Греческий мост на юге Милфорда! — Ее рука бессильно упала. — О, Господи, помоги нам! — воскликнула она.

Энн смотрела на невестку непонимающим взглядом. Откуда-то из недр подсознания всплывали смутные образы. Обезумевшая лошадь. Деревья. Тела под серыми шинелями. Пытаясь отогнать от себя эти видения, Энн зажмурила глаза. Но одно слово мешало вытеснить их окончательно. Как колокольный набат, грохотало оно у нее в голове. Мост... мост... мост.

— Если нас остановит английский патруль, я не стану лгать, — заявила Энн.

— Даже если мы за это поплатимся жизнью? И ваш сын тоже? — Мерси не верила своим ушам.

— Я не стану лгать, — упрямо стояла на своем Энн. — Мы доверимся Господу, и Он нам поможет.

Женщины скакали по дороге, ведущей в Милфорд. С каждой милей, удаляющей их от Бостона, путешествие становилось опаснее. Впрочем, сама идея этой поездки была сумасшедшей. И, как ни странно, эта безумная мысль зародилась в голове Энн.

Присцилла, Мерси и Энн сошлись на том, что Джейкоб и его однополчане должны быть предупреждены о ловушке, в которую их хочет загнать неприятель. Но при этом Присцилла и Мерси предлагали послать в Милфорд доверенного человека, а Энн хотела ехать сама. Переубедить ее не удалось. Тогда Присцилла — она не привыкла прятаться от опасности — вызвалась сопровождать подругу. Но тут вмешалась Мерси. Не стоит, сказала она, оставлять «Добрую женщину» без присмотра. Если всплывут какие-то новые сведения, об этом, скорее всего, заговорят в таверне. В этом случае Присцилла сможет послать им — а к Джареду отправятся Энн и она, Мерси, — вдогонку гонца. Итак, последнее слово оставалось за Энн. И она согласилась с невесткой. Присцилла должна остаться. Миссис Гиббс сочла доводы Энн и Мерси вескими. Но окончательно ее убедил твердый тон подруги (хотя на самом деле

та вовсе не была так уж уверена в правильности своего поступка).

Топ-топ-топ... Резво бежали по дороге лошади.

— Вон там, — наклонилась Мерси к Энн, — под деревом. Два конных офицера. Форма вроде бы британская.

Энн напрягла зрение. Из-за деревьев плохо видно... Да, похоже, это англичане.

— Я не стану им лгать, — снова повторила она.

— Вам и не придется! — прошипела Мерси. — Говорить буду я!

Меж тем англичане подъехали к женщинам и преградили им дорогу. Старший всадник был невысок, коренаст, с тяжелым квадратным подбородком, младшему едва ли перевалило за двадцать. Долговязый, неуклюжий, лопоухий, он привлекал внимание чрезмерно большим ртом, уголки которого весело загибались вверх.

— Дальше ехать нельзя, леди, — остановил их старший, а потом спросил: — Куда вы направляетесь?

— Мы не скажем, сэр, — глядя ему в глаза, отчеканила Энн.

Офицер нахмурился.

— Видите ли, сэр, — тотчас вмешалась Мерси, — мы не уверены, что наши дела могут заинтересовать таких занятых джентльменов, как вы.

— Хьюз, — обратился коренастый к своему товарищу, — проверь-ка их вещи.

Юноша спешил. Затем шагнул к Мерси. Она одарила его ослепительной улыбкой, он ее — застенчивой ухмылкой.

— У нас ничего нет, сэр, уверяю вас, — обратилась Мерси к старшему офицеру.

— Если вас это не беспокоит, мы все-таки проверим.

Мерси еще раз улыбнулась и пожала плечами.

— Как скажете, генерал.

— Лейтенант.

— Ах, простите, я ничего не смыслю в званиях. Просто вы так похожи на генерала.

Лейтенант одобрительно кивнул (судя по его лицу, он был польщен); пока молодая женщина любезничала с «генералом», Хьюз разбирался с Энн. Спустя минуту-другую он объявил, что не нашел ничего подозрительного. Более того — у всадниц нет с собой еды, а это указывает на то, что они местные жительницы.

— Надеюсь, вы добропорядочные подданные короля Георга, — благодушно сказал лейтенант.

— Я никому не подчиняюсь, сэр, — решительно заявила Энн. — Вся моя преданность отдана целиком Господу нашему Иисусу Христу.

Хьюз перекрестился. Лейтенант сначала опешил, а потом рассвирепел.

— Я не спрашивал о ваших религиозных убеждениях, — рявкнул он. — Моя задача — задерживать путников, которые не могут подтвердить свою верность королю Георгу. Еще раз спрашиваю, вы верны нашему королю?

— В Бостоне! — внезапно воскликнула Мерси. — Вот, где я впервые увидела генерала. — Молодая женщина, махнув рукой в сторону лейтенанта, выразительно глянула на свекровь. — Это тот самый галантный офицер, про которого я вам рассказывала, Энн. Это он был на балу у губернатора несколько лет тому назад.

Лейтенант затряс головой.

— Я не бывал на балах у губернатора.

— Не помню, чтобы ты мне об этом рассказывала, Мерси, — возразила Энн.

— Мерси? — переспросил лейтенант. — Мерси Рид? То-то мне знакомо ваше лицо! — Улыбка на его физиономии выглядела неуместно, создавалось впечатление, что ему больно улыбаться. Но он все равно продолжал растягивать губы. — В год вашего светского дебюта мой полк как раз стоял в Филадельфии! Когда вы вошли в зал, я подумал, что вы самая прекрасная девушка на земле, — пылко проговорил лейтенант. — Я весь вечер мечтал потанцевать с вами. И после полуночи мне удалось вас пригласить... Но вы, наверное, не помните меня...

Мерси картинно прижала руки к груди.

— Ну что вы! Я прекрасно помню тот бал. Это был самый прекрасный вечер в моей жизни.

— Простите, лейтенант, — вмешалась Энн, — но нам надо ехать. Вы позволите?

Вперившись в Мерси, лейтенант нервно хихикнул.

— Вы ведь не собираетесь предупредить своего мужа о передвижениях наших войск, мисс?

— Господь тому свидетель, — торжественно возвестила Мерси, — мы не собираемся говорить с моим мужем ни о чем таком.

— Ну что ж, — протянул лейтенант, по-прежнему пожирая Мерси глазами. — Вы можете ехать.

— Сэр, — вмешался юноша, — нам приказано заворачивать всех назад.

— Замолчите, Хьюз, — оборвал его лейтенант, а затем добавил: — Ну какой от них вред? Они же женщины!

Пока англичане не скрылись из виду, Энн и Мерси молчали. Потом Энн прикрыла глаза и с облегчением выдохнула:

— Слава Богу! И да простит Он тебе обман.

— О чем вы?

— Ты солгала. Ты ведь не помнишь этого мужчину?

— А я этого и не говорила. Он сказал: «Вы, наверное, не помните меня», а я с ним согласилась. Я и в самом деле его не помню!

Энн рассмеялась и покачала головой.

— Да, на сей раз, не права я.

Тем временем небо накрыли тучи; сизое и унылое, висело оно над всадницами. Ни с того ни с сего решила проявить норов кобыла. Энн намотала поводья на руку. Начинается. Небо. Лошадь. Поводья. Все как во сне, только на этот раз она бодрствует.

— С вами все в порядке? — Лицо Мерси выразило беспокойство.

Энн кивнула.

— Далеко еще?

— По-моему вон там, за тем пригорком. — Мерси указала на небольшой холм, до него оставалось несколько ярдов.

Внезапно за холмом прогрехотал гром. Нет — не гром. Пушки. Лошадь Энн, дернувшись всем телом, взвилась на дыбы.

Они остановились на вершине холма. Прямо под ними, на берегу реки стоял полк Джарета. Через реку вел единственный мост, черный. За рекой раскинулась большая долина. На траве лежали тела солдат. Человек двадцать...

Мерси взглянула на Энн. По скорбному изгибу ее губ и внезапно побелевшим щекам она

поняла: что-то не так.

— В чем дело? — Молодая женщина проследила за взглядом Энн и справа от моста увидела деревья. Там, под деревьями, лежали убитые. И тут Мерси вспомнила. — Сон! — вскричала она. — Вот почему вы настаивали на этой поездке. — Она снова взглянула на деревья и внезапно поняла, что именно утаила от нее Энн. — Джейкоб! — Голос молодой женщины задрожал. — Тот мертвец. Это был Джейкоб?

Вместо ответа Энн вонзила каблуки в бока лошади. Кобыла вихрем понеслась вниз по склону. Ветер развеивал волосы и платье всадницы, мост стремительно летел навстречу. Энн пыталась изо всех сил удержаться в седле, деревья по мере приближения к ним становились все выше и выше.

Женщина проскакала бешеным галопом мимо солдат, высыпавших из палаток (они смотрели на нее, как на сумасшедшую), и понеслась по дороге. Она гнала кобылу до тех пор, пока не добралась до леска. Здесь она натянула поводья. Лошадь замедлила бег. В эту самую минуту и появился мальчик с каштановыми волосами. Он шел от реки и нес оловянную кружку с водой.

Энн уронила поводья и соскочила с лошади. Она двигалась словно в бреду; ей казалось, будто ноги сами несут ее к убитым. Тела были прикрыты шинелями. Из-под шинелей торчали ноги, обутые в грубые башмаки. И тут Энн увидела вышитые красными нитками инициалы «Дж. М». Она вышила их сама. С губ женщины сорвалась жалобная молитва, на ватных ногах она подошла ближе, низко склонилась над мертвецом. Дрожащими руками приподняла край шинели...

— О, нет!

Под шинелью, вытянувшись, лежал светловолосый незнакомец.

— Мама? Что ты здесь делаешь?

Энн резко обернулась. В нескольких футах от нее с оловянной кружкой в руках стоял сын. Рядом с ним — мальчуган с каштановыми вихрами.

— Джейкоб! Джейкоб!

Молодой человек стремительно повернулся и, едва устояв на ногах, успел-таки поймать Мерси, спрыгнувшую с лошади. Она закрыла ему рот поцелуем. Вокруг них тотчас сгрудились солдаты. У Бо был озадаченный и вместе с тем забавный вид. Наконец Джейкобу удалось вырваться из объятий жены.

— Что здесь происходит? — остоленело произнес он.

Энн встала рядом с невесткой и сыном, обняла их.

— Нам нужно поговорить. Срочно.

Энн и Мерси сообщили Джейкобу и полковнику Уэстону о ловушке, которую устроили англичане. Во время этого разговора женщины узнали, что прямо перед их приездом американцы оттеснили небольшой вражеский отряд в горы. Колонисты как раз намеревались пуститься по следу англичан — для этого им пришлось бы перейти мост.

— А что если давешний бой тоже входил в план англичан? — спросил Джейкоб.

Уэстон задумчиво потер поросший многодневной щетиной подбородок:

— Допустим, мне надо устроить засаду в долине... В этом случае я высылаю вперед небольшой отряд, так сказать, бросаю наживку, а основные силы прячу в горах. Если враг клюнет на наживку, ему придется перейти мост (что, кстати, мы и собирались сделать). Ну а после того как неприятель ступит на противоположный берег, я взорву мост — и путь к

отступлению отрезан.

— Точно! — вскричала Энн, — Они собираются обстрелять мост из пушек!

Полковник Уэстон пристально глянул на женщину.

— Вы и об этом знаете? Они хотят дать по мосту залп из пушек?

— Нет, этого я не знаю, — ответила Энн.

Повисла пауза.

— Ну? — не выдержал Уэстон. — Откуда вам известно про мост?

— Я видела это во сне.

Тонкие брови полковника недоуменно изогнулись. Судя по всему, это заявление заставило Уэстона усомниться в том, что говорила Энн о планах англичан. Но тут подал голос Джейкоб:

— Сэр, — сказал он, — моя мать не какая-то там пустоголовая бабенка, верящая в привидения и оживших мертвецов. Она женщина здравомыслящая и богобоязненная.

Энн погладила молодого человека по руке.

— Спасибо, сынок.

Полковник с минуту таращился на Джейкоба и его близких, затем прочистил горло и сказал:

— Как я уже говорил... разрушив мост, я бы отрезал врагу путь к отступлению, потом взял бы противника в кольцо... — он замолк, глянул на женщин и продолжил: — и приказал бы его уничтожить. — Уэстон еще раз прокрутил в голове всю операцию. — Да, именно так. Это ловушка.

— И что нам делать, сэр?

— Пошлите двух человек в разведку. Пусть проверят, нет ли за холмами англичан. Я хочу получить данные через два часа. Ясно, Морган?

— Да, сэр. — Джейкоб повернулся на каблуках и вышел из палатки.

Некоторое время полковник переминался с ноги на ногу и попеременно поглядывал то на Энн, то на Мерси. Потом нахлобучил шляпу и взялся за край палатки. Женщин он даже не поблагодарил. Просто кивнул и вышел вон. Впрочем, скоро появился Джейкоб.

Энн повернулась к сыну.

— Благодарение Богу, с тобой все в порядке.

И она принялась пересказывать Джейкобу свой сон; когда она живописала сцену с убитым солдатом, ее глаза расширились от ужаса.

— Зик Тейлор... — покачав головой, сказал Джейкоб. — Так звали того парня. Бедняк из Коннектикута. У него ничего не было, даже клочка земли. Сегодня утром он получил пулю в грудь. Зик единственный лежал неприкрытый.

Они скорбно помолчали.

— Мне кажется, вам с Мерси надо побыть вдвоем, — наконец прервала молчание Энн. — Ну а я пойду пройдуся...

— Мама, постой.

Молодой человек жестом подозвал Бо — тот с самым скромным видом переминался в сторонке.

— Бо, — сказал Джейкоб, глядя на мальчугана и стараясь как можно четче произносить слова, — это моя мама. Она приехала издалека. Будь так добр, сходи с ней на кухню и дай ей попить.

Затем он вкратце рассказал матери историю Бо.

Энн улыбнулась.

— А я уже с ним встречалась. — Взглянув на ошарашенное лицо сына, она рассмеялась. — Во сне. Пусть это и смешно. Во сне он изъяснялся на очень правильном английском!

Бо усмехнулся. Слова Энн явно пришлись ему по душе. Мальчик взял женщину за руку и повел к полевой кухне — там горели костры и кипела в котлах вода.

Итак, Энн и Бо продолжили свое знакомство, а Джейкоб и Мерси уединились.

Часа через два вернулись лазутчики. Из их сообщения явствовало, что за холмами пряталась не только английская пехота, но и артиллерия. Спешно созвали военный совет; надо было обсудить дальнейший ход операции и проложить новый маршрут на Нью-Йорк.

Джейкоб узнал об этом последним — все то время, что шло совещание, он провел с Мерси. Хотя молодые люди задернули холщовую створку палатки, о том, что происходит внутри, знала добрая половина лагеря. Даже если бы в эти минуты шло сражение и залп грохотал бы за залпом, Энн без труда обнаружила бы палатку сына по летевшим из нее надсадным крикам. Помогли бы в поиске и солдаты, вылезшие наружу из своих палаток и усевшиеся возле них с кружками в руках. Сидя на складных стульях, бревнах, а то и прямо на земле, они с живейшим интересом следили за разыгравшейся драмой. Молодой человек обвинил жену в измене. «Да, у меня была такая возможность, — огрызнулась Мерси, — но я ею ни разу не воспользовалась и теперь об этом жалею». После этих слов Джейкоб пригрозил жене, что объявит о ее измене в церкви. И получил в ответ запальчивое: «Если бы я знала, что ты на такое способен, никогда бы сюда не помчалась! Пусть бы тебя убили». Слушатели подталкивали друг друга локтями, перемигивались, выражая свою поддержку то одной, то другой стороне.

Энн знаком попросила Бо ее подождать (к счастью, криков мальчик не слышал) и поспешила к палатке. Деликатничать она не стала: подняла полог и вошла. Тотчас наступила тишина. Молодые люди были несказанно удивлены появлением Энн. Лицо Мерси было мокрым от слез, веки опухли, Джейкоб покраснел как рак, на скулах играли желваки, кулаки крепко сжаты.

— Мне кажется, солдат вы уже развлекли, — спокойно сказала Энн, а потом обратилась к невестке: — Мерси, нам пора. Я подожду тебя снаружи, попрощайся с мужем.

Когда Энн вышла из палатки, по рядам слушателей прокатился вздох разочарования. Не обращая на их неудовольствие никакого внимания, женщина подошла к Бо, опустилась перед ним на колени и, положив руки мальчугану на плечи, сказала:

— Я счастлива, что у Джейкоба появился такой замечательный друг.

Бо благодарно улыбнулся.

Первую половину пути женщины ехали молча.

— Вы с Джейкобом наговорили друг другу немало гадостей, — наконец разомкнула уста Энн.

Мерси опустила голову и поднесла платок к носу.

— Ты и впрямь думаешь то, что сказала? — поинтересовалась Энн.

Они помолчали еще немного. Энн ждала.

— Нет, конечно. Просто он причинил мне боль, и я захотела ответить ему тем же.

Энн промолчала.

— Я не сделала ничего дурного, — жалобно протянула Мерси. — А он мне не верит! Порой он заставляет меня сожалеть о том, что я была такой паинькой, такой благовоспитанной особой.

— Неужели?

Мерси вскинула голову. Глаза молодой женщины сузились.

— Ушам своим не верю: как вы могли обо мне такое подумать!

Повисла пауза.

— Исав все еще любит тебя.

Молчание.

— Это не секрет, — опять заговорила Энн. — Раз уж это вижу я, видит и Джейкоб.

— Я не отвечаю за чужие чувства, — огрызнулась Мерси.

— Хочешь сказать, именно это ты говорила Исаву в саду?

— Кто вам сказал? Я никогда...

— Я вас видела.

В эту минуту Мерси напоминала мышонка, пытающегося выбраться из мышеловки.

Энн придержала лошадь, Мерси ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

— Да пойми же ты, для меня главное — благополучие сыновей. Как мне убедить тебя в этом? Я знаю Исаву: пока он надеется на то, что у вас с ним может что-то получиться, он тебя не отпустит. И я знаю Джейкоба: пока Исав будет его соперником, он не успокоится. Только ты можешь разрубить этот узел, и пока ты этого не сделаешь, у твоего брака нет шансов.

— Но Исав такой милый. Я не хочу его обижать.

— Заклинаю тебя: прогони его.

— Как вы можете?! Вы же его мать! — воскликнула Мерси.

Энн почувствовала, что вот-вот разрыдается.

— Если ты не прогонишь Исаву, не скажешь, что не любишь и никогда не полюбишь его, он не охладет к тебе. И не увлечется другой женщиной. Разве не ясно? Удерживая его подле себя, ты не даешь ему шанса открыть сердце для новой любви. — С каждой минутой голос Энн становился тверже. — Сколько это продолжается, Мерси? Больше десяти лет! Разве за эти годы любовь Исавы выдохлась? Десять лет его жизни растрачено впустую, десять лет он оплакивает несбывшиеся мечты! Ты должна его отпустить! Сам он тебя не бросит: слишком упрям и азартен. Если ты хоть немного ему сочувствуешь — соберись с силами и брось его!

Красные, опухшие глаза Мерси вновь наполнились слезами.

— Я и не подозревала, что порчу Исаву жизнь. Просто мне нравилось держать его при себе. Он был противовесом Джейкобу. Я всегда могла рассчитывать на доброе слово, на улыбку. — Последние слова потонули в рыданиях. — До чего же я гадкая! Из эгоизма я изуродовала жизнь хорошему человеку.

Мерси была раздавлена. Уязвленная, измученная, она разрыдалась так безудержно, что Энн испугалась, как бы невестка не свалилась с лошади. Она помогла Мерси спешиться и довела ее до дуба, растущего у пруда. Невдалеке белели домики фермеров. До Бостона было два часа езды.

Усадив Мерси на травку, Энн повела лошадей к пруду, потом вернулась и тоже уселась под дубом.

— Как вы это делаете?

— Что именно, дорогая?

— Вы такая мягкая, добрая, вас все любят. Как вы это делаете?

— Никак.

Мерси промокнула глаза платком.

— Понимаю, у вас это получается само собой.

Энн рассмеялась. И тут же подалась вперед и взяла Мерси за руку.

— Я смеюсь не над тобой, дорогая, — сердечным тоном произнесла она, — а над тем,

что ты думаешь, будто мне ничего не стоит поддерживать хорошие отношения с людьми.

— Но что вы в таком случае имели в виду?

— Возможно, я кажусь тебе нудной моралисткой, но я и впрямь ничего не делаю. За меня это делает Господь.

Мерси промолчала. Тогда Энн продолжила:

— Из Библии, к Филиппийцам 2:3, 4. — Она закрыла глаза и процитировала наизусть:

— «Ничего *не делайте* по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе *только* каждый заботься, но каждый и о других». — Она открыла глаза. — В этом и кроется секрет хороших отношений с людьми. Чем больше ты хочешь понравиться людям, тем меньше у тебя друзей, но чем чаще твои тревоги и желания совпадают с чужими тревогами и желаниями, тем больше у тебя друзей.

Мерси задумалась.

— Теперь я понимаю... Я давно заметила: чем ты недоступнее для мужчины, тем больше он тебя хочет.

— Хорошо, но, став недоступной, в чьих интересах ты действуешь? Своих или чужих?

— Своих, — ответила Мерси, пряча платочек в карман. — Но вы говорите, что этого не делаете. Так что же вы имели в виду?

— Да как раз это. Я эгоистичная самодовольная женщина.

Мерси от души рассмеялась.

— Ну, уж нет! Вы самая неэгоистичная женщина в мире.

Энн с ней не согласилась.

— Да нет, я говорю правду. Если бы не Господь, той Энн Морган, которую ты знаешь, не было бы на свете. Он изменил меня. Он наполнил меня любовью и научил меня любить без эгоизма.

Мерси фыркнула и расправила на коленях платье.

— Я бы не смогла стать такой, как вы.

— Да и незачем! Миру не нужна еще одна Энн Морган. Но твоему мужу нужна жена, которая любит его всем сердцем, а Исаву нужна мужественная женщина, которая скажет ему: я люблю тебя сестринской любовью — и никакой иной. А Мерси Рид Морган нужно, чтобы, проснувшись утром, она знала, что ее любят, что ее судьба в руках Божьих.

— А это возможно? — спросила Мерси.

Энн подвинулась к ней и обняла.

— Ну конечно, милая! Все возможно с Божьей помощью!

И женщины вознесли молитву Господу.

Когда измученные путешественницы въехали в город, они увидели у старого capitoлия [38] большое скопление публики. Да и улица была так запружена народом, что проехать по

ней верхом было невозможно. Мерси предложила свернуть на другую улочку, но Энн не согласилась: любопытство пересилило усталость. Она спешила и, подойдя к пожилой паре, поинтересовалось, что здесь происходит.

— Прибыла делегация из Филадельфии, — объяснил мужчина. — Только что... погодите... — Он указал на балкон. Там показалось несколько человек. — Слушайте.

В толпе зашикали. Один из делегатов вынул какие-то бумаги и начал читать. Его звучный, сильный голос напоминал зов трубы:

«Когда ход событий принуждает какой-либо народ порвать политическую связь, соединяющую его с другим народом, и занять наравне с остальными державами независимое положение, на которое он имеет право согласно законам природы и ее Творца, — то должное уважение к мнению человечества обязывает его изложить причины, побуждающие его к отделению.

Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены своим Творцом неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав среди людей учреждены правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, более всего могут способствовать его безопасности и счастью» [\[39\]](#).

Энн Морган стояла в толпе и проникалась значимостью события. История творилась на ее глазах. С этой минуты мир стал другим, не таким, как вчера, — но и он не был Царством Божьим. Энн пробрала нервная дрожь. Какой день! Сегодня в Царствие Божье вошел еще один человек — Мерси, и сегодня же в мире стало на одно государство больше — родились Соединенные Штаты Америки.

«7 февраля 1777 года. Пасси, Франция.

Дорогая Энн,

После моего приезда во Францию — а я нахожусь здесь с 21 декабря — это уже третье письмо к тебе. Боюсь, мои предыдущие послания до тебя так и не дошли. По моим сведениям, корабль, на котором их везли, захватили англичане. Перед сдачей судна капитан обязан выбросить за борт всю корреспонденцию, отправленную дипломатами, — ценная информация не должна стать достоянием врага. Полагаю, как раз такая судьба и была уготована моим письмам, а посему пишу тебе так, будто их и не было вовсе.

Переход на многопушечном шлюпе «Репрессалия» был стремительным, но малоприятным. Нашим капитаном был умелый мореход и очень неплохой человек Ламберт Уикс. Если помнишь, мы познакомились с ним лет пять назад на одном из тех пышных балов, коими так славится Филадельфия. Уикса обязали избегать встреч с любыми судами, при необходимости уйти от преследования и вступать в бой только в самом крайнем случае. Если бы Франклин угодил в лапы врагов, его бы наверняка доставили в Лондон и повесили (как, впрочем, и всех членов дипломатической миссии).

Штормовая погода, как ты догадываешься, на моем самочувствии никак не сказалась. Зато доктор Франклин был чрезвычайно рад, когда мы наконец-то достигли берега. Дичь, которую подавали на «Репрессалии», оказалась для него слишком жесткой, так что ему пришлось довольствоваться солониной. Из-за этой диеты он весь покрылся фурункулами. Но даже эта напасть не смогла притушить его любознательность. Он замерял глубину и температуру воды все то время, что мы пересекали Гольфстрим. К слову сказать, Франклин называл это течение своим старым другом.

Землю мы увидели 3 декабря. Это был остров Бель-Иль, расположенный у берегов Бретани. На следующий день мы высадились в бухте Киберон. Предполагалось, что мы отправимся в Нант, но ветер переменился, и капитан Уикс был вынужден переправить нас на берег в рыбацкой лодке.

До Парижа добрались без приключений. Хотя об одном забавном эпизоде все же упомяну. В тот день мы задержались в пути. Когда доктор Франклин обратил внимание на то, что на дороге почти нет людей, наш кучер придержал коней у леска, через который нам предстояло ехать, и развлек нас историей о хозяйничающей здесь банде. Банда эта две недели назад ограбила и убила нескольких путников. Франклин попросил кучера прекратить свои рассказы и ехать дальше.

Первые несколько недель мы жили в гостинице «Гамбург», что оказалось очень неудобно, поскольку он кишмя кишел коммивояжерами. Тогда мы перебрались в Пасси. Это небольшая, с узкими улочками и маленькими домиками деревенька окружена со всех сторон лесами и виноградниками. В качестве личных гостей Шомона ^[40] мы поселились в гостинице «У Валентина». Энн, тебе бы здесь понравилось. Простор. Сады, расположенные террасами По берегам Сены — множество павильонов. А вдаль виднеются крыши Парижа.

Моя милая Энн, больше всего на свете я мечтаю о том, чтобы наша разлука была недолгой. Всякий раз при воспоминании о последних днях в Бостоне у меня щемит сердце. Я наговорил много такого, о чем теперь сожалею. Знаешь, трудно спорить с человеком, которому только и нужно, что быть рядом с любимым. Что я могу сказать в свое

оправдание? В молодости мои частые отлучки имели под собой основание — мы тогда строили свою жизнь. Поверь, на этот раз я без колебаний променял бы все наше имущество, весь наш капитал на возможность провести остаток дней подле тебя. Но кто мог знать, что меня, уже немолодого человека, призовут к участию в деле, которое важнее любых денег? Энн, я слишком стар, чтобы быть солдатом. И я не политик. Я скорблю, что так мало могу сделать для нашей юной страны. Пойми: дело не в том, что я не хочу быть с тобою. Обстоятельства сложились так, что мне пришлось уехать во Францию — доктор Франклин полагает, что я могу быть ему полезен. И если с моей помощью мы сумеем обеспечить нашу армию финансами, амуницией, кораблями, оружием — значит, именно этим я и должен заниматься.

Мне трудно осмыслить то, что случилось в последние недели. Кто бы мог подумать, что моих соотечественников будут принимать во Франции как друзей? Ведь всего несколько лет назад Джордж Вашингтон сражался с французами, а теперь бывшие враги снабжают его оружием! Несомненно, нам помогает Бог, и я — часть Его промысла.

Энн, в день отъезда я был с тобою груб — прости меня, милая. Я очень боюсь того, что не проживу достаточно долго и не смогу в полной мере воздать тебе по заслугам. Молю Бога, чтобы этого не случилось. Наши жизни в Его руках. И еще прошу Его о том, чтобы это письмо побыстрее дошло до тебя. С нетерпением жду ответа. И пусть в нем будет прощение для меня. Безмерно люблю тебя.

Твой навеки,
Джаред».

Все нежности, которые вставил в письмо Джаред, шли не от сердца, а от ума. И не потому, что он не любил Энн — просто гнев заглушил голос его сердца. Джаред не мог простить жене того, что ему приходится оправдываться и извиняться за свою парижскую поездку. Это письмо было не чем иным, как дипломатическим посланием, началом диалога, который должен привести к примирению. Чувства еще заговорят. По крайней мере, Джаред на это надеялся.

Письмо было вручено доктору Эдварду Банкрофту, доброму приятелю Франклина еще по Англии. Банкрофт положил это письмо к другим письмам, переданным ему американцами. А потом тайно перенес почту с судна, шедшего в Америку, на английский военный корабль. Энн послание мужа так и не получила.

Франклин прибыл к мадам Брийон в сопровождении Джареда Моргана. Хозяйка салона лично поспешила навстречу гостям. Джаред слышал от нескольких людей, что эта замечательная женщина к тому же талантливая музыкантша. Эта восхитительная особа лет тридцати с небольшим была наряжена, как игрушка: платье с глубоким вырезом, утянутое в талии до предела; высокая прическа, украшенная по последней моде перьями; на шее — бархотка.

Месье Брийон — он был на двадцать четыре года старше жены — не выказывал ни малейших признаков недовольства тем, что его супруга всюю кокетничает с Франклином. Столь откровенная свобода в поведении смущала Джареда; а вот Франклин получал от этого громадное удовольствие. Стоило ему появиться в свете, и вокруг него тотчас собирались поклонницы. Всех дам знаменитый американец целовал в шейки. После одного вечера, особенно щедро на поцелуи, Франклин решил объяснить свое поведение Джареду.

— Кто-то пустил по Парижу слух, будто я большой любитель женщин, — сказал он, — и все начали знакомить меня со своими дамами, иной раз дамы знакомились со мною сами — им хотелось, чтобы их обняли и поцеловали в шею. Здесь не принято целовать в губы или щеки, первое считается грубым, второе опасно для румян. Впрочем, парижанки умеют демонстрировать свои чувства множеством иных способов.

Огромные двустворчатые двери медленно распахнулись, и щеголеватые лакеи склонились в глубоком поклоне. Гостиная была полна народу, причем все присутствующие хотели лично засвидетельствовать свое почтение Франклину. После продолжительных приветствий — Джаред встречали сердечно, а его патрона нежно — одни гости вновь вернулись к танцам, другие, разбившись на небольшие кружки, принялись о чем-то оживленно беседовать (французского Джаред еще не понимал).

Во время обеда подали два сорта рыбы, холодное мясо, нарезанное толстыми ломтями, несколько видов пудингов и пирожков. Атмосфера вечера была праздничной и раскованной. Джаред отметил про себя, что гости, по примеру хозяйки, держат себя до крайности свободно. Мадам Брийон сначала обнимала Франклина за шею, а потом — пока он развлекал публику своими лучшими историями, насколько позволял ему его не очень свободный французский, — и вовсе уселась к нему на колени.

Единственным человеком, несколько омрачившим вечер, был никто иной, как месье Морган.

Джаред чувствовал себя неуютно в жестковатых шелковых панталонах и шелковом же камзоле, но даже эти мучения были ничем по сравнению с тем неудобством, которое доставлял ему пудренный парик. Парики Джаред люто ненавидел всю свою жизнь, и когда Франклин отказался от этого обязательного элемента туалета, капитан с радостью последовал его примеру. Но радовался он недолго. Остальные представители колоний высказались по этому поводу так: если все члены дипломатической миссии будут пренебрегать париками, американцев сочтут дикарями. Итак, исключение было сделано только для Франклина — его эксцентричный внешний вид был американцам на руку. Джаред согласился носить парик ради успеха дипломатического предприятия.

Кроме того, он чувствовал себя на этом вечере не в своей тарелке из-за незнания языка. Те немногие гости, что могли произнести несколько фраз по-английски, ограничивались такими восклицаниями, как «Да здравствует Джордж Вашингтон!». Джареду оставалось только улыбаться и кивать. Он сам себе казался шутком гороховым.

А в это время Франклин, удобно развалившись в мягком кресле с мадам Брийон на коленях, рассказывал одну забавную историю за другой.

Джаред тихонько выскользнул из гостиной и через пустой зал, в котором стояло пианино и висели фамильные портреты Брийонов, вышел в изящно подстриженный садик. Старый капитан закрыл за собой дверь и оказался среди зелени и тишины. Замечательно.

Перед ним во все стороны разбегались тропинки, вдоль которых росли деревца, кусты и цветы. Под одним из деревьев — на нем висели качели — Джаред заметил живописный колодец. Ручья он не видел, но слышал неподалеку его бодрое бормотание. Из особняка донеслись приглушенные взрывы хохота. Еще один анекдот Франклина попал в цель.

Джаред улыбнулся и вздохнул. Шагая по дорожке, он размышлял о том, что они с Франклином все-таки очень разные люди. Если Франклин чувствовал себя как рыба в воде в

светских салонах, то его влекли места спокойные, уединенные — например, океан в тихую ночь...

— Pardon moi, monsieur.

В двух шагах от Джареда стояла очаровательная француженка. Наряд этой прелестной особы указывал на то, что она принадлежит к высшему кругу. Локоны ее осыпанного пудрой парика были мастерски уложены; белоснежное платье с глубоким прямоугольным вырезом и пышными рукавами три четверти было усыпано ленточками. Незнакомка кокетливо прикрывала лицо веером — Джаред мог видеть только пронзительно синие глаза. И ему внезапно показалось, что в них мелькнуло обещание.

— Прошу прощения, — он беспомощно развел руками. — Я не говорю по-французски.

— Знаю, — с сильным акцентом ответила женщина.

— Вы говорите по-английски?

— Un petit peu. — Она слегка развела большой и указательный пальцы. — Чуть-чуть.

— Что я могу для вас сделать?

— Составьте мне компанию.

Джаред стал бурным.

— Боюсь, я плохая компания. Вот у доктора Франклина это получается великолепно.

Француженка бросила взгляд на особняк, как бы прикидывая разницу между Франклином и Джаредом.

— Он душка, n'estce pas?

— Да, он неподражаем.

Она сощурила глаза.

— Могу я кое в чем признаться, месье Морган? Я последовала за вами намеренно.

— Почему? Я что-то сделал не так?

Женщина рассмеялась, весело и непринужденно.

— Нет, конечно, — ответила она. — Просто я хотела получше разглядеть plagiaire доктора Франклина... как это по-английски? Пирата!

Самолюбие Джареда было уязвлено.

— Он так обо мне отзывается?

— Месье, s'il vous plait, не нужно обижаться. Это лишь слухи. Но в нашем обществе пират, особенно такой галантный, не может не вызвать интерес. Согласитесь, без сплетен и скандалов жизнь была бы пресной. А что до доктора Франклина, он говорит о вас только хорошее.

— Ну, в таком случае я не буду обижаться, мадам.

Из-за веера на него смотрели сияющие как два синих алмаза глаза.

— Но вы так и не ответили, месье. Не вы ли тот самый морской разбойник Веселый Моряк?

— Ну что вы, мадам, я всего лишь скромный коммерсант.

Собеседница Джареда раздумчиво глянула на него.

— Вижу, вы человек скрытный.

— Как и вы, мадам. Я ведь даже не имею чести знать ваше имя.

— Je m'appelle Розали Ла Фонтен.

Джаред склонился над протянутой рукой и коснулся ее губами.

— Что?! Вы не целуете женщин в шейку, как месье Франклин?

Джаред вновь залился краской. А затем, запинаясь, начал объяснять, что он думает по

этому поводу. Мадам Ла Фонтен жестом дала ему понять, что шутит.

— Надеюсь, вы не сочтете меня слишком нахальной, — сказала она, — я хочу попросить вашего разрешения опустить веер. Я уже не молода, и у меня затекла рука.

Она не опускала веер до тех пор, пока он не дал на то своего согласия. За веером скрывалось красивое лицо зрелой женщины. Изящный носик, красиво очерченные губы... Единственное, что не понравилось Джареду, — обилие краски на лице. Более всего были нарумянены щеки.

— До чего я ненавижу эти вечеринки! — воскликнула мадам Ла Фонтен.

— Тогда вы, наверное, не будете возражать, если я сниму этот омерзительный парик?

Искрящийся женский смех разнесся по саду. И Джаред внезапно почувствовал себя молодым — он не испытывал ничего подобного с тех самых пор, как ухаживал за Энн.

Очаровательная француженка села на качели, и они принялись непринужденно болтать об эксцентричном поведении доктора Франклина, одного из самых популярных людей в Париже. Джаред стоял, прислонившись спиной к дереву. Его ноги утопали в свежей траве, голову приятно охлаждал легкий ветерок (когда капитан избавился от парика, мадам Ла Фонтен не преминула заметить, что так Джаред выглядит более красивым).

— Вы не похожи на своих товарищей, — сказала женщина, — по-моему, они недолюбливают доктора.

— Не то чтобы недолюбливают, — пояснил Джаред, — просто их не устраивает его распорядок дня. Он не желает ни с кем встречаться до завтрака, причем, заметьте, позднего завтрака. А на их взгляд, это как раз самые плодотворные часы для работы. К тому времени, когда Франклин кончает завтракать, на улице выстраивается длинная вереница экипажей. Встречи с ним ищут философы, политики, ученые, финансисты, простые парижане. Я и сам удивляюсь, почему столько женщин и детей хотят с ним перебраться словечком. Между тем он получает от этих визитов огромное удовольствие. И еще: наши дипломаты недовольны тем, что его каждый вечер приглашают в гости, и он никому не отказывает.

— Думаете, он и ко мне придет?

Джаред подавил улыбку. Мадам Ла Фонтен говорила голосом маленькой девочки, выпрашивающей у родителей игрушку.

— Как я уже сказал, он редко кому отказывает.

— А вы не можете пригласить его от моего имени?

Просьба сопровождалась застенчивой улыбкой. Джаред отвел взгляд в сторону — он и сам смутился.

— Не думаю, что мое вмешательство понадобится, — сказал он. — Франклин примет ваше приглашение. — И тотчас, без паузы попытался вернуться к прежней теме. — А еще нашим дипломатам досаждают...

— Pardon moi... «досаждают»?

— Раздражает.

Мадам Ла Фонтен кивнула.

— Merci.

— наших дипломатов раздражает то, что доктор Франклин предпочитает практиковаться во французском языке в гостиных. Они жаловались на то, что все бумаги, отданные ему на подпись, возвращаются дня через два-три.

— Выглядит так, будто доктор Франклин пренебрегает своими обязанностями.

Джаред улыбнулся.

— Действительно, доктор Франклин тратит слишком много времени на визиты, карты, нарды, шашки и шахматы. Я подозреваю, что он взял меня с собой исключительно из-за шахмат — мы с ним сыгрались.

Мадам Ла Фонтен ободряюще улыбнулась.

— По-моему, ваш вклад в дело Франклина, а также в будущее вашей страны не ограничивается искусной игрой в шахматы.

Этот комплимент Джаред не принял.

— Вам тоже не по душе образ жизни доктора Франклина? — мягко спросила мадам Ла Фонтен.

Он ответил не сразу.

— Да, это так. Впрочем, я не политик и не дипломат. Я верю доктору Франклину, верю, что он способен справиться с самыми трудными задачами. В прошлом году я мог наблюдать за его работой в Конгрессе. У него цепкий ум. Он может выступать посредником, может настоять на своем. Проблема не в нем — во мне. Я не создан для света. Видите ли, я привык вести деятельную жизнь. Даже в длительных плаваниях я никогда не сидел сложа руки: смолил швы, чинил канаты, латал паруса. Прежде мне не доводилось часами торчать на одном месте и молотить языком.

— Человек действия. Это заметно, — вставила мадам Ла Фонтен.

— А у доктора Франклина все по-другому, — продолжил Джаред. — У него талант жить так, как удобно ему и окружающим; он умеет использовать свои и чужие ресурсы самым эффективным образом. И что бы про него ни говорили, он делает чрезвычайно много.

Джаред рассеянно смотрел вдаль, размышляя о человеке, который сыграл такую значительную роль в его жизни. Мадам Ла Фонтен его раздумьям не мешала. Было слышно, как тихонько поскрипывают качели.

— Мы играли в шахматы на борту «Репрессалии», — снова заговорил Джаред, по-прежнему глядя вдаль. — Доктор Франклин говорил со мной о цели этой поездки. По его словам, он намеревается добиться...

— «Добиться»... я не знаю значения этого слова, — перебила его мадам Ла Фонтен.

— Получить что-то.

— Поняла — продолжайте.

Джаред сбился с мысли и не сразу вспомнил, о чем они говорили.

— Ах, да, — встрепенулся он, — добиться преимуществ для нашей страны... Для этого он намеревается завоевать высшее общество. А еще он не позволит, чтобы об Америке отзывались дурно.

— Толкните качели, — попросила мадам Ла Фонтен.

Джаред растерялся. Секунду он стоял неподвижно.

— Ну, пожалуйста!

Он встал у нее за спиной и легонько толкнул качели.

— Сильнее! — крикнула она.

Он толкнул сильнее.

— Еще!

Мадам Ла Фонтен было на вид лет шестьдесят. Между тем она, качаясь на качелях, смеялась, как девчонка. Ее жизнерадостность помогла Джареду сбросить с плеч груз забот,

забыть о прожитых годах. Казалось, к нему вернулись молодость и беззаботность.

— Расскажите о себе, месье Морган, — крикнула мадам Ла Фонтен.

— Да рассказывать-то особо и нечего.

— Вы женаты?

— Да.

— Есть дети?

— Двое. Сыновья. Близнецы.

— Неужели?

— Двойняшки.

— Они оба в армии?

— Один служит под командованием бригадного генерала Арнольда, другой — генерала Вашингтона.

— Арнольд и Вашингтон, впечатляет.

— Я горжусь ими. А вы? Замужем? Есть дети?

— Вдова, — ответила она, повернув изящную головку в сторону Джаред. — У нас не могло быть детей.

— Чем занимался ваш муж?

— Он был королевским архитектором.

— Интересно!

— Он любил свою работу. Погиб, упав с лесов.

— Сожалею.

— Это случилось двадцать лет назад.

— И вы так и не вышли замуж?

— В артистическом кругу не из чего выбирать. Люди искусства много говорят, но мало делают. Изнеженные, испорченные. Мне и без них хорошо.

Джаред отошел в сторонку, чтобы лучше видеть мадам Ла Фонтен. Качели начали останавливаться.

— Надеюсь, вы не сочтете мое замечание нескромным... Судя по всему, вы богаты, мужа у вас нет... Как же вы проводите время?

— Нескромным? Вовсе нет, — рассмеялась мадам Ла Фонтен. — Мой муж оставил мне преизрядное состояние. Я меценатка. Помогаю талантливым студентам, даю деньги на другие благие дела.

— Другие?

— Политические, месье Морган. К примеру, не жалею денег на Америку. У нас во Франции многие считают, что, оказав помощь американцам, мы насолим нашему старинному врагу, Англии. Ваша революция нам на руку. И мы не хотим, чтобы она выдохлась из-за недостатка топлива.

— И об этом вы хотите говорить с доктором Франклином?

— И об этом тоже.

Джаред не стал допытываться, какие еще цели она преследует. Мадам Ла Фонтен приостановила качели. И сложила руки на коленях.

— К тому же если я приглашу доктора Франклина, увижу и вас.

В тот вечер Джаред долго не ложился спать. Он написал длинное письмо Энн. Затем написал сыновьям. Потом взялся писать Присцилле — в этом послании он самым

подробным образом расспрашивал о делах компании.

Ему еще никогда не доводилось писать столько писем за раз. Все, что он хотел сообщить родным, он передавал через Энн. Но сегодня все было иначе. На письменном столе лежало несколько пространных посланий. Постояльцы гостиницы «У Валентина» давным-давно уgomонились, а он все писал и писал — и писал потому, что испытывал страх. Джаред испугался того, что не может забыть сад Брийонов, качели и мадам Ла Фонтен. Вновь и вновь перед его мысленным взором вставала эта очаровательная француженка: он видел ее улыбку, слышал ее беззаботный смех. И его сердце колотилось так, будто он был молодым и влюбленным. А он хотел быть старым. Старым и женатым.

Но вопреки его усилиям, даже в полудреме он видел раскачивающуюся на качелях Розали Ла Фонтен, веселую и красивую.

А за тысячу миль от него, в Бостоне, за своим письменным столом сидела Энн; она не могла ни писать, ни спать. Энн собиралась доработать одно стихотворение. Но слова от нее ускользали. И воображение тоже ей не повиновалось. Изменения только ухудшали стихотворение. Лучше уж с ним повременить.

Энн взяла чистый лист бумаги и принялась писать письмо мужу. Поначалу она выдавливала из себя каждое слово, однако мало-помалу расписалась — страница летела за страницей.

Отложив перо, Энн перечла письмо и тотчас его разорвала. В том, что ей могли прийти в голову такие резкие слова, она не желала признаваться даже самой себе. В этом письме, словно в зеркале, отразилось нынешнее состояние ее души — и увиденное Энн не понравилось.

Письмо было злым. Энн ненавидела Джареда за то, что он оставил ее и уехал в Париж, а себя ненавидела за то, что восприняла это так болезненно. Она всегда была терпеливой. С пониманием относилась к длительным отлучкам мужа, поддерживала его во всех начинаниях, верила, что наступит время, когда они больше не расстанутся. «Ну и что? Это время пришло, а где же Джаред? Плышет в Англию, в Филадельфию, в Канаду, в Париж. В прошлом году он пробыл дома не больше недели. Это нечестно».

Энн Морган задула свечу. Ощупью подошла к кровати и, нырнув под одеяло, тихонько заплакала. Она надеялась на то, что от страданий ее избавит сон. А он все не приходил. Впрочем, через несколько часов сон все-таки смилостивился над ней — и она провалилась в черную бездну.

— А откуда вам известно, что я не шпионка? — спросила Розали Ла Фонтен, изящно держа в руке чашку.

Напротив нее сидел Франклин. Подле него расположился Джаред. Разговор происходил во внутреннем дворике массивного трехэтажного особняка мадам Ла Фонтен. Прямо перед их глазами привольно раскинулся огромный, заросший травой луг. Справа виднелся лесок, который на некоторое время отвлек Джареда от разговора. Дважды из леса выходил олень с самками; животные настороженно осматривались, нюхали воздух. И оба раза их пугал громкий смех Франклина.

— Шпионка, мадам? — Франклин расхохотался. — Ну, если вы шпионка, я рад быть обманутым такой очаровательной женщиной. Поверьте, я никогда бы не решился вернуться в Америку, одурачь меня мужчина, а вот если меня соблазнит красавица, моя гордость не

пострадает. Да и коллеги недолго будут гневаться на старика.

Мадам Ла Фонтен восхитилась остроумием Франклина. Но не успокоилась.

— Не кажется ли вам, сэръ, что вы слишком неосмотрительны? Ведь англичане могут заниматься шпионажем во Франции.

— Мадам, вы хотите, чтобы я взял себе псевдоним и писал письма симпатическими чернилами, как мой коллега Силас Дин? Но этот проныра обставил меня, назвавшись единственным истинно шпионским именем Джонс. Теперь мне придется довольствоваться чем-то более банальным — ну хотя бы Смитом.

Было очевидно, что Франклин не намерен всерьез обсуждать проблему шпионажа, во всяком случае сейчас. Поняв это, мадам Ла Фонтен ответила ему в его же шутливой манере.

— Говорят, он заявил, что в присутствии людей, знающих английский, он будет изъясняться только по-французски. На что Вержен ^[41]саркастически заметил: «Он будет самым молчаливым человеком в стране, ибо я не слышал, чтобы он произнес по-французски более шести слов подряд».

Франклин зашелся в гомерическом смехе; при этом он так энергично ударял ладонью по столу, что подпрыгивали чашки.

— И что, месье Ли столь же скрытен? — поинтересовалась мадам Ла Фонтен.

— О, это наш самый неистовый сотрудник, — сардоническим тоном ответил Франклин. — И он с давних пор испытывает ко мне неприязнь. Я представлял в Лондоне интересы Массачусетса, а он мечтал заполучить эту должность, так что ему невоготу тянуть со мной одну лямку. Впрочем, личные отношения не должны отражаться на делах. Особенно если речь идет о помощи, которую может оказать Франция великому делу свободы.

— А если я скажу вам, что шесть новых сотрудников, нанятых месье Ли, английские шпионы?

— Стало быть, ему надо соблюдать осторожность и не болтать лишнего — если он, конечно, озабочен тем, что о нем думают англичане.

— Вы и впрямь считаете шпионаж чем-то несерьезным? — улынулась мадам Ла Фонтен.

— Согласитесь, невозможно понять, кто нам друг, а кто носит маску друга. К тому же если заинтересованные люди надумают подослать к вам соглядатаев, они это сделают. Давным-давно я вывел правило, которое помогает избежать неудобств, причиняемых шпионами. Все очень просто: не делайте того, за что в случае огласки вам будет стыдно; совершайте поступки, которые не смогут порицать даже шпионам. Чем больше они знают о человеке, действующем честно и справедливо, тем лучше для его репутации. Знай я наверняка, что мой слуга шпион, я бы его не уволил — при условии, что он меня устраивает во всем остальном.

— А вы месье Морган, относитесь к шпионам так же рыцарски?

Джареду показалось, что голос мадам Ла Фонтен обволакивает его теплом.

— Я давно понял, что в вопросах политики лучше довериться доктору Франклину.

И мадам Ла Фонтен, и Франклин заулыбались.

— А вы говорили, что не владеете дипломатией! — воскликнула она. — Месье Джаред, вы очень дипломатичны.

— Мадам, — возвысил голос Франклин, — не вижу причин оскорблять этого милого человека.

Теперь смеялись все трое, причем хозяйка дома смотрела на Джареда с обожанием. И Франклин это заметил.

После чая мадам Ла Фонтен предложила гостям осмотреть дом и имение. Однако стоило им войти в библиотеку, как Франклин тотчас сослался на одышку и отказался идти дальше. Тем не менее он настаивал на том, чтобы мадам Ла Фонтен и его друг продолжили экскурсию. Джаред предложил отвезти Франклина домой. Но Франклин заверил его, что он чудесно проведет время в окружении книг. Мадам Ла Фонтен взяла капитана под руку и повела к дверям. На пороге Джаред оглянулся и увидел, что Франклин ему подмигнул.

Остаток вечера Розали Ла Фонтен была очаровательной хозяйкой, милой и предупредительной, но не очень дружелюбной. Джаред покидал ее загородный дом с чувством некоторой неловкости — ведь он вообразил, будто мадам Ла Фонтен может питать к нему нежные чувства. По зрелому размышлению он решил, что понял ее превратно, приняв обычный флирт за что-то серьезное. Несмотря на то что пострадала его мужская гордость, он испытал чувство облегчения.

Благодаря всесторонней поддержке Пьера-Огюстена Карона де Бомарше, автора популярных комедий «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро», американские дипломаты сумели подписать проект соглашения о помощи с французским правительством. Бомарше создал фиктивный торговый дом «Родриго Горталес и К°», через который в Америку направлялось оружие и военное снаряжение. Первые корабли увезли за океан восемь тысяч семьсот пятьдесят пар обуви, три тысячи шестьсот одеял, сорок восемь тысяч пар чулок, сто шестьдесят четыре орудия, сорок одну тысячу ядер, тридцать семь тысяч мушкетов, триста семьдесят три тысячи кремней, пятьсот четырнадцать мушкетных патронов, олово, порох, бомбы для мортир, более одиннадцати тысяч гранат, четыре тысячи палаток, подводы. Среди людей, вложивших собственные средства в это предприятие, была и Розали Ла Фонтен.

Кроме того, Париж тайно позволил заходить во все французские порты американским каперам, охотящимся за английскими торговыми судами. Впрочем, правительство Людовика XVI ^[42] пошло на этот шаг скрепя сердце. Все-таки каперский промысел мало чем отличался от пиратства. Однако американскому коммерсанту Джареду Моргану удалось убедить власти Франции в том, что продажа во французских портах захваченного у англичан товара сулит стране большую выгоду.

В первые месяцы 1778 года американские каперы «изъяли» из казны Британии один миллион восемьсот тысяч шестьсот тридцать три английских фунта. Было захвачено пятьсот пятьдесят девять судов. По соглашению с Францией каждый захват требовалось зафиксировать в документах и обосновать его правомерность. Эту работу Франклин перепоручил Джареду. Впервые за все время нахождения в Париже Джаред почувствовал, что он тоже вносит свой вклад в дело независимости.

Шестеро оборванных солдат тряслись в палатке от холода.

Выпавший ночью снег намел глубокие сугробы. Небо обложили тяжелые тучи, и дневной свет почти не проникал в палатку. Пришлось зажечь фонарь.

Все шестеро стояли кружком на коленях. Они завернулись в одеяла, их штаны были сильно потрепаны, кое-кто не имел обуви. В этой странной компании верховодил толстый сержант. У него на ладони лежало семь монет по полпенса. Сержант вызывающе буравил солдат своими неприятными, налитыми кровью глазками. Тщедушный солдатик с детским лицом тоже держал в руке семь монет по полпенса. На счет три оба подкинули монеты вверх. Прежде чем они коснулись пола, сержант крикнул: «Решка!»

Одна за другой монеты упали на землю. Все склонились над ними.

— Десять «решек», четыре «орла»!

— Ага! — вскричал сержант с торжеством и сгреб монетки, упавшие вверх «решкой».

Худенький солдатик выругался и собрал оставшиеся медяшки. — И как Вернет это делает? Может кто-нибудь объяснить? Как ему удастся? — произнес чей-то тоскливый голос.

Сержант утробно хохотнул.

— Не жульничаю и много играю. Вот и весь секрет, сынок. Солдаты закивали и начали переругиваться. Глядя на них, сержант хохотал все громче и громче.

Внезапно кто-то откинул полог палатки. Игроки моментально опустили монеты в карманы и изобразили на лицах невинность. В палатку просунулась чья-то голова.

— Опустите полог, Риггз! — рявкнул сержант на тощего молодого солдата с изрытым оспой лицом. — У вас что, совсем нет мозгов?

Кадык Адама Риггза задвигался. Молодой человек опустил полог, осмотрелся, потом вновь сунул голову в палатку.

— Вернет, сюда идет дурачок! Он уже близко. Хочешь, приведу его?

Мясистое, покрытое щетиной лицо Вернета расцвело в улыбке.

— Да, будь добр, проводи дурачка в нашу гостиную, — произнес он тоном высокородного вельможи. Его низкопробная острота, как он и надеялся, имела большой успех у солдат.

Полог вновь зашевелился. Адам Риггз втолкнул в палатку упирающегося Во.

— Я же сказал, тебя хочет видеть мистер Вернет! — прикрикнул он на мальчика. — Он сержант, ты должен ему подчиняться.

Во, весь посиневший от холода и дрожащий, выглядел испуганным. Солдаты приветствовали его с напускным дружелюбием. Они освободили для него местечко напротив сержанта Вернета и заставили сесть. Мальчик тоже напоминал оборванца. Полоски бычьей кожи, намотанные на ноги, заменяли ему обувь. На каштановых вихрах Во таяли снежинки.

— Я — сержант Вернет, — сержант говорил громко, разделяя каждое слово.

Во, не отрываясь, следил за его губами.

— Ты ведь штатский? — спросил Вернет.

Мальчуган прищурил глаза. Это означало, что вопроса он не понял.

От злости глаза Вернета вылезли из орбит.

— Болван, — буркнул он.

Бо понял. И нахмурился.

Вернет попробовал еще раз.

— Ты, — он ткнул пальцем в Бо, — солдат? — Он изобразил, что стреляет из мушкета.

Бо отрицательно покачал головой.

— Знаю, — громко сказал Вернет. — Значит, ты должен пройти испытание, которому подвергаются все штатские.

Бо не понял.

— Я — сержант. Ты — штатский. Все штатские должны пройти испытание. Иначе тебе придется отправиться домой, — он отвернулся от Бо и шепотом добавил: — Или в дурдом.

Кое-кто захихикал.

— Бо хочет уйти. — Мальчик попытался встать. Солдаты силой начали усаживать его на место. Сержант разозлился.

— А ну, сядь, щенок, и не смей вставать без моего позволения! — Толстый палец сержанта указал Бо его место. Лицо Вернета налилось кровью.

Мальчуган шлепнулся на землю.

— У тебя есть деньги? — громовым голосом рявкнул сержант.

Бо недоуменно пожал плечами — этим жестом он показал, что не понял вопроса. На самом деле он понял все.

— Вывернуть ему карманы! — приказал сержант.

Из карманов Бо извлекли две монетки по полпенса.

— Вложите их ему в руку.

Как только монетки оказались у него в руке, мальчик попытался спрятать их в карман. Но ему помешали солдаты.

— Тебе понравится, идиот!

Сержант тоже положил две монетки себе на ладонь.

— Вот так! Вот так!

Бо скопировал жест Вернета.

— А теперь смотри. Раз, два, три! — Рука сержанта медленно двигалась. На счет три он подбросил монеты вверх. — Видишь? Теперь ты! Раз... — Вернет протянул руку, помогая Бо. На счет три монетки вылетели из руки мальчика и упали на землю. Раздались радостные возгласы.

— А теперь вместе. Хорошо? — Сержант несколько раз встряхнул монетки в руке, мальчик в точности повторил его жест. — Хорошо. А теперь раз, два, три! «Решка»!

Монетки брякнулись о землю, и тотчас громохнул смех и послышалось улюлюканье. Все четыре монетки упали вверх «орлами».

Лицо сержанта исказилось от гнева. Солдаты разом притихли.

— Посмотри, все «орлы»! Ты проиграл! — с наигранным сочувствием произнес Вернет. Он подобрал монетки и сунул их в карман.

— Это Бо! Это Бо! — потянулся за монетками мальчик.

Сержант оттолкнул его руку и покачал головой.

— Ты проиграл! — крикнул он. — Четыре «орла» — хуже не бывает! Отправляйся домой. Ты больше не можешь жить среди солдат. Ты не прошел испытание. Иди домой!

Бо затряс головой.

— Домой — нет. Джейб! Домой — нет! — В глазах мальчика застыл ужас.

— Джейб? Кто такой Джейб? — слышался чей-то голос.

— Кто его знает? — фыркнул сержант. — Может, любимый вол или еще кто, — а затем, бросив быстрый взгляд на Бо, спросил: — Хочешь остаться? Хочешь стать солдатом?

Мальчик энергично закивал. По его щеке скатилась большая слеза.

— Можешь остаться, если кое-что мне отдашь. Ты должен мне что-то дать!

Глаза солдат загорелись. Они поняли, что хочет заполучить сержант. Полпенсовики ничего не стоят в лагере, где мало еды и одежды. Солдаты уже давно с вожделием поглядывали на кожаные полоски на ногах Бо. Те, кому предстоит идти босиком по снегу, готовы отдать все, что имеют, за такую обувь. Даже десять золотых.

— Если отдашь это, — сержант ткнул пальцем в «мокасины» Бо, — останешься.

Мальчик колебался.

— Отдай или отправишься домой!

Бо медленно разматывал кожаные полоски и протянул их сержанту. В следующую секунду его вытолкали из палатки. Ступив в раскисший, грязный снег мальчик невольно поджал пальцы ног. Он не слышал, как за его спиной гаденько хохотали солдаты.

На излете 1777 года делегаты Конгресса паковали вещи и разъезжались по домам. Уходящий год принес им немало тревог. В сентябре британский генерал Хоу ^[43]заставил их бежать из Филадельфии. После захвата этого города Конгресс переехал в Ланкастер, потом в Йорк. И вот теперь, с наступлением зимы, делегаты засобирались домой, к семьям. Солдатам континентальной армии повезло меньше.

Холодной дождливой ночью армия Вашингтона, состоящая из одиннадцати тысяч человек, перешла реку Скулкилл по самодельному мосту, сооруженному из подвод, которые были поставлены одна к другой и устланы досками и рейками. Между холмами, в глубокой расщелине, так называемой пропасти, был разбит временный лагерь. Там армия и отпраздновала, согласно постановлению Конгресса, День благодарения. К празднику солдатам выдали по одной восьмой фунта риса и по столовой ложке уксуса — к тому времени они уже дня три голодали. Кроме того, военнослужащим прочли проповедь.

В основу проповеди легли слова из Евангелия от Луки: «Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте...» Выслушав священника, солдаты, хорошо знающие Библию, хором произнесли слова, в проповеди отсутствовавшие: «...и довольствуйтесь своим жалованьем».

Свернув временный лагерь, армия Вашингтона двинулась вверх по течению — туда, где Греческая долина выходит к реке Скулкилл. Там, среди унылых холмов (в случае нападения генерала Хоу, атаку будет легко отбить), американцам предстояло провести зиму. Между тем прокормиться в этих безлюдных, опустошенных войной местах было трудно. Да и за водой придется ездить — две мили в одну сторону. Старая кузница, стоявшая на речушке в ущелье, дала название этому местечку — Вэлли-Фордж ^[44].

Джейкоб Морган со стоном натянул на плечи одеяло. До чего не хочется уходить от огня! Молодой человек и еще четверо его сослуживцев несли караул. Сидя на бревне у костра, они ждали, когда придет их черед заступить на пост. Солдат, которого должен был сменить Джейкоб, нетерпеливо приплясывал в двух шагах от него и умолял поторопиться. После Кембриджа рядового Моргана повысили в звании: сначала он стал капралом, потом сержантом (то есть поменял зеленые эполеты на красные). Впрочем, сейчас его эполеты скрывало одеяло, да и момент был не самый подходящий, чтобы требовать к себе

уважения, — часовой вот-вот помрет от холода. С тяжелым вздохом Джейкоб поднялся с бревна. Озябший солдатик моментально занял его место и протянул руки к огню. А Джейкоб побрел по тропинке, протоптанной вдоль лагеря.

Молодой человек чувствовал себя несчастным. Он ослаб, у него ныли суставы. При малейшем повороте головы его шатало. Кашель обдирал и без того саднящее горло. Джейкоб шел и тихонько постанывал.

Добравшись до конца охраняемого участка, он прислонил мушкет к дереву и сунул руки под одеяло. Затем глянул из-за дерева, нет ли лазутчика. Неподалеку у костра грелся одинокий английский солдат. Он сидел там все время, пока Джейкоб нес караул. Они приглядывали друг за другом. И только.

Джейкоб устало привалился к дереву спиной. Затем коротко вдохнул — если он глотнет слишком много воздуха, заморозит легкие и спровоцирует кашель. Из рта белым облачком вырывался пар. Молодой человек высморкался.

От горизонта до горизонта небо затянуло плотными тучами, сквозь них равномерно струился жиденький белесый свет; из-за этого странного освещения молодой человек не ощущал времени. Все вокруг было белым, с легкими тенями. Когда-то Джейкоб очень любил снег. Но после первой зимы, проведенной в армии, он его возненавидел (в английском языке даже не нашлось подходящего ругательства, которое смогло бы передать всю ненависть Джейкоба к снегу).

Мало-помалу молодой человек начал погружаться в воспоминания о Бостоне, о доме. Он живо представил, как жена и мать сидят у пылающего камина. Мама, наверное, читает вслух свои стихи или Библию. Он увидел мысленным взором Мерси: прикрыв глаза, она слушала Энн откинувшись на спинку кресла.

Хруст ветки заставил его очнуться от грез. Джейкоб машинально схватился за мушкет и выглянул из-за дерева. Англичанин тоже встрепнулся. Не разгибая спины, тянулся он за своим ружьем. Глаза мужчин встретились. Спустя мгновение часовые принялись крутить во все стороны головами. Ничего. Белизна, холод, тишина.

Рука Джейкоба выпустила мушкет и снова нырнула под одеяло. От резкого движения она начала ныть, боль отдалась в спине и ногах — болели все мышцы, все суставы. Эта боль терзала его давно. Она была следствием не только простуды и переохлаждения, но и большой физической нагрузки.

Сразу же по прибытии в Вэлли-Фордж американцы взялись за постройку зимних домиков. Пока их возводили, все, включая генерала Вашингтона, жили в палатках. Правда, некий человек по имени Исаак Поц предложил главнокомандующему свой дом. Однако Вашингтон согласился перебраться туда только после того, как все его подчиненные будут обеспечены крышей над головой.

Дома для офицеров строились по особому проекту: в них имелось по две двери и два камина, они были просторнее солдатских жилищ. Рядовых разделили на небольшие группы по шесть человек — этим людям предстояло совместно вести хозяйство. В каждом солдатском домике (одна дверь и одна печь) поселят по две такие группы. Домики строили из обтесанных бревен. Щели между ними для сохранения тепла замазывали глиной. До самой весны окна прорезать не станут. Полы и койки тоже сделают позднее.

При воспоминании о последнем дне на стройке Джейкоб невольно хихикнул. Они с Бо замазывали щели. Мальчику очень нравилось возиться с глиной, зато Джейкобу это занятие казалось крайне утомительным; и вот, работая, он вспомнил, что его предок Эндрю Морган

построил свой первый дом в Массачусетсе из веток, соломы и глины. Интересно, что сказал бы Эндрю на то, что сто пятьдесят лет спустя Морганы все еще заделывают глиной щели?

Затем Джейкоб вновь мысленно вернулся на Бикэн-стрит. Он представил, что лежит рядом с женой под чистыми простынями. Тепло. Удобно. Он обнимает Мерси...

И опять треснула ветка, на сей раз громче и ближе. Джейкоб схватил мушкет и встал на одно колено. Он водил стволом во все стороны, причем глаза его двигались еще быстрее. Футах в пятидесяти от него заколыхался куст.

— Стоять! — Мушкет Джейкоба замер.

— О, Господи! Не стреляйте! Пожалуйста, не стреляйте!

Сначала Джейкоб увидел руки, потом худенькое тело. Парнишке было не больше восемнадцати. Лицо пестрое от грязи, волосы тоже грязные, спутанные, сюртучок в дырах, штаны латаны-перелатаны, ноги босы.

— Подойди сюда, — велел ему Джейкоб. — Ближе. Как тебя зовут?

В глазах юноши плескался испуг. Он метнул быстрый взгляд в сторону лагеря, потом на Джейкоба. И снова глянул на деревья, росшие за лагерем.

— И не вздумай убежать, — предупредил Джейкоб. — Пристрелю.

Глаза парнишки округлились от ужаса, теперь он, не отрываясь, смотрел на молодого человека.

— Вы ведь не станете меня убивать? Я — американец. Вы ведь не застрелите американца?

— Только в крайнем случае, — ответил Джейкоб. — Что ты здесь делаешь?

— Пришел за водой! Сержант послал меня за водой!

— И где же твое ведро?

Паренек беспомощно осмотрелся.

— Я... я, наверное, его потерял.

— Как зовут твоего сержанта?

Парнишка облизнул губы; ужас в его глазах стал просто безграничным.

— Я спросил имя твоего сержанта!

Юноша не отвечал.

Мушкет был наведен прямо на его грудь. Парнишка был тощим, как огородное пугало.

— Ты дезертир, верно?

Бедный малый дрожал мелкой дрожью от холода и страха.

На лбу Джейкоба выступила испарина. Кажется, у него начинается жар. Горло саднило; оттого, что ему пришлось напрягать связки, оно болело еще больше. Он устал. Его мучила ломота. Только этого ему еще не хватало, особенно сейчас. Голова горела, ноги подкашивались.

— Послушай, — обратился он снова к парнишке. — Если у тебя неприятности с сержантом или что-то в этом роде, я помогу, и все за тебя улажу. Убежать — не лучшее решение.

— Дело не в том.

— Тогда выкладывай! Для начала можешь назвать свое имя.

Парнишка заморгал.

— Можно опустить руки?

— Если скажешь, как тебя зовут.

С минуту парнишка раздумывал, не слишком ли много от него требуют за такой пустяк.

— Силас Брукс. Меня зовут Силас Брукс. Могу я...

— Опускай. А теперь скажи, Силас, почему ты решил дезертировать?

Паренек обхватил себя костлявыми руками. Потом потерянно моргнул раз, другой, третий. Из его глаз брызнули слезы. Он смахнул их ладонью, заодно вытер нос.

— Я хочу домой, — ноющим голосом протянул он. — Мне надоела война. Я хочу увидеть мать. Просто хочу домой. — Силас разрыдался.

Джейкоб опустил мушкет.

— Я тоже хочу домой, — ответил он. — Но это делается не так. Что, по-твоему, скажет тебе мама, узнав о твоём побеге? Думаешь, она будет гордиться сыном-дезертиром?

Силас Брукс хлюпал носом и вытирал лицо рукавом.

— Пошли со мной в лагерь, — спокойным голосом произнес Джейкоб. — Сейчас нам всем приходится несладко, но мы выдержим. Мы ведь с тобой американцы. Мы двужильные. А когда у тебя истечет срок службы, вернешься домой героем. И мама будет тобой гордиться. Ты ведь хочешь, чтобы она гордилась тобой, Силас?

Глаза паренька широко раскрылись; они больше не шныряли по сторонам. Силас размышлял над тем, что сказал ему Джейкоб.

Джейкоб протянул руку.

— Пошли. Пошли со мной.

Силас Брукс вынырнул наконец из своего куста. Снег скрипел под его босыми ногами, за ним тянулись кровавые следы. Тем временем Джейкоб решил взглянуть на английского часового. Тот стоял на ногах, нацелив мушкет на американцев.

Желая показать англичанину, что он берет парнишку под свое крыло, Джейкоб отошел от дерева, шагнул к Силасу и протянул ему руку. Внезапно он подумал о Бо. Уже больше года он заменял мальчику отца, и они оба только выигрывали от этого. До настоящей минуты Джейкоб и не подозревал, что в нем так силен отцовский инстинкт. Но как оказалось, именно этот инстинкт заставлял его заботиться о Бо, а теперь вот возиться с Силасом.

Опустив голову, Силас Брукс шагнул к молодому человеку. В эту минуту Джейкоб думал только об одном: как доставить паренька в лагерь в целости и сохранности. И тут Силас внезапно и на удивление сильно толкнул его двумя руками в грудь. Джейкоб потерял равновесие и, стукнувшись спиной о дерево, шлепнулся на землю; мушкет отлетел в сугроб.

Быстро вскочив на ноги, Джейкоб дотянулся до оружия и взял его в руки. Затем прицелился в спину убегающего Силаса. Палец лежал на курке. Хотя парень был щедрым, с такого расстояния в него попасть было легко. Джейкоб набрал в грудь побольше воздуха и сосредоточился.

Внезапно молодой человек опустил мушкет. Он не мог выстрелить.

И тут Силас допустил ошибку. Он метнулся влево, к колючим кустам, которые служили своеобразной границей между двумя армиями. Джейкоб взглянул на английского часового. Тот целился в Силаса.

— Стой! Стой, я сказал! — кричал англичанин.

Силас не остановился.

— Остановитесь! Не стреляйте! — крикнул Джейкоб. — У него нет оружия!

Англичанин глянул на Джейкоба и вновь навел мушкет на удирающего паренька.

— Нет! — крикнул Джейкоб.

Англичанин не слушал.

Силас, петляя, как заяц, несся вперед.

Бабах!

При звуке выстрела Силас как-то странно дернулся и подпрыгнул. Потом застыл на месте и медленно повернулся, подняв руки вверх. На его лице застыли ужас и удивление. Пуля его не задела, и он не понимал почему.

Над головой Джейкоба Моргана поднимался дымок. Британский часовой лежал в снегу лицом вниз. Некоторое время Силас и Джейкоб смотрели друг на друга. Но вот паренек повернулся и побежал. Он бежал домой, к маме.

После того как его сменили на посту, Джейкоб устало поплелся в лагерь. Он хотел только одного — дойти до палатки и лечь. Об убитом англичанине Джейкоб сообщил товарищам. Они были недовольны. Как только мертвеца найдут, жди неприятностей. Начнется перестрелка. Или выйдут на охоту снайперы. А ведь им, ворчали солдаты, и без того приходится денно и нощно воевать с холодом.

По дороге в лагерь они прошли мимо поста. У солдата, несшего караул, не было обуви; чтобы не примерзнуть к земле, он сунул под ноги шапку. При виде этого печального зрелища Джейкоб невольно порадовался за себя. Хотя у его башмаков истончилась подошва — он чувствовал каждый камешек под ногами, — а по бокам красовались дырки, все-таки это была обувь. И Бо тоже не ходил босиком. Кожаные полоски обошлись молодому человеку в пять золотых монет.

Джейкоб и Бо заметили друг друга одновременно. Мальчик, по своему обыкновению, несся к Джейкобу во весь дух. И тут молодой человек увидел, что Бо бос.

— Где твои мокасины? — крикнул он.

— Джейб! Джейб! Бо остается! — радостно кричал на бегу мальчуган.

Хотя Джейкоб разобрал далеко не все слова Бо, он понял достаточно, чтобы начать действовать. Молодой человек так разозлился, что даже перестал ощущать недомогание. Бо повел его в палатку игроков. Джейкоб обрушил весь свой гнев на голову единственного солдата, обнаруженного им в палатке. По словам солдата, со своими претензиями они опоздали. «Мокасины» были уже проданы. Несмотря на угрозы Джейкоба, солдат отказался назвать имя продавца, зато охотно сообщил имя покупателя. И Джейкоб пошел к нему.

Когда полог палатки резко отбросили в сторону, находившийся внутри человек с добрым лицом и длинной, с проседью бородой вздрогнул от неожиданности. На его ногах Джейкоб увидел «мокасины». Едва ввалившись в палатку, он потребовал, чтобы мужчина разулся и отдал обувь мальчику. Однако, выяснив, что седобородый не принимал никакого участия в обмане, Джейкоб смягчился. Узнав о том, что у Бо «мокасины» выманили хитростью, мужчина возмутился. Тем не менее он был согласен отдать их только после того, как ему вернут деньги. А еще он назвал имя негодяя, провернувшего это некрасивое дельце.

— Вернет!

Джейкоб был наслышан о сержанте, но ему ни разу не приходилось с ним сталкиваться. За Вернетом они пошли втроем.

Обнаружив сержанта, седобородый и Джейкоб набросились на него с обвинениями. В первую минуту Вернет растерялся, но, увидев Бо, сообразил, что к чему.

— Я тут ни при чем, — заявил он. — Не позволяйте мальчику играть на деньги. Мы играли в орлянку. Ставкой были «мокасины». Он проиграл. Вот и все.

— А я слышал иную версию, — возразил Джейкоб.

— И я, — присоединился седобородый. — Верни мне мои деньги!

— Сделка состоялась! — нагло возразил Вернет. — Да и потом, с чего это вы так печетесь о каком-то глухом дурачке.

Это было самое худшее, что он мог сказать. Джейкоб метнулся к сержанту и обрушил на него свои кулаки. Вернет шлепнулся в грязь.

Вцепившись друг в друга, мужчины катались в грязи; они подмяли под себя палатку, опрокинули тележку с глиной и собрали толпу зевак.

Сидя за письменным столом, генерал Вашингтон изучал рапорт и разглядывал двух перепачканных в грязи сержантов, стоявших перед ним по стойке смирно. Усталые глаза перебежали с одного лица на другое, губы презрительно кривились. Палатка генерала оказалась намного меньше, чем представлялось снаружи. Перед Вашингтоном на столе, покрытом скатертью, стояла чернильница и лежало два заточенных пера. За столом, чуть левее, виднелась походная койка.

Джейкоб едва держался на ногах. Его болезнь, на время приглушенная злостью, вновь дала о себе знать. Дурнота накатывала волнами. Голова гудела, как паровой котел, казалось, она вот-вот взорвется. Обострился насморк. Только ценой невероятного усилия молодой человек заставлял себя не дрожать от озноба.

Вашингтон внимательно выслушал каждого; версии Вернета и Джейкоба сильно различались. Первым делом генерал разобрался с деньгами и обувью. «Мокасины» вернулись к Во, а золотые монеты к седобородому.

Что бы ни говорил Вернет, он свидетельствовал против себя. Дело в том, что азартные игры находились в лагере под запретом. Командующий считал своим долгом покарать человека, нарушившего его приказ. Вернет ушел из палатки под конвоем — наказание должно было быть определено позже.

— Из вашего личного дела следует, что вы уже второй раз привлекаетесь к дисциплинарному взысканию, — обратился Вашингтон к Джейкобу. — В Кембридже вы отказались подчиниться офицеру.

— Да, сэр.

В глазах генерала мелькнуло узнавание.

— Близнецы, так? У вас есть брат-близнец?

— Да, сэр.

Вашингтон кивнул.

— Насколько я помню, и тогда с вами был мальчик. Это тот же мальчишка?

— Да, сэр.

— Ваш сын?

— Нет, сэр. Его отца убили под Конкордом.

— И он не ваш родственник?

— Нет, сэр.

— Тогда почему он по-прежнему с вами?

— Он сирота. Его мать умерла тотчас после его рождения. Мы с ним вместе с битвы у селения Мериам. Мы заботимся друг о друге.

— То есть вы проявили о нем заботу, устроив драку с сержантом Вернетом?

— Это было глупо, и тем не менее — да, сэр.

— Верно. Это было глупо, сержант! — Вашингтон говорил громко и жестко. — Согласно этим бумагам, вы должны были получить очередное звание. Но я считаю

преждевременным повышать по службе человека, который не научился уважать власти. Ваше повышение отменяется.

Вашингтон взял перо и что-то черкнул на лежавшей перед ним бумаге. В течение одной минуты Джейкоб узнал о повышении и лишился его.

— Я свободен, сэр?

Не поднимая головы, Вашингтон отчеканил:

— Когда будет нужно, я сам отпущу вас, сержант.

— Да, сэр.

Джейкоб больше не мог сдерживать дрожь. Еще немного — и он упадет. Пока Вашингтон переключал бумаги и делал какие-то записи, молодой человек думал о том, что завтра ему надо сказать больным. Он все равно не сможет нести службу.

— Итак, — заговорил Вашингтон, — я хочу, чтобы вы собрали своих людей на открытой площадке в западной части лагеря. Обратитесь к барону Фридриху фон Штейбену [\[45\]](#). Он прекрасный офицер и сумеет приучить вас к дисциплине. Вы и ваши подчиненные должны быть на месте завтра ровно в шесть утра. Ясно?

— Да, сэр, — тяжело вздохнул Джейкоб.

— Nein! Nein! Nein! Nein! Nein!

Взгляд Джейкоба уткнулся в огромный нос Фридриха фон Штейбена. Немецкая ругань плыла по округе. Фон Штейбен вырвал мушкет из рук молодого человека и отступил на шаг.

— Вот так! — рявкнул он, впившись в Джейкоба глазами. С сильным акцентом, то и дело мешая немецкие слова с английскими, фон Штейбен выкрикивал команды, одновременно показывая, как их надо выполнять. — Раз. Курок на предохранитель! Два. Достать патрон! — Немец запустил руку в сумку, извлек патрон, сорвал верхушку и, чтобы не рассыпать порох, заткнул дыру большим пальцем. — Три. Зарядить! — Содержимое патрона высыпано на полку. — Четыре. Закрывать полку! Пять. Зарядить патрон! — Патрон засунут в ствол мушкета. — Шесть. Достать шомпол! Семь. Протолкнуть патрон! Восемь. Убрать шомпол! — Фон Штейбен вскинул мушкет к плечу. — Девять. Мушкет к плечу! Десять. Выровнять ствол! Одиннадцать. Оружие на изготовку! Двенадцать. Целься! — Приклад прижат к плечу. — Тринадцать. Огонь! — Фон Штейбен сделал вид, что нажимает на курок. — Бах! — взревел он и опустил мушкет в первую позицию.

— Приготовиться к перезарядке!

Фон Штейбен швырнул мушкет Джейкобу.

— Повтори! — И опять: — Раз! Два! Три!.. Nein! Nein! Nein! Nein! Nein!

Окрестности вновь осквернила отборная немецкая брань.

Уже три дня фон Штейбен муштровал взвод Джейкоба (всего двенадцать человек). Поначалу солдаты находили этого чужака смешным и надутым, однако мало-помалу привыкли к нему. Фон Штейбен был убежденным педантом. Осерчав на солдат, он начинал браниться на родном языке. Не брезговал он и французскими ругательствами. Как-то раз, исчерпав свой запас ругательств, он попросил помощника обругать солдат по-английски. Вскоре все поняли, что фон Штейбен не успокоится до тех пор, пока солдаты не научатся заряжать мушкет единственным верным способом — его.

Солдаты собирались на плацу к шести утра, к этому времени фон Штейбен бодрствовал уже три часа. Перед занятиями он успевал почитать, выкурить трубку и выпить чашку крепчайшего кофе. С этого неизменно начинался его упорядоченный и очень насыщенный день. Фон Штейбена наняли для обучения американских солдат простейшим приемам обращения с оружием и ведению боя; с его помощью разрозненные отряды ополчения должны были превратиться в единую, мощную армию. С восхода до заката обучал он небольшие, сменявшие друг друга группы военнослужащих. Называлось это «солдатская школа». Солдаты возвращались в свои отряды к своим командирам и делились полученными знаниями.

Медленнее всех системой фон Штейбена овладевал сержант Морган; как следствие — он чаще других получал от барона нагоняй. Неудачи Джейкоба объяснялись двумя причинами. Во-первых, он привык к тому, что мушкет для него заряжал Бо — это было удобнее, так как американцы до последнего времени придерживались индейской тактики ведения боя: стреляли из-за кустов, изгородей, домов. На первое занятие Джейкоб привел с собой Бо, рассчитывая, что мальчик тоже сможет чему-то научиться. Но фон Штейбен был категорически против присутствия ребенка на плацу. В дальнейшем континентальная армия должна сражаться, как положено, — колоннами. Следовательно, на поле боя мальчик будет

только путаться под ногами. Фон Штейбен велел Бо убираться. Во-вторых, Джейкобу мешала лихорадка. Из-за нее молодому человеку было трудно сосредоточиться; порой он ловил себя на том, что тупо таращится в пространство. И тогда выяснялось, что он отстаёт от товарищей на две-три команды. А нагнать упущенное ему ещё ни разу не удалось.

— Nein! Nein! Nein! Nein! Nein! — кричал фон Штейбен. — Твой дедушка и то сделал бы это быстрее! Посмотрите на Моргана! Все неверно! Неверно! НЕВЕРНО!

И, схватив молодого человека за руку, поставил его перед строем.

— Я считаю — ты заряжаешь, — фон Штейбен ткнул Джейкоба в грудь пальцем. Они скажут, когда ты ошибаешься. Готов. Раз. Курок на предохранитель! Два. Достать патрон! Три...

Когда Джейкоб доставал патрон, он вдруг заметил на нем буквы «И. Т.». Илайс Тодд. Он взял сумку отца Во. Молодому человеку вспомнился тот страшный день: каменная ограда у селения Мериам, Илайс Тодд лежит на земле лицом вверх, Бо прижимается к его груди...

— Nein! Nein! Nein! Nein! Nein!

Перед глазами Джейкоба снова маячил огромный нос фон Штейбена.

Джейкоб не разрешал Бо приближаться к домам офицеров. Не то чтобы молодой человек не доверял своему воспитаннику, просто он знал, как часто с мальчишками случаются неприятности, и не хотел, чтобы Бо попал в руки дежурного офицера. Тем не менее пока Джейкоб был в солдатской школе, Бо все-таки забрел на запретную территорию — остальные уголки лагеря он уже обследовал.

Погода изменилась, день стоял солнечный. Снег на дорожках, проложенных между домиками, еще не растаял, однако кое-где уже чернели проталины. Бо бодро шагал по тропинке, засунув руки в карманы.

У одного из домиков он увидел лошадей, привязанных к коновязи. Дюжий мужчина с лоснящимся от пота лицом подошел к лошади, поднял ее заднюю ногу и внимательно осмотрел копыто. Потом огромными щипцами выхватил из огня раскаленный кусок железа, положил его на наковальню и начал ударять по нему молотом. Всякий раз, когда молот опускался на железо, во все стороны сыпались желтые искры.

Внезапно рядом с мальчиком распахнулась дверь. Толстый мужчина пятился от двери, указывая на что-то в доме. Спустя мгновение на пороге появился еще один человек, он тоже тыкал пальцем куда-то в глубь помещения. Бо внимательнее пригляделся к толстяку. Это был Вернет. Мальчик закрыл голову руками и ускорил шаг.

Когда Бо показалось, что опасность миновала, он оглянулся. Вернет уходил в противоположном направлении. Вздохнув с облегчением, мальчик зашагал дальше.

Перед следующим домиком развешивала выстиранное белье женщина. Она закрепляла его прищепками, причем губы ее беспрестанно шевелились. Временами она хмурилась, и губы двигались медленнее, зато выразительнее, потом вдруг растягивались в улыбку, показывая два ряда белых веселых зубов — в этот миг губы и язык начинали бешеную пляску.

Женщин в военных лагерях почти не было. Лишь некоторые жены сопровождали в походах своих мужей. Они занимались готовкой, штопкой, стиркой. Случалось им и сражаться плечом к плечу с мужчинами.

Поющая женщина заворожила Бо. Он замедлил шаг, чтобы понаблюдать за ней. «Если она меня заметит, — решил про себя мальчик, — уйду». И тут он увидел доселе скрытую от

его глаз часть двора. Там, на солнышке грелся мальчик примерно одних с ним лет. В руках у него были две белые палочки, которыми он колотил по какой-то жестяной банке. Бо видел ребят с такими же банками в британской армии, неподалеку от Конкорда. Бо заинтересовался и решил подойти поближе.

Как только он шагнул к мальчику, тот опустил палочки и улыбнулся. Его губы зашевелились. Бо разобрал только одно слово — «имя».

— Бо, — сказал он, ударяя себя кулачком в грудь.

Губы мальчика вновь зашевелились.

— Меня зовут... — дальше Бо не разобрал: губы мальчика почти не двигались. Незнакомец заметил его смущение и вновь повторил свое имя. На этот раз Бо понял.

— Зах, — сказал Бо, указывая на мальчика и старательно воспроизводя движение его губ. Мальчик улыбнулся и кивнул.

Внезапно сердце Бо сжалось от страха — над ним нависла чья-то тень. Это была та самая женщина, что развешивала белье.

Ее золотистые волосы были забраны вверх, синие глаза ласково смотрели на Бо. Полные губы произнесли:

— Как ты сказал, тебя зовут?

— Бо.

— Тебя зовут Бо? — На этот раз ее губы двигались медленнее. Не дожидаясь ответа, она бросила взгляд на уши ребенка.

— Бо, — повторил мальчик.

Глядя на них, Зах открыл от удивления рот.

Губы женщины опять зашевелились.

— Ты ведь меня не слышишь? — четко произнесла она, покачав головой.

Бо коснулся пальцами своих ушей и тоже покачал головой.

Тогда женщина отвернулась от Бо и повернулась к Заху; по каким-то, одному ему заметным признакам Бо определил, что она говорит с сыном. И чем дольше она говорила, тем шире распахивались глаза и рот Заха.

— Ты меня не слышишь? — спросил он Бо.

Бо кивнул.

Тогда мальчик ударил по жестяной банке и спросил, слышит ли Бо стук. Бо не слышал.

Женщина взяла руки Бо в свои и положила их на банку. Она что-то сказала сыну, и тот ударил по ней палочками. Бо отдернул руки. Ему показалось, что по ним побежали полчища муравьев. Женщина улыбнулась и успокаивающе погладила Бо по рукам. Затем вновь положила на банку ладони, Бо последовал ее примеру. Зах ударил палочками, Бо почувствовал муравьев. Он взглянул на руки — целы. Уже без страха он коснулся банки обеими руками.

— Еще! — восторженно крикнул он.

Женщина улыбнулась и ободряюще кивнула Заху — тот ударил. Глаза Бо сияли.

С тех пор Бо постоянно стучал палочками по ящикам и коробкам, по кастрюлям и котелкам (он клал на них руку, чтобы уловить вибрацию). Особенно ему нравились кухонные горшки. Джейкоб не догадывался, зачем он это делает и кто его обучил столь странному занятию. Зато он твердо знал, что это его раздражает.

В тот день в домике, что случалось крайне редко, остались только Джейкоб и Бо. Молодой человек очень надеялся отдохнуть.

— Бо! Прекрати сейчас же!

Джейкоб завязал голову полотенцем. После свирепой ругани фон Штейбена, он хотел только одного — тишины. Мальчик его не слышал. Он стоял к нему спиной и самозабвенно колотил деревянной ложкой по чайнику. Молодой человек отобрал у него ложку. Бо резко обернулся и потянулся за ложкой. Джейкоб не отдал.

— У меня болит голова.

Глаза Бо вспыхнули злым огнем. Он опрометью вылетел из домика, не позаботившись затворить за собою входную дверь. Джейкоб поплелся к выходу. Стоя на пороге, он смотрел на Бо: мальчик подобрал с земли палку и принялся колотить ею по стенам домов, телегам, деревьям. От жалости у Джейкоба сжалось сердце. «Но ведь у меня, — успокоил он свою совесть, — раскалывается голова».

Джейкоб затворил дверь и прилег. Он положил на глаза полотенце и попытался успокоиться. Наконец-то в домике стало тихо. Мало-помалу молодой человек начал проваливаться в сон. Хотя Бо давно уже не было в комнате, Джейкоб, засыпая, слышал какую-то дробь. «Странно, — подумал он. — Похоже на команду «в поход»».

Войску Вашингтона неожиданно улыбнулась фортуна. После того как Натаниела Грина [46] назначили интендантом, заметно улучшилось снабжение армии. Грин прочесал вдоль и поперек все окрестности и обнаружил множество тайников с давно забытыми припасами. Он быстренько перетащил все это богатство в лагерь. Кроме того, по реке Скулкилл на удивление рано пошла на нерест рыба. Завидев косяк, солдаты кидались в воду с острогами, садками, корзинами, даже палками. Тонны рыбы были съедены, тонны засолены в бочках. В довершение всего американцам повезло с погодой — в этом году она радовала теплом. Тающий снег, молодая трава — все, казалось, указывало на перемены к лучшему. Люди Вашингтона выжили. Мало того, они приобрели боевой опыт, прошли военную выучку, воспрянули духом. Армия Вашингтона пришла в Вэлли-Фордж зализывать раны, а выйдет отсюда готовой к охоте на врага.

5 мая 1778 года, на рассвете, дневальными был зачитан приказ главнокомандующего:

«Общий приказ. 6 часов утра. Создателю было угодно поддержать Соединенные Штаты Америки. Он помог нам обрести друзей среди правителей земли...» Далее следовала ошеломительная новость: Франция официально объявила себя союзником Соединенных Штатов Америки. Это означало следующее: отныне все торговые и военные поставки, а также финансовая помощь могли осуществляться напрямую и в больших объемах. Французская армия и флот были готовы совместно с американцами бороться против Англии.

Джейкоб не мог не улыбнуться и не вспомнить о находящемся во Франции отце. Молодому человеку очень хотелось приблизить тот момент, когда он сможет сесть с Джаредом за стол и услышать, как же все было на самом деле.

Заявление французского правительства не могло не сказаться на планах британцев. В частности, они вывели свои войска из Филадельфии. Сэр Генри Клинтон [47] сменил генерала Хоу на посту главнокомандующего. Однако не успел Клинтон обосноваться на новом месте, как ему приказали перевести ставку в Нью-Йорк; британцам предстояло осуществить чрезвычайно длинный переход (во время передвижения английских войск отдохнувшие и вдохновленные новостями американцы намеревались атаковать незащищенные фланги врага).

Разом затрещали десятки барабанов. Общий сбор. Джейкоб и его соседи по домику вскочили с кроватей. Через несколько минут солдаты выстроились ровными колоннами на омытом утренним солнцем плацу. Маркиз Лафайет ^[48] — легендарный француз, отличившийся в битве при Брендивайн-Крик, — объехал войско. По приказанию Вашингтона именно ему предстояло возглавить данную операцию. Ходили слухи, что генерал Чарлз Ли ^[49], человек, обладавший большим военным опытом, отказался от этого назначения.

Американцы должны были передвигаться очень быстро — в противном случае враг мог ускользнуть. Однако пока в ставке Вашингтона шло обсуждение плана операции, англичанам удалось проскочить мимо неприятеля. Теперь континентальной армии предстояло перекрыть людям Клинтонна пути отхода и нанести по ним удар с тыла.

Американцы вышли в поход под треск барабанов и пение дудок, исполнявших «Янки Дудль» ^[50]. Солдаты энергично стронулись с места, и сами поразились тому, насколько слаженно у них это получается, — усилия фон Штейбена не пропали втуне.

Бо, как всегда, шагал рядом с Джейкобом. Когда фон Штейбен заметил среди легких пехотинцев ребенка, он пришпорил коня и, выкрикивая страшные ругательства, стрелой подлетел к Бо. Не переставая сквернословить, он отдал приказ: немедленно отправить мальчишку в лагерь. У Бо началась истерика. Он громко заревел, вцепившись Джейкобу в ногу, — Бо плакал не от злости, от страха. Джейкоб вышел из строя. Мимо них проходили колонны, а молодой человек уговаривал мальчика подчиниться приказу. Пока Джейкоб говорил, Бо умоляюще смотрел на фон Штейбена. Но лицо офицера оставалось бесстрастным. И Бо сдался.

Молодой человек побежал за удаляющимися товарищами; фон Штейбен ехал рядом с ним.

— Мальчик слишком мал, чтобы воевать, — на ломаном английском выговаривал он Джейкобу. — При сложном маневре его могут затоптать лошади. — И с этими словами он ускочил прочь.

На бегу Джейкоб бросил взгляд через плечо. Бо стоял на месте. Его голова, плечи и руки были опущены — казалось, он таял на солнце. Джейкоб понимал, что чувствует сейчас мальчик.

Молодой человек занял свое место в строю; червь сомнения глодал его всю дорогу. Впервые после Конкорда Джейкоб Морган шел в бой без Бо.

В Инглиштауне, Нью-Джерси, американские войска стояли в ожидании атаки. Энергичный Лафайет отдал все необходимые распоряжения и подготовил солдат. Однако перед началом операции внезапно объявился генерал Ли и потребовал передать командование ему. Он изменил свое решение и теперь намеревался возглавить операцию. Вашингтона он уже уговорил. Войска вернулись в лагерь.

Весь остаток дня и всю ночь, пока генерал Ли разрабатывал план атаки, солдаты с горечью слушали, как скрипят, двигаясь на юг, тяжелые вражеские обозы.

Рассвет 28 июня предвещал знойный день. Никаких приказов от Ли не поступало, хотя то и дело приходили донесения о спешном отступлении англичан. Наконец прибыл гонец от Вашингтона. Командующий приказывал немедленно начать атаку, в помощь генералу Ли он направил резервные части.

Услышав пение дудок и стук барабанов, Джейкоб вскочил на ноги. Выбежав из палатки на яркий солнечный свет, он невольно прищурился. Его рота пришла в движение.

Солдаты сошли с дороги и приблизились к невысоким холмам. Далеко впереди, то появляясь на гребне холмов, то исчезая в ложбинах, рота за ротой двигались американские передовые полки. Каждый раз, когда рота Джейкоба переваливала через очередной холм или обходила болото, у молодого человека прилиwała кровь к сердцу — он надеялся увидеть неприятеля; но поступал новый приказ, и американцы устраивали привал, после чего вновь меняли направление движения.

Появился Лафайет. Он проехал вдоль войска, требуя, чтобы пехотинцы двигались вперед усиленным маршем. Рядом с ротой Джейкоба его нагнал верховой.

— Сообщение от генерала Ли, — крикнул он, а затем передал на словах: — Сэр, вы не знаете английских солдат. Нам их не одолеть. Генерал приказал прекратить наступление.

Со страшными проклятьями Лафайет помчался в штаб. Посланец генерала Ли неспешно следовал за ним. Рота Джейкоба остановилась. Люди стояли на солнцепеке неподалеку от поля, на пригорке, и ждали приказа. Напротив них, с другой стороны поля, чернел лес.

Справа от себя, вдаль, они слышали одиночные выстрелы мушкетов и редкие орудийные залпы. Эти звуки будоражили солдат, заставляли их испытывать болезненное возбуждение. Хотя холм мешал им что-либо увидеть, товарищи Джейкоба упрямо поворачивали головы вправо. Молодой человек изо всех сил старался сохранять спокойствие. Интересно, доведется ли им сегодня поучаствовать в сражении?

И тут он увидел, как слева на поле выкатились две роты, за ними следовала еще одна. Впереди шагал маленький, чуть выше барабана барабанщик. Плечом к плечу с ним шел еще один мальчуган. Кашгановые вихры. Обтерханная одежда... Бо!

У Джейкоба чуть не разорвалось сердце. Его Бо идет во главе колонны! Молодой человек растерялся. Ему хотелось броситься к мальчику, увести его с поля, но выучка фон Штейбена дала о себе знать. Сержант Морган не двинулся с места.

«Крикнуть? Нельзя. Послать записку? И что я напишу? Потребую вернуться в лагерь? Один раз Бо уже послушался. Позову к себе? Можно, конечно. А вдруг появится фон Штейбен? — Джейкоб в сомнении переминался с ноги на ногу. — Не стоит спешить, — наконец решил он. — Пока все спокойно. Наверное, сегодня ничего не произойдет».

В то же мгновение на противоположной стороне поля что-то грохнуло, над лесом поднялся столб дыма. Бах! Бабах! Бах! — начала палить артиллерия.

Вдоль первой шеренги брызнула вверх земля. И тут же из-за леса донесся гул. Топот копыт смешался с пением труб и воинственными криками англичан. Тревожно застучали барабаны американцев. Отходим!

Большинство товарищей Джейкоба в панике бросились бежать, колонна распалась. Молодой человек остался на месте: он пытался разглядеть в пороховом дыму Бо. На том участке поля, где он видел его перед атакой, завеса дыма была особенно плотной. Одна рота, находившаяся на поле, бежала, смешав ряды, другая отступала организованно, колонной.

Джейкоб во весь дух припустил вниз, к полю. Около леса он заметил английскую кавалерию, несущуюся в его сторону. Пока он бежал, дым начал рассеиваться. Молодой человек прикусил губу: он увидел лежащих людей. Тогда он побежал быстрее. На бегу он прикрепил к мушкету штык. Земля была накалена, а воздух — тяжел, влажен, невыносим от жара. Легкие Джейкоба горели; ему не хватало кислорода.

Добежав до поля, молодой человек первым делом поискал глазами кавалерию — она летела стрелой. И тут он заметил мальчиков — кажется, они были живы. Вот только не видят, что к ним стремительно приближается враг. А ведь ему до них еще бежать и бежать.

Превозмогая себя, он побежал еще быстрее. Кавалеристы были уже на середине поля, они держали сабли наголо. Гладкие клинки ослепительно сверкали на солнце.

Теперь Джейкоб отчетливо видел мальчиков. Бо был жив! Он сидел на земле, придерживая обмякшего барабанщика. Залитая кровью голова барабанщика неестественно болталась. Бо безутешно рыдал. Он пытался вложить палочку в безжизненно свисавшую руку мальчика. Палочка падала.

— Бей в барабан, Зах! Бей! — монотонно повторял Бо.

— Бо! Вставай! — закричал Джейкоб и неистово замахал руками.

Кавалеристы приближались к мальчику. Джейкоб бросился вперед. Он несся как ветер. Он должен их опередить!

Еще несколько ярдов...

Молодой человек увидел, как прямо на Бо летит усатый кавалерист. Его сабля была высоко поднята для удара. Рядом с ним, пригнувшись, скакал темноглазый солдат, он не сводил взгляда с Джейкоба. Между тем Бо заметил врага — видимо, почувствовал дрожание земли. В ужасе смотрел мальчик на несущихся на него во весь мах лошадей.

Джейкоб отбросил мушкет в сторону и, прыгнув, прикрыл собою детей. Между ним и Бо, разметав в стороны руки, лежал барабанщик. Бо жалобно вскрикнул — падая, он ударился о землю. Рядом с Джейкобом взвизгнула сабля, и кавалеристы пронеслись мимо.

С американской стороны раздался ружейный залп. Несколько англичан вылетели из седел. Бо, пытаясь выбраться из-под Джейкоба, яростно царапался и лягался.

— Бо, это я! — Молодой человек слегка подвинулся, чтобы мальчик разглядел его лицо.

— Джейб! — Бо зашелся в судорожном плаче. — Зах помо! Джейб, Зах помо!

Джейкоб погладил Бо по щеке и, обернувшись, поискал глазами кавалеристов. Невдалеке валялись трупы лошадей, за ними, на другом конце поля, он увидел американцев, идущих в штыковую атаку на английскую конницу. Впереди с саблей наголо шагал Лафайет. Внезапно кавалеристы повернули лошадей и поскакали к лесу, и снова Бо и Джейкоб оказались у них на пути. Пока конница летела мимо, Джейкоб прикрывал мальчиков своим телом. Молодой человек был знаком с этой тактикой. Кавалеристы не отступали, просто перегруппировывались. Они еще вернутся.

Он быстро скатился с детей и осмотрел барабанщика. Мертв. На лбу — безобразная рана, на животе расплзлось огромное красное пятно.

— Зах! Зах! — кричал Бо. Он тряс друга за плечо, надеясь его разбудить.

Молодой человек повернул к себе Бо и заставил его взглянуть себе в глаза.

— Он умер! Мы не можем ему помочь!

Тем временем английская кавалерия изготовилась к новой атаке.

— Бежим! — Молодой человек схватил Бо за руку и поставил его на ноги. Но мальчик неожиданно уперся, и Джейкоб чуть не упал. — Что ты творишь! Они атакуют!

— Зах! — Бо попробовал поднять тело маленького барабанщика.

— Оставь его!

— Нет!

Бо обхватил Заха и потащил в ту сторону, где стояла американская цепь.

Кавалеристы пошли в атаку, Джейкоб поднял на руки мертвого мальчика, а Бо схватил

барабан, палочки и мушкет. Они стремглав неслись по полю, за ними мчалась кавалерия. Американская цепь оцетинилась саблями, дулами мушкетов, штыками.

Джейкоб сомневался, что ему удастся добежать до своих. Его вымотала жара. Было трудно бежать с мертвым мальчиком на руках. Бо несся впереди, барабан колотил его по ногам. Молодой человек видел, как маркиз Лафайет, указывая на него, отдал какое-то распоряжение двум пехотинцам. Солдаты кивнули и вскинули мушкеты. Джейкобу казалось, что они целятся прямо в него!

Стук копыт нарастал. Голова и ноги барабанщика болтались из стороны в сторону, с каждым шагом его было все тяжелее нести. Джейкоб заставлял себя бежать через силу. Кони были уже близко — молодой человек слышал их храп.

Мощно грохнул оружейный залп. Над головами американских солдат, стоявших в передней шеренге, поднялся дымок; не стреляли только два пехотинца — те, что получили указания от Лафайета. Пока их товарищи перезаряжали мушкеты, они продолжали целиться в Джейкоба. Молодой человек на бегу глянул назад. За ним, держа сабли наголо, мчались два кавалериста.

Хлопнули выстрелы. Две лошади без седоков пронеслись мимо Джейкоба, всадники вылетели из седел и с грохотом рухнули на землю. Молодой человек видел, как Лафайет хвалит стрелков за меткость.

Сидя на обочине дороги, ведущей к Инглиштауну, Джейкоб нежно обнимал рыдающего Бо за плечи. Мимо них, поднимая пыль, непрерывным потоком шли солдаты; одни отступали в страхе, другие с достоинством. Рядом с мальчиком лежал барабан, палочки и мушкет. Тело Заха забрали родные. Бо не хотел его отдавать. Он сдался только после того, как Джейкоб сказал, что мама Заха должна в последний раз обнять сына.

Солнце жарило нещадно. На небе не было ни тучки. Джейкоб был мокрым от пота, безумно устал и умирал от жажды.

— Месье!

Молодой человек вскинул голову, прищурился на свету и тут же вскочил на ноги. Это был маркиз Лафайет.

— Мальчик, которого вы вынесли с поля боя, жив?

Джейкоб покачал головой.

— Нет, сэр. Мертв.

Лафайет опечалился. Джейкоб впервые видел его вблизи. Очень молод, породист.

— Он ваш сын?

— Нет, сэр.

— Тогда это ваш сын. — Лафайет указал на Бо. — Он ранен?

— Нет, сэр. Он оплакивает друга. — Джейкоб не стал объяснять, кто такой Бо, — молодой человек привык считать мальчика сыном, и ему было приятно, что Лафайет принял его за отца Бо.

— Вы вели себя храбро, месье.

— Я признателен вам за добрые слова, сэр. Но я всего лишь удирал от англичан, вряд ли это поступок храбреца. И еще: позвольте мне вас поблагодарить. Вы не дали раскрыть мне голову саблей. Я думал — мне не уйти.

— Не надо преуменьшать свои заслуги, месье. Вы показали себя храбрым человеком. Мало кто способен броситься навстречу атакующей кавалерии.

В эту самую минуту они увидели направляющегося к ним верхового. За ним поднималось огромное облако пыли. На всаднике был сине-желтый мундир. Державшийся в седле чрезвычайно прямо седок резко осадил коня в двух шагах от Джейкоба и Лафайета.

— Генерал Вашингтон!

Джейкоб вытянулся в струнку. Лафайет учтиво обнажил голову.

— Кто приказал отступить? — отрывисто бросил Вашингтон. Лицо командующего было багровым и мокрым от пота.

— Генерал Аи, сэра, — ответил француз. — Он не верит, что мы можем одолеть англичан.

— Где я могу его найти? — процедил Вашингтон. Он произносил каждое слово медленно, с расстановкой — в этом чувствовалось какое-то внутреннее напряжение.

Выслушав ответ Лафайета, Вашингтон отчеканил:

— Генерал, передайте своим людям следующее. С этого момента я беру командование на себя. Если встретите генерала Ли, арестуйте его! И остановите отступление. Солдаты должны идти в другую сторону! — Затем, скользнув взглядом по сидящему на земле Бо и лежащему подле него барабану, отрывисто приказал: — Барабанщик, бей «к оружию»!

— Прошу прощения, сэра, — вмешался Джейкоб. — Бо не барабанщик. Он вас не слышит. Он глух. Барабанщик погиб, а мы...

И тут Джейкоб услышал отрывистую дробь барабана. Молодой человек замолк на полуслове. За его спиной, гордо выпрямившись, отбивал команду «к оружию» глухой мальчик. В глазах Бо читалась решимость, челюсти были сжаты, нижняя губа подрагивала. Но руки ребенка двигались уверенно. Сигнал прозвучал на удивление точно. Солдаты начали останавливаться.

И тогда Вашингтон возвысил голос:

— Вы правильно поняли. Стройся! Сразу по моем возвращении мы пойдем в атаку. И поможем красномундирникам добежать до Англии!

После этих слов солдаты заметно повеселели. Словно потревоженные муравьи, поспешно устремились они в свои подразделения. Тем временем Вашингтон развернул коня. Уже отъезжая, он бросил через плечо:

— У вас очень способный сын, сержант.

— Да, сэра, — ответил Джейкоб.

Лафайет назначил Джейкоба командиром отряда легкой пехоты. Бо взяли в отряд барабанщиком.

Маркиз Лафайет и генерал Вашингтон готовили людей к бою. С гребня холма гордо взирал на войска Фридрих фон Штейбен. Впервые после Лексингтона и Конкорда ополченцы действовали как единая армия.

День клонился к вечеру, солнце нещадно палило, бой шел с переменным успехом, число погибших росло. Многие солдаты валялись с ног от усталости, изнемогали от жажды и жары. Мало-помалу обе армии обессилили.

Сумерки сгустились. Жара спала. На дороге растянулись вечерние тени. Джейкоб и Бо лежали под деревом. Молодой человек бережно держал в руках кружку с водой. Бо, лежа на спине, с живейшим интересом следил глазами за юркой птичкой, прыгающей с ветки на ветку. Джейкоб шутливо ткнул Бо в живот. Мальчик свернулся клубочком.

— А ты не говорил, что умеешь барабанить!

Бо схватил палочки и, не поднимаясь, принялся бить ими по стволу дерева.

Молодой человек кивнул.

— Да, помню, деревянная ложка и чайник. И еще помню адскую головную боль. Стучать ложкой по чайнику и бить в барабан — не одно и то же.

Бо пожал плечами. Он разницы не видел.

— Стало быть, ты учился барабанить, пока я торчал в солдатской школе. Тебя учил Зах.

Лицо Бо исказилось от боли. Он кивнул.

— Не сомневаюсь: Зах был хорошим другом.

Бо с деланной заинтересованностью уставился на птичку — он изо всех сил сдерживал слезы. Джейкоб сочувственно молчал.

Выждав несколько минут, молодой человек потрепал Бо по плечу — этим жестом он хотел привлечь внимание мальчика.

— Да, нынешний день мне не забыть. Я объясняю генералу Вашингтону, что ты не умеешь барабанить, и вдруг слышу, как ты бьешь «к оружию»! Я от изумления чуть язык не проглотил!

Бо представил, как Джейкоб глотает язык, и зашелся в безудержном смехе. Он смеялся до тех пор, пока по его щекам не полились слезы.

Из-за холма донесся громкий перестук лошадиных копыт. Спустя мгновение появились всадники — Лафайет и Вашингтон.

— Морган! — крикнул командующий.

Джейкоб вскочил на ноги, Бо последовал его примеру.

— Как себя чувствуют ваши люди, сержант?

— Устали, но не пали духом, сэр.

— Они могут сражаться?

— По первому приказу, сэр.

— Я хочу знать правду, Морган. Британцы уходят. Самое время на них напасть, но мои люди измотаны. Мне нужны солдаты, которые смогут преследовать красномундирников. Ваше решение не отразится ни на вас, ни на ваших подчиненных. Можете атаковать?

— Только прикажите, сэр, и Бо поднимет их.

По теплоте взгляда и легкой улыбке было видно, что Вашингтону ответ Джейкоба пришелся по душе. Он наклонился к Бо и сам отдал приказ:

— Сынок, бей «к оружию».

И вскоре Джейкоб уже стоял у подножия холма; этот холм отделял его от поля, на котором несколькими часами ранее шло сражение. Ожидая начала операции, он нервно сжимал в руке эфес сабли. Рядом с ним замер Бо, невозмутимый, исполненный чувства собственного достоинства. Решительно сжав губы, мальчик смотрел вперед. Говоря откровенно, бесстрашие Бо пугало Джейкоба. Как может ребенок не бояться боя? И тут перед его мысленным взором прошла вся жизнь мальчика. Смерть матери, бедность, глухота, столкновения в Лексингтоне и Конкорде, гибель отца, враг, готовый убить в любую минуту, тяжелейшая зима в Вэлли-Фордж, гибель друга. Потом Джейкоб вспомнил свое детство: любящие родители, достаток в доме, хорошая школа, мальчишеские проказы. У детей должно быть такое детство, как у него, — они не должны расти так, как рос Бо.

Прозвучал сигнал к наступлению. Джейкоб повел свой отряд вверх по холму, у вершины он остановился. Здесь им предстояло дожидаться следующего приказа. Молодой человек уголком глаза глянул на Бо. Выражение лица мальчика оставалось прежним. Спокойным и

твердым.

Душа Джейкоба наполнилась нежностью. Ему захотелось схватить Бо за руку и увести отсюда; уехать с ним в самое безопасное место на земле, в дом на Бикэн-стрит. Подарить Бо нормальное детство.

Дали второй сигнал. Бо смотрел в глаза Джейкобу. Молодой человек кивнул. Забил барабан. Джейкоб взмахнул саблей, и его люди устремились вниз — бой должен был произойти с другой стороны холма, на поле.

Земля еще хранила дневное тепло. Поле боя было усеяно трупами и брошенным оружием. Джейкоб переступил через убитого англичанина и побежал за отступающими врагами. Спины англичан, одетых в ярко-красные мундиры, являли собой прекрасную мишень для американцев. Лишь немногие англичане стреляли на бегу.

Джейкоб криком подбадривал уставших солдат. Где-то на середине поля он почувствовал, что бежит из последних сил. Его ноги молили об отдыхе, легкие горели, руки немели от усталости. Отступающие красномундирники скрылись в лесу. Им удалось опередить англичан буквально на мгновение.

Джейкоб не заметил стрелявшего в него солдата. Что-то ударило его в левый бок, — будто лошадь лягнула. Молодого человека пронзила острая боль, от удара он завертелся волчком. Мир закружился перед его глазами: мелькнул лес, поле, снова лес, стремительно начала приближаться земля, небо. Уже лежа, Джейкоб дотронулся до раны. Она была мокрой, теплой и от прикосновения мучительно ныла. Потом чувство боли начало ослабевать, как, впрочем, и все остальные чувства. На молодого человека, как на Бо перед боем, снизошло умиротворение. Страх не было.

И тут он увидел лицо Бо. Теперь оно было совсем другим. Испуганным. Залитым слезами. Мальчик пытался что-то сказать — и не мог.

Так не должно быть. Бо заслужил лучшую долю. Не эту.

Джейкоб силился погладить ребенка, успокоить. Он непременно увезет Бо отсюда. В Бостон. Там безопасно, там любовь. Но как он ни старался, ему не удалось поднять руку. Говорить он тоже не мог. «Забавно, — подумал молодой человек, — как быстро нынче заходит солнце».

Выстроившись вдоль улиц, жители Филадельфии восторженно приветствовали континентальные войска, вошедшие в город после бегства англичан. За марширующими военными следовал запряженный четверкой лошадей экипаж с новым военным губернатором, генерал-майором Бенедиктом Арнольдом — его встречали с особым ликованием. Губернатора сопровождала свита — в ней в числе прочих состоял и Исав Морган.

Исаву казалось, что красочность процессии лишь подчеркивает плачевное состояние Филадельфии. В огне погибли целые кварталы; не только заборы, но и многие здания разобрали на дрова. Англичане повалили каменные надгробия на пресвитерианском кладбище, после чего использовали его как манеж для выездки лошадей. Церкви сильно пострадали от сырости и были завалены мусором. Скамьями и кафедрами отапливали казармы. Та же участь постигла деревянную обшивку Зала независимости [\[51\]](#). Скверы и общественные земли были вытоптаны и превращены в свалки. Улицы были забиты сломанными экипажами; то там, то сям валялись лошадиные скелеты. Во всем городе уцелел один район — тот, где располагались каменные дома квакеров [\[52\]](#) и лоялистов.

Генерал-майор Арнольд и его свита проезжали квартал за кварталом. С болью в сердце смотрел Исав на то, что осталось от родного города Мерси. Изуродованная столица «соединенных колоний» ничем не походила на Филадельфию его юности.

Резиденция губернатора разместилась на углу Шестой улицы и Маркет-стрит, в особняке Пенн. Хотя люди Арнольда вошли в город как освободители, настроение у них было не самым лучшим; причем во многом это объяснялось душевным состоянием их начальника. Губернатором Арнольд стал по настоянию Вашингтона. По мнению главнокомандующего, это место должен был занять боевой генерал — так как англичане могли вернуться в любую минуту. Арнольд, мечтавший командовать армией и не желавший отсиживаться в тылу, скрепя сердце подчинился. Других предложений у него все равно не было.

В то время как битва при Саратогге [\[53\]](#) воспринималась всеми американцами как безоговорочная победа континентальной армии, тщеславный Бенедикт Арнольд находил в ней червоточинку. Ведь в тот знаменательный день не он командовал армией. Между тем именно он повел солдат в атаку на генерала Бургойна [\[54\]](#). Американцам удалось отбросить «красные мундиры» за Бемисские высоты. Вскоре Бургойн запросил условия капитуляции. Убедительная победа американцев при Саратогге побудила правительство Франции официально объявить себя союзником мятежных колоний. И опять Арнольд стал героем, и опять был ранен.

Гессенская пуля [\[55\]](#) раздробила ему бедро. Обычно при таком ранении ногу ампутировали. Однако Арнольд был категорически против этого. Двое суток он воевал с врачами и своим организмом. Новость о сдаче Бургойна, видимо, помогла ему оправиться — об ампутации речи больше не шло. Как и в Квебеке, Исав не отходил от постели генерала несколько дней.

Новому губернатору предстояло добиться того, чтобы в городе, население которого было крайне неоднородно (в Филадельфии жили лоялисты, квакеры-пацифисты, виги, настроенные как анти-, так и провашингтонски), установилась спокойная жизнь. Арнольд и

его штаб оказались под перекрестным огнем сразу нескольких политических группировок. Какие бы действия ни предпринимал губернатор, без критики не обходилось; особое неприятие вызвало его требование привлекать женщин-лоялистов к революционным общественным мероприятиям.

— Что генерал желает надеть — его личное дело, мадам. А сейчас, прошу меня извинить.

Исав с деланной озабоченностью пересек зал — в действительности же ему просто хотелось оказаться как можно дальше от собеседницы, назойливой пятидесятилетней дамы. Эта женщина только что выразила молодому человеку свое недовольство пудренным париком Арнольда. Исав имел несчастье быть представленным ей в качестве адъютанта генерала.

В бальном зале особняка Пенн звучала музыка. В ведении военного губернатора помимо всего прочего находилось французское представительство в Филадельфии, и к этим своим обязанностям Арнольд относился чрезвычайно серьезно. Во имя укрепления связей с Францией он устроил 25 августа, в день рождения короля Людовика XVI, бал, на который пригласил самых значительных жителей города, придерживающихся разных политических взглядов. С точки зрения давешней собеседницы Исава, надев парик, хозяин вечера дал понять, что он симпатизирует лоялистам, а не вигам.

Теперь даже мода служила революции. Мужчины-континенталисты отказались от париков и коротко остригли волосы. Дамы-континенталистки больше не собирали волосы в высокие, осыпанные пудрой прически — ведь их носили бесстыдные любовницы английских офицеров. Они перешли на более естественные, «простые» прически. Джентльмены забыли о высоких шляпах. Пряжки на обуви тоже подверглись осуждению: целесообразнее изготавливать из серебра кружки и кофейники для солдат. После того как генерал Арнольд, большой любитель изысканных туалетов, отказался следовать революционной моде, на него обрушился шквал общественного негодования.

Исав находил споры о моде и личных предпочтениях глупыми и праздными. Он вообще не хотел приходить на бал. Дело в том, что нынешнее торжество напомнило ему о том вечере, когда он впервые встретил Мерси.

Здесь, в Филадельфии, она вышла в свет. Здесь ее, дочь простого портного, признали самой обворожительной девушкой города. Мерси обожала балы, она чувствовала себя на них абсолютно счастливой. Юная Мерси пользовалась бешеным успехом и могла пленить любого. На одном из таких балов ее впервые увидел Исав и, увидев, полюбил. Вот почему нынешний вечер во французском стиле так его утомлял. Он всколыхнул в нем слишком много воспоминаний.

Исав старался избегать мыслей о Мерси. Она не писала ему больше двух лет. Молодому человеку приходилось довольствоваться тем, что о ней сообщала мать — впрочем, Энн ни разу не обмолвилась о том, что его по-настоящему интересовало. Он знал, что у Мерси все хорошо, что она не унывает, что у нее неожиданно обнаружилась коммерческая жилка. Знал и о рискованной поездке к Джейкобу. По мнению матери, Мерси стала другим человеком, более зрелым, духовным. Исав отказывался в это верить. Мерси была феей, нимфой, эльфом — но не святой. Видимо, Энн, как всегда, была склонна видеть в людях то, что ей хотелось.

Музыка смолкла, и на Исава внезапно обрушилась тишина. Молодой человек очнулся. Голоса зазвучали приглушенно — гости более не силились перекрыть оркестр. Но вот музыканты вновь взяли за инструменты.

Исав с тоской посмотрел на открытую дверь. Уйти бы отсюда и окунуться в работу; незачем здесь торчать, доводя себя до отчаяния воспоминаниями. Молодой человек украдкой глянул на другой конец зала. Его глаза встретились с глазами молоденькой девушки. Те сияли счастьем. Изящный пальчик погрозил ему; затем юная дева покачала не менее изящной белокурой головкой, усыпанной блестками, дав понять Исаву, чтобы он и думать не смел уходить. Эти прелестные глазки принадлежали Пегги Шиппен. Казалось, девушка прочла его мысли. Исав ответил Пегги робкой улыбкой и остался на месте.

Восемнадцатилетняя мисс Шиппен поражала своим сходством с Мерси Рид. Пегги — она тоже считалась самой красивой девушкой Филадельфии — была дочерью судьи Эдварда Шиппена, предпочитавшего сохранять в это революционное время нейтралитет. Поскольку сей почтенный муж сотрудничал с англичанами, оккупировавшими Филадельфию, радикальные виги считали его лоялистом и предателем. Их мнение о судьбе не изменилось и после того, как он свел дружбу с Арнольдом и его подчиненными.

Причем то, что губернатор не отверг помощь Шиппена, прибавило Арнольду врагов.

Между тем интерес Бенедикта Арнольда к семье судьи был сугубо романтическим. Прелестная дочь Шиппена похитила сердце генерала; и хотя Арнольд был в два раза старше Пегги, он надеялся завоевать ее благосклонность.

Итак, Пегги и не позволила Исаву уйти. Не так давно она уже выловила его в дверях и мило вернула в зал. По совершенно неясной Исаву причине она взяла с него обещание не покидать бал. Впрочем, стоило молодому человеку заглянуть в ее лукавые глаза, и он соглашался на все.

Исав видел Пегги второй раз в жизни. Молодые люди познакомились где-то месяц тому назад, 4 июля, во время празднования второй годовщины освобождения от британского владычества. Выяснилось, что Шиппены и Риды были давними друзьями. По словам Пегги еще ребенком она упивалась рассказами о великолепных филадельфийских балах и восхищалась несравненной Мерси Рид. Узнав, что Исав деверь ее божества, Пегги сочла нужным с ним познакомиться.

Намерения девушки были невинными. К тому же она произвела на Исаву самое выгодное впечатление. Пегги не знала о его личной трагедии. Она не догадывалась, что ее улыбка, ее жизнерадостность, напоминали Исаву о любимой женщине, что город, сама атмосфера филадельфийских балов заставляли его с болью в сердце думать о своем несостоявшемся счастье. Впрочем, теперь даже он внутренне согласился с тем, что им с Мерси не суждено быть вместе.

Оркестр вновь окатил Исаву музыкой. Нет, решил молодой человек, вопреки обещанию, я все-таки уйду. Отмечать день рождения короля можно и без меня. В эту минуту Исаву больше всего на свете хотелось в одиночестве оплакать прошлое. Он чувствовал себя совершенно чужим в сверкающем огнями бальном зале.

Грянул торжественный хор.

— *Madames et monsieurs!* — с нарочитым акцентом обратился к публике толстый устроитель балов. — Позвольте представить вам давно не посещавшую нас Мерси Рид Морган, первую красавицу Филадельфии!

Пегги радостно захлопала в ладоши — надо полагать, ее развеселила реакция Исавы.

Раздалось крещендо оркестра, после чего вновь полилась какая-то задорная мелодия.

Через массивные двойные двери в зал грациозно впорхнула Мерси; гости расступались перед ней, как море перед Моисеем. Казалось, само время повернуло вспять: Мерси словно

бы вновь дебютировала в свете. Бесподобная, одетая по самой последней моде. На ней был высокий светлый парик, усыпанный мелкими розовыми бантиками, такие же бантики украшали ее белое платье с квадратным вырезом.

Исав вспомнил свою первую встречу с Мерси. Это произошло здесь, в Филадельфии, много лет тому назад. В тот, ныне далекий вечер она тоже привлекла к себе внимание всего зала. Впрочем... впрочем, кое-что все-таки изменилось. Тогда она с жадным любопытством разглядывала публику, а сейчас смотрела только на одного человека — на Исаву.

Она шла прямо к нему и, подойдя, протянула руку.

— Удивлен?

Неподражаемая улыбка и знакомый запах духов в мгновение ока одурманили Исаву.

— Потрясен, — ответил он и сам удивился своему ровному голосу.

Минуту назад ему казалось, что его душа пуста, мертва, что любовь к Мерси осталась в прошлом. Но стоило ему ее увидеть, и чувства ожили.

— Не пригласишь меня на танец?

Исав взял Мерси за руку и вывел на середину зала. Дамы и кавалеры, теснясь, смотрели на то, как он раскрыл свои объятия, а Мерси в них вошла. Раздались звуки музыки, и они заскользили по залу. Но вот в круг вступила вторая пара, затем третья. Исав забыл, что они не одни.

— Прости, что не предупредила тебя, — сказала Мерси. — Это идея Пегги. Она такая лапочка. Вообразила, что воссоединение членов семьи — страшно романтично.

— Я с ней согласен.

Мерси залилась краской. Почему-то это не понравилось Исаву. Он не сразу осознал почему, но потом сообразил: раньше она краснела только тогда, когда ей это было нужно. А сейчас она вспыхнула по-настоящему.

— Ты должен простить Пегги, — продолжила между тем Мерси. — Она еще очень юна. Думаю, Пегги слышала, что о нас сплетничают. И все же, полагаю, она имела в виду именно воссоединение семьи. Извини, если тебе неприятно.

И снова Исав поразился. Мерси просит прощения за чужой промах? Это так на нее не похоже! Исав внимательно глянул на женщину, с которой танцевал. Кто это? Внешне Мерси была такой же, как всегда, запах был тот же, даже танцевала она так же. Тем не менее эта Мерси была другой.

— Не нужно извиняться, — ответил Исав. — В конце концов, я ее должник — это она пригласила тебя в Филадельфию.

— Вообще-то в том, что я сюда приехала, заслуга твоей мамы.

— Неужели?

— Это она предложила мне проведать родителей. Я ничего о них не слышала с самой оккупации. Мы молились за них. А потом узнали, что генерал Арнольд назначен губернатором, и поняли, что моя поездка угодна Богу — ты находишься в Филадельфии и, значит, сумеешь меня защитить.

Исав опешил. «Мы молились за них». «Моя поездка угодна Богу». Так могла сказать Энн — не Мерси. Надо полагать, она позаимствовала эти выражения у его матери. Уже несколько лет они живут вдвоем. Вот Мерси и заговорила на языке Энн.

— Приходи! — молодая женщина взяла его за руку. — Мама и папа хотят тебя видеть.

После танца Мерси и Исав направились к Пегги и генералу Арнольду. Оставшуюся часть вечера они провели вчетвером. Поскольку из-за ранения генерал более не мог

танцевать, он развлекал их маленькую компанию байками. Время от времени кто-нибудь из офицеров, набравшись храбрости, подходил к кружку генерала и приглашал на танец женщин. По завершении танца кавалеры учтиво доводили дам до дивана. Ни один офицер не решился пригласить Пегги и Мерси повторно.

В какой-то момент Пегги спросила Мерси о ее муже. Та ответила, что знакомый бостонский сапожник сообщил им, что Джейкоба тяжело ранили в битве при Монмуте.

— Вообще-то он думал, что это Исав, — пояснила Мерси. — Но когда он упомянул о месте сражения, мы поняли: речь идет о моем муже.

По словам сапожника, Джейкоб скончался от ран.

— Мы еще не получили официального извещения, — добавила Мерси. С этими словами она подалась вперед и погладила руку Исаву. — Прости. Я предпочла бы сообщить тебе об этом в иной обстановке, наедине.

Исав безучастно глядел в пространство. Ему казалось, что известие о смерти брата его почти не задело. Конечно, глубокой скорби он от себя не ждал — слишком долго длилась их распря с Джейкобом. Но и радости он не ощутил. Скорее, у него возникло чувство завершенности — как по прочтении толстенной книги. Последняя страница в книге Джейкоба перевернута — начинается новая глава в книге Исаву.

— Как ты? — спросила Мерси. И взяла его ладонь в свои руки. Они были теплыми и нежными.

«Начинается новая глава», — мысленно повторил Исав.

Серые глаза Арнольда с пониманием смотрели на молодого человека. Они видели все. После стольких лет ожидания мечты Исаву наконец-то начали сбываться.

Бал завершился на удивление быстро. На протяжении всего вечера Исав жадно насыщался улыбками и смехом Мерси. С одной стороны он словно бы вознесся в рай, с другой — не мог дождаться, когда они останутся наедине.

Новая встреча с Мерси состоялась без малого через неделю. Все это время Исав ни на минуту не забывал о смерти Джейкоба. Он чувствовал себя непривычно и, пожалуй, даже жутковато оттого, что отныне его лицо принадлежит ему одному и что больше никто и никогда не спутает его с братом.

Жизнь Исаву проходила в хлопотах: штаб генерала Арнольда занимался постановкой войск на квартиры, проводил по приказу Конгресса аресты, надзирал за тюрьмами, собирал сведения о перемещениях британских войск в Нью-Джерси.

С каждым днем росло неприятие деятельности Арнольда вигами; разобраться с недовольными губернатор поручил Исаву Моргану.

Итак, жизнь опять столкнула Исаву с радикалами аддамсовского типа. Молодому человеку приходилось ежедневно общаться с отпетыми смутьянами. Он даже затосковал по голодной жизни в Мэне. По крайней мере, в ту пору речь шла о вещах значимых. А в Филадельфии горячо обсуждались такие «жизненно важные» проблемы, как: следовало ли губернатору выдавать пропуск некоему лоялисту, не использовал ли губернатор общественные подводы для перевозки личных вещей, не заставляет ли губернатор милицию заниматься чем-то унижительным.

Собственно, причиной враждебного отношения вигов к генералу Арнольду была его близость к городскому свету и особенно к судье Шиппену.

Седовласый, большеносый, с массивным подбородком и печальными глазами Эдвард

Шиппен был не только судьей, но и коммерсантом. Получив в наследство приличное состояние, он полагал своим долгом его не приумножать, а сохранять. Шиппен привык вести любые, в том числе и семейные дела крайне осторожно. Когда Арнольд письменно испросил у него позволения ухаживать за Пегги, Шиппен отнесся к этому прохладно. А ведь генерал упомянул о том, что он хорошо обеспечен и не нуждается в приданом жены. Арнольд хотел только Пегги и согласия ее отца. Судья не сказал «да», но он не сказал и «нет». Из его слов следовало, что он намеревается все обсудить с отцом Арнольда письменно.

Вот почему Арнольд попросил Исава Моргана повлиять через Мерси на Шиппена. Молодому человеку это поручение пришлось по душе.

— Ты долго здесь пробудешь?

Исав и Мерси прогуливались под руку по Четвертой улице. Они только что побывали с визитом у Шиппенов, расхваливали Арнольда как могли. Каждый раз, когда они упоминали имя генерала, в глазах Пегги вспыхивали искорки. Несмотря на некоторую робость, эта девушка обладала живым умом, была образованна, могла с одинаковой легкостью поддержать разговор о литературе, делах, политике. Большинство женщин ее возраста, как правило, ограничивали себя рукоделием, рисованием и музыкой. Она же много читала, великолепно владела пером. Ее слог отличался естественностью и четкостью, которой, к слову сказать, обладал не всякий мужчина. Исав обожал Пегги: она напоминала ему юную Мерси. Кроме того, он считал ее подходящей партией для Арнольда. Пегги и Мерси были сделаны из одного теста, их внешнее сходство было невероятным, к тому же они относились друг к другу как сестры.

— Это зависит от здоровья мамы. Возможно, останусь здесь на зиму, — рассеянно ответила молодая женщина. Ее внимание было приковано к изуродованному пожаром дому. — Когда я была маленькой, мы с мамой часто ходили сюда за хлебом. В эту булочную меня даже отпускали одну. Помню, как я несла хлеб двумя руками и воображала себя взрослой. — Она улыбнулась. — Мне тогда было лет семь.

— Жаль, я не знал тебя маленькой.

— Ну и замечательно! — воскликнула Мерси. — Я была тощей, неуклюжей, некрасивой. На девочек в таком возрасте лучше не смотреть.

Исав рассмеялся.

— Думаю, в ту пору ты была настолько же сообразительной, насколько сейчас красива.

Мерси огорченно потупила глаза.

— Ты не должен так говорить.

— Раньше тебе это нравилось.

— Все изменилось, Исав. Нынешняя Филадельфия не тот город, где я когда-то жила, и я не та же женщина, которую ты когда-то знал.

— Ты повзрослела. И это тебе идет.

Мерси достала носовой платочек и промокнула глаза.

— Ты не хочешь облегчить мне жизнь.

— Облегчить тебе жизнь?

Они как раз подошли к дому Мерси. Молодая женщина обогнула здание и направилась в сад. По сравнению с садом Морганов сад Ридов был очень мал. Тем не менее в нем нашлось место для каменной скамеечки, лужайки и клумбы. Мерси опустилась на скамью и жестом

пригласила Исава последовать ее примеру.

— Помнишь, я сказала тебе, что это Энн посоветовала мне съездить в Филадельфию?

Исав кивнул.

— Тебе надо было удостовериться, что твои родители благополучно пережили оккупацию.

— Да, это так. Но была и другая причина.

Мерси судорожно вздохнула и принялась комкать в руках платочек. Ее неуверенный тон и нервозность заставили сердце Исава екнуть от дурных предчувствий.

— Твоя мама считает, — наконец собралась Мерси с мыслями, — и я с ней согласна, — что ты не полюбишь другую женщину, пока я тебя не отпущу.

Исав понимающе улыбнулся и посмотрел на Мерси как на несмышленное дитя.

— И это все? То есть это все, что тебя беспокоит? Если так, проблемы нет. — Исав взял руки Мерси в свои. — Я не хочу, чтобы ты меня отпускала. Я не хочу любить другую женщину. Я люблю тебя. Люблю с той минуты, как увидел, и буду любить до последнего вдоха.

Мерси выдернула свои руки из его ладоней.

— О, Господи, прости меня! — воскликнула она. — Я должна была это сделать давным-давно, — потом повернулась к Исаву: — Как мне заставить тебя понять? Я не могу ответить на твою любовь!

Исав опешил. Кто-то изменил правила игры и забыл его об этом оповестить. Прежде все было просто: Мерси пыталась от него ускользнуть, он настаивал, и она одаривала его улыбкой, прикосновением, поцелуем в щеку. Неужели он где-то оплошал? Да нет же: Мерси его прогоняла — он настаивал... Но вместо награды он получил слезы. Чего она добивается? Какие слова он должен произнести, чтобы на ее лице появилось столь любимое им выражение?

— Понимаю, ты не можешь ответить на мои чувства сейчас, — начал он. — Тебе нужно оплакать Джейкоба. Ты вдова. Но, любимая, разве ты не видишь: Господь вернул все на свои места! После долгих лет ожидания пришло наше время. Теперь мы можем, не таясь, любить друг друга. Мы можем пожениться!

«Господь вернул все на свои места». Мерси показалось, что слова Исава ударили ее в самое сердце. Мир померк. В глазах молодой женщины закипели слезы.

— Мерси, дорогая, — ничего не замечая, продолжил тем временем Исав, — я знаю, тебе больно... Но неужели ты не понимаешь? Ну как я могу тебя покинуть сейчас, когда ты свободна?

Плечи Мерси затряслись от рыданий. Исав бережно обнял ее. Она не сопротивлялась. Ему так хотелось прижать ее к себе крепче, утешить, но он сдержался. Для них обоих наступили тяжелые времена — и эту боль придется преодолеть. Они должны расстаться с прошлым ради будущего.

Наконец рыдания Мерси начали стихать.

— Господи, — поднесла она дрожащие руки к лицу, — укажи мне путь. Дай мне нужные слова.

Этого Исав не ожидал. Он отдернул руку, словно обнаружил рядом с собой постороннего человека. На лице молодого человека изобразилось крайнее удивление.

Мерси распрямила плечи и вскинула голову, взгляд ее прояснился. Она промокнула нос и глубоко вздохнула. Казалось, она стала сильнее и уверенней — такого Исав за ней прежде

не замечал.

— Исав, послушай меня, — ласково, но твердо начала она. — Я тебя люблю. И всегда буду любить. Но не так, как тебе хочется. Ты — моя семья. Ты брат моего мужа, и я люблю тебя как часть моей семьи.

— Мерси, Джейкоб умер!

— Пока я не получу официального извещения, я буду считать его живым. Он мой муж, и я не могу поступить иначе. А что до нас, Исав, то мы друг для друга только родственники.

— Я не согласен! Понимаю: тебе необходимо удостовериться в смерти Джейкоба. И я буду ждать. Но я не могу, не хочу верить, что ты меня больше не любишь.

Мерси молча поднялась со скамьи. Она стояла перед ним, скрестив на груди руки. Эта поза была ему хорошо знакома. Она напомнила ему о матери.

— Ты не понимаешь, — голос Мерси звучал ровно. — Дело не в том, жив Джейкоб или нет. Господь помог мне осознать, что, поощряя твою любовь, я поступала дурно. Я не выйду за тебя замуж. Господь этого не допустит. Пойми, это Ему неужгодно.

И, пожелав молодому человеку покойной ночи, Мерси скрылась в доме.

С большой неохотой Исав вынужден был признать, что мир меняется. И, насколько он мог судить, меняется к худшему.

К огромному разочарованию молодого человека, радикалы, подогреваемые своей неизбывной ненавистью, вновь принялись уничтожать что-то хорошее. На этот раз они обвинили в растрате губернатора Филадельфии и героя войны Бенедикта Арнольда. Исав знал: эти люди не угомонятся до тех пор, пока не растопчут свою жертву.

Арнольд настаивал на проведении судебного разбирательства. Однако военный трибунал, вынужденный отвлекаться на более важные процессы, раз за разом откладывал заседания. Так проходили месяцы. Между тем противники генерала все громче заявляли о своем недовольстве.

В конце концов Арнольд подал в отставку с поста губернатора. Кроме того, он попросил перевести его в военно-морской флот для участия в освобождении ключевых портов на Бермудах и Барбадосе (из-за ранения он все равно не мог оставаться в действующей армии). Хотя и Вашингтон, и Конгресс проявили интерес к его просьбе, удовлетворена она не была. Тогда разочарованный генерал решил покинуть военную службу. По предложению его друзей в законодательные органы штата Нью-Йорк было внесено следующее предложение: предоставить генералу Арнольду как полководцу, отличившемуся в канадской кампании, один из двух загородных домов, конфискованных у лоялистов. Арнольду понравилась мысль основать поселение на границе штата Нью-Йорк. Он засобирался в путь — надо было встретиться с делегатами и осмотреть поместья.

Однако не успел Арнольд пересечь реку Делавэр, как филадельфийские радикалы, испугавшись, что ненавистный им человек вот-вот ускользнет из их рук, выдвинули против Арнольда восемь новых обвинений (причем эти обвинения зачитывались публично). Более того, они заявили, что не будут отчислять военные налоги и пополнять людьми местную милицию (исключение — крайние случаи) до тех пор, пока трибунал не сместит Арнольда с занимаемой должности. И еще: милиция больше не будет подчиняться штабу Арнольда. Разразился грандиозный скандал. Арнольду пришлось вернуться не только для того, чтобы защищать себя, но и для наведения порядка в городе. Генерал вновь обратился к Вашингтону с просьбой как можно быстрее провести судебное разбирательство.

Узнав, что Арнольд крайне огорчен судебными проволочками, радикалы решили усугубить его страдания. Для начала они объявили, что не могут доверять трибуналу; затем написали письмо Вашингтону, в котором заявили, что если он не признает использование общественных подводов в личных целях серьезным преступлением, подводы его войскам больше не предоставят (главнокомандующий как раз готовил серьезное наступление и без повозок обойтись не мог). Напоследок они потребовали бессрочной приостановки дела — до окончания сбора свидетельских показаний.

Под давлением радикалов Вашингтон отложил проведение заседания. Арнольд был потрясен.

— Губернатор хочет вас видеть, — сказал один из адъютантов Арнольда, проходя мимо стола Исав.

Исав отложил перо и потер глаза. До полудня еще было далеко, а его уже захлестнула усталость. Молодой человек отнес это на счет гнетущей атмосферы, царящей в особняке Пенн. Угрюмое настроение Бенедикта Арнольда, словно заразная болезнь, передалось и его подчиненным. Перед тем как войти в кабинет, Исав — а он тоже пребывал в унынии — постарался встряхнуться.

Генерал сидел за столом, крепко сцепив руки. На его лице блуждала глуповатая улыбка. Таким Исав его еще не видел.

— Присаживайтесь. — Арнольд указал на стул. — Должно быть, Исав, вы помните, что при нашей первой встрече вы мне не понравились. — Генерал улыбнулся. — Затем, в штате Мэн, я обнаружил, что вы прекрасно разбираетесь в картах, и почувствовал к вам уважение. Тем не менее вы мне по-прежнему не нравились. Видите ли, мне не удалось избавиться от предвзятости — как-никак вы были лоялистом. А вот в Квебеке, в госпитале, мое сердце начало оттаивать: вы сидели подле меня и рассказывали о Мерси, о брате, о своей семье... Потом были Саратога и тот бал по случаю дня рождения короля — на нем я впервые увидел Мерси. С тех пор я начал вас понимать и восхищаться вами. — С этими словами Арнольд подался вперед. — А сейчас я обязан вам столь многим, что у меня просто не находится слов для благодарности.

Исав улыбнулся:

— Судья Шиппен дал согласие на брак!

Арнольд кивнул.

— Поздравляю вас, сэр!

Всю зиму Мерси и Исав сватали за Бенедикта Арнольда Пегги Шиппен. За это время Мерси и Пегги очень сблизились. Мерси сделалась наперсницей юной красавицы. Несмотря на то что судья Шиппен был неприятно поражен количеством обвинений, выдвинутых против Арнольда, он не устоял перед угрозами дочери — девушка заявила, что, если он и дальше будет тянуть с ответом, она заболеет.

Во всей этой истории Исав выступал посредником между дамами и губернатором. Ему приходилось туго: он присутствовал при рождении чужой любви, в то время как боготворимая им женщина была для него недосыгаема, как звезда. После разговора в саду Мерси держалась с ним отстраненно. Пока Исав с этим мирился. Хорошо было уже то, что она находилась рядом, в Филадельфии. Молодой человек не собирался капитулировать. По его настоятельной просьбе Арнольд отправил в штаб Вашингтона письмо с просьбой письменно подтвердить гибель Джейкоба. Исав с нетерпением ждал ответа.

— Когда состоится свадьба?

— В апреле. Лоялизм судьи Шиппена и мое двусмысленное положение не позволяют нам организовать пышную свадьбу, такую, какую заслуживает Пегги. Но мы устроим небольшую вечеринку для родственников и близких друзей. Мы с Пегги хотим, чтобы вы с Мерси пришли на нашу свадьбу.

— Сочту за честь, — искренне ответил Исав.

Постоянные нападки противников, а также ежедневная работа в штабе требовали от Арнольда железной выдержки и больших душевных затрат. Действия радикалов не могли не отразиться и на работе Исав. Мало-помалу молодой человек решил для себя, что если колонисты, борясь с английскими законами, добивались именно такой справедливости и такого порядка, то он, Исав, не хочет иметь с ними ничего общего. Молодой человек вновь начал мечтать об Англии. Он не желал оставаться в стране, позволяющей горстке узколобых демагогов манипулировать Конгрессом, армией, политиками.

8 апреля 1779 года карета Арнольда прогромыхла по бульжной мостовой Четвертой улицы и остановилась перед домом Шиппенов. Генерала сопровождал Исав Морган — он помог своему начальнику выйти из кареты и преодолеть ступени. На Арнольде был соответствующий чину голубой мундир. На венчании присутствовали сестра жениха Ганна, ее сыновья, а также майор Кларксон — адъютант Арнольда. Поскольку из-за ранения генералу было тяжело стоять, во время церемонии он опирался на руку Кларксона.

Невеста была сказочно хороша собой. При ее появлении у жениха от потрясения выступили на глазах слезы. Во время церемонии Мерси опиралась на руку Исав. Молодой человек истолковал этот жест как невысказанное признание. Ему казалось, что Мерси дает ему понять, что когда-нибудь они тоже будут вот так стоять перед алтарем.

В течение трех дней после свадьбы новобрачные принимали поздравления в доме Шиппенов. Затем они перебрались в особняк Пенн.

В радостном возбуждении Исав бежал из особняка Пенн к дому Ридов. Зима прошла, прошла и свадьба Арнольда. И хотя Мерси еще не определилась с датой отъезда, Исав знал, что она вот-вот засобирается в Бостон. При любой возможности он старался побыть с ней. Молодой человек тешил себя надеждой, что документы о смерти Джейкоба придут до того, как Мерси уедет. Но, к сожалению, в континентальной армии все бумаги перемещались с черепашей скоростью.

Молодой человек свернул за угол и увидел дом Ридов. Как обычно перед встречей с Мерси, у него запрыгало сердце. «Какую же власть она надо мной имеет, если сама мысль о ней так на меня действует?» — спросил он себя.

В эту самую минуту в дальнем конце улицы показалась лошадь с двумя седоками. Тот, что находился сзади, был невелик ростом. Исав застыл на месте. Лошадь остановилась против дома Ридов. С нее слезли человек, как две капли похожий на него самого, и мальчишка. И тут же раздался пронзительный крик Мерси:

— Джейкоб!

Широко распахнулась парадная дверь, и Мерси, вихрем слетев вниз, бросилась в объятия мужа.

— Джейкоб! Джейкоб! Ты жив, слава Богу, ты жив!

Молодые люди обнимались, целовались, что-то кричали друг другу. А мальчуган стоял

рядом и счастливо улыбался.

— Бо! Как же ты вырос! Совсем взрослый!

Мерси оторвалась от мужа и обняла мальчика, чем, надо сказать, очень его смутила. Потом вновь метнулась к Джейкобу.

— Слава тебе, Господи, — вновь и вновь повторяла она. — Я больше никогда тебя не отпущу. Никогда, никогда!

И все трое исчезли в доме — Мерси посередине, Джейкоб и мальчик по бокам.

Исав оцепенел. Он не знал, сколько простоял вот так, без движения, почти не дыша, снова и снова прокручивая в голове только что увиденную сцену.

Объятия для мальчика, объятия для Джейкоба.

А для Исава?

Никогда... никогда.

Все кончено. Мерси потеряна навсегда.

Ему было холодно, в душе царила пустота. Как камень, ничего не чувствуя, застыл он посреди улицы. Совсем ничего не чувствуя.

Бенедикт Арнольд вступил в переговоры с англичанами через майора Джона Андре ^[56], бывшего поклонника своей жены. Пегги сдружилась с майором во времена оккупации. Если бы королевские войска задержались в Филадельфии, она вполне могла бы стать миссис Джон Андре.

Майор Андре был человеком светским, блестящим, галантным. Он писал стихи, рисовал, изготавливал приглашения на балы, делал эскизы платьев и причесок. Когда англичан изгнали из Филадельфии, не одна Пегги с грустью провожала этого очаровательного джентльмена.

Довольно быстро Пегги поняла, что враги ее мужа не собираются складывать оружие. Тогда она написала письмо Андре. В своем послании молодая женщина жаловалась на низость и неблагодарность американского народа. Андре, будучи офицером британской секретной службы, поспешил воспользоваться этой ситуацией. С разрешения генерала Клинтон он через Пегги вступил в переговоры с Арнольдом.

Для начала Арнольд потребовал, чтобы его жена отошла от этого дела. Тогда Андре предложил использовать курьера, но Арнольд хотел видеть в роли посредника проверенного человека. Это должен был быть человек, как и он сам, разочарованный, мечтающий перейти на сторону англичан, человек, который протоптал бы тропинку для них с Пегги. И генерал-майор Арнольд подумал об Исаве Моргане.

— Джон Андерсон?

— Эндрю Мэтьюз?

Мужчины соблюдали осторожность. Оба спешили, оба вели за собою верховых лошадей на поводу. Небо заволочло тучами, лес был темным и опасным. Аил проливной дождь, из-за его неумолчного шума приходилось громко кричать.

Исав с опаской вглядывался в ночной мрак: нет ли кого за спиной человека, именующего себя Джоном Андерсоном. Судя по всему, англичанин был один: он и сам напряженно прощупывал глазами темноту. При встрече они назвали вымышленные имена. Исав откликнулся на имя Эндрю Мэтьюз. Это имя носил первый Морган, обосновавшийся в Америке, фамилию Мэтьюз носила в девичестве его жена. Джон Андерсон был никем иным как Джоном Андре. Они встретились на востоке от Гудзона, у моста Пайн.

— Вы принесли письмо? — прокричал англичанин.

Исав сунул руку в дорожную сумку.

Но не успел он вытащить письмо, как раздался топот копыт и скрип подвод. Мужчины переглянулись, их лица исказила гримаса страха, каждый подумал, что его предали. Исав покачал головой. Это не его люди. Андре ответил тем же движением.

— Под мост! Живо! — скомандовал он.

Молодые люди нырнули под мост, их кони стояли неподалеку, в воде. Деревянный настил моста сотрясался от топота копыт, грохот стоял оглушительный. Над головами Андре и Исава проскакало не менее двадцати лошадей и проехало не менее шести подвод. Наконец наступила благословенная тишина. Они так и не разглядели, были это британские солдаты или американские.

Андре и Исав стояли совсем близко друг от друга.

— Не перебраться ли нам, — повернулся англичанин к Исаву, — в более удобное место? В четверти мили отсюда я заметил сарай. Рядом с ним — сожженный дотла дом. В сарае, похоже, никого нет. Мы можем спрятаться там от дождя и развести костер.

«Не ловушка ли это? — подумал Исав. — Впрочем, будь это ловушка, я бы уже в нее попался». Сделав такой вывод, он кивнул и последовал за Андре.

Между молодыми людьми весело потрескивал огонь. Близ костра сушилась мокрая одежда. Вглядываясь в сидящего против него человека, Исав мысленно соглашался с Пегги, что тот приятен и внешне, и в разговоре. Андре — ему не минуло еще и тридцати — был невелик ростом, темнобров, тонкогуб. Кроме того, природа наградила его большим, четко вылепленным носом и красивыми вьющимися волосами.

Молодые люди вспоминали роскошные филадельфийские гулянья. Андре с упоением рассказывал Исаву об одном из них, устроенном по случаю отъезда генерала Хоу. Длившееся сутки, оно было самым дорогим в истории города.

— Праздник начался с водного представления. — От избытка чувств Андре размахивал руками. — Дамы и кавалеры плыли по реке в красиво украшенных лодках, играл оркестр, развевались флаги. У Ореховой рощи все сошли на берег — там мы подготовили поле для рыцарского турнира. У нас имелось семь рыцарей Прекрасной Розы и семь рыцарей Горящей Горы. Они должны были сражаться друг с другом, облачившись в сверкающие доспехи. Само собой, бой был бескровным... Просто развлечение. И, представьте, повсюду — дамы в турецких костюмах!

Исава позабавило то, с каким увлечением его собеседник описывал праздник.

— После поединка были танцы, азартные игры, еда и напитки. Все помещения устроители обставили в современном стиле, лишь зал для азартных игр декорировали а-ля Древний Египет. Вечерний банкет поражал великолепием — четыреста тридцать гостей! А потом мы снова танцевали, играли, пили. В четыре часа утра начался фейерверк! — Бурно жестикулируя, Андре попытался изобразить множество взрывающихся в небе огней. — Вот как, мой дорогой мистер Морган, следует жить: веселиться, радоваться, танцевать. — А не... — Он потянулся за своим мокрым мундиром. — Заниматься этой ужасной войной.

Исав прыснул.

— Так могла бы сказать одна моя знакомая. Большую часть времени она проводит на балах.

— Вы имеете в виду Мерси?

Исав не мог скрыть своего изумления.

— Я знаю о ней от Пегги, — поспешил объясниться Андре. — Она ее боготворит. Пегги рассказала мне и о вас с Мерси... немного, вряд ли ей много известно... Просто упомянула, что вы хотели бы других отношений.

В облике Андре, в его манере держаться сквозила такая сердечность, что Исав не только не смутился, но и сам вкратце изложил историю своих отношений с Мерси.

— У меня в жизни тоже была своя Мерси. — Лицо Андре омрачилось, а голос приобрел задумчивые нотки. — Ее звали Онора. Умом она не блистала, зато с лихвой компенсировала этот недостаток красотой. Я по ней с ума сходил! Писал любовные письма на нескольких листах, рисовал всякую ерунду на полях, сочинял сонеты! Мне помогала ее сестра, Анна, — она была полной противоположностью Оноры, умная, но некрасивая. Мы с ней переписывались, все думали, как завоевать сердце Оноры. Но прекрасную Онору интересовала только одна вещь, которой у меня как раз не было, — деньги. Не было у меня и

перспектив их получить. А когда я заговаривал о том, чтобы отказаться от своей отвратительной работы...

— Вы работали на какого-то коммерсанта?

— Мой отец был торговцем, а я вел его счета.

— И я! — воскликнул Исав.

— Как я это ненавижу! — продолжил задумчиво Андре. — Вечно рисовал картинки на полях счетных книг. Отца это приводило в ярость.

— Только в этом и отличие. Мне нравится вести счета и возиться с документами.

Андре пожал плечами.

— Каждому свое. А я люблю искусство: литературу, театр, живопись. Но за это мало платят... Так что Онора меня бросила. И я записался в армию. По мне, это куда увлекательнее, чем сидеть со счетами и накладными.

— Пегги показывала одну вашу работу. наброски ее портрета. У вас неплохо получается.

Андре лишь повел плечами.

— Похоже на то, но в этом нет ничего выдающегося.

— Да, пока я не забыл... — спохватился Исав и потянулся за сумкой, в которой лежало письмо от Арнольда.

Андре его тотчас вскрыл.

— Оно зашифровано, — пояснил Исав.

— Разумная предосторожность.

Андре сложил письмо и стукнул им по своей ладони.

— Генерал требует, чтобы ему выложили за измену кругленькую сумму.

Видимо, это следовало из предыдущих писем Арнольда.

— Он состоятельный человек, — сказал Исав, — и он лишится всего, если перейдет на вашу сторону.

— Скорее всего, временно, — ответил Андре. — Как только мятеж подавят, он вернет свое состояние. Между тем Арнольд настаивает на очень серьезных суммах — похоже, он не верит в то, что мы совладаем с бунтовщиками.

— Я знаю Арнольда не первый год. Он агрессивен. Потому-то он и стал хорошим генералом. Он выжмет из вас все, до последней капли, причем сделает это здесь и сейчас. И только после этого будет выстраивать свои действия.

— Верно подмечено, — улыбнулся англичанин. — А вы, Исав? Чего хотите вы?

— В моем положении просить не приходится. Я мелкая сошка, мне нечего предложить королю.

Андре сунул письмо в сумку.

— Нам приходилось иметь дело с куда менее информированными людьми, — возразил он, — и они без колебаний просили вознаграждения за свою верность королю Георгу. Так чего желает Исав Морган?

— Моя верность не продается, — ответил молодой человек. — Речь идет о моей доброй воле.

Однако Андре выжидающе молчал.

— Я всегда хотел одного: жить в мирной и спокойной стране — там, где я смогу заработать на достойную жизнь, создать семью, радоваться бытию. Когда я поехал учиться в Англию, мне думалось, что до счастья рукой подать. По возвращении я должен был

жениться на Мерси, войти в семейное дело, жить в верной Англии семье, наблюдать за тем, как богатеет колония. Моя мечта оказалась химерой. Быть может, вернувшись в Англию, я сумею начать все сначала. Быть может, у меня получится зачать новую мечту. Хотя я уже и не молод.

— У вас душа поэта, Исав Морган. В этом мы схожи. К несчастью, люди нашего типа редко находят то, что ищут. Порой я сожалею, что не могу быть таким, как генерал Арнольд. Он хватает все, до чего может дотянуться, и не занимается пустыми мечтаниями. Когда война закончится, владеть миром будут такие, как он, а у нас с вами останутся только мечты.

И вот наконец Бенедикт Арнольд предстал перед судом. Он опровергал одно обвинение за другим, произносил пространные речи, иной раз голос его дрожал от ярости и возмущения. По трем из пяти пунктов обвинения он был оправдан. По четвертому пункту обвинения было признано, что он поступил не самым благоразумным образом; по пятому, наиболее незначительному, его признали виновным (с оговоркой — без злого умысла). Суд приговорил Арнольда к очень мягкому наказанию — выговору главнокомандующего. В своем письме Вашингтон не преминул упомянуть о безупречной службе Арнольда.

Но генерал не желал прощать. Его репутация серьезно пострадала. В самом факте выговора он усмотрел следующее: солдат беззащитен перед подлостью политиков. После суда Арнольд твердо решил карабкаться вверх по карьерной лестнице; причем он намеревался добиться своего во что бы то ни стало — если не в американской, то в английской армии. Арнольд вел переговоры не только с Джоном Андре, от Вашингтона он добивался перевода в действующую армию.

Всю зиму 1779-го и весну 1780 года в американских войсках царило уныние. Порой это проявлялось в грубости солдат по отношению к офицерам, в открытой конфронтации и даже мятежах.

— В чем дело, Исав? Вы сегодня на редкость молчаливы.

Пегги положила вилку на тарелку и с большим вниманием взглянула на единственного гостя. Платье молодой женщины слегка помялось, под ним проступал животик. Пегги ждала ребенка.

Исав поднял глаза от тарелки и замер с открытым ртом — слова, которые он намеревался произнести, застряли у него в горле, так его ошеломила красота Пегги Шиппен Арнольд. Ему казалось, что он видит не миссис Арнольд, а юную Мерси Рид. Те же пленительные глаза. Свежая, белая кожа. Красиво очерченный рот.

— Хм... — Он снова уткнулся в тарелку. — Извините. Хм... Я в порядке. Возможно, немного устал после вчерашней поездки, вот и все.

— Андре передал с вами ответ? — спросил Арнольд, энергично жуя кусок индейки.

— Да, сэр. Письмо у меня в кармане.

Арнольд кивнул и наколол на вилку следующий кусок.

— Как он поживает? — спросила Пегги и, не дожидаясь ответа, воскликнула: — До чего же мне хочется его видеть! — а потом поинтересовалась: — Он не говорил, думает ли он обо мне?

Исав взглянул на генерала. Тот нахмурился, показывая, что он не одобряет поведения жены.

— У майора Андре самые наилучшие воспоминания о времени, проведенном в

Филадельфии. — Ответ был дипломатичным. Исав надеялся, что миссис Арнольд уgomонится и не станет сердить мужа.

— А говорил ли вам Андре...

— Расскажите мне, — перебил жену Арнольд (он по-прежнему не отрывал глаз от тарелки), — об их позиции. Они согласились на мои требования?

Речь шла об очень щекотливом вопросе: Арнольд и англичане детально обговаривали денежную сторону сделки. Хотя Исав знал, что его начальник не лишен коммерческой жилки, до последнего времени ему не доводилось видеть, как Арнольд ведет денежные дела. Без сомнения, генерал обладал выдающимися военными способностями и неиссякаемой тягой к победе. По мнению Исавы, именно эти качества помогли Арнольду стать великим человеком. Но когда он наблюдал за тем, как генерал торгуется и жалуется на то, что его недооценивают... В эти минуты Арнольд казался Исаву человеком мелочным и заурядным.

— Англичане полагают, что вы требуете слишком много, а даете слишком мало.

— Вы говорили Андре, что я могу сдать Вест-Пойнт?

— Говорил.

— И что он на это ответил?

— Что вы не можете отдать то, чего у вас нет.

Арнольд швырнул салфетку на стол и вскочил со своего места.

— Он у меня будет. Вот увидите. После всего, что я сделал для этой страны... Генерал Вашингтон мой должник. Он отдаст мне Вест-Пойнт.

— Да, сэр.

Исав надеялся, что Арнольд сменит тему разговора, но тому, по всей видимости, не понравилось кислое выражение его лица.

— Вы не одобряете мои действия?

Арнольд стоял во главе стола, подбоченившись. Пегги тоже смотрела на Исаву во все глаза. Судя по их лицам, они оба с живейшим интересом ждали его ответа.

— Это не так, сэр, — сказал Исав. — Я привык доверять вашим стратегическим талантам.

Кажется, его слова прозвучали недостаточно убедительно. Арнольд выдвинул стул, стоявший рядом с Исавом, и уселся на него.

— Вы мое доверенное лицо, Исав. Вы поддержали меня, когда я был ранен, и очень помогли в сватовстве. А сейчас вы рискуете жизнью, пересекая линию фронта и доставляя письма Андре. И если вас что-то беспокоит, я хочу об этом знать.

Исав неспешно поднял салфетку с колен и положил ее рядом с тарелкой. В эту минуту он лихорадочно подыскивал слова, которые могли бы верно передать его чувства; он не хотел, чтобы в его голосе прозвучали нотки осуждения, он должен быть учтивым с этим человеком — хозяином дома, генералом и другом.

— Что до меня, — начал он, — то я с давних пор хотел перебраться в Англию. Я всегда сохранял верность короне. Я пошел в континентальную армию по одной причине: мне казалось, что после того как колонии продемонстрируют силу, парламент сядет за стол переговоров. Более того, я не сомневался, что переговоры приведут к созданию американского парламента, который позволил бы нам осуществлять самоуправление. В то же время мы не потеряли бы связи с Англией. — Молодой человек грустно хмыкнул. — Из меня вышел дурной пророк.

— Никто не мог предвидеть, что страна изберет такой путь, — возразил Арнольд.

— Больше всего мне хотелось быть добрым англичанином, мирно жить в каком-нибудь заштатном городишке с любящей женой, растить детей, наслаждаться искусством и светской жизнью — иными словами, получать удовольствие от того, сколь устойчива и удобна жизнь в Британской империи. — Голос молодого человека перешел почти в шепот. — И я обычно включал в свои планы Мерси. Но и здесь я ошибся.

В разговор вступила Пегги:

— Мне кажется, вы нарисовали чудесную картину, Исав. И я не сомневаюсь: вы встретите женщину, которая будет любить вас так, как вы заслуживаете.

Слова Пегги не принесли Исаву утешения.

— Во всяком случае, — продолжил он, — вести такой образ жизни в Америке я не смогу. Мое будущее связано с Англией. Я просто хочу туда перебраться. И не хочу никому при этом навредить.

— Иными словами, вы полагаете, что, сдав Вест-Пойнт англичанам, я причиню людям зло?

— Это ваше решение, сэр. Я бы так не поступил.

К удивлению Исав, Арнольд не рассердился. Он сцепил руки и слегка подался вперед.

— С точки зрения военных и людских ресурсов Вест-Пойнт не представляет интереса, — сказал он. — Но при этом он — ключ к реке Гудзон и всей прибрежной территории, особенно если принять во внимание предлагаемый Вашингтоном план. Овладев Вест-Пойнтом, англичане получают стратегическое преимущество. Кроме того, когда станет известно, что я перешел на сторону врага, многие — смею предположить, десятки тысяч людей — потребуют, чтобы весь этот ужас прекратился. И тогда мы, зализав раны, сможем заняться серьезным делом — восстановить связи с нашими заокеанскими соотечественниками. А те из нас, кто пытался объединить нацию, получают почет и награду. Таким образом, Исав, я просто пытаюсь быстрее прекратить войну.

— Я на это надеюсь, сэр.

— И я, — отвечивал Арнольд.

Между тем Исав не мог не заметить, что генерал умолчал о деньгах, которые он должен был получить с англичан.

— События развиваются благоприятно для нас, — сказал Андре.

Исав был с ним согласен.

Молодые люди с удобством расположились в лесу, что рос неподалеку от Нью-Йорка. Знойный летний день подходил к концу. Впрочем, здесь, под пологом леса, царила вечная прохлада.

— Капитуляция Чарлстона в мае — наш успех, — заметил Андре. — Теперь, когда войсками на юге командует Корнуоллис [\[57\]](#), нас ждут новые победы. А как обстоят дела в американской армии?

— Солдаты Вашингтона пребывают в унынии. В мае вспыхнул еще один мятеж.

Андре торжественно кивнул.

— А генерал Арнольд? Полагаю, он хочет еще денег.

— Об этом говорится в письме. Его цена возросла — теперь это двадцать тысяч фунтов.

Андре присвистнул.

— Думаете, Клинтон на это пойдет? — спросил Исав.

— Ему нужен Вест-Пойнт. Он согласится.

Исав покачал головой.

— Но это целое состояние!

Андре подался вперед и обхватил колени руками.

— И это означает, что ваша миссия окончена. Когда вы перейдете линию фронта?

Исав пожал плечами.

— Скоро.

— А почему не сегодня? Вы можете остановиться в моем доме, пока не обзаведетесь собственным. Я буду рад вести с вами беседы в гостиной. А то у нас уже вошло в привычку разговаривать под мостом, в сарае, в глухом лесу, где даже белка с легкостью заблудится.

Исав улыбнулся. Предложение было заманчивым. В лице Джона Андре он приобрел друга.

— Я бы с удовольствием, но не могу, — ответил он. — У меня есть кое-какие дела.

— Мне нужно знать об этом?

Исав отрицательно покачал головой.

— Это личное. Мне надо съездить в Бостон.

Когда Исав подъехал к дому, на Бикэн-стрит не было видно ни одного экипажа. Стоял тихий теплый вечер. Фонари отбрасывали на булыжную мостовую неверные пятна света. Вдоль улицы ровными рядами выстроились деревья. К сияющим огнями особнякам вели аккуратные дорожки. После похода по Мэну Исав полюбил города. Но из всех улиц цивилизованного мира эта занимала особое место в его сердце. Здесь находился его дом.

Около особняка Морганов Исав придержал лошадь. Стоя в тени развесистого дерева, он некоторое время неотрывно смотрел на родительский дом. На молодого человека нахлынули воспоминания. Луна залила дом своим призрачным светом. Особняк стоял на вершине холма, с которого открывался великолепный вид на усыпанную огнями Бостонскую бухту. Этот дом был своего рода символом семьи Морган: приметный, прочный, указывающий на финансовое и социальное благополучие его хозяев. Исав коротко вздохнул и повернул лошадь назад. Он не собирался сию минуту уезжать из Бостона, но для того, что он задумал, парадный вход не годился.

Молодой человек бежал, прижимаясь к живой изгороди, росшей позади дома. Кусок дорожки и одна сторона кустов были ярко озарены луной; остальная часть сада тонула во мраке. Исав надеялся, что это поможет ему остаться незамеченным. Двигаясь меж кустов, он невольно отметил, что окно Энн не освещено. Зато в комнате Мерси горел свет. Исав замер: он мечтал взглянуть на нее хотя бы одним глазком. Но его надежды не оправдывались. Прождав несколько минут, он побежал дальше.

Двигаясь перебежками от тени к тени, он приближался к спальне Мерси. Прямо под ее окном — спальня располагалась на втором этаже — он попал в полосу лунного света. Каменная стена все еще хранила дневное тепло. Чуть дальше, из окна первого этажа, на траву падал квадрат света. Гостиная. Подле этого окна стояло кресло, в котором имела обыкновение сидеть с книгой мать. Исав, крадучись, двигался к центральному фасаду дома.

Внезапно с улицы донесся цокот копыт. Исав низко присел и вжался в стену. Ему удалось увидеть только шляпу кучера и верх экипажа — ведь дом стоял на холме. Молодой человек подождал, пока карета минует особняк Морганов, и метнулся вперед.

Окно гостиной было широко распахнуто. Исав приблизился к нему на цыпочках,

напряженно вслушиваясь. Ни звука. Может быть, в комнате никого нет, а может, и есть. Лучше не гадать. Встав на четвереньки, Исав прополз под окном — ему показалось, что он слышит слабый вздох и шелест страниц. Затем он вскочил на ноги и помчался к парадному входу. С этой стороны окна гостиной выходили на Бостонскую бухту — они были огромными, двустворчатыми, в форме арки. Вид из них отрывался такой, что дух захватывало. Окна эти никогда не отворяли, шторы на них, как правило, были спущены. Исав решил, что через эти окна он сможет заглянуть в комнату. Молодой человек вновь встал на корточки и подобрался к просвету между шторами.

Энн Морган сидела в своем любимом кресле. Исав видел только ее спину — мать склонилась над лежавшей на столе Библией. Читая, она водила пальцем по строкам. Несмотря на приглушенный свет, Исав заметил, как сильно она постарела. В волосах появилось больше серебряных нитей, она ниже склоняла голову над книгой. По телу молодого человека пробежала дрожь: он подглядывает за собственной матерью! Сколько раз он видел ее на этом самом месте? Сколько раз отрывал ее от Библии и задавал тот или иной вопрос, что-то просил, жаловался на Джейкоба? Символично, что он застал ее именно здесь — вполне может статься, что он видит ее последний раз в жизни.

Внезапно ему страстно захотелось войти в дом и попрощаться с матерью. Но он сдержался. Так будет лучше. Он уже все решил. Мать его не поймет. И попытается отговорить. Возможно, когда-нибудь он сумеет ей объяснить, всем им объяснить. Но не сегодня.

— А я искала вас в вашей комнате. Хотя могла бы догадаться, что вы сидите здесь и читаете Библию. — В гостиную вошла Мерси.

При виде Мерси Исава захлестнула новая, еще более сильная эмоциональная волна. Он стиснул зубы, чтобы они не стучали. Сможет ли он когда-нибудь смотреть на эту женщину спокойно? Его душа корчилась от мук.

Женщины перебросились несколькими фразами. Исав слышал каждое слово.

— Они вот-вот будут готовы, — сказала Мерси. А затем попросила Энн напомнить ей об одеялах, которые надо отнести миссис Уикершем (как понял Исав, их собирались отправить массачусетским волонтерам). — Миссис Уикершем полагает, — продолжила между тем Мерси, — что одеяла получают только к зиме. Вы же знаете, как снабжается армия.

В комнату вошел еще один человек — высокий мужчина.

— Думаю, пора. Я готов.

Джейкоб!

Брат Исава уверенной походкой приблизился к Мерси и по-хозяйски обнял ее за талию. Молодая женщина подняла голову и поцеловала мужа в подбородок. В эту минуту в гостиную вошел мальчик с каштановыми вихрами.

Что здесь делает Джейкоб? Добрые чувства Исава моментально испарились, их вытеснили ненависть, гнев и зависть.

Энн поднялась с кресла и раскрыла руки для объятия. Джейкоб нежно прижал к себе мать.

— Не забудь поблагодарить от меня генерала Вашингтона. С его стороны было очень любезно отпустить тебя на побывку.

— По его словам, это меньшее, что могла сделать армия для нашей семьи — ведь, сообщив о моей смерти, армейские крючкотворы заставили вас страдать.

Энн опять пожелала прижать к себе сына.

— Я благодарю Бога за то, что ты жив.

Пока они обнимали друг друга, Исав рискнул еще раз взглянуть на Мерси. Она стояла рядом с мужем и свекровью. В ее глазах блестели слезы. А мальчуган... мальчуган смотрел прямо на Исава!

Молодой человек быстро втянул голову в плечи. Сердце бешено забухало. Видел ли его мальчик?

— Джейб! Джейб!

Услышав детский голосок, Исав судорожно метнулся в сторону. Он пробежал по лужайке. Потом покатился по траве. Он катился и катился до тех пор, пока не уперся спиной в кусты. Густые ветви скрыли его полностью.

Молодой человек перевернулся на живот. Прямо перед ним раскинулась лужайка. Джейкоб и мальчик выглядывал из окна. Чтобы лучше видеть, брат приставил ладонь козырьком ко лбу и прижался к стеклу.

— Там никого нет, Во, — услышал Исав его голос. Джейкоб отвернулся от окна. — Думаю, ты увидел отражение.

С этими словами он ушел в глубь комнаты; мальчик продолжал вглядываться в темноту. Исав заполз еще глубже в кусты.

И тут с улицы вновь донесся топот копыт. На этот раз карета остановилась против дома Морганов. Кучер слез с козел и, прыгая сразу через две ступени, взбежал по лестнице. Из дома тотчас вышли Джейкоб, Мерси, Энн и мальчик. Маленькую процессию возглавлял кучер; он нес в руках сундучок. Мальчишка все время оглядывался.

У кареты Морганы начали прощаться. Кучер залез на козлы. Мальчику надоело вглядываться в темноту, и он нырнул в карету.

«Более удобного случая мне не представится», — решил Исав.

Пока Джейкоб объяснял женщинам, что карета доставит их до Роксбери, а дальше они с Бо поедут верхом, Исав выбрался из кустов и, пригнувшись, побежал к дому. Свернув за угол, он тотчас выпрямился и со всех ног припустил к входной двери.

В холле, как и почти во всем доме, было темно. Исав двигался ощупью. Под его воровскими шагами тихонько поскрипывали половицы. Он свернул за угол и увидел льющийся из гостиной свет. Молодой человек приблизился к кабинету отца и нырнул внутрь. Только затворив за собой дверь, он почувствовал себя в безопасности. Мало-помалу его глаза привыкли к темноте.

Комната не изменилась. Со стены на молодого человека надменно взирал китайский император. Под неприязненным взглядом Цяньлуна Исав пересек комнату. На столике в раскрытом виде лежала фамильная Библия Морганов. Исав почтительно прикоснулся к ней рукой. Без всякого сомнения, это была главная семейная реликвия, символ христианской веры Морганов. Исав собирался увезти ее в Англию. С самого начала эта Библия принадлежала англичанину — к англичанину она и вернется. Исав закрыл книгу, осторожно, словно это были сами десять заповедей, поднял ее со стола и прижал к груди.

Когда молодой человек совсем уже собрался выйти вон, внизу раздались голоса женщин. Исав прижал ухо к двери, но голоса звучали невнятно. Тогда он тихонько приоткрыл дверь, очень надеясь, что она не скрипнет. К счастью, ему повезло.

Мерси спрашивала у Энн, собирается ли та идти наверх. Мать ответила, что еще немного почитает в гостиной. Потом лестница запела под легкими шагами Мерси, и все смолкло.

Молодой человек подождал еще несколько минут, и вновь толкнул дверь. Та еле слышно скрипнула. Исав настороженно замер. Тишина. Тогда он начал открывать дверь, придерживая ее за ручку. Дверь распахнулась беззвучно. И вот он уже в холле. Еще несколько шагов — и он окажется за пределами дома. И все же он не устоял перед искушением последний раз взглянуть на мать.

Крадучись, сдерживая дыхание, он приблизился к гостиной. Энн стояла на коленях, положив локти на кресло, платье было аккуратно расправлено. Она молилась.

Исав не хотел присутствовать при ее разговоре с Богом. Но Энн молилась вслух, и он прислушался.

Энн Морган молилась о благополучном путешествии Джейкоба и Бо и просила Господа стать их щитом в битвах. Потом она молилась за Мерси, «верную жену Джейкоба и ее сестру во Христе». Энн просила Господа послать невестке и сыну детей, а еще помочь Мерси сохранить твердую веру. Потом пришел черед Исава.

— Господи, я так скучаю по нему, — говорила Энн, — так хочу заключить его в объятия, прижать к себе, как Ты дал мне нынче прижать Джейкоба. Господи, сохрани его силой руки Твоей и приведи его домой. И молю тебя, Господи, пошли ему женщину, христианку. Женщину, которая наполнит его жизнь любовью. Он так долго жил один, а он ведь способен на сильное чувство. Пошли ему, Господи, кого-нибудь. И пусть эта женщина будет его любить, а он полюбит ее. Господи, пошли ему мудрость и терпение в эти трудные времена.

Затем Энн начала молиться за Джареда. Молодой человек бесшумно отошел от двери.

Исав скакал по Бикэн-стрит, крепко зажав Библию под мышкой. Он старался не думать о том, что станут делать отец и мать, когда узнают, что их сын переметнулся к англичанам, и когда обнаружат, что фамильная Библия исчезла.

После победы при Саратогe американская дипломатия добилась во Франции серьезных успехов. В Соединенные Штаты Америки прибыл французский посол; Бенджамин Франклин был назначен Конгрессом полномочным представителем Соединенных Штатов во Франции.

Было предпринято несколько важных дипломатических шагов. Во-первых, Людовик XVI дал неофициальную аудиенцию американскому послу; во-вторых, Франция и Соединенные Штаты подписали договор о взаимопомощи. В соответствии с положениями данного договора оба государства обязались добиваться полной независимости американских колоний и не заключать мир или перемирие с Британией без официального согласия второй стороны. Франция обязалась поддерживать территориальные претензии Соединенных Штатов, а те в свою очередь — территориальные претензии Франции.

— Весь мир на нашей стороне, — с жаром говорил Франклин, сидя на диване в просторном гостиничном номере. Он сидел, закинув ногу на подлокотник, — такая поза помогала облегчить боль, причиняемую подагрой. Аудитория Франклина состояла из одного слушателя. — Наше поражение в Чарлстоне — лишь временная неудача, — подытожил он.

Против него на стуле с прямой спинкой расположился Джаред Морган. Стояла глубокая ночь. Приступ подагры заставил Франклина до срока покинуть гостеприимный дом Брийонов. По дороге в гостиницу, а потом и в номере он продолжал развивать тему, которую затронули у Брийонов. С его точки зрения, для достижения независимости Соединенных Штатов американцам и их союзникам нужно держаться избранного курса и проявлять терпение.

— Смотрите, сколько государств объявили войну Англии... — Франклин начал загибать пальцы. — Соединенные Штаты, Франция, Испания и Голландия. Добавьте к этому державы, провозгласившие политику вооруженного нейтралитета: Россия, Дания — Норвегия, Швеция, Священная Римская империя, Пруссия, Португалия и обе Сицилии. Фактически, весь торговый мир выступил против Англии!

— Вы пытаетесь обратить в веру обращенного, — улыбнулся Джаред.

Франклин, откинув голову назад, от души расхохотался.

— Моя аргументация выглядит убедительно, я просто хотел еще раз ее озвучить.

— Мадам Брийон придает слишком большое значение победе англичан при Чарлстоне.

— Полностью с вами согласен! — вскричал Франклин.

Джаред поднялся.

— А теперь, если позволите, я откланяюсь.

— Сядьте... сядьте. — Франклин настойчиво указал на стул. — Побудьте со мной еще немного. Боюсь, нога не даст мне сегодня заснуть.

Хотя Джаред мечтал поскорее добраться до кровати, он безропотно опустился на стул. С минуту, рассеянно оглядываясь по сторонам, они подыскивали новую тему для беседы.

— Я сегодня получил письмо из Нидерландов, — наконец заговорил Франклин. — От Джона Адамса. Он считает, что на заключение с голландцами торгового договора у нас уйдет около двух лет. Но если ему это удастся, оно того стоит. Вы же знаете: голландцы — банкиры Европы.

— Говорят, это так.

И снова повисла пауза. Франклин хмыкнул.

— Адамс так описывает свое положение в Нидерландах: человек оказался один посреди океана и пытается выторговать себе жизнь у стаи акул.

Джаред рассмеялся. И снова воцарилась тишина.

— Вы получали в последнее время письма от Энн?

— Три письма, с месяц назад.

— И как обстоят дела в Бостоне?

— В городе не хватает продуктов, но они с Мерси справляются.

— А мальчики?

— По последним сведениям, люди Джейкоба помогали подавить мятеж в лагере Вашингтона.

— В Морристауне? [\[58\]](#)

Джаред кивнул.

— А Исав?

— Как пишет Энн, идут разговоры о назначении генерала Арнольда в Вест-Пойнт. Если это произойдет, Исав поедет с ним. Они очень сблизились во время канадской кампании.

Франклин потер глаза. Хороший знак. Он начал уставать.

— Безусловно, в нашем благородном деле Морганы проявили себя с наилучшей стороны.

— Да, мальчики вели себя достойно, и я ими горжусь.

— А им следует гордиться отцом! Вы тоже неплохо потрудились, Джаред.

— Возможно. Но мы так далеки от театра военных действий, что мне порой трудно поверить в реальность происходящего.

— Не надо преуменьшать значения финансовой помощи, Джаред. Нам всем известно: мадам Ла Фонтен внесла немалые деньги в наше дело только благодаря вашим стараниям.

Джаред вынужден был не согласиться.

— Спасибо за добрые слова, сэр, но я не вижу ничего особенного в своей работе. Я сижу на приемах, точу лясы, распиваю чай, улыбаюсь, кланяюсь, точно китайский болванчик... Это не похоже на борьбу за независимость. По мне, участвовать в сражении — это вести корабль под огнем вражеской артиллерии. Нельзя сравнивать чаепитие с боем.

Франклин загадочно улыбнулся.

— Иной раз, дружище, находиться в обществе красивой женщины и при этом не забывать о деле, куда сложнее, чем участвовать в сражении. Считайте, что это иное, но не менее опасное занятие.

— Мне не суждено победить вас в словесной дуэли, — улыбнулся Джаред. — Придется довольствоваться победами за шахматной доской.

— Последнее время я не могу сосредоточиться, — тотчас возразил Франклин. — И потом, не так уж часто вы выигрываете.

Франклин явно развеселился. И тогда Джаред рискнул.

— Сэр, — сказал он. — У меня есть одна просьба...

— Говорите, Джаред.

— Я не видел Энн уже четыре года. Я хочу вернуться в Бостон.

— Четыре года! Неужели? — Франклин что-то прикинул в уме. — Да, вы правы. Подумать только, четыре года!

— Сэр, — повторил Джаред, — если это возможно, я бы хотел вернуться.

Франклин посмотрел на него долгим взглядом.

— Мой дорогой Джаред, я не вправе вас удерживать. Вы всегда были свободны и могли покинуть нас в любой момент. Не понимаю, почему вы испрашиваете на то моего разрешения.

С минуту Джаред молча смотрел в пол — он формулировал в уме ответ.

— Когда я согласился с вами работать...

— Насколько я помню, вас прислали шпионить за мной.

Они обменялись улыбками.

— Когда я согласился с вами работать, — повторил Джаред, — я сказал себе, что должен поддержать нашу революцию, и лучшее, что я мог для этого сделать — помогать вам во всем. Я взял на себя обязательства быть с вами столько, сколько нужно.

— Обязательства перед кем?

— Перед Богом, страной, самим собой.

— Продолжайте.

— Поэтому, чтобы считать свои обязательства выполненными, я должен услышать от вас, что вы во мне больше не нуждаетесь.

Франклин погрузился в размышления.

— Я был бы рад дать вам то, что вы просите, Джаред, — ответил он через несколько минут. — Но вся беда в том, что я в вас нуждаюсь. Вы можете оказать мне существенную помощь в одном деле. Безусловно, в случае вашего отъезда я найду других помощников. Но, насколько я понимаю, вы хотели знать, нужны ли вы мне, и я отвечаю — да. Само собой, вы вольны в своих действиях. Держать вас не стану. Я искренне сожалею, что не могу удовлетворить вашу просьбу. Полагаю, вы надеялись на честный ответ. И я его дал.

От огорчения Джаред закусил губу. На это он не рассчитывал. Правда, последнее слово Франклин оставил за ним. Джаред подумал об Энн, Бостоне. До чего же хочется в Америку, домой, к жене! Потом он сопоставил это желание с тем обязательством, которое взял на себя четыре года назад. Тогда он не знал, что все так надолго затянется. А если бы знал, поступил бы иначе? Без сомнения, он должен твердо держать слово — невзирая на свои желания.

— Вы упомянули о каком-то деле, — вдруг вспомнил Джаред. — Что вы имели в виду?

«10 июня 1780 года. Пасси, Франция.

Моя дорогая Энн,

Сейчас у нас ночь, точнее, вот-вот начнет светать. Так что вернее было бы написать «11 июня». В любом случае мне только-только удалось уложить доктора Франклина в постель. В последнее время его сильно беспокоит подагра, он не может долго ходить. Но хоть ноги его и нетверды, ум и язык остры по-прежнему. Нам невероятно повезло, что такой человек представляет нашу молодую страну во Франции.

И хотя я недавно отправил в Бостон письмо, мне очень хочется написать тебе еще одно, сию минуту, перед сном. Я все думал, стоит ли за него садиться, нужно ли тебе оно. А потом решил: да какая разница?! Когда я пишу — я рядом с тобой, и это единственная близость, доступная нам сегодня. И этого достаточно, чтобы взяться за перо.

Постоянно молюсь о том, чтобы, вскрыв конверт, ты прочла о моем возвращении. Увы! Этого не будет. Молитвы мои остаются без ответа. Завтра днем (прости, сегодня днем) я отправляюсь с доктором Франклином в очень важную поездку. Если наши надежды сбудутся — сбудутся молитвы тысяч людей. Пока это все, что я могу тебе сказать. Я люблю тебя и скучаю. Мое одиночество в плавании ничто в сравнении с моим нынешним одиночеством.

Возможно, я старею. Молись за меня, как я молюсь за тебя.

Твой муж
Джаред»

Экипаж Франклина катил за город по обсаженному старыми тополями переулку. Ничего необычного. Все знали, что господин посол любит побродить по окрестным холмам и полям. Но на сей раз экипаж развернется в лесу и, выехав на окружную дорогу, помчится назад, в Париж. Поездка эта должна была повернуть ход истории. Между тем в экипаже находился... Джаред Морган. В соответствии с инструкциями Франклина он откинулся на спинку сиденья — никто не должен знать, что американского посла в экипаже нет. После вчерашнего разговора Франклин пообещал Джареду, что это его последнее задание. Сразу по его завершении капитан Морган может считать свои обязательства выполненными.

До Франклина дошли слухи, что англичане не прочь вступить с ним в диалог, который может привести к подписанию мирного договора. Однако Франклина беспокоили некоторые нюансы. Во-первых, источник информации однажды показал себя ненадежным, во-вторых, настораживало место встречи — парижские трущобы. В-третьих, любой сепаратный договор с Англией будет рассматриваться как нарушение франко-американских соглашений. Если о переговорах пронюхает общественность, это может привести к ухудшению отношений с союзниками и прекращению поставок в Америку. Тем не менее Франклин полагал, что игра стоит свеч. Джаред готов был с ним спорить.

Он считал, что посла могли заманить в ловушку. В результате доверие Франции к Соединенным Штатам было бы подорвано. Кроме того, Франклина могли похитить и увести в Лондон. Ну а суд над прославленным политическим деятелем Америки нанесет серьезный удар по боевому духу американцев.

Франклин во многом был с ним согласен. Именно этим объяснялось его решение отправиться на тайную встречу в сопровождении Джареда. Несмотря на свой возраст, Джаред был крепок, как юноша, и мог в случае чего защитить человека. К тому же, пройдя в ранней молодости пиратскую выучку, он приобрел одно бесценное качество — умение сохранять спокойствие в любых ситуациях, даже под орудийным обстрелом. Со своей стороны Джаред настаивал на том, что на встречу вместо Франклина должен отправиться он. Выдвинув это предложение, Джаред не дал своему патрону времени на размышления. «Если это ловушка, — объяснил он, — я заявлю, что действовал по личной инициативе. Таким образом, франко-американские отношения не пострадают. Если это попытка похищения... Что ж, англичане схватят птицу не великого полета. Но если игра ведется по честному, я подтверждаю возможность переговоров».

— Не исключено, что мы их спугнем, — заметил Франклин.

— Возможно.

Некоторое время Франклин колебался, но Джареду удалось убедить его не рисковать собой на начальной стадии переговоров.

Экипаж швыряло из стороны в сторону. Джаред подпрыгивал на сиденье — карета катила через невозделанное поле к небольшой, редкой рощице. За ней белела еще одна дорога — она вела в Париж.

Шурша колесами по траве, карета въехала в рощицу, внутри тотчас стало темно. Джаред выглянул в открытое окно. С обеих сторон тянулись деревья.

Бабах!

Экипаж толкнуло — что-то тяжелое рухнуло на крышу. Джаред услышал приглушенный крик; в следующую секунду мимо окна пролетел кучер. Джаред попытался выхватить из-за пояса пистолет — поздно! Дверца кареты распахнулась, и внутрь ввалился человек — его нос и рот были закрыты носовым платком. В руках он держал пистолет. Незнакомец крикнул: «Пошел!» — и тут же свалился на Джареда. Дуло пистолета уткнулось Джареду прямо в грудь.

Наконец человек с пистолетом кое-как угнездился на сиденье. Он неистово сыпал английскими ругательствами. Мимо проносились деревья. Экипаж трясло, по крыше хлестали ветки деревьев; выезжая на дорогу, карета чуть не перевернулась.

— Вы не Франклин! — внезапно вскричал похититель.

— Странно, что вы нас спутали, — усмехнулся Джаред. — Мы непохожи.

Шутка успеха не имела — англичанин ткнул рукояткой пистолета в лицо Джареда. Затем опутал старого капитана веревками, заткнул ему рот кляпом и завязал глаза.

Насколько мог судить Джаред, они ехали около часа. Экипаж несколько раз сворачивал — право, лево, право, лево; они пересекли как минимум одну речку, пронеслись по нескольким дорогам (в том числе и по проселку) и даже, судя по ритмичному потряхиванию экипажа, по вспаханному полю.

Лошади встали. Скрипнула дверца кареты.

— Что... Почему... Это не Франклин! — запинаясь, произнес по-английски какой-то человек.

— Они даже не похожи! — раздался голос сидящего рядом с Джаредом мужчины.

— Почему ты не велел мне остановиться?

— Почему? Да разве от этого он стал бы Франклином?

— Но...

— В любом случае нам надо было уносить ноги, вдруг там была засада.

Джаред хотел сказать, что засады не было. Но из его груди вырвалось только какое-то нечленораздельное мычание. В следующую секунду он согнулся от удара в живот.

— Это не Франклин... убей его!

— Не торопись. Надо все обмозговать.

— Не здесь же. Втащи его внутрь.

Джаред услышал, как поднимается деревянная щеколда, потом раздался скрип, — судя по всему, дверь была огромной, как у сарая. Его втащили внутрь. Дохнуло прохладой. На скрип закрывающейся двери многократно откликнулось эхо. Джаред втянул в себя воздух — точно, сарай. Но тут его толкнули, и он шлепнулся на гнилую солому. При падении Джаред стукнулся плечом и головой.

— Говорю тебе, его надо убить! Он нам без пользы.

Надо полагать, похитителей было двое.

— Может, нам еще удастся заполучить Франклина, возьмем этого господина в заложники, припугнем, что убьем, если Франклин с нами не встретится.

— Так и так его можно порешить! Откуда Франклину знать, что этот тип мертв?

— Просто я не люблю убивать. Об убийстве речи не шло. Нам велели похитить Франклина. Мы не виноваты, что его не было в экипаже.

— Зато я не столь щепетилен.

Джаред попытался заговорить. Но кляп только придавил язык.

Резко скрипнула дверь — кто-то вышел, спустя долю секунды дверь скрипнула еще раз. — Что?! Думаешь, я буду стоять и смотреть, как ты убиваешь человека? Мы его даже не знаем!

Джаред попытался назвать свое имя, сесть, сделать хоть что-то... что угодно...

Бах!

От звука выстрела Джаред дернулся всем телом. Ему в лицо брызнули грязь и щебенка.

— С ума сошел? Зачем ты меня толкнул? Что с тобой?

— Я уже сказал: не хочу марать руки убийством! Мы поедem в город и все расскажем... — В эту минуту, по всей видимости, говорящему подали знак — он осекся на полуфразе, а затем продолжил, старательно приглушая голос: — Нам нужен совет. Все пошло наперекосяк.

Его собеседник с неохотой согласился. Перед тем как покинуть сарай, похитители привязали Джареда к деревянному столбу.

Он ничего не видел, не мог ни говорить, ни кричать — из его горла вырывался только писк. В любом случае они не дураки, спрятали его скорее всего в безлюдном месте. Колени Джареда были прижаты к груди. Он попробовал встать, но веревка не позволяла сделать и этого. Что же предпринять? Для начала надо избавиться от пут. Пока он их не развяжет, ему отсюда не выбраться.

Ко всему прочему он потерял счет времени. Поразмыслив, он пришел к выводу, что на дворе стоит ночь. Затем он взялся развязывать узлы, однако довольно быстро выдохся и задремал.

«Сколько я проспал? Уже утро?» Этого он не знал. Вокруг царил зловещая тишина. Ни крика петуха, ни мычания коров, ни собачьего лая... Очень мешал кляп во рту: он придавил язык, горло пересохло. Джареду страшно хотелось пить.

Он попробовал перетереть веревку о столб. Во время этой процедуры веревка больно врезалась ему в запястья. Вскоре запястья были стертые, покрылись потом и начали гореть. Если он прижимал руки к столбу, в кожу вонзались крошечные занозы. Чтобы не думать о боли, он возвращался мыслями к Франклину и утешал себя тем, что посла не было в экипаже. Хоть в этом они победили. Он думал об Энн, близнецах, Мерси. Думал, что будет делать, когда вернутся похитители. Он прокрутил в уме сто один возможный вариант, в основном все заканчивались его смертью.

Джареду с огромным трудом удалось сдвинуть плечом повязку с одного глаза. Теперь он мог хоть что-то видеть, мог сказать, темно или светло в сарае. Он предполагал, что его похитили три дня назад. В голове стучало, его мучила жажда, он периодически впадал в забытье.

Поскольку руки были вывернуты за спину, он не видел, удалось ли ему хоть немного перетереть веревку. Он потерял всякую надежду освободиться. Поначалу он боялся, что похитители вернутся и убьют его; со временем начал бояться, что его оставили подыхать в этом сарае.

И вот — дело было то ли во сне, то ли у него начались галлюцинации — Джаред увидел перед собой Говарда Кифера, веснушчатого паренька, с которым ему довелось ходить в Китай. Кифер плохо переносил море, это было его первое и последнее плавание. Зато он умел развлекать команду. Началось все с того, что Кифер хвастливо заявил: кто бы и как бы меня ни связал, я развяжу веревки. На борту корабля такое не проходит безнаказанно.

Желающие связать Кифера выстроились в очередь. Но каждый раз, к восторгу и огорчению публики, юнцу удавалось выскользнуть из пут. Если узлы были недостаточно тугими — он словно бы стряхивал с себя веревки, если его связывали на совесть — вывертывался ужом. Главное в этом деле, объяснял Кифер матросам, представить себя маленьким.

Расстроенное воображение Джаред вновь и вновь возвращало его к Киферу. В те минуты, когда его сознание прояснялось, он с сомнением спрашивал себя: а существовал ли человек с таким именем, не выдумал ли я его? Теперь вместо того, чтобы перетирать веревку о столб, Джаред пытался высвободить руки. «Представь себя маленьким. Представь себя маленьким» — крутилось в его мозгу. Что это? Кажется, веревки держат его запястья не так плотно? Боже, как больно! Стертые руки горели огнем. «Представь себя маленьким. Представь себя маленьким».

Мало-помалу Джаред добился успеха. Во всяком случае, ему так показалось. Но, может, он все выдумал? Да нет. Джаред с силой дернул правую руку. В запястье словно бы впился нож. Вывихнул? Сломал? Новое усилие — большая боль. Но он вновь и вновь представлял себя маленьким.

И вот правая рука выскользнула из пут. Пленник торжествующе застонал. Ужасно болели плечи — даже не сразу удалось поднять руку. Джаред дотянулся до кляпа и попытался его вытащить. Не получилось. Тогда он решил сдернуть с глаз повязку. С этим он справился легко. Хотя в помещении царил полумрак, в глазах возникла резь. Джаред высвободил вторую руку. Двумя руками он сумел вынуть кляп. Челюсти не двигались, язык пересох. Но вот и ноги свободны. Дольше всего пришлось возиться с веревкой, которой его прикрутили к столбу, — узлы находились по ту сторону столба. Но и она упала на землю. Обессиленный, Джаред лег рядом с ней.

Ему полегчало только к вечеру. Отгорел закат. В сарае сгустился мрак. Первая мысль была о воде. Он осмотрелся. Затем с огромным трудом, опираясь руками о землю, встал на колени. Вроде бы просто, но и это — победа. Джаред оставался в таком положении до тех пор, пока не почувствовал, что может сделать следующий шаг. Он выставил вперед ногу. Схватился за столб, подтянулся. Его шатало, пришлось немного подождать. Но силы его оставили. Он снова рухнул на колени.

Отдышавшись, он возобновил попытку. На этот раз у него получилось. Шатаясь, он побрел к выходу, приоткрыл громадную дверь, скользнул в щель. На небе загорелись первые звезды. Джаред увидел колодец. Держась за стену сарая, на подкашивающихся ногах он заковылял к воде.

— Эй, вы! Стойте!

Это был мужчина. Англичанин.

Джаред попытался бежать. И тотчас рухнул на землю. Над ним склонились двое мужчин, подняли его на ноги.

— Это он!

Джаред сжал кулак для удара. И потерял сознание.

Джаред Морган, стоя у штурвала, вел «Голубку» по океанским просторам. На горизонте темнели грозовые тучи, через правый борт перекатывались волны. Странно. Небо над головой было безоблачным. Сияли звезды. Снова накатила волна. Не корабль — колодец. Кто-то держал его за руки.

— Осторожней, не утопите его!

Говорил англичанин.

Джаред попытался вырваться. Его удержали крепкие руки.

— Не сопротивляйтесь. Мы пришли вам помочь.

Джаред не поверил. Он начал брыкаться с еще большей энергией.

— Послушайте! Послушайте меня! Вас похитили четыре дня тому назад. Похитители охотились за Франклином, а заполучили вас.

«Нужно бежать!»

— Вы направлялись на встречу с английскими друзьями. По очень важному делу.

Джаред больше не пытался вырваться, но не потому, что поверил, просто он истощил свои силы.

— Вас зовут Джаред Морган. Мы пришли вас спасти. Те люди, в чьи руки вы попали, принадлежат к радикальной группировке.

Они хотят одолеть Америку любой ценой. Мир им не нужен. Нам удалось раскрыть их заговор. Еще раз повторюсь: мы пришли вам помочь.

Джаред держали за руки зрелые мужчины. Похитители были значительно моложе.

— Чем быстрее вы перестанете сопротивляться, тем раньше напьетесь воды. Вы ведь хотите пить? Позвольте, мы вам поможем.

Да, не было на свете воды вкуснее, чем в этом французском колодце.

Англичане отвезли Джареда в Париж. Они выхаживали его в течение трех дней. Оказывается, место его заточения похитители открыли под пытками. Спасшие его англичане относились к переговорам с американским послом крайне серьезно. Они преподнесли Джареду подарки и сумели убедить его в своей искренности.

Была организована встреча с Франклином. Джаред лично занимался ее подготовкой, выступая в роли сторожевого пса посла. Англичане помогали чем могли.

Франклин внимал рассказу Джареда с таким видом, словно был мальчишкой, слушавшим историю о сэре Ланселоте [\[59\]](#).

— Я бы этого не пережил! — несколько раз восклицал он. — Вы бесподобны, Джаред. Вы не только спасли мою жизнь, но и наладили контакт с англичанами. Потрясающе!

— Надеюсь, переговоры окажутся удачными, — заметил Джаред.

— Полагаю, они будут очень успешны.

В дверях появился кучер Франклина. Он уже оправился от удара по голове (при падении с кареты он заработал несколько ушибов и царапин). Знаком он дал понять своему господину, что пора ехать. Франклин и Джаред поднялись.

— И еще, — промолвил Франклин, — я поторопился, сказав, что это ваше последнее задание. Возникло еще кое-какое дельце. Мне нужна ваша помощь. Простите меня, Джаред. Если бы это мог сделать другой человек, я бы вас не побеспокоил. Но в этом деле я могу довериться только вам.

Кучер вновь дал понять, что им нужно поспешить.

— Завтра днем, — торопливо проговорил Франклин. — Приходите завтра днем. Я вручу вам письма и обговорю детали.

С этими словами он направился к двери. На пороге посол внезапно остановился.

— Да, кстати... Мадам Ла Фонтен пригласила вас нынче вечером на ужин. Приглашение пришло в ваше отсутствие. Похоже, она считает себя забытой. Это недопустимо. Передайте ей от меня нижайший поклон.

Джаред чуть было не отказался от этого предложения. Он устал, неважно себя

чувствовал, а теперь, узнав о новом поручении, еще и расстроился. Меньше всего ему хотелось провести сегодняшний вечер в компании французов.

— Кто там будет? — бросил он вдогонку уходящему Франклину.

Но того уже и след простыл.

Тем вечером тоска, словно мрачная, прилипчивая подруга, тащилась за Джаредом до дверей особняка мадам Ла Фонтен. Узнав, что его возвращение в Бостон откладывается, Джаред почувствовал себя больным и опустошенным. Но гордость не позволяла ему признаться даже самому себе в том, что истинная причина его дурного самочувствия вызвана тоской по дому. Он предпочел все списать на усталость. Для восстановления сил нужно время. Он измотан. Вот и все.

К удивлению Джареда, список гостей мадам Ла Фонтен был более чем коротким. В нем значилось одно имя — Джаред Морган. Когда Джаред спросил, не задерживаются ли остальные гости, Розали Ла Фонтен вспыхнула от смущения. В приглашении, ответила она, смеясь, было указано, что, если Джареда не устраивает ужин тет-а-тет, он вправе отказаться. Оставалось только гадать, намеренно ли Франклин утаил детали этой встречи. Уйти было бы неприлично. Однако Джаред мысленно пообещал себе не задерживаться в доме прекрасной француженки.

Они ужинали при свечах на каменной террасе, расположенной позади дома. Смеркалось. На небе одна за другой загорались блеклые звезды. От великолепного луга, раскинувшегося перед домом, веяло каким-то странным очарованием. Вдали синел лес. Из леса время от времени выходили олени и выбегали небольшие зверьки. Для Джареда это место было самым красивым во Франции, он полюбил его сразу, при первом посещении особняка. Но сегодня этот пасторальный вид действовал на него с неотразимой силой и умиротворял, точно волшебный эликсир.

Джаред ничего не ел — он спешил до наступления темноты насытиться красотой природы. А вот Розали Ла Фонтен на аппетит не жаловалась.

— Вас что-то беспокоит? — спросила она, заметив, что ее гость так и не притронулся к угощению. — Вы совсем не едите. Если хотите, вам приготовят другое блюдо.

Джаред глянул в свою тарелку.

— Нет, это лишнее. Все замечательно. Благодарю.

Мадам Ла Фонтен оперлась о стол руками и положила на них подбородок. С минуту она молча изучала своего гостя.

— Вас смущает, что мы ужинаем наедине?

Вопрос показался Джареду несколько неожиданным. Он уже и думать забыл о том, что он здесь единственный гость. Конечно, поначалу этот факт его смущал, но потом он весь ушел в созерцание открывшегося перед ним вида... До сего момента он не уделял должного внимания хозяйке дома.

В синих глазах, смотревших на него с обожанием, отражалось пламя свечи. В тусклом предвечернем свете слегка припудренное лицо мадам Ла Фонтен казалось очень молодым. Ее каштановые волосы были уложены в высокую прическу, аккуратные ушки задорно обрамляли завитушки. Изящную шею подчеркивала бледно-голубая, под цвет платья, лента. В эту минуту мадам Ла Фонтен походила на сказочную принцессу. Джаред был очарован ее красотой.

— Нет... — запинаясь от смущения, пробормотал он, — просто я устал. Некоторые события... так подействовали на меня... Словом, я устал. Прошу меня извинить. Боюсь...

сегодня я никудышный собеседник.

— А... — протянула она, — похищение.

— Вы об этом знаете?

Мадам Ла Фонтен кокетливо улыбнулась.

— Я же вам говорила: сплетни и скандалы не дают нам, парижанам, скучать. — Заметив на лице Джареда тревогу, она легонько коснулась рукой его плеча. — Это все, что мне известно, к тому же от самого доктора Франклина. Он сказал, что его пытались похитить, но вы предвидели это и добровольно заняли его место. Он глубоко тронут вашим самопожертвованием... Как, впрочем, и я. Вам здорово досталось?

У Джареда гора с плеч свалилась. Если бы парижский свет знал о тайных переговорах с англичанами, это была бы катастрофа.

— Ерунда, содрана кожа с запястий.

— Дайте взглянуть.

Джаред покорно закатал рукав. Мадам Ла Фонтен поднялась с кресла и осторожно поднесла его руку к свету.

— Джаред Морган! Это выглядит ужасно! У вас в ране занозы! Рука покраснела от веревки?

Джаред кивнул. А затем, поняв, что она не видит его кивка, сказал:

— Да.

Мадам Ла Фонтен послала слугу за иглой и мазью. И вот слуга замер подле своей госпожи, держа на серебряном подносе бутылочку с мазью, а та занялась занозами гостя.

— Ой!

Розали Ла Фонтен покачала головой.

— Ну почему...

— Уй-уй-уй! Больно же! — взвыл ее пациент.

— ...мужчины могут быть такими отважными и сильными...

— Ай-ай-ай!

— ...но едва дело доходит до заноз, ведут себя, как дети? Сидите спокойно!

— Не могу. Больно!

— Ну вот, последняя. — Мадам Ла Фонтен зачерпнула пальцами мазь и осторожно наложила ее на запястья гостя. Во время этой манипуляции Джареду был виден только затылок прекрасной целительницы. В какое-то мгновение он вспомнил, как после похорон отца они с Чакерсом и Уиллом охотились на волков. Той ночью волк вцепился ему в лодыжку. На следующее утро мать рассматривала его рану с таким же тщанием. Тогда, много лет назад, он мучился от неловкости. Схожее чувство он испытывал и в эту минуту. Да нет, сейчас все было много хуже. Ведь рядом находился свидетель (слуга мадам Ла Фонтен, хоть и был вышколен, неприязненно косился в его сторону).

— Мне полегчало, — соврал Джаред. — Спасибо.

С этими словами он попытался выдернуть свою руку. Но мадам Ла Фонтен держала его крепко.

— Я еще не закончила! Не вертитесь! — Она вскинула на него свои синие глаза. — Вы никудышный пациент.

Еще несколько прикосновений, и процедура была закончена. Джаред с радостью опустил рукав. Слугу отпустили.

— Спасибо, — сказала мадам Ла Фонтен.

— За что вы меня благодарите? Это я ваш должник.

— Да уж, — со смешком произнесла она, а потом пояснила: — Видите ли, последнее время мне не часто приходится заботиться о мужчинах. А мне это нравится, — и тут же добавила: — Не пройти ли нам в дом?

И она повела гостя в библиотеку. Там его ждал приятный сюрприз. Скрипач и пианист сыграли для Джаред и мадам Ла Фонтен несколько пьес Баха, Генделя и одного редкостно одаренного ребенка по имени Вольфганг Амадей Моцарт. Джаред и мадам Ла Фонтен сидели на диване на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Все детали этого вечера: музыка, беседа, даже мазь — способствовали созданию теплой, живительной атмосферы. Тоска ушла. Джаред впервые чувствовал себя во Франции раскованно. С Розали Ла Фонтен было так же приятно разговаривать, как и смотреть на нее. Джаред даже позабыл о своем желании удрать отсюда.

После ухода музыкантов Джаред и мадам Ла Фонтен проговорили допоздна. Они болтали обо всем на свете: о морских походах Джареда, о французском искусстве, о политике, о Франклине... В два часа ночи мадам Ла Фонтен, прервав болтовню, сказала:

— Уже поздно возвращаться в Пасси. Ночуйте у меня.

— Благодарю вас за столь любезное предложение, но...

Француженка взяла своего гостя под руку.

— Джаред, я не хочу, чтобы этот вечер заканчивался. Вы такая восхитительная компания. К вашим услугам любая комната... Утром мы с вами прогуляемся по лесу. В это время суток он прелестен: первые лучи солнца пробиваются сквозь листву, все усыпано росой, всяческая живность снует в поисках пищи туда-сюда. Ну, пожалуйста, оставайтесь. Я буду счастлива.

И Джаред остался. Он не очень ясно сознавал мотивы своего поступка. То ли было слишком поздно, то ли он устал от одиночества, то ли не мог устоять перед этой красивой женщиной...

Мадам Ла Фонтен проводила его на второй этаж в спальню, обитую темным деревом и устланную коврами. Окна и балкон этой комнаты выходили на луг и лес. Ласково поцеловав гостя в щеку, прекрасная француженка затворила за собой дверь.

Едва раздался щелчок замка, Джаред пожалел о своем решении. Он прошел через комнату и остановился у дверей балкона. «Все это неправильно, — думал он, вглядываясь в ночную мглу. — Мне не стоит здесь находиться. Но что я могу поделать? Уехать? И что подумает мадам Ла Фонтен? Она была добра ко мне, не могу же я отплатить ей черной неблагодарностью? Не нужно было мне соглашаться...»

Минут тридцать Джаред ломал голову над тем, что ему делать. В какой-то момент на него нахлынули воспоминания. Он увидел себя безусым юнцом, одним из матросов пиратской шхуны «Голубка». Как-то «Голубка» бросила якорь в бухте Кэт-Айленда — экипажу предстояло очистить корпус корабля от ила, рачков и ракушек. И вот в один из своих свободных дней несколько матросов отправились поразвлечься на остров Нью-Провиденс и прихватили с собой Джареда, которого намеревались посвятить в моряки. К огромному разочарованию старых матросов, их подопечный пил мало и неохотно; тогда они перешли ко второй стадии посвящения — проститутке. Закончилось это прыжком Джареда с восьмифутовой высоты на мостовую. Девица и приятели так ничего и не поняли.

Присев на кровать, Джаред размышлял, почему именно этот эпизод всплыл в его памяти. Нелепо и оскорбительно сравнивать мадам Ла Фонтен с проституткой. «Но что

заставило меня вспомнить Нью-Провиденс? Легкое покалывание в животе... Ситуации были разными, а ощущения теми же. Все это неправильно».

И в этот момент он услышал тихий стук в дверь. «Точно ли это стук?» Дверь открылась.

— Джаред?

Розали Ла Фонтен неуверенно переступила порог комнаты. На ней была летящая, прозрачная ночная рубашка. Каптановые волосы волной ниспадали на плечи. Джаред никогда не видел более чувственного зрелища.

— Я могу войти?

Джаред не ответил; он молился.

— С вами все в порядке? Хотите, чтобы я ушла?

Джаред встал с кровати, пересек комнату и взял руки женщины в свои.

— Нет, я не хочу, — ответил он. — Уйти должен я.

В синих глазах читались боль и разочарование.

— Мне показалось, что сегодня вечером между нами пробежала искра... Или я ошиблась?

— Нет, не ошиблись. Вечер был замечательным, вы восхитительная хозяйка и, надеюсь, друг. Просто я не могу остаться. Это неправильно.

— Что дурного в том, что мужчина и женщина проявили интерес друг к другу?

— Неверно менять наши отношения. Это нечестно по отношению к вам: однажды, возможно, очень скоро, я уеду... Расставание будет мучительным. Это нечестно и по отношению к замечательной женщине, которой я обещал хранить верность.

— Но ваши глаза говорят, что вы хотите быть со мной.

— Вы правы.

— Так почему бы не прислушаться к своим чувствам?

— Мадам Ла Фонтен, Розали, я не могу объяснить себе свои чувства... Знаю лишь, что они противоречат моим понятиям о чести. Большую часть жизни я придерживался принципа: лучший путь — это путь, данный Богом. Полагаю, я не должен ему изменять и сейчас. Простите, если сможете. Мне не следовало заходить так далеко.

Мадам Ла Фонтен поднесла к своим губам руки Джареда и с невыразимой нежностью их поцеловала.

— Нет, это вы простите меня. Доктор Франклин говорил, что вы человек верующий. А я, желая скрасить свое одиночество, пыталась вас совратить, заставить поступиться принципами. Вы должны считать меня злой.

— Но я так не считаю... Розали, верьте мне, до последнего вздоха я буду помнить и этот вечер, и эту ночь.

Когда Джаред вошел к Франклину, тот, сидя за столом, что-то писал. Не поднимая головы, он указал на стул. Джаред сел. Спустя время Франклин, тяжело вздохнув, отложил перо, снял очки, потер глаза.

— Скажите, Джаред, вы хорошо провели время у мадам Ла Фонтен?

Самый обычный вопрос. Догадывается ли Франклин, какую бурю этот вопрос вызвал в душе Джареда?

— Мадам Ла Фонтен, — ответил он просто, — любезная хозяйка. Мы великолепно провели время.

Франклин впился в Джаредда глазами — словно бы попытался понять, что кроется за этим незамысловатым ответом. Спустя минуту-другую он то ли сдался, то ли пришел к какому-то выводу.

— Как я уже говорил, — сказал он, положив запечатанный конверт прямо перед собой, — возникло одно деликатное дельце, требующее моего вмешательства. К сожалению, я не могу решить его лично. Джаред, я хочу, чтобы этим занялись вы. За те четыре года, что мы провели вместе, я обнаружил в вас дипломатический дар. Он понадобится вам для исполнения моего поручения.

С этими словами Франклин вручил Джареду письмо.

— Я хочу, чтобы вы лично доставили мое послание по назначению и дождались ответа.

Джаред глянул на конверт. Письмо было адресовано Энн Морган, Бостон, Массачусетс.

— Прошу вас передать, — весело продолжил Франклин, — мою самую искреннюю благодарность этой замечательной женщине за ту великую жертву, которую она принесла нашему общему делу. Она достойна наивысшей похвалы. Жаль, не могу сказать ей это лично.

— Благодарю вас, сэр, — произнес Джаред внезапно осипшим голосом. — Я берусь за выполнение вашего поручения с удовольствием. — А потом, улыбнувшись, добавил: — Признаюсь, я рад, что вы не можете лично доставить это письмо, — прошу прощения, сэр, но вы завянутый донжуан.

Франклин ответил ему долгим раскатистым смехом.

За день до отъезда в Америку Джаред получил несколько писем от жены. Он читал их, сидя у себя в комнате. На душе у него было легко — не сегодня-завтра он обнимет автора этих строк. Энн писала о войне, о жизни Бостона. Но когда Джаред дошел до последнего письма, от его былой веселости не осталось и следа. Энн сообщала, генерал Арнольд известил ее о том, что Исав перешел на сторону врага. Кроме того, исчезла фамильная Библия Морганов.

Длинные языки пламени вырывались из окон и дверей двухэтажного дома. Пожар бушевал минут десять, не больше, но и за это короткое время он успел сожрать все, кроме остова здания, — сейчас тот напоминал скелет, обглоданный стаей шакалов. Близ охваченного огнем дома было светло как днем. Исав видел солдат в красных мундирах — они подожгли дом и теперь любовались делом своих рук. Видел семью, выброшенную на улицу: мать, двое мальчиков и три девочки сгрудились под деревом. Видел поднятое к небу, мокрое от слез лицо женщины; сквозь рев пожара до него доносились ее мольбы, обращенные к Богу. Видел прижавшихся к ней детей — на их лицах застыли ужас и ненависть. Видел в резком свете пожара красные рукава своего мундира... английского мундира.

Надев красный мундир, Исав испытал гордость. Этим он словно бы подтвердил правильность своего решения — решения, которое следовало принять много лет назад. Служба в континентальной армии была ошибкой. Ею же была его детская вера в то, что Мерси убежит с ним в Англию. А еще он совершил ошибку, когда отрекся от собственных убеждений и позволил семье управлять его судьбой. Но теперь это в прошлом. Началась новая жизнь.

Безусловно, красный мундир — явление временное. Исав намеревался изменить судьбу семьи Морган, перебравшись в Англию. А пока надо завершить начатое. Генерал Арнольд должен перейти к англичанам. Едва это свершится, Исав отправится на новую родину. Во время последней встречи Арнольд предложил Исаву и в британской армии быть его адъютантом. Молодой человек промолчал, однако про себя решил отклонить это предложение — ему не терпелось покинуть Новый Свет.

Эйфория от смены мундира прошла быстро — Исав столкнулся с реальностью. Генерал Клинтон относился к лоялистам с подозрением. Ведь он не знал наверняка, кто из них предан королю, а кто только изображает преданность. Из лоялистов — их не подпускали к регулярным войскам — формировали небольшие карательные отряды. Исав попал в один из них. Отряд этот состоял из семи человек и носил название «Кровавые скауты».

Карательные отряды были плохо организованы и действовали бессистемно. Они ходили по домам, проверяя, лояльны ли королю живущие в них люди. Тех, кто сочувствовал мятежникам, грабили; кроме того, могли сжечь дом. Случалось карателям предавать огню и дома единомышленников — если те не могли с ходу доказать верность короне.

Исав ненавидел свое новое занятие, презирал «Кровавых скаутов», особенно их главаря, вирджинца Джеда Оделла. До начала военных действий этот седоватый, косоглазый бородач, обладатель мощной грудной клетки не вылезал из тюрем. В регулярные войска его, человека асоциального и аморального, никто бы не взял, а вот для карательного отряда он подходил как нельзя лучше. К англичанам Оделл присоединился не по политическим убеждениям — просто хотел грабить безнаказанно. И в этом, надо сказать, он преуспел. «Кровавые скауты» обыскивали куда больше домов, чем остальные каратели. Исав отказывался считать это заслугой. Если бы переговоры майора Андре с генералом Арнольдом о передаче Вест-Пойнта не шли полным ходом, он покинул бы не только «Кровавых скаутов», но и королевские войска.

Жизнь Исав в Нью-Йорке состояла из контрастов. Если он не сидел у костра с бандой

грязных, крикливых негодяев, занимавшихся с утра до вечера грабежами, то посещал с Джоном Андре выставки, которые удостаивал своим вниманием высший свет города. Только время, проведенное с Андре, делало жизнь Исаву сносной. Этот человек стал для него тем, чем никогда не был Джейкоб, — братом.

Окружающие любили Андре. А тот, кто не любил, — ему завидовал. Люди этого толка считали майора пустоголовым фигляром, которому доверяют больше, чем он того заслуживает. Им казалось, что своей карьерой он обязан генералу Клинтону, относившемуся к нему с искренним расположением. Как-то раз Андре признался Исаву, что подобные колкости его задевают. Но он не желал копить обиды.

— Сиди!

Исав потер затылок.

— Я сижу без движения уже целую вечность. Тело затекло. Если не пошевелюсь — навсегда застыну в этой позе!

Молодой человек сидел у окна на табуретке — одна из комнат в нью-йоркском доме Андре была превращена в студию. Хозяин студии стоял за мольбертом, к которому был приколот лист бумаги.

— Тебе говорили, что у тебя мощный нос? — спросил Андре, перебегая взглядом с лица друга на лист бумаги.

— Вроде нет. Отец любил говорить, что у меня крепкая голова.

Андре засмеялся, а потом жалобно протянул:

— Ну, посмотри, что ты наделал! Из-за тебя я все испортил! — И, сморщив нос, сосредоточенно принялся исправлять рисунок.

Исав встал.

— Больше не могу.

— Вот почему я не рисую мужчин! — воскликнул Андре. — Они неусидчивы.

— Позволь взглянуть.

Андре быстро перевернул рисунок и положил на него руку.

— Только когда будет готов. Сядь.

Исав со стоном повертел головой.

— Долго еще?

— Не ной. Вот-вот закончу.

Исав снова опустился на табуретку и принял нужную позу.

— Знаешь, я кое о чем подумал, — сказал Андре.

— Ты можешь рисовать и думать одновременно?

— Ах, так! Хорошо же, я сотру твои волосы.

Исав застонал.

Через несколько минут Андре вновь заговорил:

— Так вот... это очень похоже на шекспировскую драму... Ты хоть понимаешь, до какой степени переплелись наши судьбы?

— Ты о чем?

— Где-то лет пять назад наши с тобой жизни начали сближаться... Они словно бы устремились друг к другу — и вот наконец мы встретились.

— Это как?

— К примеру, в начале войны мы оба были в Канаде. Ты — с Арнольдом в Квебеке, я —

в Чамбли.

Исав с изумлением повернулся к другу.

— Я не знал.

— Ближе к свету, — велел ему Андре, а потом продолжил: — Я находился в Чамбли — моя часть сдалась Монтгомери.

— Ты был в плену?

— В Пенсильвании, четырнадцать месяцев. Я уже думал, застряну там до конца войны. Так и буду рисовать природу и квакеров. Нас обменяли в декабре 1876-го на пленных американцев. А потом меня направили в Филадельфию.

— Где ты организовывал самый грандиозный праздник всех времен и народов.

Андре широко улыбнулся.

— В Филадельфии живут самые красивые женщины Америки.

— И, насколько мне известно, на одной из них ты чуть не женился.

— На двух.

— На двух? Ну ты и плут!

— Я же говорил: в Филадельфии живут самые красивые женщины! Взять хотя бы Пегги Шиппен, нынешнюю миссис Пегги Арнольд. Вообрази: она выбрала генерала. А еще была Пегги Чу.

— Еще одна Пегги!

Андре пожал плечами.

— Видимо, у меня слабость к юным особам по имени Пегги. А может, это просто удобно: волочишься за двумя девушками одновременно и не путаешься в именах!

Исав попытался вернуть друга к предыдущей теме:

— Выходит, я приехал в Филадельфию тотчас после твоего отъезда.

— А знаешь, о чем это говорит? Наши жизни переплелись. А потом это дело с Арнольдом...

— Когда он сдаст Вест-Пойнт?

Андре нанес последний штрих на рисунок.

— Он желает встретиться. С глазу на глаз.

Брови Исава взметнулись вверх.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Неужели? Зачем?

— Хочет убедиться в серьезности наших намерений. Это нормально. Мы хотим того же.

— Иными словами, ты собираешься с ним встретиться?

— Мы собираемся.

— Мы? Хочешь сказать — ты и я?

— Готово! — Андре повернул рисунок к Исаву.

— Похоже на моего брата.

— Ну конечно! Вы же близнецы.

— Нет, я серьезно... — Исав провел пальцем по рисунку. — Глаза другие, ближе посажены, более серьезные. Это мой брат. И когда у нас встреча с Арнольдом?

— Ты часто вспоминаешь брата?

— Изредка.

— Как, по-твоему, он отреагирует на то, что ты стал перебежчиком?

Исав недовольно фыркнул.

— Решит, что был прав. Для него я давно предатель.

— Тебя это беспокоит?

Не так, как раньше. Сейчас весь народ вовлечен в тот же спор, что когда-то вели с нами. Меня тревожит другое: с семьей — отцом, матерью, Мерси — остался он.

Андре внимательно глянул на рисунок.

— Хочешь, чтобы я его порвал?

— Нет. Просто подправь глаза... может, кончик носа. Подбородок чуть-чуть иной, волосы не похожи... — ответил Исав, а потом еще раз спросил: — Ну и когда состоится встреча с Арнольдом?

— Скоро. Возможно, на следующей неделе или через неделю. Насколько я понимаю, он уже созрел для сдачи Вест-Пойнта. Но если хочешь, могу с этим повременить — я ведь знаю, как тебе нравится компания мистера Оделла.

— Следи за языком, иначе следующим домом, куда мы с ним нагрянем, будет твой.

Исав, как всегда, держался сзади. Дом, к которому подъехали «Кровавые скауты», впечатлял своими размерами. Три этажа, белые стены, зеленые ставни. «В этом доме, — объяснил Оделл, — есть чем поживиться, да и работа нам предстоит простая и приятная». Исав не знал, что сие означает. В любом случае от Оделла хорошего ждать не приходилось.

Каратели спешиваться не стали, просто вскинули мушкеты. Лишь Оделл соскочил с лошади и направился к дверям, громко требуя, чтобы обитатели дома вышли во двор для допроса. Он немного отступил назад и навел оружие на дверь.

Тишина.

Оделл, возвысив голос, повторил свое требование, а затем пригрозил сжечь дом. Парадная дверь со скрипом приоткрылась и наружу высунулась голова молодой негритянки. Глаза девушки были расширены от ужаса.

— Не убивайте меня, сэр! — зачастила она. — Прошу, не убивайте!

— Я сдеру с тебя кожу и сожгу заживо, если ты сию секунду не выйдешь! — рявкнул Оделл.

Девушка вышла из дома неохотно, делая крошечные шажки; ступив на крыльцо, она привалилась спиной к двери и испуганно стиснула руки. На ней был белый передник, волосы прикрывал платок.

— Насколько я знаю, в этом доме живут трое: ты, слуга-негр и ваша хозяйка. Верно?

Девушка не ответила. По ее телу пробежала крупная дрожь.

— Отвечай! — взвизгнул Оделл.

— Не понимаю, какое вам до этого дело! — прозвучал внезапно чей-то голос. С левой стороны дома, нацелив на Оделла мушкет, стояла светловолосая женщина.

Поняв, что на нее больше не смотрят, негритянка шмыгнула в дом. Дверь захлопнулась, стукнул засов. Оделл хмуро глянул на дверь, потом повернулся к светловолосой женщине. Его заросшее щетиной лицо расплылось в плотоядной улыбке.

— Ай-ай-ай, — протянул он. — Мне говорили, что вы красавица. Но я и не подозревал какая.

Первый раз в жизни Исав готов был с ним согласиться. Даже с мушкетом в руке эта женщина выглядела бесподобно. Белокожая, тоненькая. Светлые волосы забраны в высокую прическу, на висках и у шеи — вьющиеся пряди. На ней тоже был передник, но тяжелый, как у мастерового.

— Говорите, кто вы такие или убирайтесь с моего двора.

— Не нужно целиться в меня, дорогуша, — протянул Оделл медовым голосом. — Договоримся без мушкета. — Он сделал несколько шагов в сторону женщины. Та навела на него дуло. Ее палец лежал на спусковом крючке.

— Повторяю еще раз: говорите, кто вы такие, или убирайтесь!

Оделл остановился. Оглянулся на своих людей, потом бегло взглянул на женщину.

— Осторожнее, крошка. Стоит мне рот открыть — и вы покойница.

Он, конечно, блефовал. Никто из карателей даже не пошевелился. Эти люди были грязными, грубыми и корыстными, но они никогда бы не выстрелили в женщину.

— Исаак! — тем временем громко крикнула она.

— Я здесь, мэм.

В одном из верхних окон появился негр; его мушкет был наведен на Оделла.

— Одно движение, и Исаак снесет вам голову, — сурово произнесла женщина.

Исав улыбнулся. Эта женщина ему нравилась. Она все время обыгрывала Оделла. Тем не менее силы были неравны. Если вирджинец даст приказ рассредоточиться, ей придется туго. Надо что-то делать. Исав спешился и с мушкетом в руках шагнул вперед.

— Послушайте, леди. — Теперь Оделл пытался говорить убедительно. Исав знал: его начальник просто тянет время. — Мы должны удостовериться, что обитатели этого дома верны королю и короне. Если вы убедите меня в этом, я уведу людей.

— И как мне это сделать?

— Для начала позвольте войти в дом. Сядем, поговорим. Я человек рассудительный.

— Мой покойный муж — полковник Чарлз Маттесон. Он был гренадером его величества. И его семья, и родственники с моей стороны лоялисты. Вы удовлетворены?

Оделл всем своим видом дал ей понять, что он бы и рад поверить, да не может. С минуту он моргал с деланным недоумением. При этом его кривой глаз злобно посверкивал.

— Это свидетельствует о благонадежности вашего покойного мужа, мадам... Увы, я должен удостовериться в вашей преданности королю.

Женщина нахмурилась: ей не понравилось, что Оделл так хорошо осведомлен о ее личной жизни.

— Полковника Чарлза Маттесона убили, когда он возвращался из Лексингтона. Мой муж погиб за корону. Какие еще доказательства нужны?

— Я удовлетворен, — подал голос Исав. — А как остальные? — Молодой человек обернулся к карателям.

Они тупо смотрели на него.

— Женщина потеряла мужа! — возвысил голос Исав. — Этого достаточно для доказательства верности королю, разве нет?

На этот раз кое-кто из карателей кивнул.

— Заткнись, Морган! Здесь распоряжаюсь я! — Глаза Оделла сверкали бешенством.

Он повернулся к женщине.

— Если вы сторонница короля, вы не станете возражать против того, чтобы я зашел в дом. Вам ведь нечего прятать?

Этого человека нельзя пускать в дом. Как только он туда войдет, его не остановишь. Ему не впервой грабить и сжигать дома лоялистов. Потом, как правило, следует официальное извинение — мол, в военное время нельзя избежать ошибок. Но деньги за потерянную собственность еще никому не выплачивали. А ведь Оделлу случалось и убивать. Исав

огляделся. Ожидая приказа, каратели замерли в напряженных позах. Исав посмотрел на женщину. Она выглядела все такой же решительной, спокойной и красивой. Мушкет чернокожего слуги был по-прежнему наведен на... Господи, что здесь происходит? Исав увидел, как ствол мушкета начал сгибаться! Однако негр быстро его выпрямил.

— Оделл, — возвысил голос Исав (он все еще не мог прийти в себя от увиденного). — Нет никаких сомнений: этот дом верен королю. Если вы посягнете на имущество этих людей, я добьюсь для вас наказания!

— Захлопни пасть, Морган! — Оделл потряс кулаком. — Здесь распоряжаюсь я.

— Нет. — Исав навел оружие на карателей и начал отступать к дому. — Мэм, держите этого мужчину на мушке. — Он указал на Оделла, потом посмотрел на женщину. Та ответила ему яростным взглядом. Она не доверяла Исаву. Но сейчас это было не так уж и важно. Молодой человек покосился на ее мушкет. Сердце его замерло. На полке не было пороха! На ударнике не было кремня! Его союзниками были негр, державший в руках странный мушкет, и женщина, чье оружие не могло выстрелить!

Молодой человек с трудом сглотнул и, прокашлявшись, обратился к карателям:

— Прошу вас покинуть этот двор. Это дом лоялистов. Мы солдаты, а не разбойники! Однако если вы решите остаться с Оделлом и продолжить это беззаконие, трое из вас — как минимум — получают пулю в лоб.

Чернокожий слуга понял Исаву. Дуло его мушкета остановилось на груди одного из карателей. Исав посмотрел на оружие негра. «Хорошо. Ствол не согнулся».

— Оделл, — продолжил молодой человек, — ты умрешь первым. Ты же знаешь, как это бывает. На войне ошибки не редкость. — Глаза Оделла метались по сторонам. Видимо, он пытался думать, а это у него никогда не получалось.

— И погибнут не трое, — крикнула женщина. — Посмотрите вверх, джентльмены.

Каратели подняли глаза. То, что они увидели, им не понравилось. Еще из двух окон торчали мушкеты. Даже Исав не сразу их заметил, а ведь он стоял к дому намного ближе остальных. Ствол одного из мушкетов был кривоват, у другого — обломан. «Что здесь происходит?»

— Залезайте в седло, Оделл, — возвысил голос Исав. Он не хотел, чтобы вирджинец рассмотрел мушкеты. — Похоже, вы выбрали не тот дом. — С этими словами он знаком велел Оделлу сесть на лошадь.

— Поехали, Оделл, — сказал один из карателей. — Здесь нам нечего делать. — «Кровавые скауты» разворачивали лошадей.

Оделл остервенело почесал подбородок. Левый глаз вирджинца дергался.

— Ты потерял это место, Морган, — прошипел он. — Я навешу на тебя столько обвинений, что ты сгниешь в тюрьме.

С этими словами Оделл вскочил в седло и, послав Исаву презрительную ухмылку, дал шпоры коню. Остальные, взметнув за собой клубы пыли, поскакали следом.

Только после того как они скрылись из виду, Исав закрыл глаза и облегченно вздохнул.

— Я не могу обещать, что он...

Мушкет женщины был нацелен на молодого человека.

— Буду вам признательна, если вы покинете мой двор, — сурово сказала она.

Исав удивленно воззрился на нее.

— С чего такая неблагодарность?.. А если я откажусь?

— Я вас пристрелю, — холодно произнесла хозяйка дома.

— Да? И каким образом? Из какого оружия? Из вашего мушкета? Он без кремня. Или из мушкета, ствол которого почему-то гнется? А может, из того кривого?

Женщина медленно опустила мушкет.

— Вам сильно повезло, что Оделл туп. Будь он поумнее, нам не жить!

Хозяйка дома взяла себя в руки. Она откинула с лица прядь волос и решительно шагнула к Исаву. Ее челюсти были сжаты, умные глаза сузились от гнева.

— Я не просила о помощи! — воскликнула она. — Я сама могу защитить свою собственность!

— Ну да, я это видел, — ответил Исав. — Прошу прощения, сударыня, что я спутал ваши планы. Но примите напоследок совет: пользуйтесь настоящим оружием, порохом и пулями!

— Вы закончили? Если да, покиньте мой дом! — Изящная ручка указала, в каком направлении ему следует двигаться.

— Больше всего на свете я хочу отсюда убраться, мэм.

Прежде чем сесть в седло, Исав проверил свой мушкет. Затем он дал коню шпоры и выехал на дорогу. И все же он не мог не оглянуться. Светловолосая женщина стояла подбоченившись у своего дома и смотрела ему вслед.

Исав отъехал недалеко: через несколько минут в него выстрелили из-за дерева. Пуля просвистела совсем близко от его лица. Молодой человек скатился с лошади и больно ударился о землю. Словно из-под земли возле него выросли зловещие фигуры — это были каратели.

— Гляньте, парни, кто нам попался, — раздался злорадный голос Оделла. — Мы поймали горностаю! Поднимите его.

Четыре пары рук схватили Исаву и поставили его на ноги. Оделл приблизил свое лицо к лицу молодого человека. Один глаз вирджинца вперился в Исаву, другой смотрел в сторону. Из рта Оделла несло помоями.

— Вот что будет сказано в отчете, — проскрипел главарь «Красных скаутов». — Мы преследовали сторонника революции. Он был настроен воинственно, скажу больше — совсем рехнулся. В руке он держал вот это. — Оделл указал на здоровенный охотничий нож, который висел у него на поясе. — И тут появляется Исав Морган. Я кричу ему: «Не подходи к этому сумасшедшему!» Но разве Морган подчинится моему приказу? Конечно, нет! — Голос вирджинца окреп. Войдя в роль рассказчика, он помогал себе жестами и мимикой. — Бедный старина Исав попытался схватить безумца. Преступник бросается на несчастного и начинает безжалостно кромсать его ножом — ноги, руки, живот, лицо. Я кинулся на помощь. Но — увы! Поздно. Раненый Морган роняет свой мушкет... — Один из мужчин сунул Оделлу мушкет Исаву. — Сумасшедший хватает его! Бах! Ой! Бедный, бедный Морган! Пуля разнесла ему череп! Какая жуткая смерть! Само собой, мы попытались задержать убийцу, но к тому времени, когда мы оправились от потери нашего бесценного Исаву, он убежал слишком далеко!

Оделл злобно ухмыльнулся.

— Ну, что ты на это скажешь?

После падения Исаву все еще было тяжело дышать, поэтому он коротко бросил:

— Тебе не поверят.

— Поверят! — воскликнут Оделл. — Сам ведь знаешь: на войне и не такое случается. — А затем, отрывисто приказал: — Привяжите его к дереву.

Исава швырнули к дереву; он ударился спиной о ствол. У молодого человека перехватило дыхание. Согнувшись, он жадно ловил ртом воздух. Сильные руки мужчин прижали его к стволу. Оделл приблизился к Исаву с ножом в руке.

— Я намерен получить удовольствие, — криво усмехнулся он.

— Отставить! Что здесь происходит?

Стук копыт оповестил о приближении отряда. Впереди скакали офицеры, за ними маршировали солдаты.

— Что вы делаете с этим человеком? — резко спросил высокий офицер.

Левый глаз вирджинца задергался — на лице Оделла изобразилась усиленная работа мысли.

— Допрашиваю, сэр.

— С какой целью?

— Полагаю, он помогает врагам, сэр.

— Точнее.

— Сэр, он не подчинился моим приказам, помог бежать человеку, подозреваемому в измене. Я убежден: он был с ним в сговоре.

— Понятно.

— Это неправда! — выкрикнул Исав.

Оделл ударил его локтем в живот.

Это не понравилось лейтенанту.

— Пусть говорит! — приказал он.

— Ему нельзя верить, сэр. Он предатель!

— Это я решу сам.

Прежде чем заговорить, Исав с минуту приводил в порядок дыхание.

— Они хотят меня убить, лейтенант, — выдавил он наконец.

— Лживая собака! — завопил Оделл.

— Закройте рот. Пусть он договорит или я прикажу вас арестовать! — Лейтенант дал знак двум солдатам. Они сделали шаг вперед и повернули штыки в сторону Оделла.

Исав продолжил:

— Я действительно не подчинился его приказу.

— Ага! Что я вам говорил? — торжествующе взвыл Оделл.

— Но только потому, — продолжил Исав, — что он хотел ограбить достойную женщину. Он использует свою власть в корыстных целях... и еще удовольствия ради. Я не мог наблюдать со стороны за тем, как он рушит жизнь хороших людей.

— Вы всегда подвергаете сомнению приказы командира, солдат? — резко спросил лейтенант.

— Да постоянно, сэр! — влез Оделл.

— Сэр, та женщина ни в чем не виновата. Ее муж, полковник Маттесон, был гренадером.

— Маттесон? — Лейтенант вскинулся так, словно ему дали пощечину. А затем впился глазами в Оделла. — Белый дом с зелеными ставнями?

Вирджинец онемел. За него ответил Исав:

— Да.

Лейтенант спешил и шагнул к Оделлу.

— Да как вы смеете! — еле сдерживаясь, процедил он. — Миссис Абигаиль Маттесон

самая замечательная женщина из всех, кого я знаю! Она такой же предатель, как я. Я похож на предателя, солдат?

Оделла бросило в дрожь.

Лейтенант выкрикнул пять имен, одно за другим. Столько же солдат вышли из колонны и взяли в кольцо «Кровавых скаутов».

— Отвяжите этого человека! — приказал лейтенант, указав на Исава, а затем отчеканил: — Вы все находитесь под арестом. Если вы окажете сопротивление или попытаетесь сбежать, в вас будут стрелять!

— Сэр, — спросил Исав после того, как веревки упали к его ногам, — можно ли известить о моем аресте майора Андре?

И снова лейтенант среагировал на имя. Он приблизился к Исаву.

— Зачем?

— Мы с ним занимаемся одним делом. Он должен знать, где я нахожусь.

Лейтенант осмотрел Исава с ног до головы, прикидывая, что с ним делать.

— Можете сесть на свою лошадь, солдат.

Исав сидел, привалившись спиной к холодной каменной стене. «Да, это помещение не назовешь просторным», — сказал он сам себе и взглянул на свои вытянутые ноги — они занимали половину камеры. Было сыро, темно и холодно. В маленьком, находящемся под потолком окошке синел кусочек неба. В углу камеры стоял ночной горшок. Кроме него и деревянных нар, на которых в данную минуту расположился Исав, в помещении ничего не было. Нары были отшлифованы спинами заключенных — о занозах думать не приходилось. Молодого человека пробирала нервическая дрожь. История с Оделлом стала своеобразным примечанием к его новой, «английской» жизни.

До сих пор все, что случалось с ним на английской территории (исключая дружбу с Андре), причиняло ему моральные страдания. Когда он принимал решение о переходе к англичанам, новая жизнь ему виделась иной. «Но ведь, — говорил себе Исав, — я еще не в Англии. Там все будет по-другому. Совсем по-другому».

— Сэр, ваша няня знает, где вы находитесь?

Веселые глаза Джона Андре с любопытством взирали на друга через узкую дверную щель. Исав вскочил на ноги.

— Ты похож на узника, приговоренного к смерти.

Исав рассмеялся.

— Так уж на людей действует здешняя атмосфера. Ты пришел позлорадствовать или забрать меня отсюда?

Глаза Андре стали серьезными.

— Ты действительно не подчинился приказу командира?

Подошел тюремщик. Андре отступил в сторону. Зазвенели ключи. Щелкнул замок. Дверь распахнулась.

— Идем! Или ты решил здесь поселиться?

Дорогой Исав подробно рассказал другу о черных планах Оделла, о храбром поведении светловолосой красавицы и ее слуг, о согнутом мушкете, о мушкете без пороха и кремня. А еще о том, как его отблагодарили, о мести Оделла, о счастливом появлении сообразительного лейтенанта. Андре смеялся до слез.

И хотя Исав говорил о миссис Абигайль Маттесон очень скупно, всякий раз, когда он

упоминал о ней, в его глазах вспыхивали искорки. Андре это заметил... и промолчал.

— Только послушай!

Джон Андре — до этого он полулежал на диване — стремительно сел. В руках у него была «Рояль Газет». Исав, сидя на стуле у окна, нежился в солнечных лучах и смотрел на улицу. Мысли его крутились вокруг белого дома с зелеными ставнями и его светловолосой хозяйки.

— На Куин-стрит открылась выставка. — Андре глянул на часы, висевшие над камином. — Еще успеем. Здесь сказано, что она работает до пяти. Входная плата — два шиллинга.

Исав не шелохнулся. Он разомлел на солнце.

— Хочешь, иди. Я останусь.

— Чепуха! — Андре вскочил на ноги. — Тебе понравится. Исав застонал.

— Пошли! — На колени Исав шлепнулась шляпа. — Я плачу. — Майор Джон Андре готов заплатить? Пожалуй, стоит на это посмотреть!

Улицы Нью-Йорка были по-воскресному тихи, что как нельзя более соответствовало ленивому настроению Исав. Ему нравилось это послеполуденное время — в такие часы тени становятся длиннее, а воздух прохладнее... Достигнув дома № 95 по Куин-стрит, Андре внезапно крикнул «Не может быть!» и нырнул в открытую дверь. Затем на мгновение высунул голову наружу:

— Подожди меня здесь.

Исав скрестил руки на груди и обежал взглядом мощеную бульжником улицу. Ему было неуютно. Это не его город, и никогда таковым не станет. Молодому человеку вдруг стало тяжело и грустно — это случалось с ним всякий раз, когда он вспоминал о том, что у него больше нет дома. Ну ничего: как только он доберется до Англии, все изменится. Он найдет город, где останется навсегда, — возможно, это будет Оксфорд, возможно — Лондон. Там он пустит корни.

— Исав!

Андре вынырнул из подъезда.

— Не поверишь, чей это дом! Когда я увидел, как он сюда заходит, подумал: «Не может быть!» Но это так. Здесь живет генерал Хоу. Я не виделся с ним с Филадельфии.

Генерал Хоу командовал вооруженными силами Филадельфии во время оккупации. Этот видный мужчина славился своими грандиозными зваными вечерами, любовью к красивым женщинам, французским винам и покеру. Как раз по инициативе Хоу была проведена та экстравагантная Мискьянца, которую Андре неустанно вспоминал.

— Прости, что заставил тебя ждать. — После пробежки по лестнице голос Андре слегка прерывался. — Но мне надо было с ним переброситься парой слов.

Исав улыбнулся:

— Рад, что ты с ним встретился. — И зашагал по улице.

— Стой! — крикнул ему вдогонку Андре. — Он хочет с тобой познакомиться!

Исав удивленно обернулся.

— Со мной? Зачем?

— Ну, я рассказал ему о тебе. О твоей роли... — Андре наклонился к Исаву, — в истории с Арнольдом.

— Серьезно?

Андре кивнул.

— Тогда пошли.

— Я подожду тебя внизу.

Исав в изумлении приостановился.

— Иди, — настойчиво повторил Андре. — Это твой звездный час. Не хочу его портить.

Исав легко взбежал по ступеням и вошел в дом. Дверь слева была распахнута, за ней, в комнате, склонился над бумагами генерал Хоу. Исав некоторое время постоял в дверях, помялся. Однако генерал его так и не заметил. Молодой человек шагнул внутрь.

— Просите, сэр. Я Исав Морган. Вы хотели меня видеть?

Генерал не шелохнулся. Исав ждал.

Хоу выглядел так, как его описывали. Даже сидя он казался человеком внушительным. Его рука замерла над письмом. Исав непроизвольно глянул на бумагу, пробежал несколько строк глазами. Потом, поймав себя на столь неблагоприятном занятии, быстро отвел взгляд. И вновь замер. Пошла минута, другая, третья. Генерал словно бы и не догадывался, что он не один. За все то время, что Исав здесь находился, он даже не шевельнулся.

— Прошу прощения, сэр. Вы хотели видеть Исава Моргана?

Взрыв хохота заставил молодого человека вздрогнуть. За его спиной, привалившись к дверному косяку, корчился от смеха Джон Андре.

Исав в смущении покосился на генерала. Тот не шелохнулся! У Андре от смеха катились градом слезы...

— Воск! — наконец выдавил он из себя между взрывами хохота и указал на Хоу. — Это восковая фигура!

Исав не верил своим глазам. Он снова взглянул на генерала. Удивительно! Черты, цвет лица — все выглядело на редкость правдоподобно. Волосы и мундир генерала были настоящие. И все это было сделано для того, чтобы его, Исава, провести! Молодой человек повернулся к другу. Андре вновь расхохотался.

Исав тоже засмеялся.

— Не верю собственным глазам, — кое-как выдавил он из себя.

Молодые люди принялись разглядывать фигуру генерала со всех сторон.

— Я его хорошо знаю, — сказал Андре, — и то попался.

— Это сделал настоящий мастер!

— Благодарю вас, мистер Морган. Рада, что вы оценили мою работу.

В дверях стояла Абигайль Маттесон. Она откинула со лба вьющиеся белокурые пряди.

Собственно, сама выставка восковых фигур проходила чуть дальше, в доме № 100 по Куин-стрит. Там находилось несколько фигур: исторические личности и представители нынешней эпохи, люди известные и неизвестные. Объединяло их одно: автор изобразил их чрезвычайно реалистично.

Молодые люди осматривали выставку в сопровождении миссис Маттесон.

— Когда ты рассказывал о «Красных скаутах», я по твоему описанию узнал дом Абигайль, — объяснил Андре другу. — А потом, после слов о согнутом мушкете, меня вообще чуть не разорвало от смеха! Я сразу сообразил, что сделала Абигайль. Это были мушкеты из воска.

— Оружие достать нелегко, — пояснила Абигайль. — Между тем нам, женщинам, приходится защищать себя самим. Я постоянно напоминаю Исааку, что наши «мушкеты»

нужно хранить в прохладном месте. В то утро он положил их на кровать и забыл об этом. Отвлёкся. Ну а к тому времени, когда в моем дворе появились эти ужасные люди, лучи солнца уже падали прямо на кровать. Само собой, воск размягчился.

— Почему ты не сказал мне, что знаком с миссис Маттесон? — попенял Исав друга.

— Видишь ли, меня вдохновили восковые мушкеты. Почему бы не разыграть моего доброго приятеля Исаву Моргану?

— Тебя нужно держать взаперти.

— Могу это организовать! — задорно предложила Абигаиль.

Андре и молодая женщина обменялись нежным взглядом.

Исава тотчас обожгла мысль, что его друга и Абигаиль связывают какие-то особые отношения. В эту самую минуту с противоположного конца зала Андре окликнула молодая пара. Извинившись перед друзьями, он поспешил к ним.

— Надеюсь, этот розыгрыш вас не обидел?

— Я еще возьму свое, — улыбнулся Исав. — Нет ли у вас фигуры Джорджа Вашингтона? Я мог бы поставить ее у Джона в комнате. Представляете, просыпается он утром, а перед ним...

Абигаиль, забавно сморщив носик, засмеялась. При этом смеялись не только ее губы, но и глаза.

— И давно вы знакомы? — спросила она.

— Года два. Мы познакомились вскоре после его возвращения из плена. А вы?

— Несколько месяцев. Но мне кажется, я знаю его много лет.

— Да, он такой.

Повисла неловкая пауза. Исав мучительно подыскивал тему для разговора.

— Я должна извиниться и поблагодарить вас, — первой прервала молчание Абигаиль.

— Да?

Молодая женщина кивнула.

— Вы спасли меня от мародеров. Рисковали ради меня жизнью. А я вас даже не поблагодарила.

— Помнится, вы навели на меня мушкет и приказали убираться по добру по здорову.

На лице молодой женщины появилось обиженное выражение, и Исав тотчас пожалел о своих словах.

— Позвольте хотя бы объясниться, — сказала Абигаиль. — Я ведь не знала, кто вы такой, и решила, что это ловушка.

Исав хмыкнул.

— Вы преувеличиваете способности Оделла. Он глуп как пробка.

— Оделл? Тот, косоглазый?

Исав кивнул.

— Видите ли, я решила, что верховодите вы.

— Я?!

Абигаиль кивнула.

— Я подумала, что это уловка, что вы просто делаете вид, будто отсылаете их прочь. Иными словами: я успокоюсь, приглашу вас в дом, а вы сделаете то же, что Оделл. Ну и остальные вернутся.

Исав засмеялся.

— Не понимаю, что в этом смешного, мистер Морган!

Абигайль резко повернулась и сделала шаг в сторону. Молодой человек удержал ее за локоть.

— Вы неверно меня поняли. — Он видел перед собой ее настороженные глаза. — Я смеялся не над вами. Просто вы меня переоцениваете. У меня ума не хватит на столь изощренный план!

Абигайль чуть смягчилась. Исав отпустил ее руку. В эту минуту вернулся Андре. Молодая женщина извинилась и отошла к другим посетителям выставки. А Исав тотчас принялся казнить себя за то, что оказался дурным собеседником.

По возвращении домой Андре вновь взялся за газету, а Исав уселся у окна.

Надо сказать, что особняк, в котором поселился Андре, как нельзя лучше соответствовал стилю его жизни. Будучи любимчиком генералов Хоу и Клинтона, он всегда занимал дома богатых мятежников. К примеру, в Филадельфии въехал в дом Бенджамина Франклина (Андре целые дни проводил в мастерской ученого). А в Нью-Йорке ему пришлось по вкусу дом состоятельного издателя еженедельной антибританской газеты.

— Как ты познакомился с Абигайль?

Андре оторвался от газеты; судя по отсутствующему взгляду, его мысли витали где-то далеко.

— Что ты сказал?

— Абигайль. Как ты с ней познакомился?

— Увидел на приеме. Абигайль высоко ставят в свете и всегда приглашают на самые блестящие вечерники. А познакомился на ее выставке.

Исав сдержанно кивнул. Он изо всех сил делал вид, что спрашивает об Абигайль из праздного любопытства.

— Она одна из твоих девочек?

Андре опустил газету на колени. На его лице сверкнул волчий оскал.

— Что ты этим хочешь сказать?

Исав неопределенно махнул рукой:

— Мой вопрос оправдан. В Филадельфии у тебя было две Пегги и наверняка кто-то еще. Абигайль одна из твоих... Пегги?

В глазах Андре мелькнули веселые искорки.

— Почему тебя это интересует?

— Так, к слову пришлось. В конце концов, вы вместе устроили давешний розыгрыш. Просто хочу знать, с кем имею дело.

Андре вкрадчиво улыбнулся, и Исав решил, что его худшие подозрения оправдались.

— Абигайль Маттесон ничья девочка. Сомневаюсь, что кто-то ее приручит. Она сильна, умна и талантлива. Она дружелюбна, но до определенного предела. Я не раз видел, как за ней пытались волочить. Но у нее своя система защиты... Насколько мне известно, еще никому не удалось взять эту крепость.

— Но она была замужем.

Андре удивился, что его друг знает об этом. Исаву пришлось объяснить, откуда ему известно о личной жизни Абигайль.

— А еще у нее двое детей, — добавил Андре, — Джон и Томас, оба учатся в Кембридже.

На этот раз удивился Исав. Однако после минутного размышления понял, что так оно и должно быть. У большинства людей его возраста есть дети. Скорее уж он исключение.

— Говорят, — продолжил между тем Андре, — полковник Маттесон был сухим и рациональным человеком — от домашних, как и от солдат, он требовал одного: соблюдения порядка. Абигайль смогла заниматься искусством только после его смерти. К тому же она вынуждена зарабатывать на жизнь.

— И как могла такая сердечная женщина выйти замуж за солдафона?

— А с чего ты взял, что она сердечная?

— Ну хорошо, она меня интересует! Ты не против?

Андре от души развлекался. Тем не менее он был рад за друга и желал ему счастья.

— Для нас с тобой брак Абигайль кажется неравным. Но кто знает... Очевидно, она что-то нашла в этом человеке. Может, он был не похож на ее знакомых. Сам знаешь, как бывает в молодости. Манит новое, невиданное. Она из семьи пуритан, а он деист [\[60\]](#). Обрати внимание на имена мальчиков: Джон, как Джон Локк, и Томас, как Томас Гоббс [\[61\]](#).

— Это ты от нее знаешь?

Андре кивнул.

— Имена сыновьям давал полковник. И они — по словам Абигайль — точная копия своего отца. Оба с энтузиазмом приняли деизм. Оба далеки от Бога. Они поклоняются разуму.

— И Абигайль с этим согласна?

Андре пожал плечами.

— Не знаю.

Исав откинулся на спинку стула и, пытаясь осмыслить услышанное, уставился в потолок.

— Я говорил тебе, что во вторник был у нее?

У Исава подпрыгнуло сердце. Да с ним просто играют!

— Я ей позирую, — продолжил Андре. — Она хочет сделать мой бюст.

Исав спешно стал придумывать, как бы напроситься к другу в провожатые.

— Не нужно меня просить, — насмешливо произнес Андре. — Исав Морган, не окажете ли вы мне любезность и не поедете ли со мной к Абигайль Маттесон в ближайший вторник? Буду рад вашему обществу.

— Ну не знаю...

Поездка к Абигайль вернула Исава в тот день, когда его едва не лишили жизни. Молодой человек вновь увидел дерево, возле которого Оделл намеревался исполосовать его ножом. Взглянув на белый дом с зелеными ставнями, Исав невольно вспомнил злобное лицо вирджинца, «Кровавых скаутов», красивую женщину с бесполезным оружием в руках и, конечно же, согнутый ствол мушкета в окне. Проживи Исав хоть сто лет, этот ствол он не забудет.

После того судьбоносного дня Исав стал подчиненным Андре, а Оделл угодил под трибунал. В то время как американцы отказались от карательных отрядов, англичане продолжали их активно использовать: во-первых, лоялисты не сидели без дела, во-вторых, отряды эти вынуждали американцев изыскивать дополнительные ресурсы для обороны. Вместе с тем англичане редко интересовались деятельностью карателей. Случай с Абигайль Маттесон стал исключением. Оделл и его люди перешли границу дозволенного: выбрали в жертвы известную всему нью-йоркскому обществу особу. Трибунал приговорил банду Оделла к различным срокам заключения. А Исава приписали к ведомству Андре.

Молодых людей встретила Мисси, чернокожая служанка Абигайль (именно она бегала из комнаты в комнату и расставляла в окнах восковые мушкетеры). Девушка провела гостей в мастерскую и сообщила, что хозяйка спустится с минуты на минуту. Уходя, она одарила Исава улыбкой.

Под мастерскую Абигайль Маттесон была отведена большая и, как показалось Исаву, страшно захламленная комната. На столах, сдвинутых к стенам, выстроились бесчисленные склянки, здесь же валялись кисти и инструменты (их назначения молодой человек не знал). В углах, под ковриками, лежало что-то непонятное. У окна стояли стул и табуретка. На стенах висели два барельефа из воска: Вольтер ^[62] и Адам и Ева, изгоняемые из рая. Повсюду валялись восковые головы, руки, уши. Разрозненные части человеческих тел придавали комнате жутковатый вид — складывалось впечатление, что у хозяйки мастерской есть какая-то мрачная тайна. Комната насквозь пропахла запахами расплавленного воска и скипидара. В печи потрескивал огонь.

— Джентльмены.

Замершая на пороге мастерской Абигайль Маттесон напомнила Исаву девушку, которая впервые в жизни входит в бальный зал. И дело здесь было не в наряде: платье удивляло своей простотой, украшения и вовсе отсутствовали. Исава поразила царственная осанка женщины, божественная белизна ее кожи, красивые белокурые волосы и яркие синие глаза.

Хозяйка мастерской сердечно поприветствовала гостей и приступила к работе. Первым делом она усадила Андре на табуретку — так, чтобы дневной свет падал ему на лицо. Затем попросила Мисси принести из столовой стул для Исавы.

После того как все формальности были улажены, Абигайль подошла вплотную к Андре и принялась внимательно изучать его лицо. Все это время между ней и молодыми людьми шел оживленный разговор о выставке на Куин-стрит. Мало-помалу Исав начал закипать. Чем дольше Абигайль находилась подле его друга, тем сильнее он ревновал. Казалось, в его душе рухнула какая-то плотина, и все наполнили чувства. Пока Абигайль пересказывала отзывы публики, Исав пытался представить, что бы он почувствовал, наклонись она к его лицу.

В какой-то момент его глаза встретились с глазами друга. Губы Андре дрогнули в легкой понимающей усмешке. Исав залился краской.

— Хочешь, чтобы я изобразила тебя именно так? — спросила Абигайль. — С этой идиотской ухмылкой?

— Нет, мэ. — И Андре попытался стереть со своего лица улыбку.

Абигайль надела большой передник и взяла увесистый кусок воска, который лежал под ковриком на скамеечке (на эту скамеечку падали солнечные лучи). Затем села напротив Андре, положила воск на колени, прикрыла его передником и начала его мять.

— А наброски? — спросил Андре.

— Я их не делаю.

— Серьезно? — изумился Андре. Ему очень хотелось посмотреть, как она работает. Но Абигайль напомнила молодому человеку, что он — модель, и велела сидеть смирно. Однако тот никак не мог уговориться:

— Ты даже не смотришь на воск!

— Успокойтесь, сударь, я знаю, что делаю.

По ее уверенным движениям было видно, что она и впрямь знает свое дело. Она почти не отводила глаз от лица Андре. Меж тем ее руки продолжали мять воск. Иной раз они напрягались, и тогда на ее лице появлялось соответствующее выражение, но чаще Абигайль

работала легко — в такие минуты она болтала с гостями.

— Ты что-то добавляешь в воск?

В разговор двух художников Исав не вмешивался. Абигаиль изучала лицо Андре, а Исав изучал ее лицо — правда, старался делать это украдкой. Дело в том, что она время от времени бросала на него взгляд из-под ресниц.

— Венецианский скипидар.

— А как ты добиваешься телесного цвета?

— Добавляю к белилам немного чинабрио.

— Чинабрио?

— Киновари.

Андре понимающе кивнул.

— А вы, мистер Морган, тоже художник?

Голубые глаза смотрели на Исава.

— Нет, я просто люблю искусство.

— Да? И какое?

— Живопись. Более всего мне нравятся пасторальные сцены. Неравнодушен к фарфору. Это от моей матери.

— Ваша мать коллекционирует фарфор?

Исав кивнул.

— Мой отец был среди тех торговцев, что первыми начали напрямую торговать с Китаем. У нас неплохая коллекция ваз и статуэток.

— Серьезно? Я бы с удовольствием на нее взглянула! — сказала Абигаиль и тут же спохватилась: — Бостон. Кажется, нам туда путь закрыт.

— Да уж, не стоит этого делать. Если, конечно, вы не хотите, чтобы этот фарфор оказался тем последним, что вы увидите в жизни, — пошутил Андре.

— В любом случае все самые ценные произведения искусств находятся в Европе, — заметил Исав. — Американское искусство грубовато.

— Да?

В голосе Абигаиль послышалась обида. Она и Андре одарили Исава сердитыми взглядами.

— Право, я совсем не то имел в виду, — запинаясь, произнес молодой человек. Ваши работы просто великолепны, Абигаиль. Я даже принял вашего Хоу за живого человека, помните? — Он нервно хихикнул. Ему никак не удавалось выбраться из той ямы, которую он сам же и выкопал. — Я просто хотел сказать, что в Англии, Франции и Италии богатое культурное наследие... Ну, искусство Возрождения и все такое...

— Предлагаю тебе, — досадливо произнес Андре, обращаясь к Абигаиль, — извать нашего велеречивого Исава. Изобрази его с длинным языком, завязанным узлом.

Если бы этим ядовитым замечанием дело и кончилось, Исав был бы счастлив. Но ему не повезло. Он прочел во взгляде Абигаиль разочарование.

— Хотя я сказал это ради красного словца, — продолжил тем временем Андре, — идея недурна. Исав будет неплохой моделью. Как художник художнику скажу: у него выразительный нос и впечатляющий подбородок.

Абигаиль даже не взглянула на Исава.

— У меня слишком много заказов, — сказала она, а затем воскликнула: — Вот!

Молодые люди опустили глаза к ее коленям. Абигаиль откинула передник.

Бесформенный кусок воска превратился в бюст майора Андре. Лицо, изваянное Абигайль, было точной копией лица Джона Андре.

Все последующие дни они провели в мастерской. Абигайль должна была доработать бюст Андре. Как-то в разговоре с другом Исав заметил, что у него более нет причин посещать дом с зелеными ставнями. Однако Андре настаивал на его присутствии. Более того, он дал понять, что может приказать Исаву посещать мастерскую. К счастью, этого делать не пришлось. Уговорить Исаву было несложно.

К субботе бюст был почти готов. Андре принес на сеанс один из своих париков и офицерский мундир. Абигайль сделала брови и ресницы, раскрасила большую часть лица: губы, щеки, глаза. Теперь «восковая персона» была просто неотличима от оригинала.

В тот день Андре, как обычно, сидел на табурете. Бюст был помещен на постамент (не совсем готовый). Абигайль уверенно работала кисточкой (она наносила на восковое лицо морщинки, разбегавшиеся от глаз).

На этот раз Исаву самому пришлось идти за стулом — Абигайль отправила Мисси на базар. Войдя в гостиную, молодой человек увидел, что все диваны и стулья заняты: на них восседали восковые фигуры. Здесь были: английский генерал, нью-йоркский торговец, юная горничная и так далее и тому подобное. Причем Исав чуть было не извинился перед этим восковым обществом за вторжение. Поймав себя на этом, молодой человек затравленно заозирался — нет ли в дверях его друга и Абигайль. Но там никого не было.

Тогда Исав решил лучше рассмотреть работы Абигайль. Они удивляли. Восковые фигуры были невероятно похожи на живых людей. Лишь на шее генерала виднелось небольшое пятнышко. В какую-то минуту Исав сообразил, что он задержался в гостиной, а ему не хотелось, чтобы подумали, будто он что-то вынюхивает. Молодой человек поспешил за стулом в столовую.

Схватив ближайший к двери стул, он совсем уже было собрался нести его в мастерскую, когда внезапно увидел нечто интересное. Во главе стола стоял неубранный прибор с остатками завтрака. Напротив него на стуле восседала прикрытая покрывалом восковая фигура. Сквозь ткань прорисовывалось лицо, из-под покрывала высовывалась рука. Исав оглянулся. Никого. Подстегиваемый любопытством, которое словно жук-древоточец, тотчас принялось точить его мозг, Исав опустил свою ношу на пол и шагнул к столу. Еще раз воровато оглянулся на дверь. Он был один. Молодой человек приподнял покрывало. То, что он увидел, сразило его наповал. Он шлепнулся на ближайший стул.

— Он что, заблудился? — Абигайль оторвалась от работы и глянула на дверь. — Порой твой друг меня изумляет.

— Ты ему нравишься, — улыбнулся Андре.

Брови молодой женщины удивленно взлетели вверх, однако спустя мгновение ее лицо вновь приобрело сосредоточенное выражение.

— У меня нет времени на флирт.

— Абигайль, Исав не похож на меня. Он человек верный. Я не имею в виду политику, хотя и здесь он верен себе. Возможно, он когда-нибудь расскажет тебе, почему он до сих пор один. Избранница Исавы будет чувствовать себя счастливой всю жизнь. В то время как я предпочитаю делать счастливыми многих женщин... но не надолго.

Слова Андре заставили Абигайль улыбнуться.

— Обещаю: как только встречу женщину, ищущую славного парня, направлю ее к Исаву. Андре пожал плечами.

— Думаю, вы с Исавом могли бы осчастливить друг друга.

Абигайль вновь покосилась на дверь.

— Я предпочитаю мужчин, у которых хватает ума не заблудиться в трех комнатах.

— Может, нам лучше пойти и посмотреть, что его задержало?

Абигайль положила кисть и вытерла руки. Исава нашли в столовой.

— Боже мой! — вскрикнула Абигайль.

Андре уморительно ойкнул.

За обеденным столом сидели два Исава Моргана.

В комнате было тихо. Лишь слегка потрескивали дрова, да время от времени звучали два приглушенных голоса. На полу, подле камина, склонившись над нардами, сидели Исав и Абигайль.

Молодая женщина швырнула кости.

— Дуплет!

Исав застонал. Абигайль взяла еще две его фишки. В целом он потерял шесть фишек.

— Ты беспощадна.

Подбодренная его словами, Абигайль отыграла еще две фишки, завершая дуплет.

Исав улыбался, глядя, как молодая женщина, выложив фишки, откидывает со лба волосы тыльной стороной ладони. Этот жест очень ему нравился.

— Сдаешься?

— Что? Да я вот-вот выиграю!

— Сударь, вы живете в мире иллюзий — вам меня не победить.

Исав уставился на доску.

— Если выпадут две шестерки, выиграю, — сказал он, а затем добавил: — Смотри. — И подбросил кости. Три и четыре. Проигрыш.

Исав умоляюще поднял руки.

— Считаю меня военнопленным. Единственное, о чем прошу, — обойдемся без пыток.

Абигайль хитро прищурилась.

— Пытка? Ты еще не знаешь, что это такое. Я только начала.

С того дня как Исав обнаружил своего воскового двойника, прошла неделя. В первую минуту Абигайль так разозлилась на молодого человека, что даже выбежала из дома. По настоянию друга Исав пошел за ней. Она стояла на заднем дворе, прислонившись к дереву, и плакала. Исав приблизился к ней и ласково сказал, что ему очень льстит ее работа. Затем, поняв, что его слова достигли цели, завел речь о своих чувствах. Он сознался, что его влечет к ней с первой встречи, что его преследует ее образ. И даже если она считает, что поступила неправильно, его вина намного больше — просто у него нет таланта, и он не может написать с нее портрет.

Абигайль обернулась. Ее глаза опухли и покраснели.

Исав сказал, что он не знает, надолго ли ему суждено задержаться в Нью-Йорке, что он, конечно, не столь умен и обаятелен, как тот парень, что сидит за ее обеденным столом, но если она пожелает, он с удовольствием заменит этого воскового молодца.

Абигайль выслушала Исаву и предложила ему отужинать в ее компании. Они прекрасно провели время. С тех пор она взяла за правило приглашать его к себе вечерами. И вот сейчас,

спустя неделю, они играли в нарды в гостиной.

— Давно хотел спросить тебя, но никак не мог решиться... — начал молодой человек.

Взгляд Абигайль стал настороженным.

— Если это хоть как-то может повлиять на наши добрые отношения, — продолжил Исав, — я не хочу ничего знать.

— Спрашивай.

— Если мой вопрос тебя обидит или ты не захочешь на него отвечать, просто сделаем вид, что я его не задавал.

В ее глазах плескалось сомнение. Тем не менее кивком головы она дала понять, что ждет его вопроса.

— Речь идет о моем двойнике.

Исав сделал паузу. Абигайль сидела неподвижно, вытянувшись в струнку.

— Где он? В столовой я его не увидел.

Лицо Абигайль было бесстрастно. Молодая женщина взяла фишку и принялась сосредоточенно вертеть ее в руках, потом вдруг сказала:

— Ну, я-то могу видеть эту работу.

— Если ты не хочешь, чтобы я видел... — Он не знал, как правильнее сказать «ее» или «его». В конце концов он решил остановиться на местоимении «его». — Видел его, почему ты его не уничтожила?

— Просто, — сказала Абигайль, по-прежнему глядя на фишку, — Мисси надо было убраться в столовой и... — она улыбнулась, ей понравилось предложенное им местоимение, — его перенесли.

— Можно еще один вопрос?

— Да? — еле слышно произнесла она.

— Как ты его сделала? Хотя я и позировал Джону около двух часов, все равно он нарисовал человека скорее уж похожего на моего брата. И потом, с бюстом Джона ты возилась долго. Как же ты сумела так точно меня изобразить — я ведь тебе не позировал?

Фишка в руке Абигайль завертелась еще быстрее.

— Джону незачем было ходить ко мне целую неделю. Я могу сделать бюст за один сеанс. Мне хватает часа.

— Но почему...

Абигайль швырнула фишку на доску.

— Неужели об этом обязательно спрашивать? Ну хорошо: я велела ему приходить каждый день, потому что хотела видеть тебя. Меня интересовало не его лицо, а твое. Потому-то я и смогла вылепить тебя по памяти. Теперь ты доволен?

«Доволен» — какое неподходящее слово! Да он был на седьмом небе!

Пытаясь скрыть смущение, Абигайль принялась торопливо складывать фишки. Исав взял молодую женщину за запястье. Ее рука замерла, словно испуганный зверек. Пальцы Исав ласково обхватили ладонь Абигайль. Она вскинула глаза. Склонившись над доской, Абигайль и Исав поцеловались.

Исав встречался с Абигайль каждый день. Они бродили по окрестностям, играли в нарды или просто сидели дома и разговаривали.

Андре придумал для друга особое поручение: Исав должен был надзирать за территорией, на которой располагался дом миссис Маттесон. Неофициально же Исаву было велено сосредоточить все свое внимание на Абигайль.

Не только Андре поощрял этот роман. Мисси и Исаак как-то раз признались Исаву, что с тех пор, как он начал ухаживать за их хозяйкой, она стала намного счастливее.

— Расскажи мне о Мерси.

Они сидели на своем излюбленном месте, в гостиной, перед камином. Голова Исавы покоилась у Абигаиль на коленях. Молодая женщина играла с его волосами. Услышав вопрос, Исав напрягся.

— Тебе нечего бояться, — нежно успокоила его Абигаиль.

— Откуда ты знаешь о Мерси?

— Джон как-то обмолвился.

Исаву было трудно начать рассказ. Однако мало-помалу язык у него развязался. Молодой человек поведал о том, как он добивался Мерси, рассказал о ее замужестве, признался, что многие годы надеялся, что она станет его женой.

— Очень мило, — мягко заметила Абигаиль.

Исав непонимающе глянул на нее.

— Мило?

— Тебе следовало раньше сообразить что к чему. По-моему, это мило — так долго и настойчиво любить женщину, хотя тебя не поощряют. Так ведь? Тебя не поощряли?

— Нет.

— Ты все еще ее любишь?

Исав не вспоминал Мерси уже несколько месяцев, однако столь долгую любовь в один миг из сердца не выбросишь.

— Нет, — сказал он, все тщательно взвесив. — Вряд ли.

Теплая ладонь коснулась его лба.

— Ясно.

В камине весело плясал огонь.

— Расскажи о своем муже.

— Суровый человек. Неплохой, честный, амбициозный.

— Он тебя любил?

— Настолько, насколько мог.

— Почему ты вышла за него замуж?

Абигаиль с улыбкой склонилась над Исавом. Пряди светлых волос упали ей на лицо.

— Не хочешь — не говори.

Ее глаза, глядящие на огонь, затуманились.

— Он был статен, красив, уверен в себе. Не боялся бросить вызов обществу. В ту пору мне это нравилось.

— А сейчас?

— Со временем я обнаружила, что взгляды моих родителей были не столь уж старомодными. Мало-помалу начинаешь осознавать, что вещи, казавшиеся тебе глупыми и незначительными, на самом деле таковыми не являются.

— Какой веры твои родители?

— Были. Они умерли.

— Извини.

— Мои родители, как и их семьи, были пуританами. Они из Хингема, потом перебрались в Ойстер-Бей на Лонг-Айленде.

— А моя семья из Бостона.

— По тебе видно, что ты из верующей семьи. Это меня к тебе и привлекло. У тебя есть религиозные убеждения. А еще ты можешь быть сильным. До встречи с тобой я не верила, что эти качества могут сочетаться.

— Когда-нибудь я расскажу тебе о моем предке Энди Моргане. Сильный был человек. Первый Морган, перебравшийся в Америку. Вообще-то я намерен идти по его стопам. В сущности, я хочу вернуться в Англию из-за него.

Абигайль молча смотрела на огонь.

Весь остаток вечера она была рассеянной. А когда они прощались, повернула голову так, что поцелуй пришелся в щеку.

Над заливом вставало солнце. Дул свежий ветер. Джон Андре и Исав Морган сели в баркас. Исава била дрожь. «Интересно, это от холода или от волнения?»

— Спокойно. — Андре ободряюще улыбнулся другу.

— Зябко, — ответил тот сухо.

Баркас вошел в Гудзон. Молодые люди хранили напряженное молчание. Они направлялись к английскому военному шлюпу «Гриф» (капитан — Эндрю Сатерланд), охраняющему мыс Теллере. На его борту, под белым флагом, им предстояло провести переговоры с Арнольдом. Генерал собирался передать карты оборонительных сооружений Вест-Пойнта; со своей стороны Андре предстояло обсудить с Арнольдом денежный вопрос, а также обговорить еще раз все детали его перехода на сторону англичан.

Эту миссию нельзя было назвать опасной — в противном случае генерал Клинтон ни за что не согласился бы отпустить своего любимца. Встречи противников под белым флагом были явлением обычным и взаимовыгодным. Между тем подобная практика помогала вести двойную игру и облегчала предательство.

Перед встречей с Арнольдом генерал Клинтон проинструктировал Андре самым подробным образом. Во-первых, майор должен был явиться на переговоры в мундире английского офицера. Если он облачится в гражданское платье, его сочтут шпионом. Во-вторых, ему ни в коем случае нельзя ступить на вражескую территорию. В-третьих, если Арнольд передумает сдавать Вест-Пойнт, необходимо тотчас вернуться в город. Только что прибыл дополнительный английский эскадрон; это позволит нанести молниеносный удар по форту. Медлить нельзя.

Исав Морган тоже должен был присутствовать на встрече. Считалось, что он сумеет повлиять на Арнольда, если тот проявит нерешительность.

— Сегодня мы творим историю, — возбужденно произнес стоявший на носу баркаса Андре.

— Знаю, — бледно улыбнулся Исав.

О борта баркаса бились волны. На берегу темнели голые деревья; в этом году был ранний листопад. Если все пройдет удачно, в учебниках истории Арнольд и Андре будут названы спасителями Британской империи. Имя Исава упомянуто не будет. Но это и неважно. Достаточно того, что он сможет рассказывать своим детям и внукам о том, как вершилась история.

И тут он обратился мыслями к Абигайль. Удивительно: им было так хорошо вместе... Исав был уверен, что она любит его не меньше, чем он ее. Но стоило ему заговорить о будущем, и она словно бы от него отдалялась. «Что же не так с нашим будущим? — удивленно спрашивал он себя. — Может, она не хочет уезжать в Англию? Ну конечно! Вся ее жизнь связана с Америкой. Какой же я бесчувственный! Ей ведь нелегко расстаться с прошлым. Обязательно с ней поговорю по возвращении. Но что, если она вообще не желает уезжать? Смогу ли я остаться ради нее? Если наша миссия пройдет успешно и Британия вернет себе контроль над колониями, ответить на этот вопрос будет проще».

Они добрались до Доббз-Ферри во второй половине дня; здесь их должен был подобрать «Гриф». Им следовало дожидаться его прихода, но нетерпеливый Андре приказал вести баркас дальше, благо прилив позволял сделать это. Они обнаружили корабль в бухте

Наверстро.

Капитан Сутерланд тепло приветствовал молодых людей. Между тем было видно, что команда корабля пребывает в сильнейшем эмоциональном напряжении.

— Нас обстреляли, — пояснил Сутерланд.

— Когда?

— Утром. Я заметил на берегу, у американского сторожевого поста, белый флаг и послал туда лодку. Противник открыл огонь.

— Грубое нарушение военного этикета, — заметил Андре.

— Полагаю, дела обстоят намного серьезнее, — возразил капитан. — В лодке могли быть вы. Возможно, это ловушка.

«Вот почему они так нервничают», — подумал Исав.

Команда «Грифа», несущая службу в непосредственной близости от вражеского берега, привыкла ко всему, по пустякам эти люди тревожиться не будут.

— Это мог быть сигнал от Арнольда, — сказал Андре.

— Да, этот пост подчинен ему, — задумчиво произнес капитан. — Думаете, он дает нам знак уходить?

— Возможно.

— И что вы намерены делать?

Андре внимательно изучал берег.

— Ждать.

— Если нас еще раз попытаются обстрелять, — предупредил капитан, — я буду вынужден увести корабль.

— Понял.

Весь остаток дня и всю ночь Андре мерил шагами капитанский мостик. Арнольд не появился. Корабль больше не обстреливали.

Утро следующего дня не принесло никаких изменений. К полудню капитан Сутерланд начал терять терпение. Однако Андре не сомневался, что Арнольд появится: слишком многое он терял. Англичанам было достаточно передать противнику письма генерала, и его карьера бесславно завершится.

Сутерланд согласился подождать еще немного.

— А ты не думаешь, что заговор мог быть раскрыт? — Голос Исав звучал задумчиво.

— Не знаю. — По осунувшемуся лицу Андре было видно, что бесплодное ожидание не прошло для него даром. — В своем последнем письме Арнольд сообщил, что в иные дни он просто не в состоянии незаметно покинуть Вест-Пойнт. Вашингтон с Лафайетом всегда рядом. Эти двое частенько инспектируют войска и завтракают в форте. Если верить Арнольду, молодые офицеры — и Лафайет здесь не исключение — приезжают в Вест-Пойнт из-за Пегги. Они все от нее без ума.

— Кто-нибудь может не влюбиться в эту женщину? — удивился Исав.

На лице Андре блеснул волчий оскал.

— Согласись, она бесподобна.

«Вот это похоже на правду, — подумал Исав. — Андре, какой он есть».

— Сутерланд требует увести отсюда корабль.

— А ты не хочешь.

— Не хочу... Тем не менее я обязан ему подчиниться, как старшему по званию. — Молчание. — Но мы поступим следующим образом...

Когда солнце начало прятаться за американские укрепления, Андре спустился в каюту, а Исав отправился к капитану. Молодой человек сообщил Сутерланду, что Андре неважно себя чувствует — какие-то проблемы с желудком, и попросил от имени друга задержаться в бухте до утра. Капитан согласился.

Крупица правды в словах Исава все-таки была. Еще на берегу у Андре возникли проблемы с желудком, сейчас, из-за того нервного напряжения, в котором молодой человек пребывал последние два дня, желудок заболел вновь.

22 сентября, глубокой ночью, к «Грифу» бесшумно подошла лодка. Человек в лодке откомендовался мистером Смитом и сообщил, что у него есть письмо для Джона Андерсона. Этим именем Андре подписывал письма, адресованные генералу Арнольду.

Было два часа ночи, когда Андре и Исав поднялись на палубу. Смит передал письмо. Оно было написано рукой Арнольда. В этом письме Джону Андерсону предлагали воспользоваться услугами мистера Смита и переправиться на берег. Там их будут ждать.

Андре не колебался:

— Минуту, только возьму головной убор.

Едва они спустились вниз, Исав преградил приятелю дорогу.

— Мы уже нарушили приказ генерала Клинтона и задержались в бухте. Ты собираешься нарушить еще один приказ — не ступать на территорию врага.

Андре протиснулся мимо него.

— Можешь оставаться. Я пойду.

— Подожди. — Исав схватил друга за руку. — Ты ничего не замечаешь? На лодке нет белого флага. А вдруг это ловушка? Давай я заменю тебя. Тогда в их сети попадет мелкая рыбешка. Если же Арнольд и впрямь ждет тебя на берегу, я постараюсь убедить его подняться на корабль.

— Нет. Я сойду на берег. Всегда приходится отклоняться от первоначального плана. Ты со мной?

— Только возьму шинель.

Перед тем как молодые люди сели в лодку, Сутерланд предложил им переодеться в штатское платье. Андре отказался. Он уже дважды проигнорировал приказы генерала Клинтона и не хотел делать это еще раз.

— А это кто? — мистер Смит жестом указал на Исава. — Речь шла только о Джоне Андерсоне. Мне это не нравится...

— Он со мной, — резко отчеканил Андре.

— Его я не возьму! — Смит был напуган.

— У вас есть выбор. — Взгляд Андре стал жестким, голос тоже. — Либо вы перевозите нас обоих, либо вы вылезаете из лодки, и мы добираемся до берега самостоятельно.

Мистер Смит уставился на них небольшими злыми глазками, потом что-то буркнул себе под нос и взялся за весла. Когда лодка отошла от корабля и стали видны лишь его бортовые огни, Исав принялся осматривать берег. Сосновый лес спускался к самой воде. Луна лила свой жидкий свет на узкую полоску берега.

Дорогой они молчали. Когда лодка причалила к берегу, Смит махнул в сторону леса:

— Он там.

Впереди шел Андре, за ним изо всех сил поспешал Исав. Походка Андре была тверда и уверена. А вот Исав уверенности не ощущал. Деревья росли густо. Было темно. Под ногами трещали ветки и шуршала поскользящая листва. То и дело тишину нарушали непонятные,

пугающие лесные звуки.

— Стой или буду стрелять!

Молодые люди застыли на месте.

— Кто вы такие?

Сердце Исава бешено бухало.

— Джон Андерсон. — Голос Андре был на удивление спокойным.

— Он должен быть один.

Исав узнал говорящего.

— Сэр... Генерал, это я. Исав Морган.

— Исав? — Голос Арнольда звучал недоверчиво. — Вы оба, подойдите ближе. Я хочу вас видеть.

Молодые люди шагнули вперед.

— Исав! — В руках Арнольда был пистолет. — Вы! И в форме. Я думал, вы умнее. Вас обоих чуть не подстрелили. Мы ждали мистера Андерсона.

— Присутствие Исава — не единственное изменение в наших планах. Почему вы не захотели встретиться на борту «Грифа»? — заговорил Андре.

Арнольд хмуро смотрел на него своими умными серыми глазами и молчал.

— Генерал, — подал голос Исав, — позвольте представить вам майора Джона Андре.

Пистолет опустился.

— Я не мог уйти раньше, не возбуждав подозрения.

Арнольд не принес с собой никаких бумаг и привел только одну лошадь — для Андре. К большому неудовольствию мистера Смита (оказывается, это было его настоящее имя), его кобылу отдали Исаву. Бедняге Смигу пришлось отправиться за лошадью в Хаверстро. А Андре, Исав и Арнольд тем временем направились к его дому — он располагался к северу от города.

На подъезде к Хаверстро их остановили часовые. Однако тут же отпустили. Увидев генерала Арнольда, едущего ночью по городу в сопровождении двух англичан, часовые, надо полагать, очень удивились.

Добравшись до дома Смита, заговорщики тотчас начали совещаться. Арнольд разложил карты Вест-Пойнта на большом столе. Он детально описал форт, отметил все его слабые места, многие из которых возникли не без его, Арнольда, помощи. Так, генерал указал на огромную дыру в стене — ее пробили по его приказу (Арнольд настоял на ремонте форта). Кроме того, генерал с самодовольным видом поведал молодым людям следующее: он удалил одно звено в железной цепи, препятствовавшей проходу кораблей по Гудзону. Звено было заменено другим, очень непрочным — оно не выдержит самого слабого удара.

Затем Андре и Арнольд перешли к обсуждению денежного вопроса. Тон генерала тотчас стал жестким. За свои услуги он требовал десять тысяч фунтов стерлингов. Кроме того, его и Пегги должны были переправить в Нью-Йорк до начала операции. Андре был уполномочен вести разговор только о шести тысячах фунтов стерлингов, тем не менее он пообещал убедить генерала Клинтон выплатить коменданту Вест-Пойнта требуемую им сумму.

— Он может это сделать? — обратился генерал к Исаву, — Послушается ли его Клинтон?

— Думаю, да, сэр. Генерал Клинтон высоко ценит майора Андре.

— Неплохо.

Было четыре часа утра. За окном уже начало светлеть. Арнольд извинился перед молодыми людьми и, прихрамывая, покинул комнату — он пошел узнать у Смита, не может ли тот организовать для них завтрак.

— И что ты об этом думаешь? — зашептал Андре.

— Он способен это сделать, не сомневаюсь.

— В таком случае, что тебя беспокоит?

— Это совсем другой человек, не тот, с которым я скитался по Мэну. Видимо, раны и политика наложили на него свой отпечаток. Он стал жестче, циничнее, корыстнее. Было время, когда я им восхищался... А сейчас... Я не уверен, что он мне нравится. Слышал, что он говорит? Он собирается перейти на нашу сторону по двум причинам: месть и деньги. В Канаде у него были идеалы. От них не осталось и следа.

— Клинтон его презирает, — сказал Андре. — Он уверен: Арнольду не хватит пороху перейти на нашу сторону.

— В таком случае, зачем вы затеяли эту игру?

Андре еле слышно хмыкнул.

— Наивный ты человек. Клинтону нужна победа. Очень нужна.

За завтраком у всех было приподнятое настроение. Вот только Смит ужасно волновался: как-никак ему предстояло среди бела дня сопровождать двух англичан, а он не желал рисковать. По его мнению, молодым людям было бы лучше отправиться на корабль под покровом темноты.

Бабах!

От орудийного выстрела зазвенела посуда.

Бах! Бабах!

Арнольд выскочил из-за стола и пулей вылетел из дому. Андре и Исав бросились к окну. На той стороне реки, в Верпланк-Пойнте, американцы обстреливали «Гриф». Рядом с капитанским мостиком вздрогнула и взорвалась палуба. Во все стороны брызнули щепки. Однако огня видно не было — похоже, ущерб кораблю нанесли небольшой. Но Сутерланду и этого хватило — «Гриф» снялся с якоря. Вскоре он исчез из виду.

Генерал ворвался в дом, ругаясь почему зря.

— Кто дал им пушку?! — воскликнул он и, изрыгнув из себя чудовищные проклятия, вновь риторически спросил: — Кто дал им эту пушку?

Глаза Арнольда обежали комнату — он обдумывал случившееся. Чуть позже, все еще пребывая в ярости, он объяснил:

— Командир этого поста уже дважды требовал дать ему пушку. Я ему дважды отказывал, потому как понимал: это опасно для вашего корабля. Майор, вы должны мне верить. Не знаю, где он раздобыл оружие, но я это выясню.

Андре ему поверил. Вряд ли Арнольд станет рисковать такими большими деньгами. Но проблема осталась. Если корабля нет, как добраться до своих?

В голосах мужчин зазвучали панические нотки. Арнольд намеревался вернуться в Вест-Пойнт. Он не желал подвергать себя опасности и не собирался лично выводить молодых людей из расположения американских войск. Залив был для них закрыт, пришлось подумать о дорогах. Арнольд предложил следующее: он достает гражданское платье и выписывает пропуск.

В первую минуту Андре отказался. Приказ генерала Клинтона гласил: ни при каких обстоятельствах не снимать английский мундир. Однако Арнольд был непреклонен.

«Ступив на территорию противника, вы стали военнопленными, — объяснил он молодым людям. — Любой пленный офицер думает о побеге. Стало быть, если вас поймают, накажут не столь сурово, как шпионов».

Этот план Андре не нравился. Тем не менее он был вынужден им воспользоваться. Генерал снабдил их пропуском и спешно отбыл в Вест-Пойнт. Одежду должен был раздобыть Смит.

К полудню молодые люди были готовы покинуть свое убежище. Они переоделись в гражданское платье. Майор спрятал карту Арнольда в сапоге. В сопровождении Смита — он собирался проводить их до долины Уайт — они отправились в путь.

Начало пути прошло без приключений. Через Гудзон они переправились на пароме. С перевозчиками, попутчиками и прохожими разговаривал Смит. Андре был на удивление молчалив, на что ему и указал Исав. Тогда майор принялся разглагольствовать об искусстве, причем делал это как-то неестественно.

Наконец они добрались до передней линии американских войск. Далее простиралась ничейная земля. В эту самую минуту дорогу им неожиданно преградили американские солдаты. Их командиром был капитан Эбенезер Бойд.

Андре отрекомендовался коммерсантом Джоном Андерсоном; Исава он назвал своим состоятельным покровителем. Затем капитану был вручен пропуск, подписанный Арнольдом.

Бойд внимательно его изучил.

— Генерал Арнольд... — сказал он, пристально глядя на бумажку. — Вы друзья генерала?

— Верно, — сказал Андре.

Похоже, на капитана это произвело впечатление.

Исав украдкой покосился на Смита — от страха тот словно прирос к седлу. Молодой человек льстил себя надеждой, что сам он держится лучше. Тем временем Бойд вернул Андре пропуск.

— Хочу вас предупредить, — сказал он напоследок, — я не в силах вас защитить. Ничейные земли кишмя кишат живодерами.

— Живодерами?

— Бандитами и дезертирами с обеих сторон. Они пользуются безвластием, грабят дома, нападают на путников. Будьте осторожны, уже темнеет. После захода солнца туда лучше не соваться. И да поможет вам Бог.

Капитан Бойд и его люди уехали. Эта встреча произвела сильнейшее впечатление на Смита. Хоть он и обещал проводить молодых людей до долины Уайт, у моста Пайн он повернул назад. Зато у Андре после разговора с Бойдом настроение значительно улучшилось. Пропуск Арнольда свое дело делал.

— Узнаешь эти места? — спросил майор друга.

Оглядевшись, Исав отрицательно покачал головой.

— Здесь мы впервые встретились. Вон там, чуть дальше. — Андре указал на реку. — Еще шел дождь. А вот и мост, под которым мы прятались.

Исав улыбнулся. Теперь он узнал это место. При дневном свете и с другого ракурса оно выглядело иначе.

— Это хороший знак, — сказал Андре. — Наша великая миссия завершится там, где началась наша дружба.

— Ты слишком увлекаешься пьесами. К тому же мы еще не добрались до дома.

— Да мы почти уже дома! — гордо возразил Андре. — Добрейший капитан Бойд убедил меня в этом. Он даже нас благословил.

— О мародерах забыл? Темнеет. Не поискать ли нам укромное местечко для ночлега?

— Осторожность не помешает. Я помню, там стоит ферма. Поехали.

Приветливый фермер-шотландец предоставил им на ночь комнату. Она была небольшой, с кроватью под пологом. Молодые люди легли на нее прямо в одежде.

Исав только начал засыпать, как Андре заговорил:

— Спишь?

— Нет еще, — вздохнул Исав.

— Обещаешь мне кое-что?

— Что?

— Когда мы доберемся до Нью-Йорка, ты никому не рассказывай об этом. В противном случае моя репутация погибла.

Исав зашелся в неистовом хохоте. Он не мог успокоиться и уснул только минут через тридцать.

Когда они снова двинулись в путь, все вокруг тонуло в утреннем тумане. Андре не терпелось побыстрее доставить документы генералу Клинтону.

Друзья приближались к Тарритауну. Около крошечного моста, переброшенного через маленький ручеек, на них набросилось трое мужчин. Двое схватили под уздцы лошадей, третий направил на них мушкет. Нападавшие были одеты в живописные лохмотья. Один из них, настоящий гигант, — по всей видимости, вожак банды — был облачен в изрядно потрепанный красно-зеленый гессенский мундир. Взглянув на этот мундир, Андре пришел к выводу, что их остановил английский патруль.

— Джентльмены! — крикнул он. — Надеюсь, мы принадлежим к одной партии.

Гигант — именно он держал лошадь Андре — мрачно поинтересовался:

— К какой?

— Нашей партии, партии лоялистов Нью-Йорка. Какое счастье, что мы снова среди друзей. До чего же я рад вас видеть! Я британский офицер, покидал город по делу. Надеюсь, вы не станете нас задерживать.

Андре вытащил из-за пазухи золотые часы и протянул их человеку-горе. Однако на того это не произвело никакого впечатления.

— Слазь, — рявкнул он. — Мы американцы.

Андре моментально сориентировался и достал из кармана пропуск Арнольда.

— Мы должны проехать во что бы то ни стало, — сказал он с нервным смешком. Гигант, не отпуская лошадь, взял пропуск. Нос мужчины забавно сморщился. Шевеля губами, по слогам он принялся разбирать написанное.

Исав глянул на человека, держащего его лошадь. Лицо бандита исказила уродливая ухмылка. Ничего общего с капитаном Бойдом. Тот хотя бы был грамотным и уважал закон. А эти люди не признавали никакой власти.

Словно в подтверждение его мыслей гигант разразился бранью и швырнул пропуск на землю.

— Вы же назвали себя британским офицером, — угрожающе произнес он, а затем рявкнул: — Слезайте! Где деньги?

— Джентльмены, вам лучше нас отпустить, — сказал Андре, соскочив с седла. Исав

последовал его примеру. — Задержите нас — навлечете на себя неприятности. Вы мешаете исполнению приказа генерала.

Человек-гора выхватил мушкет из рук своего сообщника и, приставив его к груди Андре, гаркнул:

— Деньги где?

— Сожалею, джентльмены, но у нас их нет.

— У вас, англичан, нет денег? Общайте их! — приказал гигант товарищам.

Андре и Исава затащили в лес и велели раздеваться. Улов бандитов был невелик: несколько континентальных долларов, которые дал на дорогу молодым людям Смит, да часы Андре. Один из грабителей в поисках денег изрезал седла.

Но когда Андре снял сапоги, бандиты увидели карты Вест-Пойнта. Свою находку человек-гора и его приятели изучали с искренним интересом. Исава молил Бога, чтобы эти люди оказались достаточно тупыми и не поняли, что держат в руках.

Внезапно гигант вскинул голову. Его глаза впились в молодых людей, беспомощно замерших перед ним.

— Шпионы!

— Мы отдадим вам лошадей, уздечки, часы, а по приезде наш начальник заплатит вам сто золотых гиней, только отпустите нас! — взмолился Андре.

Гигант проявил интерес.

— Мы только что бежали из английской тюрьмы, — начал он, — и не хотим туда возвращаться. Откуда нам знать, что вы нас не обманете?

— Вы можете отправить одного из нас за деньгами, второй будет заложником... — В голосе Андре зазвучали истерические нотки. Он начал паниковать.

— Нет, — отрезал гигант. — Что им помешает послать с этим человеком солдат и арестовать нас? Лучше уж мы возьмем вас с собой. Одевайтесь.

Все то время, пока друзья натягивали на себя одежду, бандиты пинали и толкали их. Потом, когда пленники уже сидели верхом, им связали руки за спиной.

— Куда вы нас везете? — спросил Андре.

— К американцам. — Гигант засунул карты за пояс. — Если я правильно понял, за вас и ваши карты хорошо заплатят. И мы собираемся эти денежки получить.

И они пустились в путь. Оглянувшись на друга, Исава содрогнулся. Он увидел смертника. Без сомнения, Андре считал свою жизнь конченной. Исава долго смотрел на друга, надеясь поймать его взгляд. Он хотел ободрить Андре улыбкой или кивком головы; хотел вселить в него надежду, хотя сам потерял ее. Но Андре так и не посмотрел на Исава. Он ехал, низко опустив голову и устремив в пространство пустой взгляд. Спустя время Исава отвернулся. Мысли его сосредоточились на Абигаиль. Увидит ли он когда-нибудь, как светлые вьющиеся пряди падают ей на глаза?

Пленников привезли в Норт-Кастл; это был ближайший к тому месту, где их схватили, американский аванпост. Пока человек-гора требовал, чтобы его отвели к командиру — а этого нелегко было добиться из-за непрезентабельного вида мародера, — Андре и Исава оставили сидеть на лошадях в двух шагах друг от друга. Но только после того как гигант вместе с одним из своих приятелей скрылся за дверьми, Исава решился воспользоваться ситуацией.

— Арнольд, — беззвучно шепнул он другу. — Постарайся как-нибудь дать знать

Арнольду!

Глаза Андре просветлели. Он кивнул.

— Замолчите!

Оставшийся при них бандит, не поднимаясь с земли, ткнул прикладом в Исава — он наслаждался своей властью над пленниками.

Прошло еще несколько минут. Часовой отвлекся. На этот раз заговорил Андре:

— Я уже был военнопленным и выжил.

— Сказано — молчать! — Бандиту пришлось обойти лошадь Исава, чтобы ткнуть Андре.

В эту самую минуту в сопровождении офицера из дома вышли его товарищи.

Офицером был подполковник Джон Джеймсон.

— Подполковник, — обратился к нему Андре, — эти люди задержали нас незаконно. Если вы позволите отнять у вас немного времени, я вам это докажу.

После того как ему пришлось в течение получаса выслушивать бессвязное бормотание человека-горы, Джеймсон с облегчением внимал Андре. Задержанных ввели в помещение.

Снова была рассказана история коммерсанта Джона Андерсона, которая так хорошо сработала с капитаном Бойдом. То, что они были задержаны и отпущены Бойдом, только подтверждало правдивость этой истории. И если бы не карта Вест-Пойнта, Джеймсон тут же бы их освободил.

— Мы спрятали эту карту по просьбе генерала Арнольда, — объяснял Андре. — Вы офицер и должны знать, что такую информацию не передают с кем попало.

— Но для какой цели вам, коммерсанту, понадобилась эта карта? — спросил Джеймсон.

— Сэр, я не имею права об этом говорить.

— А я не имею права, — парировал Джеймсон, — отпустить вас без соответствующих объяснений. Вы должны это понимать.

— Конечно, — вмешался Исав. — И эти объяснения может дать вам только один человек — генерал Арнольд.

— Совершенно верно, — согласился Андре. — Вы можете сообщить ему о случившемся. Не сомневаюсь, он даст вам удовлетворительные объяснения.

Джеймсон кивнул.

— Да, так я и поступлю, и даже больше того...

С этими словами он сел за письменный стол и написал письмо генералу, в котором сообщил, что им были задержаны два человека с пропуском, подписанным самим Арнольдом; при них обнаружена карта чрезвычайной важности. Затем, запечатав письмо, Джеймсон вызвал курьера.

— Кроме того, я отправлю генералу Арнольду не только письмо, но и вас двоих, — сказал он молодым людям.

Джеймс вызвал двух солдат и обязал их сопроводить пленных в Вест-Пойнт. Там они обязаны были сдать своих подопечных с рук на руки генералу Арнольду.

По дороге в Вест-Пойнт настроение молодых людей изменилось к лучшему. Возможно, о захвате форта теперь придется забыть, а возможно, и нет. Главное — они попадут к другу. Наклонившись к Исаву, Андре шепнул:

— Приятно будет снова увидеть Пегги. — И подмигнул.

Он вновь стал самим собой. (Андре имел душу художника; как всяким тонким натурам,

ему были свойственны резкие перепады настроения.) Его эмоциональный подъем передался Исаву.

Они находились в пути где-то около часа, когда их нагнал гонец из Норт-Кастла. Конвоирам приказали немедленно доставить пленников обратно. Андре и Исав тревожно переглянулись. «Что еще? Неужели этому кошмару конца не будет?»

Подполковник Джеймсон — его лицо было мрачнее грозовой тучи — поднялся из-за стола и представил молодым людям майора Бенджамина Толмеджа. Тот тоже был безнадежно хмур.

— Майор Толмедж лучше меня разбирается в делах секретной службы, — сказал подполковник. — Я вернул вас по его настоянию. Видите ли, он считает, что вы двое и генерал Арнольд — заговорщики.

Было заметно, что ему нелегко рядом с именем генерала Арнольда поставить слово «заговорщик». Вопреки очевидным фактам он отказывался верить в то, что его генерал вел секретные переговоры с врагом.

Майор Толмедж приступил к допросу. Для начала он дал свое видение произошедшего. Толмедж объединил генерала Арнольда с «Андерсоном» — и получил тщательно разработанный план сдачи Вест-Пойнта.

— Меня зовут Джон Андре, майор королевских войск, — сказал «Джон Андерсон». — Если вас это не затруднит, дайте мне перо и бумагу. Хочу письменно объяснить Вашингтону, почему я нахожусь на вражеской территории.

Генерал Арнольд бежал. Подполковник Джеймсон забыл вернуть второго гонца, отправленного в Вест-Пойнт, и он добрался до пункта назначения. Как только Арнольд узнал, что Андре и Исав арестованы, он бросил жену, сел в лодку и устремился вниз по Гудзону к «Гриффу».

Предательство Арнольда потрясло жителей колоний и континентальную армию. Многие отказывались верить в то, что герой Квебека добровольно предал свою страну. Но доказательства были неопровержимы. Генерал Вашингтон кипел от ярости. Однако до Арнольда ему было не добраться. Но народ не должен остаться без отмщения. Для этого имелись майор Джон Андре и Исав Морган.

Вашингтон горел желанием как можно быстрее покончить с этой некрасивой историей. Из Норт-Кастла в Таппан пленники отправились в сопровождении тяжеловооруженных пехотинцев; майор Джон Андре и Исав Морган должны были предстать перед собранием старших офицеров.

И снова Андре и Исав скакали верхом, и снова их руки были связаны. Вот только на этот раз они не играли никаких ролей. Скрывать больше нечего. Их судьба зависела от одного человека — Джорджа Вашингтона.

Суда не будет. Секретных агентов выслушают, доказательства рассмотрят, старшие офицеры изложат командующему свое мнение. Но приговор вынесет Вашингтон. Исава и Андре утешало одно: Вашингтон слыл человеком сострадательным.

— Стой!

Конвой замер.

— Нет, только гляньте!

В голове колонны что-то происходило. Несколько офицеров, сопровождавших

пленников, подъехали к двигавшимся им навстречу людям. Ропот нарастал. К пленникам направлялись три солдата и сержант. Вокруг них образовалось нечто вроде свиты. Чем ближе они подходили, тем шире улыбался Джон Андре.

— Как в столовой Абигаиль, — пробормотал он. Мрачное выражение покинуло его лицо, оно смягчилось.

Рядом с лошадью Исава остановилась его зеркальная копия — Джейкоб. И все вокруг, даже четыре бесстрастных конвоира, принялись изумленно переводить взгляды с одного брата на другого. Слышались восклицания: удивительно! жутко! точно отражения!

Некоторое время Джейкоб упрашивал командира конвоя позволить ему поговорить с братом. Молодой человек клятвенно обещал вернуть пленника целым и невредимым через десять минут. Но офицеру этого было недостаточно. Тогда один солдат, пришедший с Джейкобом, поручился за него, сказав, что они вместе воевали при Саратогге. И даже после этого офицер колебался — слишком уж серьезным было предъявленное Исаву обвинение. Наконец Джейкоб прибег к последнему доводу. «Вполне возможно, — сказал он, — это моя последняя встреча с братом». Офицер сдался.

Исав и Джейкоб стояли на берегу реки Гудзон. Два конвоира расположились чуть выше, прямо над их головами. Они повернулись к братьям спиной. Конвоирам было приказано обеспечить молодым людям максимальное уединение. Если пленник попытается бежать, Джейкоб подаст сигнал тревоги. В этом случае конвой будет стрелять на поражение.

Первые несколько минут братья молча разглядывали друг друга. Один — в американской форме, с мушкетом в руках, другой — в гражданском платье. Исав потирал затекшие запястья — с него сняли веревки.

— Ты похудел, — заметил Джейкоб.

— Армейская жизнь. А ты выглядишь хорошо. Говорят, тебя ранили.

— Несерьезно.

— Что слышно об отце? Он по-прежнему во Франции?

Джейкоб покачал головой.

— Он в Бостоне.

— Как мама? Мерси? — Исав сам удивился тому, как легко он произнес имя бывшей возлюбленной. Теперь его сердце безраздельно принадлежало Абигаиль.

— Мама чувствует себя относительно хорошо и Мерси тоже.

— Что ты имеешь в виду, употребив слово «относительно»?

Джейкоб побагровел.

— Да как у тебя совести хватает задавать такие вопросы после того, что ты сделал с Мерси и мамой?! — крикнул он.

Эта вспышка была такой неожиданной, что даже конвоиры оглянулись. Не увидев ничего из ряда вон выходящего, они снова повернулись к братьям спинами.

— Я не сделал ничего такого, чтобы их расстроить, — твердо сказал Исав. — Я поступил так, как считал нужным.

— Да ты сам-то себя слышишь?! Ты сделал все возможное, чтобы их огорчить! Ты мог войти в дом и поговорить с ними, мог написать отцу. Так нет: ты, как тать, прокрался в библиотеку и украл Библию... А еще стал предателем. Ты опозорил Морганов на века! Ты хоть понимаешь, что после твоего побега мой командир проверяет меня десять раз на дню? Люди больше не доверяют Морганам. Из-за тебя на нас клеймо предателей!

Для Исавы это было ударом. До этой минуты он ни разу не задумывался над тем, как

скажется на близких его переход на сторону врага.

— Я не мог больше врать самому себе. Я англичанин. И всегда им был.

— Ты предатель и всегда им был. И сейчас ты получишь за предательство сполна. Мне жаль тебя.

Эти слова удивили их обоих. Мир стремительно менялся, и все же некоторые вещи оставались неизменными. Близнецы всегда думали по-разному.

— Я с радостью приму то, что мне суждено, — сказал Исав. — Но во имя Господа Бога прошу тебя сделать для меня одну вещь.

Джейкоб скептически глянул на брата.

— Майор Андре... Он хороший человек, преданный друг. Поверь, он не совершал никаких преступлений. Он выполнял свой долг.

— Согласен... хороший человек.

— Помоги ему бежать.

— Ты не в себе.

— Джейкоб, умоляю. Выполни мою единственную просьбу. Это будет несправедливо, если с ним что-то случится. Поговори с командиром конвоя. Пусть он позволит тебе присоединиться к его отряду, а там...

— Нет.

— Мы отвлечем внимание...

— Нет!

— ...и он сможет убежать.

— Я сказал: нет!

Исав огорченно глянул на брата.

— Ты ведь никогда не изменишься, правда? Ты переполнен сознанием своей добродетели. В твоей душе не осталось места для сострадания.

— Верно! И знаешь почему? Сострадать бессмысленно. Те, кто знает, что есть правда, воюют за нее. Они создадут свою страну!

— Ты ошибаешься. Готов поспорить: частичка сострадания в тебе все-таки есть. Возможно, размером с горчичное семечко, но есть.

— О чем это ты?

— Сейчас объясню. — Исав глянул вверх, на конвоиров. Они по-прежнему стояли к ним спиной. — Сейчас я повернусь и побегу вдоль реки, потом найду лодку и доберусь до «Грифа».

— Не будь идиотом.

— И ты позволишь мне сбежать — ведь я делаю это не для себя. Для своего друга. Если мне удастся добраться до генерала Клинтона, возможно, он согласится обменять меня (или даже меня и Арнольда) на Андре. Неплохая сделка, верно?

— Я не позволю тебе сбежать.

— А мне кажется, позволишь. — Исав начал медленно пятиться назад. — Давай на спор. Не верю, что ты поднимешь тревогу. Если ты это сделаешь, меня пристрелят. Не думаю, что в этом случае ты сможешь спокойно смотреть в глаза родителям.

— Не заставляй меня делать это, — угрюмо ответил Джейкоб. Он говорил негромко, стараясь не привлекать внимание конвоиров.

Исав продолжал отступать.

— Передай от меня привет маме, отцу и Мерси. Скажи, что я их люблю.

Джейкоб поднял глаза вверх, на конвоиров, и Исав бросился бежать. Он рванул вперед, не чуя под собой ног. Если он ошибся, брат поднимет тревогу. Тогда он умрет. За спиной Исава было тихо — шансы на удачу росли. Молодой человек несся как стрела. Впереди он увидел небольшой пирс с несколькими лодками. Чуть дальше реяли паруса. «Гриф»? Он припустил еще, насколько хватало сил. По-прежнему было тихо. Джейкоб не смог...

Бах!

Тишину разорвал звук одиночного выстрела. Из ноги Исава кто-то вырвал кусок плоти и коснулся ее раскаленными щипцами. Молодой человек инстинктивно потянулся к ране, нога подогнулась, и Исав со всего маха шлепнулся на мокрые камни, в холодную жидкую грязь. Боль была жгучей, нестерпимой.

Уже лежа, он оглянулся. Словно муравьи в муравейнике, по всему склону и берегу носились солдаты. Они бежали к нему. Позади них с мушкетом в руках стоял Джейкоб. Ствол мушкета дымился.

Дым клубился повсюду: вокруг людей, сгрудившихся по берегам реки, над деревьями, водой, кораблем... «Гриф» в дыму...

Призрачный корабль... Так близко: три шага по воде — и ты в безопасности... Но вот корабль исчезает, его проглатывает туман... Пора домой, к Богу. Бах! — оглушительный взрыв... Джейкоб, его лицо близко-близко, по нему льется пот. Это лицо гримасничает, издевательски разевает рот, хохочет... Джейкоб отодвинулся, встал на колени, прицелился... Бах! Промазал, Джейкоб промазал! Рядом с ним весело приплясывает Мерси, качает головой, тычет в Исава пальцем, протягивает мужу еще один мушкет. Исав хочет закричать, убежать — и не может. Ноги скользят по берегу... Скользят... Скользят... На противоположной стороне реки — Абигаиль. Она зовет его, зовет домой, тянет к нему руки. Губы выговаривают: я люблю тебя... Джейкоб снова прицеливается. Исав пытается встать, пытается бежать. Бах! Боль. Нога. Пульсирующая боль. Он ощупывает ногу... Выше колена она не из плоти, из воска, а внутри — полая. Но разве воск может болеть? Тем временем к Исаву приближается Джейкоб. В руках мушкет... Нет, не мушкет — факел. Он прижимает факел к ноге Исава, и она начинает плавиться. Исав пытается кричать — и не может. Только, подобно рыбе, разевает рот. Нужно предупредить Абигаиль: беги, Абигаиль, беги! Но она не слышит, факел приближается... Беги, Исав, беги!

Молодой человек вздрогнул и очнулся. Все его тело, голова, подушка были в липком поту.

— Исав, ты как? — Мужской голос, низкий, глубокий. До боли знакомый, но здесь такой неуместный. — Сын, с тобой все в порядке? — Над Исавом склонился отец. — Я пришел вчера ночью. Мне позволили остаться, подождать, пока ты придешь в себя.

— Разве они могли отказать... — Исав с трудом выталкивал из себя каждое слово (во рту пересохло, язык еле ворочался), — знаменитому дипломату.

Джаред взял со столика стакан и, приподняв голову сына, помог ему выпить.

— Теперь лучше, — сказал Исав.

— О том, что ты здесь, я узнал от Джейкоба. — Отец поставил стакан на место.

Джейкоб... В голове молодого человека тотчас зароилось множество мыслей. Что именно знает отец? Известно ли ему, кто стрелял в Исава? Что он знает про Арнольда Андре... про события последних дней? И если знает, то от кого? Джейкоба? Врача?

— Я знаю, что произошло у реки, — раздался голос Джареда.

«Прекрасно. Разговор начат. Но что именно известно отцу?

Пусть он сам об этом скажет».

— Джейкоб не мог поступить иначе.

— Я тоже.

— Знаю, сын. Знаю.

— Значит, тебе удалось поговорить с Джейкобом.

Джаред кивнул.

— Немного. Он уехал. — Молчание. — Получил перевод.

«Скорее всего, — подумал Исав, — он не хочет говорить, где Джейкоб».

— Скажи, сын, — Джаред помедлил, — Арнольд принудил тебя сделать то, что ты сделал?

Исав огорчился. Задав этот вопрос, Джаред дал понять сыну, что тот человек безвольный, неспособный противостоять сильной личности. Мало того — это означало, что отец совсем его не понимает.

— Никто ни к чему меня не принуждал. Все, что я сделал, я сделал по своей воле. Я верю в Англию. Верю, что она выйдет из этой войны победительницей. И когда это произойдет, будущее Морганов будет связано с Англией — в том числе и тех, что останутся в Америке.

— Но ты же вступил в континентальную армию.

— Ошибка. Я надеялся, что, столкнувшись с вооруженным сопротивлением, англичане сядут за стол переговоров, а парламент установит истинно деловые отношения с колониями. Но я ошибся — началась война. Поэтому я присоединился к той стороне, которая меня устраивала больше.

— И после всей пролитой крови ты веришь, что наши страны могут снова объединиться?

— Конечно, не сразу, но могут. Как только восстановят английскую законность, в колониях будет больше порядка.

— И поэтому ты украл нашу Библию?

До этой минуты Исав полагал, что объяснять кражу Библии ему придется после войны, после победы Англии. Тогда бы было проще. Сама история доказала бы его правоту.

— Библия принадлежала англичанам. И я позаботился о том, чтобы так оно и было.

Джаред сидел в напряженной позе, тяжело дыша. Судьба фамильной Библии его волновала безмерно. Старый капитан изо всех сил пытался совладать со своими чувствами. В его душе шла ожесточенная битва, финал которой был пока неизвестен.

— Значит, ты, наплевав на историю этой Библии, взял ее потому, что так решил, — резюмировал он. — И вопреки традициям сам себя назначил хранителем.

Исаву слова отца не понравились, но возразить ему было нечего.

— Эта Библия была вверена мне! И только я один могу решать, кому из сыновей ее передать! — Джаред уже кричал. Охранявший Исава прапорщик недовольно покосился на громкоголосого посетителя.

— Я думал о благополучии семьи, — еле слышно выговорил Исав.

— Позволь кое-что тебе сказать. Я заботился об этой семье задолго до того, как ты появился на свет. И мне кажется, я доказал, что прекрасно с этим справляюсь. По-моему, я знаю, что есть благополучие семьи.

— В последние годы твои политические взгляды все больше приближались к взглядам Джейкоба. Мне была невыносима сама мысль, что Библия достанется ему.

— Соперничество, — подытожил Джаред. Он уже успокоился. — Между вами двоими так было всегда. Я мог бы уже к этому привыкнуть.

Исав прикрыл веки. Боль в ноге не проходила. Он хмыкнул.

— Что тебя развеселило? — спросил отец.

— Генерал Арнольд. Я дважды сидел у его постели. Оба его ранения — в ногу. Теперь мы оба колченогие.

— Арнольд перебежал к англичанам.

Для Исава это оказалось новостью.

— Как Андре? — спросил он.

— Слушания по его делу пройдут сегодня.

— А мои?

— Дня через два после того, как заживет твоя нога.

— Какая чепуха, я могу участвовать в слушаниях. Почему так спешат с Андре и откладывают мое дело?

— Я сказал то, что знаю.

— Позови кого-нибудь. Я выступлю в его защиту.

— Они не вызывают свидетелей. Это не суд.

— Тем не менее я хочу присутствовать на слушаниях. Помогите мне встать.

Исав приподнялся на локтях.

— Лежи, — остановил сына Джаред. — Я узнаю, что можно сделать.

И он направился к охраннику.

Диалог между Джаредом и прапорщиком длился несколько минут. Исав видел, как отец что-то говорил, а прапорщик в ответ отрицательно качал головой. И так несколько раз.

— Извини, — сказал Джаред, возвращаясь к постели сына.

— Похлопочешь за меня?

На вопрос сына Джаред ответил встречным вопросом:

— Хочешь, я пойду на слушания?

— Конечно. Ты столько сделал для этой страны, что заслужил место в зале. Воспользуйся именем Франклина. Я должен знать, что там произойдет. И я хочу услышать это от человека, которому доверяю.

Джаред поднялся.

— А ты лежи спокойно, не беспокой прапорщика. Он человек нервный. Ну а я пойду узнаю, что можно сделать.

Джареду Моргану разрешили присутствовать на слушаниях по делу майора Джона Андре. Ему даже не пришлось ссылаться на Франклина. Александр Гамильтон ^[63] знал Джареда по донесениям из Франции.

Слушания проходили в старой голландской церкви в Оринджтауне, Нью-Джерси. В них, в частности, принимали участие командир и советник по вопросам права генерал-майор Натаниел Грин, маркиз Лафайет и барон Фридрих фон Штейбен. Место судьи занял генеральный адвокат Джон Лоренс. Поднаторевший в дипломатических играх Джаред обратил внимание на то, что Вашингтон сделал все, чтобы его не обвинили в предвзятости: назначил многонациональный совет (из четырнадцати входящих в него офицеров, трое родились в Англии, один в Германии и один во Франции).

С учетом того, что речь шла о шпионаже и предательстве, рассмотрение дела проходило на удивление мирно. По всему было видно, что совет офицеров по-разному оценивал двух подсудимых — молодого джентльмена Андре и подлого изменщика Арнольда. В конце подвели итог: Андре — честный англичанин, пострадавший из-за нечестного американца.

Впрочем, и сам обвиняемый немало потрудился над созданием образа благородного английского джентльмена. Его главным оружием была искренность. Даже тогда, когда майор мог увильнуть от ответа (к примеру, изобразить забывчивость), он не поддавался искушению и говорил правду.

Генеральный адвокат Джон Лоренс:

— Лодка, на которой вы направились к берегу, шла под белым флагом?

Андре:

— Нет, сэр.

Лоренс:

— Значит, белого флага не было?

Андре:

— Нет, сэр. Белого флага не было.

Это заявление подсудимый сделал вопреки утверждениям капитана Сутерланда, генерала Клинтона и даже генерала Арнольда. Все они написали письма Вашингтону, в которых настойчиво подчеркивали, что майор Джон Андре сошел на американскую территорию под белым флагом.

— Мне понравился твой друг, — сказал Джаред. — Обаятельный, честный.

Исав сел в койке. Был вечер. Молодой человек только что поел. Весь день он возился в постели, пытаясь найти удобное положение для больной ноги. Хотя, говоря откровенно, его беспокоила не нога, а судьба друга. Он волновался, он мучился, он молился. Но вот наконец вернулся отец.

— И кто участвовал в совете?

Джаред подробно описал состав совета офицеров.

— Как все прошло? Есть ли известия от генерала Клинтона?

Останавливая поток вопросов, Джаред поднял руку. А затем обстоятельно рассказал сыну о заседании. Исав выглядел довольным.

— Неплохое начало.

— Все закончилось, сын.

— Закончилось? За день? И приговор вынесен?

Джаред смотрел на сына усталыми глазами. Он понимал: Исава ждет та же участь. С одной лишь, но весьма существенной разницей. Офицеры могли уважать Джона Андре, оставшегося верным своему воинскому долгу. Но к Исаву они отнесутся иначе. Он запятнал себя предательством. И в этом он скорее схож с Арнольдом.

— Они вынесли приговор?

— Виновен в шпионаже. Единогласно.

Это был удар, правда, ожидаемый. В конце концов, у Андре нашли планы защитных сооружений форта. В этом случае единственно возможный вердикт — виновен. Другое дело наказание. Обратился ли совет к командующему с рекомендацией проявить снисходительность? И внял ли ей Вашингтон?

— Совет дал свои рекомендации?

И снова Джаред кивнул, а потом сказал:

— Вашингтон вынес приговор.

— Так быстро? И какой?

— Смерть через повешение.

Исав сжался. Голова откинулась на подушки. Его мысли обратились к Андре. Это самый жестокий способ казни из всех возможных. Вешают злостных преступников. Офицер заслуживал быть расстрелянным.

— Вашингтон может передумать?

— Если я что-то понимаю в людях — нет, — ответил Джаред. — Он человек властный. И делает это ради блага страны. Надо дать понять: новая власть справедлива. Андре будет повешен, потому что сбежал Арнольд.

— И я тоже.

Джаред склонил голову и прикрыл глаза — он пытался совладать со своими чувствами. А еще он думал о том, как воспримет смерть Исава Энн. Она была сильной женщиной, не ведь это ее сын. Родители не должны переживать своих детей. Тем более их дети не должны болтаться на виселице. Что до него самого, то он лучше кого-либо понимал, что сейчас происходит в душе Исава. В молодости Джареду довелось сидеть в тюрьме: его осудили за пиратство и приговорили к повешению. Его спасли в последний момент — он уже стоял на эшафоте с черным мешком на голове и веревкой на шее. Его брат и один индеец проявили отчаянную смелость и вырвали его из когтей смерти.

— Понимаю, что ты сейчас чувствуешь, — тихо произнес Джаред.

Исав выдавил слабую улыбку.

— Думаю, да. Я помню твою историю. Забавно, верно? До сегодняшнего дня я как-то не осознавал, что ты был на волосок от смерти. Прошое — всего лишь история. А в истории есть что-то абстрактное. Сейчас мои ощущения слишком реальны.

— Не теряй надежды, сынок.

Глаза Исава повлажнели. Он покачал головой.

— Конечно, отец.

Слушания по делу Исава состоялись за день до казни Андре. Это заседание оказалось вдвое короче предыдущего: совет заранее высказал свои рекомендации и по обвинению, и по приговору.

На этих слушаниях офицеры не были столь терпимы, как во время процесса Андре. Они считали Исава правой рукой Арнольда, злостным заговорщиком. Молодой человек отвечал на вопросы очень искренно. Но ему не верили. Члены совета сочли, что его предательство носило куда более масштабный характер, чем он пытался изобразить. По их представлениям, он и Арнольд замыслили измену еще в Мэне, вынашивали свои коварные планы в Канаде и Филадельфии. А после того, как Арнольда назначили комендантом Вест-Пойнта, решили нанести предательский удар. Ведь Арнольд сам хотел этого назначения. Более того — настаивал на нем.

Каждый шаг Арнольда считался шагом к предательству, а каждая встреча Исава с генералом — встречей заговорщиков, замысливших свергнуть молодое американское правительство. Кроме того, в письмах генералов Клинтона и Арнольда имя Исава Морган не упоминалось. Никто не просил о снисхождении для него. Джон Андре тоже ничего не сказал в пользу друга. Исав чувствовал себя одиноким и покинутым.

В памяти молодого человека запечатлелись два момента. Первый был связан с Лафайетом. В течение десяти минут, пока его не поправили, он называл Исава именем брата. Француз объяснил причину путаницы, хотя его об этом не спрашивали. Второй имел отношение к отцу. Джаред Морган поднялся со своего места и попросил разрешения выступить в защиту сына, поскольку никто этого не сделал. Вашингтон, ставивший Джареда чрезвычайно высоко, удовлетворил его просьбу.

— Я знаю, что мои слова прозвучат как свидетельство отца, — начал Джаред. — И все же попытаюсь быть беспристрастным. То, как вы обрисовали моего сына, мало соответствует действительности. Он виноват в одном: в том, что верен Англии. Но ведь совсем недавно все мы были такими. Я знаю его сердце. Он не злодей. Исав присоединился к американцам, но потом понял, что ошибся, и перешел к англичанам.

После этого заявления совет стал относиться к Исаву не так враждебно. Однако слова

Джаред никак не сказались на вердикте. Молодого человека единогласно признали виновным. Его ждала казнь через повешение.

Подсудимого вывели из старой голландской церкви и затолкали в тюремную карету. Внезапно молодой человек тихонько засмеялся.

— Бедняги, — пояснил он изумленному конвоиру, — они так обозлились, что были готовы убить меня дважды, но не смогли придумать, как это сделать.

В тот вечер Джаред не пришел к Исаву в обычное время. И хотя здравый смысл подсказывал молодому человеку, что отца, должно быть, что-то задержало, он с горечью подумал, что после вынесения приговора даже Джаред не желает иметь с ним ничего общего.

Громыкнул засов, дверь открылась. В камеру в сопровождении вооруженных конвоиров вошел Джон Андре. Из них двоих Андре удивился больше.

— Исав? Ха! Исав Морган! Когда они тебя поймали?

Конвоиры освободили Андре от пут и вышли из камеры. Друзья обнялись. Их объятие было долгим-долгим — словно бы оно могло спасти их от вечной разлуки. Наконец с большой неохотой молодые люди отстранились друг от друга.

Андре рассмеялся.

— А я-то думал: ты в объятиях Абигайль, рассказываешь трогательные истории о старом добром друге Джоне. Где они тебя схватили?

— О чем ты?

— Ты же сбежал. И как далеко тебе удалось уйти? Впрочем, ясно — недалеко.

— Сбежал? О чем ты? Меня подстрелил Джейкоб. Ногу до сих пор лечат.

— Странно, мне сказали, ты сбежал. Я слышал выстрел. И меня сразу же утащили. О том, что произошло, я узнал пару дней спустя.

— Жаль, что мой побег не удался! — Исав несколько успокоился. — Я знаю о завтрашнем дне. Есть надежда на то, что тебя обменяют на кого-нибудь из американских пленных?

— Или предателей? — хохотнул Андре. Потом покачал головой: — Если и есть, то мизерная. Такова политика англичан. Кроме того, Клинтон обещал Арнольду позаботиться о его безопасности. А ты как?

— Слушания прошли сегодня. Приговор тот же. Будет приведен в исполнение послезавтра.

Слова друга обеспокоили и удивили Андре.

— Как неожиданно! Почему от меня утаили, что ты пойман? Я бы выступил в твою защиту! — Чем больше он об этом думал, тем мрачнее становился. — Я напишу генералу Вашингтону, сегодня же. Впрочем, завтра мне в любом случае этого не сделать.

Это был юмор висельника, тем не менее им обоим стало смешно.

— Надеюсь, — сказал Андре, — Вашингтон не позволит мне умереть в петле и заменит ее расстрелом. Это самое малое, что он может для меня сделать. И как о дополнительной милости я попрошу того же для тебя.

— Ну кто позаботится о тебе лучше друга?

И они снова захохотали.

Громыкнул засов, открылась дверь.

— А! — весело воскликнул Андре. — Вот и тот человек, что организовал нашу встречу.

Сознаюсь, я подумал, что меня тащат в мастерскую, снимать мерки для гроба... Или что-нибудь в этом роде. И вдруг — встреча с другом. Как я могу отблагодарить вас, сэр?

— Не стоит благодарности.

— Безусловно, я могу хоть что-то для вас сделать. Но я даже не знаю вашего имени.

— Майор Джон Андре, — голос Исавы звучал торжественно, — позвольте вам представить моего отца, Джаред Морган.

Джаред стоял на повороте дороги, ведущей к месту казни. Время двигалось к полудню. Вдоль дороги собралась огромная толпа. Вскоре в сопровождении двух младших офицеров из тюрьмы вышел осужденный. За ними следовал его слуга Питер Лон. Этот человек был направлен к Андре генералом Клинтонем, он привез с собой новую британскую форму. Ее ярко-красный цвет не давал Андре затеряться среди сопровождавших его к месту казни людей.

Время от времени осужденный узнавал кого-то в толпе и просил у конвоиров позволения остановиться и «поговорить с другом». То же произошло, когда он увидел Джареда Морган. Он подошел к нему с таким видом, словно они встретились на прогулке.

— Хочу еще раз поблагодарить вас за вчерашнее свидание с Исавом. Я выполнил свое обещание: написал Вашингтону о вашем сыне.

— Благодарю вас, сэр. Я знаю, как Исав дорожит вашей дружбой.

Эти слова нарушили стоическое спокойствие Андре. Однако он быстро совладал со своими чувствами. И, приняв благодарность старого капитана, с достоинством пошел дальше. Однако, не сделав и двух шагов, он остановился, вернулся назад и взял Джареда за руку.

— Сэр, вы верите в жизнь после смерти?

— Верю.

Андре торжественно кивнул.

— Если вашему сыну уготована та же участь, что и мне, мы обязательно встретимся. И это будет истинный рай.

Произнеся эти слова, он расправил плечи и снова двинулся в свой скорбный путь. Дорога сделала поворот, и Андре увидел виселицу. Он споткнулся, с обеих сторон его поддержали офицеры.

— Что с вами, сэр?

— Я смирился со своей участью, но не с тем, что умру в петле. Неужели нельзя по-другому?

Один из офицеров — он и сам еле сдерживал слезы — только кивнул.

— Тяжелая участь, — задумчиво молвил Андре, — впрочем, — добавил он, — смерть, видимо, будет мгновенной.

Под виселицей поместили телегу, на ней стоял черный гроб. Когда Андре ступил на помост, выяснилось, что еще не все готово. Молодому человеку пришлось сойти вниз. Ожидая казни, он от нечего делать подбрасывал ногой камень.

Обязанности палача выполнял пленный лоялист, с лицом, вымазанным чем-то черным (он не хотел быть узнанным). За исполнение этой работы ему пообещали даровать свободу.

Наконец все было готово, и Андре вновь вошел на помост. В какое-то мгновение колени его подогнулись, и он споткнулся, однако тотчас выпрямился. Он спокойно снял шляпу, развязал шейный платок и расстегнул ворот рубахи. А вот палач был в панике, он

даже не сумел с первой попытки накинуть осужденному на шею петлю. Тогда Андре сделал это сам. Затем достал носовой платок из кармана и завязал себе глаза.

Один из старших офицеров громко зачитал приговор, а затем предоставил осужденному последнее слово. Молодой человек приподнял повязку на глазах и заговорил ровным, спокойным голосом:

— Прошу всех присутствующих засвидетельствовать, что я встретил свою судьбу, как подобает мужчине.

И он вновь опустил повязку на глаза. Его руки связали за спиной. Трескуче забил барабан, дробь закончилась одним страшным, громким ударом. Осужденный умер мгновенно.

Отец и сын Морганы сидели молча. Старый капитан только что закончил рассказывать о последних минутах жизни Джона Андре; от Исава он утаил только одно — последние слова Андре, обращенные к Джареду. Стояла глубокая ночь. Они сидели лицом друг к другу. Отец — на краю стула, сын — на краю койки.

— Хочу, чтобы ты знал: я сделал все, что мог, — прервал молчание Джаред. — Даже сегодня, после казни, ходил к генералу Вашингтону и просил сохранить тебе жизнь. Он сказал, что сочувствует моим страданиям, но из-за волнений в южных колониях и мятежей в войсках вынужден занимать жесткую позицию. — Старый капитан вздохнул. — Утром я попробую еще раз. Возможно, после казни Андре, он по-иному взглянет...

Исав положил руку отцу на колено.

— Ты больше ничего не сможешь сделать. Я благодарен тебе за поддержку.

Молчание.

— Сын, я бы с радостью занял твое место...

На глазах Исава выступили слезы.

— Я знаю, отец. Но это был мой выбор, мне и отвечать.

Молчание.

— Передай маме, что я люблю ее и надеюсь, что она не очень стыдится меня.

Теперь прослезился отец.

— Если ты думаешь, что она может тебя стыдиться, ты совсем не знаешь свою мать. Ничто не убьет ее любовь к тебе.

Исав улыбнулся.

— Мне вспомнилось, как несколько лет назад умер Натан Свифт. Ты, наверное, знаешь — молодой плотник, он утонул. — Джаред кивнул, — Я помню, как мама утешала его мать. Она прочла ей один стих из Евангелия — тот, где Иисус говорит, что уходит приготовить место для нас [\[64\]](#). А еще она сказала, что, возможно, Господь забрал Натана потому, что Ему была нужна помощь в строительстве небесного дома.

— Помню, — ответил Джаред.

— Передай маме, что я обязательно подготовлю для нее дом. Я поставлю у окна стул и маленький столик с Библией, как она любит. Скажи ей, я буду ждать ее у дверей, и тогда она сразу узнает свой дом.

Молчание.

— Передай мое прощай Мерси и Джейкобу.

— Обещаю.

Молчание.

— Сын?

— Да, отец?

— Я могу что-то сделать для тебя?

Молчание.

— Не приходи завтра. Я представил, каково это — стоять на эшафоте и видеть внизу тебя. — Исав более не скрывал слез. — Я... я не хочу, чтобы ты видел, как меня повесят. Пожалуйста, не приходи.

Молчание.

— Хорошо, сын, я не приду.

Молчание.

— Еще что-то?

— Ты помолишься за меня?

Джаред встал и подошел к Исаву. Он положил ему руки на плечи и начал молиться.

— Отец наш небесный, Ты создатель и хранитель всей нашей жизни. Много лет назад Ты подарил нам с Энн двух сыновей. Мы вручили их Тебе, едва они появились на свет. Они в Твоих руках. Я вверяю Тебе жизнь моего сына, обоих сыновей... — Голос несчастного отца дрогнул. — На веки вечные. Прими его, как агнца, в руки Твои. Аминь.

Джаред просидел с сыном всю ночь. Они попрощались незадолго до рассвета.

Исав лежал на койке. За окном занималась заря. Из-за боли в ноге нормально он так и не поспал. Просто время от времени задремывал.

«Во всем есть хорошая сторона, — утешил сам себя Исав, — по крайней мере, перестанет болеть нога».

Юмор висельника. Андре оценил бы эту шутку.

В коридоре, за дверью, кто-то громко расхохотался. Затем зазвучали голоса. Разговаривали два тюремщика. Судя по голосам, они были молоды.

«Неужели они не понимают, — раздраженно подумал Исав, — что я должен выспаться? Меня ждет тяжелый день».

— Я серьезно! — воскликнул один из тюремщиков.

— Да тебе померещилось!

— Послушай, я как раз шел сюда... Вижу — едет телега. Ну, думаю, привезли провиант. Впереди сидят двое, один все время падает на возницу, будто спит или пьян.

— А по мне, пьян ты. Кстати, ты опоздал на десять минут.

— Клянусь мамой — это чистая правда! Возница все время толкал его, сажал поровнее. Короче, телега останавливается, из служебного помещения выходит капрал, и они вдвоем начинают стаскивать этого пьянчугу на землю... И тут у него отваливается голова!

— Ваткинс, ты, должно быть, спятил, если думаешь, что я тебе поверю!

— Да подожди ты! Слушай дальше. Капрал наклоняется, подбирает голову и говорит: «Куда уж нынешним ньюйоркцам до прежних!» Затем сует голову под мышку и вместе с возницей заносит тело внутрь.

— Убирайся отсюда, Ваткинс. Пойди утопись или еще что-нибудь полезное сделай.

— Нет, послушай! Я — к капралу, захожу к нему и говорю: мол, так и так, я все видел. А у него за спиной возничий вытаскивает из шеи того, безголового какие-то бумаги... Погоди-ка, я, кажется, сообразил... точно говорю... он был из воска!

Исав резко сел на койке и весь превратился в слух.

— Абигаиль!

На завтрак осужденному в знак уважения принесли блюда со стола генерала Вашингтона. И хотя Исав предпочел бы получить прощение, он жадно съел все без остатка. По словам Джареда, Джону Андре в день казни генерал Клинтон прислал новый мундир. А вот Исав не дождался от него даже письма в свою поддержку. Молодому человеку выдали форму британского гренадера, в которой тот просто утонул. Брюки пузырились на коленях, рукава доставали до костяшек пальцев.

«Не годится, — подумал Исав, — я отказываюсь быть повешенным в этом наряде!»

Лязгнул засов, со скрипом открылась дверь. На пороге камеры стояли два младших офицера. Тот, что был ниже ростом, обратился к Исаву:

— Исав Морган, мы пришли за вами.

— Что-то вы рано.

— Обуйтесь, сэр.

— Вообще-то, я не спешу...

— Пожалуйста, сэр, наденьте обувь.

— Не могли бы вы мне сказать, куда вы меня собираетесь вести? Казнь назначена на полдень, а сейчас еще нет и десяти.

Офицеры обменялись быстрыми взглядами. Длинный кивнул, и его невысокий спутник ответил:

— Полковник Александр Гамильтон просит вас оказать ему честь своим присутствием.

— Гамильтон? Зачем?

— Полковник хочет встретиться с другом Джона Андре.

Исав натянул второй башмак. Затем встал на ноги, немного потоптался на месте. Как и вся форма, башмаки были ему изрядно велики. Покидая камеру, молодой человек невольно окинул ее взглядом. Привычка. Словно он мог что-то здесь забыть.

— Сюда, сэр.

Офицеры указали в глубь коридора, на черный ход. Когда они проходили мимо какого-то помещения, Исав заметил на полу два безжизненных тела.

— Что это?

— Поторопитесь, сэр.

Офицеры вытолкнули его на улицу через дверь черного входа.

— Но что же...

Договорить Исав не смог. Чьи-то сильные руки швырнули его на дно телеги. Сверху на него навалился рослый офицер, зажал ему рот рукой. Кто-то прикрыл их ковром, и все потонуло во мраке.

Телега тронулась с места.

Исав попытался освободиться.

— Молчите, сэр, — прямо ему в ухо проговорил офицер. — Мы прибыли за вами из Нью-Йорка. Знак уважения от генерала Клинтона.

Телегу швыряло из стороны в сторону.

— Почему вы не спасли Андре? — спросил Исав.

— Не смогли до него добраться.

Исав все понял. Он избежал петли только потому, что погиб его друг.

— Позвольте мне вас поблагодарить. Ради меня вы рискуете жизнями.

— Вы наш приз!

— Не понял.

— Мы знать не знали, что вы в тюрьме. Точнее, вообще ничего о вас не знали. Только попав сюда, мы обнаружили, что вас должны казнить следом за Андре. Не считите за обиду, но мы не хотели возвращаться с пустыми руками.

Естественно, Исав не был польщен, но и не обиделся.

— Разве я могу не боготворить людей, которые спасают меня от виселицы?

И тут подал голос низенький:

— А вообще-то кто вы такой?

Беглецу и его спасителю пришлось пролежать под ковром не меньше часа. Телегу мотало из стороны в сторону. Молодой человек то и дело ударялся раненой ногой о край телеги. При каждом ударе его пронзала острая боль, но Исав не роптал — был рад, что жив. Боль означала жизнь.

Лошади замедлили ход.

— Сидите тихо! — негромко крикнул возница. — Американский патруль!

Исав слышал, как возница предъявлял пропуск — так же несколько дней назад предъявляли пропуск они с Андре. Офицер захотел осмотреть телегу. Возница дал понять, что спешит. Подозрительность офицера усилилась. Ковер откинули. В лица беглецов уставились дула мушкетов.

На Исава с нескрываемым изумлением взирал круглолицый усатый полковник. Его выпуклые глаза на мгновение остановились на лице Исава, затем оглядели красный мундир.

— Морган! — воскликнул он. — Какого черта ты до сих пор здесь делаешь!

Не успел Исав и рта раскрыть, как круглолицый отдал команду:

— Хевис! Вуд! Сопроводите их до Тарритауна, — а затем, приблизив губы к уху Исава, прошептал: — Я думал, ты давным-давно уехал! — После чего приказал вернуть ковер на место и попрощался: — Удачи, Джейкоб!

Телега, скрипя и покачиваясь, поехала дальше. Высокий офицер, лежа рядом с Исавом, хихикал всю дорогу.

— Я думал, мы покойники! — без устали повторял он до Тарритауна. — Думал, нам крышка!

В одиннадцать сорок семь в дверь постучали. Джаред — он как раз заканчивал паковать вещи — знал время точно: он поминутно смотрел на часы и молился.

«Господи, — шептали его губы, — Исаву осталось жить полчаса, Исаву осталось жить двадцать три минуты... Дай ему успокоение, Господи». Нервы Джареда были напряжены до предела, но он выполнил свое обещание и не пошел на казнь.

Человек, постучавший в дверь, не стал дожидаться ответа. Дверь толкнули, и в комнату, слегка пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел генерал Вашингтон.

Не тратя времени на приветствия, он сразу перешел к делу:

— Господин Морган, сегодня утром ваш сын совершил побег.

Это была констатация факта, не обвинение. Вашингтон ничем не дал понять, что подозревает Джареда в соучастии.

— Ясно.

— Вероятно, побег был организован группой английских шпионов. Мы знали, что готовится похищение Андре, и усиленно его охраняли. А вот с вашим сыном все было иначе.

Насколько нам известно, англичане узнали, что Исав арестован, только по прибытии сюда.

— Хорошо... — Джаред тяжело опустился на стул. Он забыл предложить стул Вашингтону, но тот не обиделся.

— Само собой, мы пытаемся изловить беглецов, но они здорово нас опережают. Скорее всего, они уйдут. Сами понимаете, что это значит.

— Да, генерал, понимаю.

— Буду держать вас в курсе дела. — Вашингтон скрылся за дверью.

Застыв словно изваяние, Джаред смотрел в пространство. В его голове вертелась какая-то карусель. Он должен ликовать: Исав свободен! Жив! И он ликовал. «Но это значит, что Джейкоб...»

Застонав, словно раненый зверь, Джаред уронил голову на стол и намертво сцепил вокруг нее пальцы.

— Господи... я не знаю, как... о чем просить... о чем молиться... как молиться... — Тело Джареда сотряслось от рыданий. — Господи, вразуми меня... Прося Тебя помочь Исаву, я молюсь о смерти Джейкоба. Я не могу не радоваться за Исаву. Не могу желать его поимки, ибо тогда он наверняка умрет... зато будет жить Джейкоб. Господи, помоги мне! Помоги мне... помоги. Ты можешь.

Еще ветер не разогнал едкий пороховой дым, еще Исав лежал на берегу реки, держась за раненую ногу, еще бежали вниз по склону солдаты, а в голове Джейкоба уже сложился план. Подмена. Если действовать быстро, дело может выгореть. Итак, Джекоб отправился к своему командиру — генералу Лафайету, а тот отвел его к Вашингтону. План был прост. Для начала нужно сделать вид, что побег Исава удался (чтобы англичане в это уверовали, надо имитировать погоню). Затем, по прошествии нескольких дней, Джейкоб выдаст себя за Исава и проберется на вражескую территорию. Дружба Исава с Андре откроет перед Джейкобом многие двери. Если все пройдет гладко, американцы проникнут в штаб генерала Клинтона.

Первым делом Вашингтон поинтересовался у Джейкоба, сознает ли тот, что с ним станет в случае провала. Молодой человек ответил, что на этот счет у него нет никаких иллюзий. Он кончит свою жизнь так же, как Джон Андре.

— Добавьте к этому месть, — присовокупил Вашингтон. — Англичане захотят отомстить.

Затем он поставил перед Джейкобом задачу — раздобыть план весеннего наступления англичан. Полученную информацию следовало передавать через нью-йоркского агента. Об этом человеке несколько позже Джейкобу сообщит генерал Лафайет.

По окончании совещания Вашингтон распустил присутствующих на нем офицеров; Джейкоба он перехватил на пороге.

— Мой внутренний голос говорит, что вам не стоит туда соваться.

— Но почему, сэр?

Вашингтон тяжело вздохнул.

— Если вас разоблачат, я не смогу смотреть в глаза вашему отцу. Одного его сына я отправил на виселицу, другого — в логово врага, где его, вполне возможно, повесит генерал Клинтон.

То, что Исава казнят, потрясло Джейкоба. Хотя слушания еще не начались, Вашингтон уже принял решение. У молодого человека сжалось сердце. Та стена, что всегда стояла между ним и братом, внезапно рухнула. Впервые в жизни Джейкоб пожалел Исава.

— Быть может, — молодой человек прочистил горло, — смерть моего брата поможет нам. Если все пройдет гладко, мертвый Исав сделает для блага Америки много больше, чем живой.

— Серьезное заявление. Однако сомневаюсь, что вашему брату пришлось бы по душе такой вклад в наше дело.

— Может, и так, сэр.

Вашингтон невидящим взглядом смотрел на бумаги, которые лежали перед ним на столе. У Джейкоба отчего-то засосало под ложечкой.

— Сэр, надеюсь, вы простите мое любопытство... Но в таком случае, почему вы не воспротивились этому предприятю? — спросил он.

Помогло. Глаза Вашингтона ожили. Его взгляд снова стал твердым и ясным.

— Так нужно, — ответил он. — Игра стоит свеч. Вот мой холодный расчет: смерть двух братьев против возможности заполучить ценнейшую информацию. — Молчание. — Обратитесь к генералу Лафайету, он проинструктирует вас относительно нью-йоркского

агента.

— Благодарю вас, сэр.

Покидая ставку командующего, Джейкоб внутренне усмехался. Забавно, он только что благодарил генерала за то, что его отправляют в логово врага, возможно на смерть.

— Бо, послушай меня. Я уезжаю.

Джейкоб держал голову мальчика двумя руками, не давая ему отвернуться. Бо начал пререкаться с ним сразу по приезде в Бостон. Молодой человек предвидел, что так оно и случится. Он знал, что Бо захочет отправиться с ним в Нью-Йорк и его невозможно будет переубедить. Джейкоба тревожило упрямство Бо. Он не сомневался: с Мерси и Энн мальчуган будет вести себя как подобает. Его беспокоило другое: как бы в один прекрасный день он не заметил в нью-йоркской толпе знакомые каштановые вихры. Парнишка был для этого достаточно сметливым и... достаточно глупым.

— Бо, я хочу, чтобы ты поклялся. Понимаешь? Поклялся, что ты останешься здесь, с моей мамой и Мерси.

Разговор происходил в гостиной; в окна виднелся залив. Бо вновь попытался удрать. Но Джейкоб держал его крепко.

— Сделай это для меня, — настаивал он. — Я не должен о тебе беспокоиться. Я не могу тебя взять с собой, это слишком опасно для меня, понимаешь? Тебе придется остаться здесь ради меня.

Мальчуган не желал ничего знать.

— Обещай мне, Бо. Поклянись, что останешься.

Они смотрели друг другу в глаза. Взгляд Бо подернулся влагой.

— Обещай мне! Клянись?

Бо кивнул. Из его глаз брызнули слезы.

— Самой страшной клятвой?

Кивок.

— Я люблю тебя, Бо.

Бо бросился к нему в объятия. В эту минуту раздался голос матери:

— С ним все будет в порядке. — Энн стояла в дверях рядом с Мерси. — Не сомневаюсь, он сумеет о нас позаботиться. Хорошо, что в доме вновь появился мужчина. — И это не было пустым комплиментом. Бо и впрямь стремительно взрослел.

Мерси протянула Бо руки. Он с радостью взял их в свои. Во время кратких встреч Бо и Мерси очень сдружились. Джейкоба это и удивляло, и радовало. Его до последней минуты тревожило, как жена отнесется к тому, что мальчик останется с ними.

Прощание было тяжелым. По большому счету Бо и Джейкоб расставались впервые.

— Позаботься о нашем мальчике, — попросил Джейкоб жену.

Эти слова понравились ему самому. Мерси и Бо — судя по их улыбкам — тоже.

Нынешняя поездка в Бостон преследовала одну цель: оставить Бо на Бикэн-стрит. Джейкоб мог провести дома только ночь. После его воссоединения с женой в Филадельфии их отношения крепили от письма к письму, от встречи к встрече. Любовь Джейкоба к Мерси становилась все более страстной. Молодому человеку казалось, что красота жены с годами только расцветает. Мерси стала зрелой женщиной, более уверенной в себе, бескорыстной, и это усиливало ее привлекательность.

Последняя ночь, проведенная дома, с Мерси, заставила Джейкоба понять: ему есть для

чего жить. До этого момента он жил исключительно интересами дела, его подстегивали дух соперничества, злость. Теперь надо всем главенствовала любовь к жене и Бо. Он верил, что эта любовь поможет ему вернуться домой.

И вот они вчетвером стоят на верхней ступени лестницы, ведущей к дому. Джейкоб поцеловал мать.

В ответ Энн обняла его и шепнула на ухо:

— Прошу тебя, вернись. Я не хочу потерять еще и тебя.

Накануне вечером они долго говорили об Исаве. Хотя Энн и утверждала, что жизнь Исавы находится в руках Божьих, в ее глазах затаилась страшная боль.

— Джейкоб Морган, ты должен вернуться, — произнесла Мерси (молодой человек поцеловал ее и прижал к груди). — Мы с тобой потеряли слишком много времени, и я хочу наверстать упущенное.

Стоя в сторонке, Бо терпеливо дожидался своей очереди.

— Послушай меня, Бо, — сказал ему Джейкоб. Рука, лежавшая на плече мальчика, указала на противоположный конец улицы. — Однажды ты выйдешь из дома, посмотришь туда и увидишь всадника. Это буду я. Ты понял, Бо? Я обещаю.

Несколькими часами позже Джейкоб уже шагал по улицам Нью-Йорка. Когда молодой человек пересекал долину Уайт, его остановил вражеский патруль. Англичане поверили словам задержанного: до них уже дошли слухи о побеге товарища Андре.

Тем не менее они предпочли проявить осторожность и доставили Джейкоба к генералу Клинтону под конвоем.

То, что рассказ задержанного правдив, подтверждала, в частности, серьезная рана на его правой ноге, прямо над коленом. Эта рана могла спасти Джейкобу жизнь. По крайней мере, так молодой человек сказал солдату, которому пришлось выстрелить ему в ногу.

Сведения о ранении Исавы могли просочиться в Нью-Йорк. В конце концов, сцену у реки видело много людей. И если среди них был шпион, провала не избежать.

Молодой человек переносил боль философски. Он утешал себя тем, что теперь ему не нужно будет задумываться, на какую ногу хромать. Плохо, конечно, что рана так ноет. Но лучше уж боль в ноге, чем петля на шее.

До штаба генерала Клинтона Джейкоба везли на телеге. Это позволило ему привыкнуть к своему новому положению. Столько английских мундиров он не видел со времен битвы при Монмуте, а в ту пору эти ярко-красные мундиры служили для него мишенями. Вот и сейчас его руки бессознательно тянулись к оружию.

Генерал Клинтон оказался приятным круглолицым мужчиной с коротким широким носом и стриженными седыми волосами. На макушке у него уже сквозила проплешина. Над добрыми глазами кустились темные брови. Когда речь заходила о майоре Андре, в глазах генерала закипали слезы (о том, что майор казнен, в Нью-Йорке еще не знали).

— Можете ли вы что-то предпринять для его спасения? — спросил Джейкоб.

Он расположился на стуле с высокой прямой спинкой, генерал сидел облокотившись на стол. Клинтон ни на минуту не усомнился в том, что видит перед собой Исаву. Когда молодой человек вошел в кабинет, генерал отечески его обнял.

«Видели бы меня сейчас парни из Вэлли-Фордж», — подумал при этом Джейкоб.

Довольно быстро он сообразил, что столь сердечной встрече он обязан Андре, а не Исаву. Поняв это, Джейкоб почувствовал себя свободнее.

— Я сделал все, что мог, — ответил Клинтон голосом, полным разочарования. — Дважды садился писать генералу Вашингтону письма и дважды их рвал. Вашингтон увидел бы в них только сентиментальные разглагольствования. К тому же мои угрозы не возымели бы действия на старикана.

Из горла молодого человека вырвался нервный смешок — он даже подумал, не внести ли слово «старикан» в свое донесение. Однако тут же заставил себя собраться.

— А обмен пленными?

Клинтон кивнул, подтверждая, что они думали над этим.

— Так мы вернули Андре из плена в Канаде, — ответил он. — Но тогда его положение было предельно ясным — военнопленный. К сожалению, на этот раз речь идет о шпионаже. — Клинтон выругался и ударил кулаком по столу. — Почему он не выполнил мой приказ? Вы же присутствовали при нашем разговоре — я все объяснил предельно ясно.

— Да, сэр. — К счастью для Джейкоба, вопрос был риторическим.

— Все объяснил! — Еще раз с чувством повторил Клинтон. — Ни при каких обстоятельствах не заходить на вражескую территорию! Почему он пошел? Почему?

Джейкоб надеялся, что и этот вопрос риторический — ответа на него он не знал.

Клинтон сочувственно глянул на собеседника.

— Знаю: я ставлю вас в затруднительное положение. Ваши отношения с Арнольдом напоминают мои с Андре. Тем не менее лично мне Арнольд неприятен. Уж прошу меня простить. Он выманил вас на берег, затащил на вражескую территорию, заставил переодеться. В результате возникла тупиковая ситуация! Судить должны были Арнольда, не Андре.

— Согласен.

Клинтон сочувственно улыбнулся.

— Для вас эта ситуация вдвойне тяжела: как-никак они оба ваши друзья. Жаль, Арнольд не может вас поприветствовать, он приболел.

Джейкоб подавил вздох облегчения. Он вовсе не жаждал увидеть Арнольда — перехитрить его будет намного сложнее.

— Как ваша нога?

— Болит. А так все хорошо.

— Как я понимаю, вас подстрелил брат.

Джейкоб весело рассмеялся.

— Да, на это я не рассчитывал. Здорово же я ошибался на его счет! К счастью, он не может похвастаться меткостью.

Клинтон усмехнулся.

— Чем вы намерены заняться? Со слов Андре я знаю, что вы хотели как можно быстрее перебраться в Англию.

— Если вы не возражаете, я задержусь ненадолго — пока не выяснится судьба Джона и не заживет нога.

Клинтон откинулся в кресле, давая тем самым понять, что аудиенция подошла к концу.

— И если я что-то могу для вас сделать, — добавил Джейкоб, поднимаясь, — если могу вам как-то помочь, я сделаю это с величайшим удовольствием...

Клинтон поднялся с кресла и дружески потрепал Джейкоба по плечу.

— Буду иметь вас в виду. Но сейчас для вас главное — выздороветь. Я знаю, вы жили у Андре. Можете пользоваться этим домом.

— Спасибо, сэр, это очень любезно с вашей стороны.

«Но было бы еще любезней сказать мне, где он находится», — подумал Джейкоб. И в ту же секунду сообразил, как выкрутиться из этого затруднительного положения. Он сделал шаг и застонал.

— Я прикажу вас отвезти. Вас доставят прямо к дому.

— Благодарю вас, сэр. Вы очень добры.

«Вот уж воистину добры».

Джейкоб мрачно слонялся по особняку Андре. Ему было не по себе. Молодому человеку казалось, что в дверях вот-вот появится хозяин и любопытствует, по какому такому праву он рассматривает его личные вещи. Сомнений быть не могло: этот дом принадлежал человеку творческому. Повсюду — кисти, перья, краски, этюды, наброски. В основном Андре рисовал людей — чаще женщин, модно одетых, красивых. На диване лежала кипа рисунков: портреты солдат, несколько автопортретов (Джейкоб видел Андре у реки Гудзон, на дороге).

Джейкоб перевернул еще один лист, и его сердце бешено забилося. Исав. Впрочем, изображенный на портрете человек больше напоминал его самого. Глаза посажены близко. Эту особенность мало кто замечал — но они с братом о ней знали, потому как потратили немало времени на то, чтобы понять, чем же они отличаются друг от друга.

Джейкоб взял портрет в руки. Он сравнил изображенную на нем табуретку со стоящей у окна. Да, Исав позировал в этой комнате. По телу Джейкоба пробежала дрожь. Все равно, что увидеть привидение. Взглянешь на рисунок — Исав здесь, переведешь глаза на табуретку — его нет. Трудно поверить: всего несколько дней назад Исав сидел на этой табуретке и позировал Андре. Судя по рисунку, тот работал, сидя на диване. Друзья вместе проводят день. А сейчас они оба мертвы. Повешены.

Глаза Исава впились в глаза Джейкоба — казалось, брат знал, кто хозяйничает в эту минуту в доме Андре. Эти глаза обвиняли Джейкоба в том, что он вторгся в чужое жилище, влез в отношения двух друзей.

Вдруг заныла рана, ноги стали ватными. Молодой человек ухватился за спинку дивана. Рисунок упал на пол изображением вверх; взгляд Исава неотступно преследовал брата. Внезапно Джейкобу пришло на память, как мальчишками они гадали, кто из них умрет первым. День рождения у них один, но день смерти, скорее всего, у каждого будет свой. «Так кто же уйдет первым?»

Джейкоб взглянул в глаза брату, мертвому брату. Теперь они оба знали ответ.

Молодой человек не стал поднимать рисунок. Ему захотелось глотнуть свежего воздуха, уйти из этого проклятого дома хоть на время. Джейкоб похромал к выходу. И тут мелькнуло что-то знакомое. На книжной полке. Он подошел ближе. Семейная Библия Морганов. В эту самую минуту Джейкоб вновь воспрянул духом, нашел себе оправдание. Теперь у него есть еще одна цель.

Первая — раздобыть у англичан необходимую информацию. Вторая — вернуть домой Библию.

Джейкоб раскрыл книгу и быстро просмотрел список имен на титульном листе. Первым стояло имя Эндрю Моргана, последним — Джаред Морган. Джейкоб вспомнил, как они с Исавом до хрипоты спорили о том, кто из них будет хранителем Библии. Словно ставя точку в этом споре, молодой человек захлопнул книгу. Больше говорить не о чем — у Джареда

остался один сын.

Стояла первая декада октября, и холодный воздух уже слегка обжигал кожу. Джейкоб, чуть прихрамывая, брел к деловому району города; его путь пролегал мимо бесчисленных магазинчиков и питейных заведений. Нью-Йорк был городом многолюдным — этим он мало отличался от Бостона или Филадельфии. Впрочем, каждый из этих городов обладал неповторимым лицом.

— Исав!

Джейкоб рывком обернулся и угодил в объятия красивой белокурой женщины. Незнакомка быстро поцеловала его в губы, в щеку, прижала к себе так сильно, что он испугался за свои ребра. И так же неожиданно она отстранилась от него.

— Да что же я делаю! Просто бесстыжая! — кокетливо проворковала белокурая красавица, оправляя на себе платье. — Прости меня, ради Бога, просто, заметив тебя, я не могла сдержаться! В Нью-Йорке только и говорят, что о вас с Андре! Мы, конечно, знаем, что с ним происходит, но о тебе почти ничего не было слышно. А потом поползли слухи о твоём побеге... Исав, я так рада... так рада... Вот только жаль Джона... Это ужасно. Но они же не посмеют его казнить? Я и думать иначе не хочу. С таким человеком, как майор Андре, даже американцы не осмелятся поступить дурно. Ой, Исав, какая же я болтушка, трещу, словно сорока... А ты хромаешь. Как это случилось? Очень болит?

Женщина наконец замолчала и отбросила с глаз белокурую прядь волос. Своей возбужденной болтовней она напомнила ему юную Мерси. Это его удивило. «Неужели Исав нашел в Нью-Йорке копию моей жены?»

— Ну, ты так и будешь молчать? — сказала она, капризно надув губки.

Джейкоб робко покосился на нее.

— Рад тебя видеть.

— И это все?

— Нет, конечно. Просто... — он выразительно посмотрел на свою раненую ногу. — Я еще не оправился от этого кошмара.

Открыть рот она не успела: к ним приблизилась хорошо одетая пожилая пара. Дама взяла знакомку за руку.

— Абигайль, — вскрикнула она, — ваша выставка... это просто... невозможно выразить словами! Невероятно! — Она повернулась к мужу. — Хорас, ты согласен?

— Да, дорогая, невероятно!

— Благодарю вас. Вы очень добры, — улыбнулась Абигайль.

— И так реалистично! — продолжила женщина. — Я знаю графа Чатама лично ^[65] — видите ли, наши семьи дружат с елизаветинских времен — и я поверила, что это он! Он сам, собственной персоной! А ты, Хорас?

— Прямо как живой.

Женщина нахмурилась, посчитав, что ее муж недостаточно эмоционален. Затем вновь разразилась потоком восторженных слов:

— Это великолепно! И надо же, вы делаете все это из воска! Удивительно!

— Удиви... — Встретив сердитый взгляд жены, Хорас прикусил язык.

— Благодарю вас, — еще раз повторила Абигайль. — Мне нравится работать с этим материалом.

— Восхитительно, просто восхитительно!

Пожилая пара раскланялась и покинула Абигайль и Джейкоба. Молодой человек

улыбался, отчасти от удивления, но в основном оттого, что эта супружеская чета, сама того не ведая, оказала ему неоценимую услугу. Итак, он выяснил, что незнакомку зовут Абигайль, что она делает восковые фигуры и... что он встретил своего нью-йоркского агента.

— Ты обязательно должен ко мне прийти! Завтра? Обещай, что придешь завтра. Нам надо поговорить!

Абигайль умоляюще смотрела на него своими синими глазами.

— Ладно, — неуверенно протянул Джейкоб. Вопрос в том: куда идти. Хорошо, хоть он знает ее фамилию.

— Ты ведь помнишь, где я живу? Белый дом с зелеными ставнями и... — Она заговорщицки припала к его уху: — Согнутым мушкетом? — Абигайль прыснула.

— Согнутый мушкет? Кто же их забудет? — ответил он с улыбкой.

Пока Джейкоб не собрал все рисунки Андре и не засунул их в чулан, ему не удавалось даже задремать. Только после того как работы майора были сняты со стен, он наконец-то смог расслабиться. Вообще-то Джейкоб считал, что может спать где угодно: ему доводилось ночевать и в хибарах, и под открытым небом. Но в этом роскошном доме он бодрствовал почти всю ночь. Стоило ему закрыть глаза, и перед его мысленным взором проплывали рисунки Андре. К тому же очень болела нога.

На следующий день Джейкоб первым делом решил раздобыть экипаж, однако их в городе не хватало. Пришлось довольствоваться лошадью. Судя по тому, что молодому человеку никто не помог с экипажем, брат Джейкоба был не такой уж значительной фигурой. Оставалось только надеяться, что Исав, как помощник Андре, все же имел доступ к интересующей американцев информации.

Завидев трехэтажный особняк Абигайль Маттесон, Джейкоб возликовал. У него мучительно ныла нога — он даже не знал, что доставляет ему большую боль: езда на лошади или пешая прогулка. Дом Абигайль произвел на него огромное впечатление. Солнечные лучи ярко освещали фасад здания, благодаря чему была видна каждая его деталь. Прямо за домом стеной поднимались деревья.

«Согнутый мушкет? Что она имела в виду?» Он внимательно осмотрел особняк и не нашел ничего похожего на мушкет.

Молодой человек привязал лошадь к коновязи и заковылял к дому. Постучал. Дверь слегка приоткрылась, и наружу выглянула пугливая негритянка. Джейкоб совсем уж было хотел представиться Исавом Морганом, как вдруг вспомнил о вчерашнем поцелуе. Подобная близость предполагала, что он частый гость в этом доме. Так что он просто спросил миссис Маттесон.

Из-за двери донесся радостный голос Абигайль:

— Впусти его, Мисси, — а затем: — До чего же я рада вас видеть, мистер Морган!

Негритянка распахнула дверь и отскочила в сторону. В грудь молодого человека уперлось дуло мушкета.

— Или мне звать вас Джейкоб?

Гость онемел.

— Ну, что же вы? Заходите. — И Абигайль указала ему дорогу мушкетом.

Молодой человек молча повиновался. Хозяйка дома подвела его дивану и приказала сесть. Сама же осталась стоять, все так же держа мушкет на уровне Джейкобовой груди.

— А тетерь, сударь, объясните, что вы делаете в Нью-Йорке и почему выдаете себя за

Исава?

Она говорила четко и спокойно. Ее глаза были внимательны и строги; ничем более Абилайль Маттесон не напоминала кокетку Мерси.

— Вы не та женщина, которую я вчера встретил на улице. — Джейкоб вежливо улыбнулся. — Как мне знать, что вы не близняшка Абилайль?

— Фи, мистер Морган, как вы можете? — игриво протянула она. А потом невозмутимо добавила: — Вам понравилось, как я изображала Мерси? Видите ли, я подумала, что это поможет заманить вас сюда.

Хотя Джейкоба, как мальчишку, обвели вокруг пальца, его куда больше огорчило то, что Абилайль упомянула о его жене. «Что именно рассказал о Мерси Исава?» Молодой человек почувствовал, как в нем проснулась ревность. Но голос рассудка не позволил ей разгореться. Для начала он должен заставить эту амазонку опустить мушкет.

— Значит, вы поняли, кто я.

— Догадалась почти сразу.

— По поцелую?

Она вспыхнула.

— И поцелуй тоже... но у вас ближе посажены глаза. Я художник и такие вещи замечаю.

Джейкоб улыбнулся.

— А что значит «согнутый мушкет»?

— Я вас дразнила. Только Исава мог это понять.

Молодой человек кивнул.

— Вы моя единственная ошибка. Я и помыслить не мог, что у Исава есть подружка.

— Ведь он всю жизнь любил Мерси, — завершила его мысль Абилайль.

«Опять она поминает Мерси. Как же это неприятно. Эта особа полностью контролирует ситуацию и не дает мне сосредоточиться. Так больше продолжаться не может».

— Думаю, вы в меня не выстрелите.

Абилайль быстро глянула на новенький мушкет и плотнее прижала его к плечу.

— Потому что вы брат Исава?

— Нет. Просто мы с вами по одну сторону баррикады.

— О чем это вы?

Джейкоб развел руками.

— Мы оба работаем на одного человека. Маркиза Лафайета.

Теперь удивилась Абилайль.

— Грубо играете, сударь. А ведь я могу пристрелить вас и отвезти тело в город. И генерал Клинтон меня за это наградит. Я ему быстро растолкую, что вы не Исава Морган. И он мне поверит.

— Все, что вы говорите, — истинная правда, миссис Маттесон! Потому-то за вами и закрепилась слава первоклассной шпионки. — Абилайль опустила палец на курок. — Объяснить, как вы передаете сообщения? — Молчание. — Вы делаете восковые фигуры солдат, коммерсантов, торговцев... Замечу, что внутри эти фигуры полые. Так вот вы прячете в них секретные документы, а затем переправляете нам. Ваши восковые фигуры под видом покойников путешествовали в гробах, перевозились вместе с солдатами при обмене военнопленными... Иной раз их можно увидеть сидящими рядом с возницей на козлах. Обычный маршрут: долина Уайт — восточный Гудзон — паром мистера Шо. Далее —

генерал Лафайет. Ну и какова моя грубая игра? Я угадал?

Абигайль опустила мушкет.

— Для чего вы здесь? И почему меня не предупредили о вашем приезде?

— Не было времени. Мне нужна информация о весеннем наступлении англичан. А вы поможете ее переправить. Я знаю о вас от генерала Лафайета. Сожалею, что вы узнали обо всем таким образом.

Ему действительно было ее жаль: он видел, что Абигайль потрясена. Она подошла к стоящему напротив дивана креслу — при этом мушкет волочился за ней по ковру — и буквально рухнула в него. Мушкет со стуком упал на пол.

— Исав... — еле слышно проговорила Абигайль. — Что случилось с Исавом?

Судя по ее голосу, она приготовилась к худшему.

— Ему не удалось бежать, — Джейкоб говорил тем тоном, который он обычно приберегал для семей погибших. — От генерала Вашингтона знаю: Исава, как и Андре повесят. Возможно, казнь уже состоялась. Мне очень жаль. Исав, очевидно, испытывал к вам глубокие чувства, хотя, на мой взгляд, связавшись с ним, вы рисковали.

Глубокая скорбь Абигайль моментально преобразилась в гнев.

— Не ваше дело, мистер Морган, с кем я связываюсь!

— Возможно, и не мое, но уж это точно дело континентальной армии, которая полагается на ваши донесения!

— Да как вы смеете говорить о недобросовестности моих донесений! Я рискую жизнью не первый год. И я не обязана доказывать свою преданность делу революции какому-то заезжему молодцу.

— Преданность нет, а вот подтверждать верность своих донесений — да.

— Вы чего-то недоговариваете, мистер Морган.

— Вы правы.

Встретив ее враждебный взгляд, молодой человек заколебался. Ему нравилась Абигайль Маттесон. Более того — он начал восхищаться этой женщиной еще до приезда в Нью-Йорк. Из всего, что Джейкоб знал об Абигайль — ее творчество, долгая рискованная служба, умение добыть ценнейшую информацию, — следовало, что она очень отважна. Но Лафайет настоятельно просил его задать миссис Маттесон один вопрос. Итак...

— Почему вы, будучи подругой майора Андре и, как выясняется, Исавы, не известили генерала Лафайета об их встрече с Бенедиктом Арнольдом?

Этот вопрос лишил Абигайль последних сил. В течение нескольких минут она пыталась привести в порядок мысли и чувства. А когда заговорила, ее слова прозвучали несколько сумбурно:

— Я собиралась... не раз... даже составила донесение и сунула его в фигуру — но не смогла отправить. Андре был мне другом... Он художник, не солдат и не шпион... Ему бы рисовать приглашения на балы, а не красться тайком по лесу. Он благородная душа, славный, совершенно безобидный человек... А еще... еще был Исав. И я не смогла... Я... я его любила.

По прошествии нескольких дней Джейкоб уже был готов отправить Лафайету донесение. Он писал его в гостиной Андре, удобно расположившись на диване; в руке у молодого человека был один из карандашей майора. Внезапно раздался уверенный стук в дверь — так обычно стучат официальные лица. «Уж не обучают ли офицеров этому стуку

специально, — мысленно спросил сам себя Джейкоб, — как-то одинаково они все колотят в дверь, очень по-военному». Прежде чем открыть дверь, он спрятал недописанное донесение в чулане, среди рисунков Андре.

За дверью и впрямь стоял офицер. Маленький майор с детским личиком известил молодого человека о том, что его хочет видеть генерал Клинтон. Памятуя о больной ноге Джейкоба, генерал выслал за ним экипаж.

После того как известие о казни Андре достигло Нью-Йорка, военный гарнизон и большая часть гражданского населения погрузились в траур. Многие люди сочувствовали Исаву Моргану — ведь он потерял лучшего друга; благодаря этому добросердечному отношению Джейкоб смог беспрепятственно передвигаться по штабу. Офицеры всячески старались его утешить; никто из них даже и не подумал поинтересоваться, что он вообще делает в штабе. Карты и документы указывали на то, что англичане под командованием генерала Корнуоллиса намерены возобновить свои действия в обеих Каролинах; это было вполне оправданно, так как в южных колониях борьба за независимость находила все меньшую поддержку населения. И еще во многих документах фигурировал Йорктаун.

— Простите, майор, вы не знаете, для чего я понадобился генералу?

— Не могу сказать, сэр.

Офицер был угрюм и неразговорчив. «Видимо, — подумал Джейкоб, — там, где их учат стучать в дверь, не обучают улыбкам».

— Генерал Клинтон будет беседовать со мной с глазу на глаз?

— Не могу сказать, сэр.

— Ясно.

Остаток пути они ехали молча.

Когда адъютант Клинтона сообщил генералу о прибытии Исаву Моргану, из-за двери прозвучало:

— Пусть войдет.

Клинтон был не один. За его столом, закинув ногу на ногу, сидел Бенедикт Арнольд. Вот этого Джейкоб опасался больше всего. «Легко обманывать того, кто лишь изредка встречался с Исавом. Но сумеет ли он провести человека, близко знавшего его брата в течение нескольких лет?»

— Исав! Как я рад тебя видеть!

Арнольд стремительно встал со своего места и протянул молодому человеку руку. Тот ее пожал. Рукопожатие генерала было властным. Серые глаза остро вгляделись в лицо Джейкоба. Это был тот самый человек, что велел всыпать ему тридцать девять плетей в Кембридже. Вот только теперь он постарел и поскуцнел.

— И мне приятно вас видеть, сэр.

Он лгал. В этом облаченном в полную форму британского генерала человеке Джейкоба раздражала все: его самодовольство, щеголеватость... да то, в конце концов, что он находился на свободе. Для него Арнольд был самым воплощением предательства.

— Мог ли кто-то подумать тогда, в глухих лесах Мэна, где мы пухли с голоду ради дела революции, что нам доведется встретиться вот так, в штабе британской армии? Причем не на допросе.

— Конечно, не мог, сэр.

— Впрочем, если память мне не изменяет, вы уже в ту пору хотели перейти на сторону

англичан. Помните, как ваш брат-близнец предупреждал меня о том, что вы скрытый лоялист.

— В Кембридже. Прекрасно помню, сэр.

— Из-за этого я вам долгое время не доверял.

— Рад, что все изменилось.

Повисла долгая, мучительная пауза, во время которой Арнольд по-прежнему не сводил с Джейкоба глаз.

— А как поживает миссис Арнольд, — прервал затянувшееся молчание молодой человек, — скоро она к вам присоединится?

— Мы ведем переговоры. Надеемся, ей позволят выехать.

Джейкобу показалось, что он справился. Арнольд не выказывал никаких сомнений, что перед ним — Исав Морган. И все же пока Арнольд здесь, проверка продолжается.

— Исав, — подал голос Клинтон, — я пригласил вас сюда, чтобы попросить об одолжении.

Ну, что ж, еще лучше. Появился шанс завоевать доверие генерала Клинтона.

— Боюсь только, из-за этого поручения вам придется задержаться в Америке, — продолжил Клинтон.

Джейкоб ответил не сразу. Он знал, что Исав мечтал перебраться в Англию, стало быть, надо сделать вид, что это решение дается ему нелегко.

— Порой приходится жертвовать личными интересами ради общего дела, — сказал он, выдержав паузу. — Если вам нужна моя помощь, с радостью задержусь в Америке.

— Вот уж воистину большая жертва с твоей стороны — ты ведь никогда не собирался в Англию. — Голос, раздавшийся за спиной Джейкоба, прозвучал словно зов с того света.

Молодой человек резко обернулся и увидел прямо пред собой Исава.

Исав приехал в дом Абигайль без предупреждения. Входная дверь чуть приоткрылась, и наружу высунулась кудрявая голова.

— Здравствуй, Мисси, — поприветствовал девушку Исав.

— Мистер Морган. — Голос негритянки прозвучал на удивление холодно. — Вы сегодня рано. Мы ждали вас позже.

— Возможно, вы меня вообще не ждали, — дружелюбно заметил Исав.

— Сэр?

— Ладно, не бери в голову. А где Аби... миссис Маттесон?

— В мастерской, готовится к вашему визиту. Вы пришли слишком рано.

Исав шагнул вперед и слегка надавил на дверь, Мисси пришлось посторониться.

— У нее кто-то есть?

— Нет, просто она не ждала вас так рано. Вы...

— Знаю-знаю. Я пришел слишком рано. Спасибо, Мисси. Я найду дорогу в мастерскую.

Негритянка не скрывала своего недовольства:

— Еще бы: вы же здесь бывали, — а потом, набравшись решимости, выпалила: — Ваш брат мне нравился куда больше, он хотя бы был джентльменом.

Когда Исав вошел в мастерскую, Абигайль как раз натягивала на восковую фигуру солдатскую шинель. На молодой женщине был надет передник; волосы подняты, на руках застыли кусочки воска.

Абигайль стояла к Исаву спиной. Разобравшись с шинелью, она отвела со лба светлую

прядь. Молодой человек растерянно застыл в дверях. Он ведь уже и не чаял ее увидеть. Все то время, что Абигаиль возилась с солдатом, он пытался совладать со своими чувствами.

Но вот Абигаиль полуобернулась и — испуганно подпрыгнула, схватившись рукой за горло.

— Мистер Морган, вы меня напугали! — Она глянула на часы, которые стояли на заставленной всякой всячиной полке. — Что вы здесь делаете? Еще слишком рано. — Абигаиль, как и Мисси, обдавала холодом.

— Это я уже слышал.

Минуту назад, когда глаза Абигаиль встретились с глазами Исава, между молодыми людьми пробежала какая-то искра. Но если женщину это напугало, то у мужчины душа наполнилась счастьем и от радости бешено заколотилось сердце.

— Ладно, неважно, — безразлично произнесла Абигаиль, надевая на голову воскового солдата парик. — Вы принесли бумаги?

— Нет.

Абигаиль подбоченилась.

— Вы их забыли?

— Нет. Просто пришел без бумаг.

На ее лице изобразилось отчаяние. Она повернула фигуру и поправила на ней парик.

— У меня нет времени на отгадывание загадок, мистер Морган.

Исав не собирался играть с ней в кошки-мышки — просто не так-то легко сообщить человеку, что ты жив.

— Абигаиль, — сказал он тихо. — Давай поговорим в гостиной.

— Мистер Морган, я считала, что у нас с вами договоренность. — Она старательно подбирала слова. — Мне больше нравится, когда вы называете меня миссис Маттесон. Я готова работать с вами — и только.

Исав закрыл глаза и улыбнулся. Как же много значили для него эти слова! В течение всего пути до дома с зелеными ставнями он пытался заглушить в себе ревность. Долгие годы они с братом добивались любви одной женщины, и теперь, возможно, Джейкоб тоже проявил интерес к Абигаиль. Но после слов Абигаиль у него точно камень с души свалился.

— Абигаиль...

Ее руки застыли. Челюсти сжались, синие глаза метали молнии. Исаву уже приходилось видеть ее в таком состоянии — он понял, что времени у него в обрез.

— Я не тот, за кого ты меня принимаешь.

— Вы правы, — процедила она сквозь зубы. — Я считала вас джентльменом.

Исав засмеялся. Это еще больше разозлило Абигаиль. «Нужно что-то срочно предпринять». И тут ему в голову пришла удачная мысль.

— Посмотри на меня, — попросил он.

Синие глаза зло уставились на него.

— Но только внимательно.

— Мистер Морган, предупреждаю вас...

Гнев ослепил ее.

— Может, мне встать подле моего воскового двойника, который ты куда-то спрятала? Ты ведь так и не сказала, где он. Может, тогда ты меня узнаешь?

Гнев сменился неверием и страхом. Но она все-таки смотрела на Исава — смотрела, не отводя глаз.

— Ты же художница! Взгляни на меня. Что ты видишь?

Энн Морган сидела в гостиной подле окна и смотрела вспухшими, покрасневшими глазами в одну точку. Комнату золотило утреннее солнце; солнечные лучи омывали мягким светом лежавшую на столе Библию. Энн жаждала ощутить присутствие Бога — и не могла. Его слова — вот они, рядом, стоит только руку протянуть к книге, но где же Он сам? Это чувство не было для нее внове. Все равно, что читать письма Джареда из Китая. Ты благодарна за каждую строку и при этом бесконечно нуждаешься в реальном человеке. Сегодня один из тех дней, когда слов недостаточно.

Поверх Библии лежало письмо, написанное рукой Джорджа Вашингтона. «Дорогие Джаред и Энн Морган, с великим огорчением я...» Из письма следовало, что Вашингтон получил депешу из штаба генерала Клинтона, в которой говорилось об аресте Джейкоба Моргана. Военный суд признал молодого человека виновным в шпионаже и приговорил к казни через повешение. Мерси было отправлено аналогичное послание.

Библия была раскрыта на Книге пророка Исаяи:

«Разве ты не знаешь? разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? разум Его неисследим. Он дает утомленному силу, и изнемогшему дарует крепость» ^[66]. Слова. Как письма издалека. Бумага и чернила... А она нуждается в утешении и понимании. И еще в ответах.

«Господи, почему все происходит именно так? Почему государства воюют? Почему погибают молодые? Почему должен умереть Джейкоб? И как истолковать тот факт, что совсем недавно мои губы твердили ту же молитву... но имя они произносили иное — Исав? Конечно, я счастлива, что Исав избежал смерти, но он все равно для меня потерян — потерян хотя бы на время войны».

То, что это может произойти, Энн знала всегда; но разве избавит ее от страданий тот факт, что она оказалась прозорливее многих? Она обратилась мыслями в прошлое, к тому дню, когда оба ее сына были дома и сидели за обеденным столом. Морганьы принимали гостей: доктора Купера, Сэма Адамса и Джона Хэнкока. Тем вечером она испытала леденящий ужас, почувствовала сердцем, что ветер войны раскидает ее семью, словно опавшие листья, в разные стороны. Но разве остановишь ветер? Горячие споры давно сменились братоубийственной войной, смертью, огнем.

Энн отодвинула письмо, и ее глаза вновь побежали по строкам Библии:

«Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» ^[67].

Голова женщины безвольно запрокинулась на спинку стула, веки смежились; она мысленно заговорила сама с собой: ««Поднимут крылья, как орлы». Разве могу я на это надеяться? «Потекут — и не устанут». Как стать быстрым потоком с такою-то ношей? «Пойдут — и не утомятся». Да, Господи, да... это то, что нужно. Помоги мне идти, тихо, шаг за шагом, не спотыкаясь».

— Энн?

Она открыла глаза. В дверях стоял Джаред.

— Пришла Присцилла.

Энн вытерла глаза. При появлении домашних она поспешно встала. Джаред, Присцилла

и Мерси расположились полукругом на диване (он стоял против широкого, во всю стену окна, выходящего на бухту). Приглушенными голосами Морганы рассказали госте о Джейкобе. Выслушав тревожную новость, Присцилла придвинулась к Мерси, обняла ее за плечи, прошептала слова утешения. Затем обратилась к брату:

— Ты написал Филипу?

— Только что.

Он протянул сестре письмо. Присцилла должна была взять его с собой в таверну, а уже оттуда на перекладных его доставят их старшему брату в резервацию наррагансетов.

В окно они видели Бо. Мальчик неподвижно стоял перед домом на том самом месте, где с ним прощался Джейкоб, и сосредоточенно вглядывался в глубь Бикэн-стрит.

— Он знает? — спросила Присцилла.

Мерси покачала головой.

— Нет. Мы думали, так будет лучше.

Бо позвали в дом для утренней молитвы. Вместе со всеми он опустился на колени и молитвенно сложил руки на сиденье стула.

Начал Джаред: «Господи, я никогда не был златоустом. Так уж вышло, что в самые трудные минуты я не могу подобрать нужных слов. Но Ты знаешь мое сердце. И мне кажется, теперь я понимаю, что Ты чувствовал, когда Твой сын шел дорогой страданий. Ты знаешь, я бы сделал все, чтобы оградить моих мальчиков от мучений... Но я не в силах... Мы должны переждать этот шторм и верить в то, что Ты не позволишь нам разбиться о скалы. Ты охранял нас прежде. И Ты можешь сделать это сейчас».

«Господи, как же сильно болит душа за наших мальчиков! — подхватила молитву Энн. — Мы всегда хотели для них одного: чтобы они познали счастье и любовь. Но и им, и нам были посланы боль и горе. В эти страшные дни они особенно нуждаются в Тебе, Господи. Мы не можем им помочь, но Ты — можешь. Да будет воля Твоя в жизни Джейкоба и Исава, прошу Тебя, Господи, да будет воля Твоя».

Следом за Энн начала свою молитву Мерси: «Господи, я не была той женщиной и женой, какой Ты хотел бы меня видеть. У меня нет никакого права обращаться к Тебе с просьбами, но я научилась у Джареда и Энн доверять Тебе, и я знаю, Ты можешь зло обернуть добром. — Она прикусила губу, не позволила себе заплакать. — Ты знаешь о моих чувствах к Исаву; молю, пусть он найдет счастье. Ты знаешь, как сильно я люблю Джейкоба и как страстно я желаю быть с ним... Прошу, верни его мне... — Она старалась говорить так, чтобы не встревожить Бо (мальчик пристально следил за губами молящихся). — Я знаю одно: мы обязательно будем вместе, если не здесь, то там, в вечной жизни».

«Боже, Ты так долго указывал нам, Морганам, дорогу, не оставляй же нас и в эти минуты, — молилась Присцилла. — Только Ты можешь спасти семью. И еще. Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты сделал Мерси частью нашей семьи».

Подошла очередь Бо: «Господи, пожалуйста, верни мне Джейба. Я жду его каждый день. Прошу Тебя, верни Джейба домой».

Радость, которую испытала Абигаиль, узнав, что ее любимый жив, почти сразу же вытеснил страх. Джейкоб арестован. Она в ловушке. Впереди замаячила виселица. Абигаиль одновременно хотелось и прижаться к Исаву, и бежать от него, как от врага, без оглядки. Молодая женщина отчаянно боролась с собой, но она уже утратила способность здраво рассуждать. Еще немного — и у нее могла начаться истерика.

Исав опустился рядом с ней на колени, сжал ее в объятиях, и, целуя в ухо, стал нашептывать слова утешения.

— Я должна немедленно бежать! — воскликнула Абигаиль, отталкивая молодого человека. — Они идут! Предупреди Исаака и Мисси.

— Никто не идет. Никто. Ты в безопасности.

— Нет! Джейкоб... У них Джейкоб.

— Он о тебе не скажет. Им ничего не известно.

Она посмотрела на него снизу вверх. Судя по взгляду Абигаиль, ей отчаянно хотелось верить Исаву, но пока он ее ни в чем не убедил.

— В момент ареста он сказал мне, что ты в безопасности.

— Да как он мог!? А если кто-то услышал мое имя!

Исав еще крепче прижал к себе любимую.

— Он его не упоминал. Просто сказал: «Похоже, согнутый мушкет вновь переходит в твои руки». А потом добавил, обращаясь к Клинтону и Арнольду: «Мы соперничали с братом еще тогда, когда носились по двору с игрушечным оружием». Они сочли, что речь идет о какой-то игрушке, из-за которой мы дрались в детстве.

Абигаиль начинала успокаиваться.

— Я никогда не рассказывала ему о согнутом мушкете.

— Он знал достаточно, чтобы понять: эти слова вызовут у меня ассоциацию с тобой.

Ее все еще била мелкая дрожь.

— А ты?

— Что я?

— Ты ведь знаешь — я американская шпионка. Не собираешься меня сдать?

Исав прижался щекой к ее волосам.

— Я искал тебя всю жизнь. Неужели ты думаешь, что я предаю тебя только потому, что мы с тобой политические противники?

Тело Абигаиль еще раз конвульсивно вздрогнуло, и она успокоилась.

Их мир был прекрасен — эдакий тихий грот в скале, вокруг которой бушует сильнейший шторм. Этот мир принадлежал только им; они были счастливыми обладателями камина и доски для игры в нарды. Казалось бы — идиллия. Но, как и большинство миров, этот был соткан из противоречий.

В гостиной Абигаиль они прятались от войны. Пока люди иступленно истребляли друг друга, Исав Морган и Абигаиль Маттесон обрели в объятиях друг друга покой. Но мир ненависти и войны был неизмеримо больше их мирка. И этот мир завидовал их покою и любви. Исав и Абигаиль не могли остановить лавину ненависти.

— Да ты сама-то себя слышишь? Как, развязав войну, можно создать мирное государство? — Стоя у камина, Исав недоуменно развел руками. За секунду до того он поднялся с пола; ему было необходимо размять ногу.

Абигаиль все еще сидела на полу перед игровой доской. Она только что выиграла очередную партию; затем разговор зашел об их будущем. Исав хотел, чтобы она уехала с ним в Англию.

— Порой необходимо бороться за то, во что веришь, — ответила женщина.

— Защищаться — да. Но войну спровоцировали как раз колонии. Парламенту ничего другого не оставалось, как только послать в Америку войска.

Абигайль покачала головой.

— Я не согласна с такой интерпретацией событий. Парламент мог дать нам право голоса; мы это заслужили. Кроме того, мы не нападаем, а обороняемся. У нас должно быть право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Для Англии мы всегда будем колонией, зависимой и подневольной, — и только источником прибыли.

Исав и Абигайль спорили беззлобно. Любовь значила для них куда больше, чем политические взгляды. Но когда речь заходила о будущем... Здесь их желания совпадали только в одном: жить вместе в мире и относительной защищенности.

Бороться за необходимые реформы, оставаясь подданным Англии, или создать новое государство, с новыми ценностями и верой, — эту проблему Исав обсуждал уже сотни раз: с братом, отцом, друзьями по Оксфорду, гарвардскими студентами... Но сейчас все было иначе. И не потому, что он любил нынешнего оппонента больше предыдущих (хотя, чего греха таить, так оно и было) — просто теперь в игру вступила сама жизнь. Прежние споры носили характер умозрительный — чистой воды теория, мнение против мнения. А сейчас пред ним на полу сидела красивая женщина, которая к тому же обладала мужеством иметь свои убеждения. Ради них она рисковала жизнью. И Исав впервые задумался, не ошибается ли он.

— Помнишь, однажды ты упомянул о своем предке-пуританине, — сказала Абигайль, — ну о том, что первым обосновался в Бостоне.

— Энди Морган.

— Почему он покинул Англию?

— Если быть точным, он сбежал, чтобы спасти себе жизнь.

И Исав рассказал историю Эндрю Моргана. Он поведал своей возлюбленной о том, как юный Энди жаждал славы и приключений, как всемогущий епископ Лод вовлек молодого человека в борьбу с пуританами, как Энди, разыскивая неуловимого пуританского памфлетиста, попал в небольшой городок Эденфорд и нашел там то, ради чего стоило умереть. А именно: веру и любовь. Однако, встав на сторону пуритан, он приобрел страшного врага в лице епископа Лода и, чтобы избежать его гнева, покинул Англию вместе с жителями Эденфорда, направлявшимися в колонию Массачусетского залива.

— И что пуритане хотели обрести в Новом Свете?

Исав улыбался.

— Это что, экзамен по истории?

Абигайль улыбнулась в ответ:

— Нет, дорогой, это наше наследие. Уважь меня, ответь.

— Мои предки, наши предки, — поправился Исав, — хотели одного: создать страну, которая отражала бы их веру в Бога. И Библия служила им путеводной нитью.

— Замечательно! Ты мой лучший ученик!

— А блестящий ответ не дает права на поцелуй?

— Не дурачься, — ответила она, — я пытаюсь обосновать свою точку зрения. — Исав сел на пол; ему все время хотелось находиться рядом с Абигайль. — Ты как-то говорил мне, что намерен продолжить род Эндрю Моргана.

— С тобой.

Молодой человек потянулся к возлюбленной.

— Пуритане, — рассмеялась Абигайль, — искали свободу. Они хотели сами выбирать свою судьбу, строить жизнь как можно дальше от английского правительства. Сердцем я

пуританка. Я хочу того же, чего хотели они, — создавать и растить семью согласно своим верованиям и своему пониманию свободы.

Исав отодвинулся от Абигайль и сел прямо. Ее слова задели его за живое.

— С этим я согласен. Но, к сожалению, то, о чем ты говоришь, не имеет к войне никакого отношения. А вот что имеет, так это политика. Чистая политика и только. Я говорил — нет, слово «спорил» более уместно — со многими бостонскими патриотами, заварившими эту кашу. Поверь, они просто безжалостные политиканы, ничего более.

— Не все.

— Большинство из них.

— По крайней мере, один из них не такой.

— И кто это, позволь полюбопытствовать?

Абигайль стремительно встала и вышла из комнаты, а спустя время появилась с кипой газет.

— Я прятала их, пока полковник был жив. Они так его огорчали. А меня вдохновляли. Этим газетам я обязана своим решением помогать делу революции.

Осторожно перелистывая страницы газет, она начала читать:

— «Мы не должны забыть те вдохновляющие дни Великого пробуждения, когда Джордж Вашингтон пламенно взывал к народу с трибуны, а жители Новой Англии повернули стрелки часов вспять, к временам Винтропа и Коттона ^[68]. Мое самое страстное желание — восстановить в Новой Англии обычаи и мораль пуритан. Мы хотим разорвать пуповину, связывающую нас с матушкой-Англией, для того, чтобы способствовать новому расцвету пуританства. Пуританство — наша цель. Революция — наш метод ее достижения... — Еще раз прошелестели страницы. — Я твердо верю, что пуританство — лучшая защита для жителей Новой Англии от британской тирании. И хотя пуритане за последнее столетие сдали свои позиции (и это достойно сожаления), пуританство может, как и на заре XVII века, стать стержнем нашей свободы».

— Бостонский журналист? — спросил Исав.

— Довольно известный.

— Потрясающий. Ничуть не похож на встречавшихся мне политиков.

— В Бостоне он столь же влиятелен, как ваша семья. Возможно, ты все-таки с ним встречался.

— Нет. Человека, решающего такие благородные задачи, я бы запомнил. Как его зовут?

— Сэмюэл Адамс. Знаешь его?

— Пришел позлорадствовать?

Джейкоб Морган небрежно развалился на койке. Когда к нему впустили Исава, он не дал себе труда сесть, не то, чтобы встать. Молодого человека содержали под замком в погребе одного из старинных каменных особняков. По прихоти его владельца, революционно настроенного судостроителя и любителя изысканных вин, помещение было поделено на две части. Когда-то, до оккупации Нью-Йорка англичанами, все пространство около лестницы, от пола до потолка, было заставлено ячейками для вин; а за массивной дверью с висячим замком, установленной в противоположном конце погреба, хранились лучшие хозяйские вина. Но судостроитель исчез, вина выпили, ячейки для бутылок разобрали, а в глубине погреба под замком теперь сидел американский шпион.

В погребе было холодно и сыро; тусклый свет керосиновой лампы безуспешно пытался

победить мрак. Чтобы не замерзнуть, Джейкоб не снимал сюртук. Кроме койки и маленького столика, в помещении ничего не было. Войдя в узилище, Исав прислонился спиной к стене. Слова брата он предпочел пропустить мимо ушей.

— Не очень-то просторный номер, — миролюбиво сказал он, оглядевшись.

— Полагаю, твой был лучше.

— Во всяком случае, он не напоминал склеп.

Джейкоб пренебрежительно фыркнул.

— Что тебе нужно?

— Просто зашел посмотреть, как ты тут.

Джейкоб свесил с койки ноги.

— Хорошо, давай посмотрим. Я под замком в погребке, через четыре дня меня повесят, вдобавок ко всему из-за этой сырости меня вот-вот начнет колотить озноб. Нет прекрасней жизни, чем эта.

— Радуется, что чувство юмора тебе не изменило. — Пауза. — В чулане среди рисунков Джона я нашел твое донесение.

— Еще один гвоздь в крышку моего гроба.

— Не хочешь передать что-нибудь Мерси? Письмо или что-то еще, я мог бы... — Исав покосился на дверь. Надо быть настороже, вдруг их подслушивают. — ...проследить за тем, чтобы она его получила, — многозначительная пауза, — так или иначе.

Во взгляде Джейкоба мелькнула благодарность — стало быть, он понял, что Исав намекал на Абигайль.

— Ловлю тебя на слове. — А затем, погрозив пальцем, добавил: — Держись подальше от Мерси. Спорим, ждешь не дожدهшься моей смерти, сразу помчишься в Бостон. Так вот, у меня для тебя новость. Мерси изменилась. Только потеряешь время.

— Моя бостонская жизнь подошла к концу. И хотя в моем сердце Мерси всегда будет занимать особое место, у меня есть Абигайль. Я счастлив с ней.

Джейкоб дружелюбно ухмыльнулся.

— Она нечто особенное, согласен? — сказал он. — Не понимаю, что она в тебе нашла.

Исав засмеялся.

— Что тебя так развеселило? — полюбопытствовал Джейкоб.

— Конец эпохи, — выдохнул Исав. — Ты хоть осознаешь, что впервые с того самого вечера в Филадельфии, с момента знакомства с Мерси Рид, мы из-за нее не воюем?

— Грустно, правда? Столько времени тебе понадобилось, чтобы осознать одну простую истину — ты проиграл.

Слова брата больно кольнули Исава, но он справился с обидой. Это уже не имеет значения. Борьба окончена.

— Абигайль стоило ждать, — кратко подытожил он.

Повисла неловкая пауза.

Первым заговорил Исав:

— Слышал, у тебя есть дружок.

— Где ты это слышал? — вскинулся Джейкоб.

Вообще-то, Исаву об этом говорили дважды. Сначала, в Филадельфии, — Мерси, потом, в Таппане, отец. О Мерси молодой человек благоразумно умолчал.

— В тюрьме, в Таппане, от отца.

— Он говорил, что Бо глухой?

Исав кивнул. И тотчас вспомнил, как просветлело лицо отца, когда он рассказывал о мальчишке.

— Он особенный, — просиял Джейкоб. — Сообразительный, проворный, заряжает мушкет быстрее всех на свете. — Молодой человек громко, от души рассмеялся. — А еще он умеет барабанить! Научился у Заха, полкового барабанщика, тоже мальчишки. Знаешь, как ему это удается? — Исав покачал головой. — Вибрация! — Джейкоб все больше воодушевлялся. — В Вэлли-Фордж я заболел, мне было тошно как никогда. А Бо бродил по домику и колотил деревянной ложкой по всему, до чего мог дотянуться. Каюсь, я не понимал, что он делает. Не догадывался о его дружбе с Захом. Короче, Бо сводил меня с ума. Голова раскалывается, а он стучит без передыху. Ему, видишь ли, было невдомек, что он меня изводит — он-то этого грохота не слышал. Короче, я вышвырнул его из домика! Хорошим же я оказался опекуном.

Исава рассмешила история Джейкоба, но еще больше его обрадовало и удивило его лицо. Впервые в жизни он видел брата таким. Каким-то чудом маленький глухой мальчик подобрал ключик к сердцу Джейкоба. Молодой человек гордился Бо словно собственным — и при этом обожаемым — сыном.

— Как бы там ни было, вскоре в сражении при Монмуте, Заха убили. Наши солдаты бежали с поля боя, и Вашингтон лично объезжал войска, разыскивая барабанщика. Надо было вести людей в атаку. И пока я пытался объяснить ему, что барабанщик убит, Бо начал отбивать команду «к оружию». Я чуть не онемел от удивления!

Исаву казалось, что перед ним незнакомец.

— Хотелось бы встретиться с этим чудо-ребенком.

Глаза Джейкоба затуманились.

— Я и сам не прочь увидеть его еще раз, перед смертью. — Молодой человек взял себя в руки и с грустной иронией добавил: — Хотя бы для того, чтобы сказать: не стоит, дружок, больше торчать на улице.

Лицо Исава приняло озадаченное выражение.

— При прощании я сказал ему, — объяснил брату Джейкоб, — что когда-нибудь он увидит, как я еду по Бикэн-стрит. А Бо такой упрямый, он до старости будет стоять на улице и ждать меня.

Судя по отсутствующему выражению в глазах Джейкоба, мысленно он был сейчас в Бостоне, рядом с Бо.

— Я могу тебе как-то помочь? — спросил Исав.

— Спаси меня.

Губы Исава раздвинулись в полуулыбке.

— В Таппане отец вспомнил, как его когда-то чуть было не повесили.

— Точно! Это стало у нас, Морганов, традицией.

Исав рассмеялся.

— И я надеюсь эту традицию поддержать, причем по всем пунктам, — добавил Джейкоб.

— Не понимаю.

— Отец ждал казни, и избежал ее; ты ждал казни, и избежал ее. Я жду казни, осталось только дать деру.

Исав обвел взглядом помещение. Никаких окон. Один выход. Охранник у двери. Охранник на верхней площадке лестницы. Охранники в доме.

— Правильно, — сказал Джейкоб, угадав мысли брата, — я забыл, что беседую с врагом.

— Вот-вот, и я собирался сказать... — Исав приглушил голос. — В тюрьме отец сказал мне, что хотел бы поменяться со мной местами, обменять свою жизнь на мою.

В глазах Джейкоба зажглись лукавые искорки.

— То есть ты хочешь поменяться со мной местами? Это совсем нетрудно, сам знаешь.

— Нет, этого я не говорил.

Смешок.

— Так я и знал.

— Я имел в виду другое: будь здесь отец, ты услышал бы от него то же самое.

Джейкоб пожал плечами.

— Из-за твоего посредничества это предложение обесценилось.

Исав отлепился от стены.

— Мне пора. Если напишешь письмо, я переправлю его в Бостон.

— Ирония судьбы, не находишь? — Джейкоб принял философский вид. — Не так давно матери и отцу пришлось приучать себя к мысли, что наша семья сократится на одного сына. Сначала у них оставался я, теперь ты.

Исав постучал в дверь. Когда лязгнула щеколда, Джейкоб сказал брату:

— Один совет. Верни Библию отцу. Пусть он сам тебе ее отдаст, когда будет готов.

— Я был у Джейкоба.

— Как он?

— Не так хорошо, как я.

Исав подошел к Абигайль сзади и обнял ее за талию; молодая женщина прижалась головой к его груди.

— Это не смешно! И не по-братски! — Абигайль попыталась отстраниться от Исава, но он крепко держал ее в объятиях.

— Прости, от старых привычек не так-то легко избавиться. Это прозвучало... Прости. Я совсем не то имел в виду. Он в порядке. Несколько развязен, храбрится... Но ему все равно придется взглянуть правде в лицо.

— А что с Мерси? Что будет с ней?

Исав тяжело вздохнул.

— Честно говоря, не знаю. Она очень изменилась. Стала более зрелым человеком. Духовным. Мама будет рядом, утешит ее. Тебе понравится моя мама. Я говорил, что она пишет стихи?

Абигайль слегка отстранилась от Исава и искоса взглянула на него.

— Нет! Не говорил. Знаешь какое-нибудь ее стихотворение?

— Наизусть?

— Конечно!

— Нет. Но пишет она хорошо.

Абигайль снова уютно устроилась в объятиях любимого.

— Я всегда восхищалась поэтами. Они умеют в нескольких словах передать саму суть жизни. Мне бы хотелось встретиться с твоей мамой.

Исав улыбался.

— Я тоже этого хочу. Не сомневаюсь — она тебя полюбит. У вас много общего.

— Какое самомнение!

— О чем это ты?

— Ты намекаешь, причем довольно грубо, на то, что нас объединят любовь к тебе.

— Об этом и речи не шло! Впрочем, твой вариант мне нравится. На самом деле, я хотел сказать, что вас объединяет творчество. Она использует слова, ты воск.

— О! Прости.

Исав сильнее притянул к себе любимую и зарылся лицом в ее шелковистые волосы. Абигаиль обхватила его руки и прижалась щекой к его груди.

— Исав?

— М-м?

— Что мы собираемся делать?

— Ты о чем?

— О нас.

Он понял, что его ждет серьезный разговор — а к этому он готов не был. Ему хотелось одного: сохранить все, как есть. Объятия, покой, отсутствие проблем, никакой войны, никаких трудных решений.

— Я не хочу думать об этом.

— Милый, я тоже, но... — она медлила.

Тело Абигаиль напряглось, чары любви рассеялись. Жизнь грубо вторглась в их отношения.

— Сегодня я получила записку от Лафайета.

— Да?

— Ничего важного. Он хочет, чтобы я перебралась на американскую территорию. По его словам, я выполнила все свои обязательства. Чем дольше я здесь задерживаюсь, тем больше он за меня тревожится. Особое его беспокойство вызывает дело Моргана. Именно так он выразился. Хотя Лафайет и не говорит об этом прямо, он боится, как бы ты не догадался, что я американская шпионка.

— Ваш маркиз опоздал. — Исав снова поцеловал Абигаиль в голову.

— Есть и другая причина... Лафайет не догадывается, что я о ней знаю.

— Какая?

— Следующим местом битвы будет Нью-Йорк.

Исав напрягся.

— Ты уверена?

Абигаиль выскользнула из его объятий и повернулась к нему лицом.

— Он боится, что я попаду в самое пекло. Окажусь под перекрестным огнем двух армий.

Внезапно у Исаво страшно заболела нога. Какое-то время она тихонько ныла, но ему было так приятно обнимать Абигаиль! А теперь боль усилилась. Исав принялся вышагивать по комнате.

— Поедем со мной в Англию, — сказал он.

Абигаиль закрыла глаза — казалось, она предвидела эти слова и боялась их.

— Не могу, — выдохнула она.

— Почему?

— Я американская шпионка.

— В Англии никто об этом не знает!

Абигаиль покачала головой; этим движением она словно бы подчеркивала

несостоятельность его довода. Она была прозорлива, давно работала на секретную службу и умела просчитывать ходы.

— Предположим, я уеду в Англию. Американцы сочтут меня предательницей. Все, что они должны будут сделать, — выпустить несколько газет с разоблачительными статьями. Думаю, после этого англичане не станут со мной церемониться. Даже если я поклянусь, что теперь я на их стороне. Да и потом, я не собираюсь никуда уезжать.

— Ты не хочешь ехать со мной в Англию?

— Я хочу быть с тобой, дорогой, но я не могу поехать в Англию. Я бы никогда не смогла жить в стране, которая так обращается со своими колониями. Не пройдет и года, как меня арестуют за революционную деятельность.

Абигайль шутила, но Исав знал, что она права. Она никогда не будет счастлива в Англии.

— Лучше пойдем вместе к американцам, — сказала Абигайль.

Исав уставился на нее как на сумасшедшую.

— Ага, у них там как раз припасена для меня петля, и они мечтают затянуть ее на моей шее, — отчеканил он.

— Но если я скажу им, что ты меня защитил, если ты поможешь мне выбраться из Нью-Йорка, они, возможно, будут...

Тряхнув головой, Исав резко прервал ее:

— Это говорит твое сердце, а надо руководствоваться здравым смыслом. Вашингтон не так сильно любит меня, как ты.

Абигайль засмеялась.

— Никто не любит тебя так сильно, как я.

Любовь снова их объединила. Исав нежно прижал голову Абигайль к своей груди, она же обвила его руками.

— Так бы и стояла всю жизнь, — прошептала она.

— Думаешь, застав миссис Маттесон и мистера Моргана в такой позе, все растрогаются и оставят их в покое?

— Ну хотя бы на минутку ты можешь быть серьезным? — запротестовала Абигайль и, отстранившись от Исава, взглянула ему в лицо.

Он отвел с ее глаз прядь светлых волос.

— Слишком тяжело.

— А это улучшит твое настроение? — Она привстала на цыпочки и поцеловала его.

Стоя у пылающего жаром камина, отгородившись от всего мира, они обнимались, целовались, болтали и снова целовались.

— Неужели в этом мире для нас нет местечка?

— Есть, у камелька.

— Ненадолго. Американцы наступают.

Вернувшись к себе, Исав почти физически ощутил, как растворится в гнетущей пустоте огромного особняка накопленное им за день общения с Абигайль душевное тепло. Этот мертвый дом оживал лишь под его шагами, свет горел только там, где он его зажег. И больше — никакого движения. Как много значит для атмосферы дома человек! Взять хотя бы эту комнату. Когда Андре был здесь, подле Исава, она была полна жизни и веселила глаз. Такой ее делал Джон. И вот та же комната, но без него. Пустота, сиротливость, грусть.

«Можно ли то же сказать о странах? Станет ли без Абилай для него домом Англия? Станет ли без нее любое другое место домом? И какие существуют варианты? Долина Огайо? Художник и бухгалтер в схватке с индейцами? Создают цивилизацию в лесной глуши? Они не выживут. Может, район Карибского моря?

Или Франция? Но во Франции монархия; Абилай и там будет делать революцию?»

Беспросветная тоска медленно накатывала на Исаву. Они с Абилай были бесприютны. Ни страны, ни дома. «Родившиеся под несчастливой звездой...» Так, кажется у Шекспира. Ромео и Джульетта. Совсем, как они с Абилай. Только вместо Монтеки и Капулетти — американцы и англичане. Все одно, семья ли, страна — итог тот же. Им с Абилай не позволят открыто любить друг друга.

Что-то неправильное было в самой основе этого мира — мира, который не может позволить такой безобидной душе, как Джон Андре, дожить до старости. Что-то дурное происходило с правительствами, уничтожавшими ради разрешения споров граждан своих стран. Что-то жестокое было в самом бытии, если два любящих существа не могут соединиться.

И тут Исаву на глаза попала их фамильная Библия. Внезапно молодой человек осознал, что его знание Священного Писания лишено основательности. И еще: он не пропустил Библию через свое сердце. С юности он слышал о грехе, о его последствиях, но это было для него чистой абстракцией. Теперь это затрагивало его лично. Последствия греха — вот они, реальные и разрушительные.

Исав поднялся со стула, взял в руки Библию и поднес ее к свету. На титульном листе стояли имена:

«Энди Морган, 1630, Захария 4:6.

Кристофер Морган, 1654, Матфея 28:19.

Филип Морган, 1729, Филиппийцам 2:3,4.

Джаред Морган, 1741, Иоанна 15:13».

Короткий список. Неужели он таким и останется? Неужели мечте Энди Моргана пришел конец? Что и говорить, будущее Морганов очень и очень туманно. У Джареда Моргана только двое сыновей, и, похоже, ни одному из них не удастся обзавестись детьми.

У Джейкоба есть жена, но его время на исходе. Исав вздохнул. У него есть время, но нет жены. Исаву стало горько за отца: Джаред так мечтал продолжить семейную традицию — передать Библию одному из сыновей. Исаву всегда интересовало, кого из них двоих выберет отец. Но теперь это не имело особого значения. Записей в этой книге больше не будет.

Исав остановил взгляд на стихе, указанном подле имени отца.

— Иоанн 15... стих 13... — бормотал он, судорожно переворачивая страницы. Палец заскользил по листу. — 11,12, 13... — Палец остановился, глаза впелись в нужные строки. — Нет! — Молодой человек отдернул руку, словно прикоснулся к пламени. Он поднял глаза к небу и закричал: — Нет! Нет! — Исав захлопнул Библию и столкнул ее с колен. Не помогло. В его голове продолжали звучать прочитанные строки. — Нет!

Внезапно Исав услышал густой голос отца, вновь и вновь повторяющий только что прочитанный стих.

«Что это? Приказ? Просьба? Просьба отца».

Морганы могут быть спасены. Исав может спасти их. Только он.

— О! Господи, нет!

Какая-то неведомая сила швырнула его колени, прижала к полу... Молодой человек

отчаянно разрыдался. «Это несправедливо. Не теперь. Он только что нашел Абигайль. Это несправедливо!»

Но голос отца вновь и вновь повторял:

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

До глубокой ночи Исав мысленно вел с отцом спор. «Ты требуешь от человека слишком много. Как ты можешь просить меня об этом? Ты же знаешь, что Джейкоб сделал со мной. Он и его головорезы чуть не повесили меня в Бостоне! Он стрелял мне в ногу! Неужели ты хоть на мгновение допускаешь, что Джейкоб сделал бы то же самое для меня? Нет, конечно! Разве он пришел ко мне в тюрьму? Нет! Его волновали только интересы континентальной армии! Как ты можешь просить меня об этом?»

В изнеможении он упал на диван, закрыл глаза. Перед его мысленным взором возникла яркая картинка. Таппан. Тюрьма. Он в камере, на сердце камень — казнен его друг, завтра его тоже ждет петля. Против него сидит отец. «Сын, если б я мог, — искренне и как-то очень значительно говорит он, — я бы с радостью занял твое место».

«Если б я... если б... я бы... если б...»

В ту ночь Исав смог успокоиться только после того, как осознал: имена, вписанные в Библию, были внесены туда не по чьей-то прихоти и не только по праву родства. Этим людям воздали по заслугам.

Слезы бежали ручьем. Абигаиль раздраженно смахивала их рукой.

— Нет! Как ты мог даже помыслить об этом? Бог сохранил тебе жизнь для меня! А ты от нее отрекаешься! Я отказываюсь тебя понимать.

Несколькими минутами ранее, сообразив, о чем толковал Исав, она, словно ужаленная, вскочила с дивана. У молодого человека на коленях лежала фамильная Библия, раскрытая на Евангелии от Иоанна. Исав принес ее с собой — так ему было легче восстанавливать ход своих вчерашних мыслей. Однако он уже начал сомневаться, стоило ли вообще объясняться с Абигаиль. Проще было сделать это постфактум, письменно. Впрочем, он сам выбрал этот трудный, но, как ему казалось, верный путь. Он просто обязан подвести Абигаиль к пониманию того, что для него стало ясным как день.

— Я верю, что Бог сохранил мне жизнь как раз для этого.

— Спас тебя, чтобы убить?

— В общем... Да, думаю, так оно и есть.

— Исав Морган, даже у твоего воскового двойника, пылящегося в углу моей спальни, больше мозгов!

Так вот куда она его спрятала! Мелочь, а приятно: просыпаясь, она каждое утро видит его лицо.

— Да нет же, в этом как раз и есть смысл! — гнул свою линию Исав. — В Таппане я сгинул бы не за понюшку табака. Но теперь все иначе: Джейкоб будет спасен, и они с Мерси смогут сохранить наш род. Даже если у них не будет собственного ребенка, есть Бо... Видела бы ты лицо Джейкоба, когда он говорил о мальчике. Он никогда никем так не гордился... Неужели ты не понимаешь? Я подарю своей семье будущее. Это могу сделать только я!

— Ну а с нами как? С нашим будущим?

Об этом Исав уже думал. Много. Он знал — Абигаиль обязательно задаст ему этот вопрос. С ее стороны это не было проявлением эгоизма, лишь невольным признанием в любви. Молодой человек закрыл Библию, поднялся с дивана, подошел к Абигаиль и обнял ее.

— Будущее принадлежит нам, — мягко сказал он, — в отличие от настоящего. У нас его нет.

Абигаиль спрянула лицо на груди Исав и произнесла чуть слышно:

— В твоих словах нет смысла.

Молодой человек с минуту подумал.

— Да, мы предназначены друг для друга, но в этом мире нам нет места. Мы обсуждали это не раз. Куда мы можем поехать, где будем счастливы? У нас есть только этот уголок у камелька. Да и то ненадолго.

— Хочешь сказать, мы будем вместе на небесах? — В голосе Абигаиль послышалась легкая ирония.

— Прощлой ночью, — терпеливо пояснил молодой человек, — окончательно смирившись со своей участью, я взялся за Евангелие, точнее, решил перечитать некоторые стихи. И вот я наткнулся на описание той ночи, когда Иисус сообщил ученикам, что оставляет их, чтобы умереть на кресте. Они противились Его уходу. И тогда он объяснил им, что идет готовить для них место — место, где они вечно будут вместе. Смешно — я

думал об этом в Таппане, но, тогда я не догадывался, что это как-то связано с тобой. Абигаиль, я собираюсь подготовить место для нас, и однажды ты воссоединишься со мной, и никто, и ничто не встанет между нами — ни люди, ни война.

Она робко посмотрела на него снизу вверх; в ее синих, затуманенных слезами глазах отражалось пламя свечи.

— Ты действительно в это веришь?

Глаза Исава увлажнились слезами. Он нежно поцеловал ее в губы.

— Не верил бы, не смог бы сделать. Мне вдруг все так ясно стало. Мы ошибались, думая, что кроме этой жизни ничего нет. Господь обещал нам иную жизнь, более чистую, светлую. И в мире этом мы будем любить друг друга вечно.

Абигаиль крепко обвила его руками.

— Я этого хочу, — прошептала она, — но я хочу и земной жизни.

— Знаю. Я тоже.

— Когда? — спросила она тихо.

— Завтра. Казнь состоится через день.

— Джейкоб примет твоё предложение?

Исав засмеялся.

— Почему бы и нет? Много людей откажется от помилования?

— Я не буду помогать тебе, — твердо сказала Абигаиль, глядя на него снизу вверх. —

Но и не стану останавливать.

Он притянул ее к себе, прикоснулся щекой к ее волосам.

— Мы с Джейкобом выпутаемся. Никто ничего не заподозрит. Для этого нет никаких причин...

— Конечно, нет — ведь это безумие!

Исав улыбнулся и завершил свою мысль:

— ...поэтому мы справимся без посторонней помощи.

Он на мгновение задумался. Ему показалось поразительным и то, что они с братом будут действовать сообща, и то, что у них может быть общая цель. Абигаиль права — это безумие. Ведь им с Джейкобом понадобилось так много времени, чтобы прийти к согласию.

— Ну и что мы будем делать? — спросила она.

— Ты можешь сказать, что любишь меня.

Абигаиль бережно взяла его лицо в свои ладони.

— Я люблю тебя. — Она поцеловала его в губы. — Я люблю тебя. — В кончик носа. — Я люблю тебя. — В одну щеку, в другую.

Всю ночь они просидели перед камином, не выпуская друг друга из объятий. Говорили мало. Они были вместе, только это имело значение. Между тем странная революционная жизнь шла своим чередом. Солдаты патрулировали ночные улицы; генералы ворочались в походных койках, прокручивая в головах планы сражений; палач-доброволец вскакивал в холодном поту — ему снилась виселица, около которой нетерпеливо переминалась с ноги на ногу костлявая курносая Смерть. Но для двух возлюбленных не существовало ничего, кроме объятий. Ничего, кроме их двоих, мужчины и женщины. И еще будущего на небесах.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда Исав и Абигаиль разомкнули объятия и произнесли последнее «прости». Молодой человек вернулся в особняк Андре, сменил одежду и отправился к брату.

— Они что, специально посылают тебя мучить меня? — процедил Джейкоб, рывком садясь на койке.

За спиной Исава захлопнулась дверь, и послышался уже знакомый щелчок замка.

— Будь поприветливее. Я твой единственный друг в Нью-Йорке.

— Тогда мне крышка. — Голос Исава поражал своей угрюмой серьезностью.

— Здесь темно, но, по-моему, ты стал слишком бледным.

Джейкоб вытянул вперед руки и принялся разглядывать их тыльную сторону.

— Меня выдержали как доброе вино, — безжизненно произнес он. — Осталось завтра откупорить мою макушку — и айда пировать.

Исав вспомнил, как в Таппане им овладело чувство безысходности — оно было таким же пронзительно холодным, как этот винный погреб.

— Абигаиль передает тебе привет.

Джейкоб безразлично дернул плечами.

Сейчас, когда он находился в погребе, в двух шагах от брата, Исава охватили сомнения. В своем воображении он нарисовал идеальный, не имеющий никакого отношения к реальности портрет Джейкоба. Встретившись с братом лицом к лицу, уловив в его голосе саркастические нотки, Исав моментально вспомнил свои прежние чувства. Он не любил брата; да и Джейкоба не смягчила близость смерти, он по-прежнему враждебно относился к Исаву. Если хорошенько подумать, это и впрямь странно: неприязнь к Исаву заглушала в Джейкобе даже страх смерти.

Исав подавил дурные чувства.

— Помнишь мое последнее посещение?

— С тех пор я ни о чем другом не думаю, — сумрачно усмехнулся Джейкоб. — До сих пор мучают ночные кошмары.

— Я рассказывал тебе об отце, о его приезде в Таппан...

Джейкоб ничем не дал понять, что помнит, о чем идет речь.

— ...он сказал, что хотел бы поменяться со мной местами.

Пустой взгляд.

— ...ты знаешь, он готов умереть...

— Да помню я, помню! И что с того?

— Ты еще пошутил, что мы могли бы поменяться местами...

Молчание.

— Помнишь?

— Разумеется. Тебе эта идея не понравилась. Дай-ка я угадаю: ты передумал?

— Верно.

— Не смешно, Исав.

Джейкоб снова улегся.

— Я не шучу. Послушай...

Он оглянулся на дверь. На всякий случай приглушил голос.

— План такой. Мы переоденемся. Ты выберешься отсюда и пойдешь к Абигаиль. Она проследит, чтобы ты прошел через кордоны и добрался до американцев.

Глаза Джейкоба были закрыты, лицо бесстрастно.

— Что скажешь? — гнул свое Исав.

— Уходи.

Исав подошел вплотную к койке.

— Снимай сюртук. — Исав начал расстегивать на себе пуговицы.

Джейкоб вскочил так быстро, что Исаву пришлось отскочить назад.

— Чего ты добиваешься? — Размахивая руками, закричал Джейкоб. — Если пытаешься сделать меня несчастнее, ты достиг своей цели. А теперь — вон!

— Ты мне совсем не помогаешь...

— Хочешь помощи? Позови охрану, выйди через дверь и никогда не возвращайся. Как тебе такая помощь?

Исав стал застегивать пуговицы.

— Прекрасно. Умереть. Вот чего ты хочешь. — Он двинулся к двери.

— Вот чего я хочу! — завопил Джейкоб. — Я всегда хотел сдохнуть, и я не позволю тебе получить такое удовольствие сдохнуть за меня.

Опять ерничает. И тут Исав осознал, что брат не принимает его всерьез. Видимо, Джейкоб подозревал его в уловке и даже злой шутке. Нет, уходить нельзя. Брат должен понять, что его намерения серьезны.

— Ты всегда был тугодум, — начал он. — Как мне заставить твои нерасторопные мозги шевелиться? Я предельно серьезен. Я намерен обменяться с тобой одеждой. Две минуты — и тебя здесь нет. Ты вернешься в Бостон, к Мерси и Во. Я готов умереть за тебя.

Прямое попадание. Мерси и Во помогли Исаву пробить стену Джейкобова упрямства.

— И зачем тебе это нужно?

— Что если я скажу, что решил пойти на это, потому что мы братья?

Джейкоб насмешливо отмахнулся.

— Это последний из аргументов, которому я поверю.

— Ладно, это не главное.

— И что же главное?

Исав прислонился к двери и скрестил на груди руки. Не поднимая глаз от пола, он проговорил:

— Потому что вы с Мерси можете продолжить род Морганов.

— Как? Абигайль тебя уже бросила?

— У нас нет будущего. Она не может поехать в Англию. А я — оставаться в Америке.

С минуту Джейкоб скептически изучал брата. Затем расхохотался.

— Понял... Ну, братец! Теперь я понял. Тебя заела совесть, верно? Предатель хочет стать героем! И все, что он должен сделать, для того, чтобы обелить себя, это взять и умереть! Так вот, я не собираюсь облегчать тебе жизнь. И нынешние Морганы, и их потомки будут связывать твое имя с именем Бенедикта Арнольда — вы два самых подлых изменника в американской истории.

— На свете нет второго такого непроходимого тупицы! Я предан Англии — и не стыжусь этого. Моя совесть чиста. Я хочу сделать это во благо нашей семьи и ни для чего более. Теперь снимай сюртук. Обменяемся одеждой!

— Но не жизнью!

— Тогда я сам с тебя его стащу!

Исав бросился к Джейкобу, навалился на него, ухватился за пуговицы сюртука. Джейкоб ударил его по рукам и отпрыгнул назад. Исав вновь подступился к нему. Братья вцепились друг в друга. Исав стягивал с Джейкоба сюртук, тот в свою очередь пытался высвободиться из объятий брата.

— Охрана! Охрана! — закричал Джейкоб. — Он на меня набросился! Охрана!

Звякнули ключи, суматошливо щелкнул замок. Два крепких охранника ворвались в погреб и растащили братьев в разные стороны. С минуту один из солдат растерянно разглядывал братьев, пытаясь сообразить, кто здесь арестант, а кто посетитель. Наконец, взгляд его прояснился: он обратил внимание на одежду братьев. Оба они были в штатском. Однако сюртук Джейкоба был мятым, в пятнах, в то время как Исава выглядел щеголем. Джейкоба толкнули на койку, Исава выставили за дверь.

Один из охранников извинился перед Исавом за инцидент. По его словам, до сих пор арестант не выказывал никаких признаков агрессивности. А затем поспешил заверить Исава, что смутьян будет наказан.

Исав дотронулся до разбитой губы и смахнул с нее каплю крови.

— Не наказывайте его, — попросил он. — Его состояние вполне объяснимо. Завтра он умрет. Что может быть хуже этого?

Охранник глумливо усмехнулся.

— Так точно, мистер Морган. Петля научит его хорошим манерам.

Исав поблагодарил солдата за спасение и зашагал прочь. Дорогой молодой человек ломал голову над сложившейся ситуацией. Он и подумать не мог, что попасть на виселицу так тяжело. Впрочем, охранник, сам того не ведая, навел его на мысль, как спасти упряма Джейкоба. Правда, для этого ему понадобится помощь Абигаиль.

Исав до того ушел в свои мысли, что совершенно не подумал о том, как его неожиданное появление скажется на любимой женщине. Дверь открыла Абигаиль.

— Привет, — произнес он смущенно.

— Быстрее, Джейкоб, не ровен час тебя увидят.

Она втащила его внутрь и захлопнула дверь.

— Абигаиль... — Молодая женщина вздрогнула и внимательно всмотрелась в его лицо — ее имя было произнесено как-то по-особому.

— Исав? — Руки взлетели Абигаиль к губам. — Исав? — Она упала в его объятия и принялась молотить его по груди кулачками. — Почему ты делаешь это со мной? — Она заплакала. — У меня внутри все оборвалось.

Не разжимая объятий, молодой человек принялся все ей объяснять. Реакции Джейкоба она не удивилась, а вот то, что Исав намерен довести дело до конца, у нее никак не уместилось в голове. Абигаиль долго не соглашалась ему помогать. Тем не менее он посвятил ее в свои планы, не забыв упомянуть и о ее роли в этом предприятии.

— Откуда же мне взять все это? — всполошилась Абигаиль.

— Ты знакома с каким-нибудь доктором или аптекарем? Генерал Арнольд — а он когда-то владел аптекой — рассказывал мне о необычных снадобьях, которыми он торговал.

Да, возможно, она сумеет раздобыть то, что ему требуется, но она отказывается участвовать в самом предприятии, нельзя от нее требовать слишком много. Чем больше она сопротивлялась, тем больше он настаивал. Наконец она совсем обессилила.

Абигаиль заплакала, прижавшись щекой к его груди.

— Исав, я и впрямь не знаю, могу ли взвалить на себя так много.

Было далеко за полдень, когда Исав и Абигаиль добрались до Джейкобова застенка. Появление Исава охранников не обрадовало. Они с большой неохотой согласились пустить

его к брату, причем настаивали на том, чтобы на свидании присутствовал кто-то из них. «Нет, — убеждал их Исав, — я увижу брата в последний раз. Мне просто необходимо переговорить с ним с глазу на глаз, уладить кое-какие дела. Но если что — я обязательно позову вас на помощь. И в случае чего заступлюсь за вас перед начальством, скажу, что вы меня предупреждали».

В конце концов им с Абигайль позволили спуститься в погреб. Перед тем как войти к брату, Исав громко сказал Абигайль (она осталась с охранниками), что он скоро выйдет и они пойдут обедать. Молодая женщина ласково улыбнулась и пообещала его дождаться.

— Опять ты. — Таким кратким приветствием встретил его Джейкоб.

— Подумал о моем предложении?

— Предложении? Ты называешь это предложением? По-моему, речь идет о сделке с совестью. Ты просто пытаешься отмыться.

— Может, перестанешь хоть ненадолго меня ненавидеть и подумаешь о своей жене и Бо? Ты что, из упрямства готов лишить Мерси мужа, а Бо отца?

Джейкоб вскочил как подброшенный.

— В последний раз говорю, убирайся. Я не нуждаюсь в твоей помощи.

— Хорошо! — Исав воздел руки к небу. — Я не могу заставить тебя сделать это.

— Хоть раз мы пришли к согласию.

— Тогда это последнее прощай.

Джейкоб скептически глянул на брата. Потом расслабился и сказал.

— Да, ты прав.

Исав шагнул к выходу.

— Исав? — окликнул его Джейкоб.

Тот обернулся.

— Знаю, ты не можешь поехать в Бостон прямо сейчас. Но эта война не будет длиться вечно. Если увидишь Мерси или Бо, отца или мать, передай, что последние мои мысли были о них.

Исав кивнул. Снова шагнул к двери и снова вернулся.

— Ты знаешь, Абигайль здесь.

— Правда?

— Если бы ты на этот раз согласился, она бы забрала тебя с собой. Во всяком случае, она дала мне... — Исав просунул руку под сюртук и вытащил из-за пояса флягу, — немного рому — чтобы согреться. Я рассказал ей, как холодно и сыро в погребе. Ну я и подумал, вдруг ты захочешь выпить.

С этими словами он протянул брату фляжку. Джейкоб жадно выхватил ее из рук Исавы.

— Ты и представить не можешь, какая здесь все время холодрыга, — пробормотал он. — Можно? — Джейкоб открутил крышку и поднес фляжку к губам, потом резко отдернул руку. — Ты ведь не собираешься меня отравить, а?

— Травить человека, которого завтра повесят? Зачем зря переводить хороший продукт? Если тебе это поможет, могу сделать глоток... — Исав протянул руку за флягой.

Джейкоб улыбнулся:

— После меня, — и сделал несколько больших глотков.

— Так тому и быть, — подытожил Исав.

Желудок Джейкоба начал судорожно сжиматься. Глаза молодого человека выкатились

из орбит. Схватившись за живот, он рухнул на колени.

— Жалкая тварь! — застонал он. — Ты... отравил... меня!

Он откатился к ногам брата, сжался в комочек и лишился чувств.

Исав присел корточками.

— Нет, Джейкоб, — проговорил он. — Я просто спасаю тебе жизнь.

Исав расстегнул сюртук Джейкоба, рывком стащил с брата рубаху и переоделся. Затем снял башмаки с его ног и переобулся. Затем спрятал фляжку в заднем кармане своих штанов, выпростал рубашку, скомкал ее у живота, взъерошил волосы.

— Охрана! Охрана! — закричал он, неистово колотя в дверь. Торопливо звякнули ключи, и дверь распахнулась.

Указывая на Джейкоба, Исав взволнованно зачастил:

— Он только что отключился! Мы немного поговорили, и вдруг он схватился за живот и рухнул на пол. Вы должны что-нибудь сделать!

Над Джейкобом склонились сержант и солдат.

— Вы должны доставить его к доктору, нужно что-то делать! — сказал Исав, глядя на них широко раскрытыми от страха глазами.

Охранники схватили Джейкоба под мышки и подняли с пола. Исав придерживал открытую дверь, бросая тревожные взгляды то на брата, то на Абигайль, то на лестницу. Он придерживал дверь, пропуская охранников; при этом все время отводил глаза.

— Быстрее! Быстрее! — кричал Исав. — Я сам пойду за доктором. Я знаю, где его найти. — И он пошел мимо Абигайль к лестнице.

— Стоять! — гаркнул сержант.

Исав продолжал идти к лестнице.

— Охрана! Охрана! — прокричал сержант.

На верхней ступени лестницы появились вооруженные солдаты. Исав остановился.

Сержант задумчиво поглядел на Исава, затем на Джейкоба.

— Давай посадим этого на стул, — обратился он к солдату.

— Мой брат очень болен! — заполошно закричал Исав. — Ему нужно оказать помощь или он умрет!

— А хоть бы и так. — Сержант, кряхтя, подтащил Джейкоба к стулу и кое-как усадил его. — Подумаешь, умрет несколькими часами ранее положенного срока. К чему столько возни?

— Он мой брат! — возмутился Исав.

— Да, и если бы все братья вели себя, как вы, мир был бы населен одними женщинами. Идите сюда.

Исав замешкался, стрельнул глазами вверх, туда, где стояли солдаты.

— Давай сюда! — заорал сержант.

Как только Исав предстал перед сержантом, тот вместе с солдатом принялся пристально изучать молодого человека, сравнивать его с Джейкобом.

— Не вижу разницы, — признался сержант. — Но что-то здесь не так.

— Гляньте-ка на это! — подал голос солдат и ткнул пальцем в башмаки Джейкоба. — Он неправильно надел башмаки!

Сержант посмотрел на башмаки, затем поднял глаза на Исава.

— Или этот не так обул его. Думаю, речь идет о подмене. Посмотри, у них перевернута одежда.

— Это смешно! — громко возразил Исав. — Меня зовут Исав Морган, а это мой брат Джейкоб! И я могу это доказать!

— Как?

— У меня на правой ноге шрам от ранения!

— У него тоже, — парировал сержант. — Он частенько жаловался на боль в ноге.

Исав в отчаянии обвел глазами помещение.

Сержант посмотрел на Абигайль.

— Мисс...

— Миссис Маттесон, — отозвалась она.

— Миссис Маттесон, вы пришли сюда в сопровождении Исавы Морган. Можете отличить одного брата от другого?

Абигайль посмотрела на Исаву, затем на Джейкоба.

— Да, могу.

Сержант победно ухмыльнулся.

— Кто из них кто?

Абигайль холодно взглянула Исаву в глаза. Теперь успех предприятия зависел только от нее. Может ли она своими руками толкнуть Исаву на неминуемую смерть? Была ли ее вера во встречу на небесах достаточно сильна, чтобы отказаться от любимого?

— Сожалею, — сказала она Исаву. А потом обратилась к конвоиру: — Сэр, вот ваш арестант. — Она указала на Исаву.

— Ха! Я так и знал! — хлопнул в ладоши сержант. — Как это вы сумели их различить?

— У них разные глаза, — сказала Абигайль. — Я художник, делаю восковые фигуры, и всегда замечаю такие вещи.

В глазах сержанта мелькнула искорка узнавания.

— Выставка восковых фигур! Я видел ваши работы.

Меж тем солдат продолжал пытливо всматриваться в лица Джейкоба и Исавы. Ему никак не удавалось уловить разницу.

— Расстояние между глазами, — подсказала Абигайль.

Теперь оба мужчины разглядывали близнецов.

— Вижу! — обрадовался сержант.

— Как только вы сказали, и я заметил! — солгал солдат.

Исав предполагал и далее настаивать на своей невинности и даже, возможно, обвинить Абигайль во лжи. Но им удалось довольно быстро внушить охране то, что нужно; дальнейшие действия могли только навредить Абигайль, поэтому он стоял на месте и молчал.

Абигайль взяла все в свои руки.

— Отнесите его в мой экипаж. — Она указала на Джейкоба. — Я прослежу, чтобы ему оказали необходимую помощь.

Сержант позвал охранников, и Джейкоба понесли на руках вверх по лестнице.

Пока Исавы вели к двери узилища, Абигайль провожала любимого глазами; ее губы еще раз произнесли холодное «сожалею», а глаза говорили «люблю тебя».

Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Исав Морган кое-как дотащился до койки и рухнул на нее. Организация собственной казни далась ему тяжело, намного легче было заслонить кого-то от пули или вынести из горящего дома — ведь в этих случаях хватало минутного порыва. Душевные силы молодого человека истощились. Исав вздохнул, плотнее запахнул на

себе сюртук и вытянулся на койке. Он осмотрел неотесанные потолочные балки. Итак, он снова под замком, снова ждет смерти.

— Да пребудет с тобой Бог, Джейкоб, — сказал Исав.

Свет резко полоснул по глазам. Веки плотно смежились, словно щитом заслонив глаза от адской боли. Каждый удар сердца тупо отдавался в голове. Джейкоб застонал. На лбу лежало что-то мокрое и холодное. Он попытался сесть. Твердая, но ласковая рука удержала его.

— Лежи. — Женский голос. Знакомый. — Ты в безопасности. Отдыхай.

«Где он?» — Джейкоб мужественно разлепил веки. Рядом с ним был кто-то нежный, светловолосый, в белом платье.

— Абигайль.

— Правильно. Ты в безопасности.

— Исав... отравил меня.

— Что-то в этом роде. Лежи. У тебя, наверное, голова раскалывается.

Джейкоб застонал. Неточно сказано. Разнеси его голову на куски взрывом, и то было бы легче.

— Ты с ним заодно. — Голос сухой, бесстрастный, почти шепот.

— Виновата, — призналась Абигайль и поменяла полотенце у него на лбу.

Он вновь попытался сесть, но уверенная рука уложила его в постель.

— Лежи и не шевелись!

— Чем... — Звук собственного голоса заставил его взвыть от боли. — Чем он напоил меня?

— Это снадобье мы раздобыли у аптекаря. Названия не знаю. Мы попросили дать нам средство, которое поможет усыпить диких животных, забредших на мой участок; причем объяснили, что не хотим их убивать, лишь перетащить. Аптекарь поднял на смех такой по-женски нерациональный подход и добавил, что отравить дешевле. Я заставила его поклясться, что животные не пострадают, и получила четкие разъяснения — это средство безопасно как для животных, так и для людей. Если его выпьет человек — потеряет сознание, затем у него начнется частая рвота, временная потеря ориентации, сильнейшая головная боль. Но он выживет.

Джейкоб застонал.

— На поверку выходит, — с усилием выговорил он, — что аптекарь прав по всем пунктам, кроме последнего. Я выживать не собираюсь.

— Не будь ребенком. Твой брат спас тебе жизнь.

Глаза Джейкоба наконец полностью открылись; он попытался сесть.

— Мне что, привязать тебя к кровати? — прикрикнула на него Абигайль.

— Я возвращаюсь в погреб.

Молодой человек попытался совладать с Абигайль. Безрезультатно.

— Исаак! — воззвала она. От этого крика в голове Джейкоба тяжело ударил молот.

У кровати появился негр-слуга; в руках он держал мушкет.

— До знакомства с тобой и твоим братом я не встречала таких упертых людей — вы готовы соперничать даже за смерть на эшафоте. А теперь, Джейкоб Морган, послушай меня! Ты уедешь в Бостон, даже если мне придется влить в твое горло все мое снадобье и переплатить проводникам!

Молодой человек затих, и вновь прилег на кровать.

Еще раз он попытался сбежать, когда чуть набрался сил. Поздняя ночь, Исаака не видно, Джейкоб почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы взять верх над Абигайль. Его поймали на лестнице — он спускался, Абигайль поднималась.

— Прочь с моего пути, Абигайль.

— И куда это ты собрался?

Молодой человек безмолвствовал.

Она презрительно покачала головой:

— Чем же вас с братом кормили, на чем возвращали, что вы стали такими непрошибаемыми?

— Последний раз прошу, отойди!

— Или что? Убьешь? Ну, так давай, вперед! Видно, умирать нынче модно.

Он двинулся вниз по лестнице.

— Чего ты добиваешься? — вдогонку закричала она.

Джейкоб остановился.

— Должно быть по-честному. Я не могу позволить Исаву умереть вместо себя.

— Будет лучше, если вы умрете оба?

— Умрет только один, и это буду я.

Абигайль вновь сердито покачала головой.

— Поздно! Если пойдешь туда, тебя повесят за шпионаж, а Исав за пособничество в побеге. Думаешь, кто-то поверит, будто у тебя обманом уволокли виселицу прямо из-под носа?

Она попала в точку. Джейкоб растерянно застыл на месте.

— После твоего ухода мне сжечь вашу фамильную Библию?

— Сжечь Библию?

— Разве не в ней причина? Будущее Морганов, наследие Морганов? Мертвые братья Морган не оставят сыновей, никого, кому бы она перешла по наследству. Лучше уж сразу бросить ее в огонь.

— Не в этом дело.

— Ошибаешься! — крикнула Абигайль, а потом безудержно заплакала. — В этом. Вся надежда на вас с Мерси, вы могли бы не дать роду Морганов угаснуть. Исав согласился пожертвовать собой ради будущего вашей семьи. Вернувшись назад, ты не только убьешь обоих сыновей Джареда и Энн Морган, ты перерубишь ветвь семейного дерева.

Джейкоб обдумывал ее слова, грустно склонив голову.

— Библия у тебя? — наконец спросил он.

Она кивнула.

— Исав велел передать тебе на словах следующее. Ты должен отдать ее отцу с его извинениями.

— Как мне попасть к американцам?

Абигайль перевела дух и оперлась на перила.

— Все подготовлено. Выезжаем через час.

Последние наставления Абигайль давала Джейкобу в лесу. Молодому человеку предстояло пройти милю до фермерского дома, который стоял подле маленького белого мосточка. В задней части хлева есть несколько незакрепленных досок. Их можно отодвинуть и залезть внутрь. Утром придет доить коров хозяин; Джейкобу нужно сказать пароль: «Меня

послал полковник». Фермер довезет его в стогу сена до парома, что ходит по реке Гудзон. Паромщик с готовностью берет любых пассажиров, лишь бы хорошо платили (Абигайль дала молодому человеку деньги). На другом берегу реки он отвечает за себя сам.

— Понял, — сказал Джейкоб.

Она улыбнулась:

— Удачи, — и повернулась, чтобы уйти. Джейкоб придержал ее за руку.

— Я сразу понял: ты особенная женщина.

Ее лицо тронул легкий румянец.

— Я не о том поцелуе, — исправил свою ошибку Джейкоб. — Ты рискуешь жизнью ради нашего общего дела. Почему ты не уходишь со мной?

— Не сейчас. Но вскоре.

Она отвела глаза.

— Ты же не собираешься идти на казнь? — догадался он.

Ответа не последовало.

— Абигайль, тебе не нужно помнить его таким.

— Прощай, Джейкоб. Когда доберешься до Бостона, передай Мерси и своим родителям, что пусть и недолгое время, но мы с Исавом были очень счастливы.

И она побежала по тропинке к дому.

С полчаса Джейкоб осторожно пробирался к ферме. Затем резко развернулся и пошел назад, в Нью-Йорк.

Будь у него такая возможность, для последней в своей жизни трапезы Исав выбрал бы кушанья со стола Вашингтона. Впрочем, генерал Клинтон прислал блюда, которые были много лучше привычной для Исава армейской еды. Когда-то, голодая в непролазных лесах Мэна, молодой человек пообещал себе — никаких жалоб на еду. Свое слово он сдержал.

А вот стылое сырое помещение — это разговор другой, здесь он никому ничего не обещал. Холод пронизывал его до костей, рана воспалилась. Исав был несказанно рад тому, что он может еще раз увидеть солнышко.

Для смертника Исав Морган был слишком бодр духом. На этот раз (в Таппане было иначе) он тихо радовался тому, как складно для него все обернулось. Впервые у него появилось чувство, что его жизнь имеет цель, и цель эта не эгоистична. Он и раньше ставил перед собой те или иные задачи: хотел получить образование и внести свою лепту в семейное дело, хотел, чтобы им гордился отец, мечтал о неуловимой Мерси, собирался поехать в Англию. Его жизненные проекты, как корабли без якорей и парусов, бесцельно носило по житейским волнам. И вот теперь у него есть другая цель, есть настоящий якорь. Он вносит свой вклад — и значительный — в будущее Морганов. При этом он, как Эндрю, Кристофер, Филип и его отец, остается верен традиции. Но если его предшественники даровали семье свои жизни, он дарует свою смерть. Пусть имя Джейкоба будет вписано в Библию — это всего лишь надпись чернилами. Но род Морганов продолжится благодаря его, Исаву, самопожертвованию.

В Нью-Йорк был доставлен новенький американский мундир. Молодой человек с гордостью застегивал пуговицы. Хотя американский, английский — какая разница? В такой близости к Богу эти различия кажутся неуместными. Казнь назначена на полдень. Интересно, какую такую особую роль военные трибуналы отводят середине дня? Что значит середина дня для человека, готового ступить в бессмертие?

За ним пришли за четверть часа до назначенного срока. Приволакивая ногу, он поднялся по лестнице и вышел на залитую солнцем улицу. Осеннее солнце было по-доброму теплым, а воздух свежим и упоительным — особенно после затхлой промозглости погребя. По обеим сторонам улицы толпились зеваки. Бог им судья, пусть тарашатся, глумятся, выкрикивают оскорбления. Он не тот, за кого его принимают; никто не знает о той великой миссии, что досталась ему на долю.

Земля была устлана листвой — золотистой, пурпурной, коричневой, алой; но деревья еще целиком не обнажились, еще полыхали множеством красок. Этот пестрый осенний маскарад одно из великолепнейших зрелищ Новой Англии. Исаву, казалось, что сам Бог выткал эту пеструю дорожку, связывающую земной мир с миром горним. В сопровождении конвоиров Исав спокойно шел по дороге; его руки были связаны за спиной.

И вот он увидел виселицу — деревянный столб с горизонтальной перекладиной, поддерживаемой распоркой. Здесь же была лошадь с телегой. На телеге с петлей в руках стоял палач с вычерненным лицом. Веревка тихонько покачивалась: палач нервничал.

Конвоиры помогли Исаву подняться на телегу. Внезапно молодого человека пробрала дрожь ужаса — он заметил то, что нарушило его душевное равновесие. Рядом с телегой на земле стоял черный гроб. Ноги обмякли; конвоирам пришлось поддержать осужденного. Вплоть до этой секунды Исав воспринимал смерть, как простой переход — что-то вроде пересечения границы. Но этот черный гроб напомнил: его ждет погребение. Живо всплыли детские страхи: быть наглухо запертым в ящике, придавленным огромной кучей земли.

Он совладал со своей слабостью, повернулся спиной к гробу и напомнил себе об их с Абигайль небесном доме... и об Андре. Какая чудесная мысль! Через несколько минут они с Джоном встретятся. Вероятно, друг в этот самый миг ждет его около небесных врат. Мужество вернулось к Исаву; он решительно смотрел на своих судей.

Пока оглашали приговор — смерть через повешение за мятежные действия против короля и государства — Исав разглядывал толпу. Знакомых лиц совсем немного. Генерала Клинтон не было. Джейкоб — рядовой шпион, и высокий военный чин не обязан присутствовать на его казни. И тут Исав увидел ее: она стояла, прислонившись к дереву, почти закрывавшему ее мощным стволом. Абигайль!

Дыхание молодого человека участилось. Ему не хотелось, чтобы она видела казнь. И все же, она была такой желанной! Светловолосый ангел, оплакивающий его. Их взгляды встретились.

Он нахмурился и покачал головой, дав понять ей, что она не должна была приходить.

Она приподняла изящную руку; ее жест говорил — я все поняла.

— Я просто хотела увидеть тебя еще раз, — неслышно, одними губами проговорила она.

— Мой брат? — тоже одними губами спросил Исав.

— Дома.

Исав улыбнулся и кивнул.

— Я люблю тебя, — беззвучно зашевелились ее губы. — Я люблю тебя! — Потом она повернулась и побежала. Он смотрел ей вслед до тех пор, пока мог ее видеть.

— Подсудимый! Ваше последнее слово?

Исав вздрогнул и очнулся.

— Я молюсь, — сказал он, прокашлявшись, — чтобы когда-нибудь обо мне сказали: его смерть придала смысл его жизни. С твердым сердцем отдаю свою жизнь в руки Господни, верую, что Его обещание небесной жизни истинно. Слава тебе, Господи.

Кивком головы он дал понять палачу, что речь закончена. Тот согласно кивнул в ответ, проверил, крепко ли завязаны руки осужденного, и трясущимися руками накиннул петлю ему на шею.

— Завязать глаза? — Голос палача тоже дрожал.

— Да.

Очевидно, палач потерял повязку — он обыскал телегу, затем спрыгнул с нее и начал копать в каких-то ящиках и мешках.

Исав стоял с петлей на шее и ждал. Внезапно он увидел, как к толпе зевак присоединился английский генерал на белой лошади. Это был Арнольд.

Арнольд натянул поводья и, чтобы ему было лучше видно, приподнялся в седле. Знакомые пронзительные серые глаза оцупали лицо Исаву; на минуту обреченный на смерть человек забыл, кем ему полагается быть. Перед его мысленным взором промелькнул большой отрезок его жизни: их первая встреча в Кембридже, дикие леса Мэна, госпиталь около Квебека, Саратога, Филадельфия.

Телега качнулась. В нее забрался палач.

Взгляд Арнольда приобрел озадаченное выражение. Внезапно его в глазах мелькнула догадка. Последним, кого увидел Исав перед тем, как черная повязка обвила его голову, был Арнольд, внезапно вскинувший руку и направивший коня к виселице.

— Лучше бы вам поторопиться, друг мой, — шепнул Исав палачу. — Не заставляйте меня страдать дольше, чем необходимо.

Ухом молодой человек улавливал какое-то волнение в толпе. Там, где находился генерал. Телегу тряхнуло — это спрыгнул палач.

— Быстрее, пожалуйста, быстрее, — шептал Исав.

— Стой! — крикнул Арнольд, — Отстав...

Последнее, что слышал Исав в этой жизни, был голос палача, понукающего лошадь. Арнольд не успел его спасти.

Человек, разительно похожий на того, что болтался в петле, стоял, спрятавшись в глубокую тень. Он прижимал к груди Библию и плакал.

Джейкоб до последней секунды не верил, что Исав пойдет до конца. Он убедил себя, что это какая-то хитрость, что как только он уедет, брат убедит всех, что он — Исав Морган и его освободят. А потом уплывет за океан и начнет новую и счастливую жизнь — в то время как его семья будет считать его святым мучеником.

Но нет, для Исаву Моргану не будет новой жизни в Англии. Ни Абигайль. Ни детей. Его тело раскачивалось в петле, той самой, что была припасена для Джейкоба.

Слезы застлали дымкой глаза молодого человека, он поднял воротник сюртука и шагнул на тротуар. Ему надо добраться до фермы, а оттуда — домой.

Пересекая улицу, он огляделся и заметил Абигайль, а она его.

— Эй, вы! С книгой! — Позвучал прямо над ним отчетливый голос.

Джейкоб вскинул глаза вверх и увидел перед собой Арнольда. Генерал восседал на белой лошади; его сопровождали четверо верховых.

— Исав?

— Печальный день, не находите, генерал? Не так часто человек может увидеть, как вешают его брата, который к тому же похож на него, как две капли воды. Это глубоко потрясло меня.

— Понимаю, — сказал Арнольд, — но считаю совершенно необходимым. Как в те времена, когда вы настаивали на том, чтобы повесить Страйкера и его подельников в назидание другим. Я не ожидал, что вы сможете принять столь жесткое решение.

— Как вы сказали, генерал, я счел это совершенно необходимым.

— Чего я не могу понять, так это почему Исав позволил себя вздернуть вместо своего брата-шпиона. Постарайтесь объяснить мне, Джейкоб Морган.

«Попал!»

Джейкоб метнулся как заяц к большому магазину. Верховые, сопровождавшие Арнольда, достали оружие и пришпорили коней.

— Не стреляйте, болваны! — услышал беглец голос Арнольда. — Вокруг люди! Следуйте за ним.

Джейкоб влетел в магазин, к несказанному изумлению лысого владельца и немногочисленных посетительниц, перепрыгнул через прилавок, нырнул в подсобное помещение и захлопнул за собой дверь. Быстрый поворот ключа позволит ему выиграть время. Теперь наружу, через дверь черного хода.

Не успел он выскочить с заднего двора магазина на маленькую улочку, как его сбил с ног фургон.

— Давай сюда! — отрывисто скомандовала Абигаиль.

Джейкоб вскочил на ноги и запрыгнул в фургон, в то время как Абигаиль низко, насколько могла, пригнулась, и погнала лошадь. Фургон, сильно накренившись, свернул за угол, пронесся переулком, затем выскочил на улицу и устремился к дому с зелеными ставнями.

Джейкоб высунул голову и оглянулся назад.

— Погони нет!

— А зачем? Они знают, где я живу!

Абигайль бросила фургон на заднем дворе. Вихрем влетела внутрь через мастерскую, позвала слуг. Джейкоб следовал за ней по пятам. Мисси появилась из кухни, Исаак со двора. Оба взволнованные, глаза — в пол-лица.

— Что случилось, мисс Абигайль? — вскричал Исаак.

— Наступил тот день, которого мы так надеялись избежать, — задыхаясь, ответила Абигайль.

Глаза Мисси тотчас наполнились слезами, и Джейкоб понял, что Абигайль уже обсуждала со слугами возможность провала.

— Исаак, помнишь, что нужно делать?

— Да, мэ. Пойти на заброшенную мельницу, ждать до темноты, затем идти к ферме мистера Джонса, к той, около белого мостика.

— Правильно. Дорога займет у вас почти целую ночь. Возьми мушкет.

— Но, мисс Абигайль, разве вам самой он не понадобится? Абигайль энергично покачала головой.

— Мистер Морган защитит меня.

Исаак окинул Джейкоба недоверчивым взглядом. Затем зашел в одну из комнат дома, откуда вернулся с мушкетом.

— Теперь поторопись, у тебя мало времени! — Абигайль торопливо поцеловала Исаака в щеку, прижала к себе Мисси. — Я люблю вас обоих.

Исаак обнял Мисси за плечи и пошел к черному ходу; поравнявшись с Джейкобом, он назидательно произнес:

— Вы должны защитить мисс Абигайль любой ценой!

Вскоре они исчезли за деревьями.

— Сюда! — Приглашая Джейкоба следовать за ней, Абигайль махнула рукой. Она повела его вверх по лестнице, в одну из спален для гостей.

— Там! — указала она под кровать. — Расставь их по окнам.

Джейкоб залез под кровать и вытащил четыре мушкета. Хотел было сказать что-то по поводу давешнего замечания Исаака, но тут заметил, что ствол одного из мушкетов согнулся.

— Воск! — испуганно выдохнул он.

— А что ты ожидал увидеть в доме художницы? Арсенал? Осторожно разогни ствол. Поставь по одному мушкету в каждое окно верхнего этажа!

И с этими словами она сбежала вниз по лестнице. Расставляя восковые мушкеты в окнах и подпирая их стульями с прямыми спинками, Джейкоб с лихорадочной поспешностью носился из комнаты в комнату. Между делом он выглянул в окно, выходящее на дорогу. Никого.

Назад, на первый этаж. Во дворе Абигайль только что швырнула огромный кусок воска в фургон.

— Что ты делаешь? Забираешь всю свою мастерскую?

— Я знаю, что делаю! Мушкеты расставил?

— Да. Но я сомневаюсь, что эти фокусы нам помогут.

— Мы выиграем время.

— У тебя нет настоящего оружия?

Абигайль подбоченилась:

— Что мы с ним будем делать? Стрелять? Нам ответят! У нас нет ни единого шанса уцелеть. Наш козырь — обман.

— И все-таки, оружие придало бы мне уверенности.

— Посмотри в сарае, полковник имел обыкновение чинить там свои мушкеты, возможно, что-то завалялось, — раздраженно отмахнулась она.

Джейкоб метнулся во двор. Абигайль всплеснула руками и побежала вверх по лестнице. Она вернулась с одеялами и английскими мундирами, кинула их в фургон.

По всему сараю были разбросаны детали мушкетов. Один, древний, был практически целым — отсутствовал кремь. Найди Джейкоб кремь, немного пороха и заряд, и то не факт, что этот антиквариат выстрелит.

— Они здесь!

Он услышал вопль Абигайль, когда копался в ящике. Кремь! Молодой человек открыл лапки курка.

— Джейкоб!

«Кремь на месте, но сработает ли он?» На проверку нет времени. Джейкоб склонился над скамьей, вытащил из-под нее ящики, один перевернулся, по грязному полу покатались патроны. Молодой человек схватил заряд, нашел клочок бумаги вместо пыжа. «Порох. Нужен порох».

«Вот!» На балке висел старый пороховой рожок. Джейкоб схватил его и бросился к дому. Абигайль стояла на заднем дворе рядом с фургоном. Он пробежал мимо нее.

— Ты куда? — крикнула она. — Я видела их на дороге!

— Пытаюсь выиграть время!

Перепрыгивая через три ступени, Джейкоб взбежал по лестнице, влетел в спальню. Встал сбоку от окна, выглянул на улицу. Отряд англичан остановился неподалеку от особняка. Лейтенант показал на окна верхнего этажа и сказал что-то сержанту.

— Вы еще сомневаетесь? Они в рабочем состоянии! — крикнул Джейкоб, имея в виду восковые мушкеты. И тут же прошептал себе под нос: — Нет!

Один из восковых мушкетов согнулся. Лейтенант показывал на него и смеялся. Затем он вскочил в седло и медленным шагом направил своего коня к дому.

Джейкоб выдвинул рычаг древнего мушкета. Открыл пороховой рожок — едва хватит на один заряд.

— Миссис Маттесон! — раздался голос лейтенанта. Он подъехал к входу, его отряд держался чуть позади. — Я восхищаюсь вашей храбростью, миссис Маттесон, но мы знаем, что в окнах мушкеты из воска. — Он обернулся, глянул на развеселившихся солдат и продолжил: — Одно даже подтаяло! — Красномундирники разразились добродушным хохотом. — Мы понимаем, вы могли принять человека, прыгнувшего к вам в фургон, за Исава Моргана. Так вот, миссис Маттесон, это Джейкоб, его брат-близнец! Мы приехали за ним и не имеем к вам никаких претензий. — Джейкоб отступил от стены и навел мушкет на лейтенанта. — Если вы не выйдете, миссис Маттесон, значит, вас держат в заложниках. В этом случае мы будем штурмовать здание. Можете дать ответ, миссис Маттесон?

— Ладно, лейтенант, пришло время убедиться, что среди этих мушкетов есть настоящие, — буркнул Джейкоб и нажал на курок.

Щелк.

— Нет! — Молодой человек снова оттянул затвор и поправил кремь.

— Миссис Маттесон, вынужден сделать вывод, что вы не можете или не хотите говорить с нами.

Джейкоб снова прицелился.

Щелк.

— Хорошо, миссис Маттесон, я вхожу.

Лейтенант спеша лея, взял в руки оружие и стал осторожно подходить к дому.

Джейкоб подергал кремень. «Вероятно, порох», — пробубнил он. Вскинул мушкет на плечо, снова нажал на курок.

Бабах!

«Нет, не порох», — улыбнулся он.

Пуля просвистела над головой лейтенанта и ударилась о землю около его лошади. Та отпрянула, отряд развернулся и отступил под защиту деревьев. Лейтенант побежал со двора, бросая испуганные взгляды через плечо.

Джейкоб швырнул мушкет на кровать. На пороге появилась Абигайль.

— Теперь у нас есть в запасе время, — объяснил молодой человек свои действия.

Они были уже у фургона, когда около центрального входа грохнули выстрелы. Джейкоб взял в руки поводья, и они тронулись в путь.

— Куда ехать? — спросил молодой человек.

— На север, к перекрестку на Тернер-стрит, затем повернем назад и доберемся до окружной дороги — той, что проходит за горой и ведет на юго-восток.

Джейкоб оглянулся на Абигайль.

— Ты прямо стратег.

— Я не раз коротала ночи, обдумывая план побега. Но я не думала, что это произойдет сегодня.

Она сердито глянула на него.

— Ты права, мне не следовало возвращаться.

— Тогда почему ты это сделал?

Джейкоб смущенно покосился на свою спутницу.

— Тебе не понравится мой ответ.

Она уставилась на него.

— Я не верил, что он это сделает. Ясно? — Голос его сорвался. — Потом, мягче, он добавил: — Я полагал, это какой-то изощренный план.

— Ты вообще не знал брата, верно?

— Кажется, я начинаю это понимать.

Они добрались до фермы Джонса уже в сумерках. В хлеву нашлось место не только для них, но и для лошади с фургоном.

Мистер Джонс был известен в широких кругах, как лоялист. Но только немногие знали, что победа при Саратогге разожгла в нем огонь патриотизма, и он, совсем как Абигайль, стал использовать свою лоялистскую репутацию во благо революции. И опять, как в случае с Абигайль, англичане ему безоговорочно доверяли. Это-то и делало его дом удобным перевалочным пунктом, через который тайно в обе стороны проходили мятежные колонисты.

«Тихо!»

Джейкоб предупреждающе вскинул руку; Абигайль быстро затушила огарок свечи.

Молодой человек через щель в двери наблюдал за домом. Только что прибыли пять английских солдат. Мистер Джонс встречал их во дворе. Джейкоб весь обратился в слух. Ему показалось, что помянули Абигаиль.

Абигаиль сидела на трехногом табурете. У нее на коленях, под передником, лежал воск. Когда появились англичане, она что-то лепила.

Двое солдат, держа мушкетеры на изготовку, направились к хлеву. Только Джейкоб хотел дать понять Абигаиль, что ей надо подняться на чердак, как из дому вышла миссис Джонс с подносом в руках. Солдат окликнули. Что они там пили, неизвестно, но явно что-то горячее. Над подносом поднимались струйки пара.

Люди во дворе, как видно, неплохо проводили время. Англичане, словно в гостях, смеялись и оживленно болтали. Однако хлев вновь привлек внимание двух солдат, и они зашагали к нему. Джонс их окликнул. «Немного похолодало, — сказал он. — Если вы меня подождете, я накину плащ и пойду с вами, покажу, где стоят фонари». Сержант ответил, что это не обязательно, и вернул своих людей; кажется, он еще убеждал мистера Джонса пойти домой, в тепло. Солдаты пожали плечами и подошли к командиру. Спустя минуту-другую отряд уехал, и снова воцарился покой.

Абигаиль зажгла свечу.

— Этот мистер Джонс — хитрый лис, — не удержался от похвалы Джейкоб. Молодой человек лег на охапку соломы и облокотился спиной о перегородку пустого стойла.

— И добрый. Исаак и Мисси появятся здесь ближе к рассвету. Он взял их в услужение.

— Прошу прощения, — продолжил Джейкоб. — Я и впрямь вам все испортил. Сразу видно: ты сильно привязана к Исааку и Мисси.

Абигаиль выпростала руки из-под передника и принялась их вытирать.

— Я буду скучать по ним, — тихо проговорила она, смотря широко раскрытыми глазами прямо перед собой. — Но мы знали, что этот день настанет.

— Болят руки?

Она кивнула.

— Когда воск остывает, труднее работать.

— Что ты лепишь?

— Страховку.

Она долгим взглядом посмотрела на него, затем быстро отвернулась.

— Что? — переспросил он.

Из ее глаз брызнули слезы.

— Что? Я что-то не то сказал?

Она горестно помотала головой.

— Неужели ты не понимаешь, какая мука сидеть здесь, смотреть на тебя и знать, что Исав мертв? Каждый раз, когда я гляжу на тебя, мое сердце начинает прыгать в груди — словно все это какая-то ужасающая ошибка и Исав жив. Но потом я осознаю, что предо мной ты и меня начинает душить тоска.

— Хочешь, я спрячусь в тень?

Она достала платок и вытерла лицо.

— Не нужно. Если я сосредоточусь на работе, пожалуй, смогу успокоиться.

Руки ее снова скользнули под передник. Пока она мяла воск, лепила, ее лицо временами болезненно морщилось от усилий, которые она прилагала, мышцы рук напрягались.

— Исаву незачем было идти на это, — начал Джейкоб. — Эта мысль все время крутится

у меня в голове. Не могу от нее отделаться.

— Что ты хочешь сказать?

— Мы ненавидели друг друга! Или, по крайней мере, я так думал. Это было удобно. И я всегда давал ему повод ненавидеть себя. Так почему он совершил такую глупость?

Теперь, когда у него появилось время поразмышлять над случившимся, Джейкоб дал волю чувствам.

— Я вот что имею в виду: у нас с ним было негласное соглашение. Всегда ненавидеть друг друга. На эту ненависть можно опереться, на нее можно рассчитывать. И я исправно соблюдал нашу договоренность! Причем, заметь, был более последовательным! Ты не представляешь, как я наслаждался, заставляя его ненавидеть меня! И что этот дуралей делает? Предлагает поменяться местами! Он не имел права так поступать со мной! Он обязан был злорадствовать. Во всяком случае, так бы вел себя я. — Джейкоб заплакал. А когда вновь заговорил, голос не слушался его, звучал хрипло: — После всех мерзостей, которые я с ним сотворил, ему следовало бы радоваться моей казни, буквально заходиться от счастья. Встать около виселицы и хохотать мне в лицо; ликовать, когда телега отъехала бы в сторону; вприпрыжку нестись в Бостон и жениться на Мерси (наконец-то она свободна!); торжествовать — теперь он у отца единственный сын, у них с Мерси появятся дети, его имя напишут на титульном листе фамильной Библии... Разве не об этом он мечтал?! Почему он не сделал этого?! Теперь он мертв, а я терзаюсь. Почему? Почему он так поступил? Ненавижу его! Ненавижу! — И он громко, не сдерживаясь, зарыдал. Затем с трудом выдавил: — Он не имел никакого права так любить меня! Никакого права!

Абигайль завернула свою работу в полотенце, отложила ее в сторону, шагнула к молодому человеку. Села рядом с ним, обняла и зашептала слова утешения.

Где-то после полуночи они вновь тронулись в путь. Джейкоб, сидя на козлах, правил лошадью; они мчались как вихрь — в темноте почти ничего нельзя было разглядеть. Абигайль устроилась сзади, вокруг нее лежали вещи из мастерской. Пока фургон кренился на поворотах, съезжал с дороги, тряся на рытвинах, она продолжала работать.

— Быстрее! — крикнула Абигайль. — Прибавь ходу!

— Мы и так несемся как ошалелые!

— Хочешь жить, гони что есть мочи!

Джейкоб покачал головой, удивляясь ее упрямству, но на лошадь прикрикнул.

— Заметишь английский патруль, дай мне знать! Тотчас, — вновь возвысила голос Абигайль.

— Почему?

— Просто правь и гляди в оба!

Они мчались к Уайт-Плейнс. Чем ближе они подъезжали к городу, тем вероятнее была встреча с английским патрулем. Они находились в пути более часа. Первую половину дороги беглецы двигались без спешки, но сейчас Абигайль требовала гнать лошадь как можно быстрее; а это было очень опасно, так как они ехали по узкой лесной дороге. Мимо них проносились деревья, из-под задних колес фургона во все стороны фонтаном летела грязь. В неверном свете месяца дорога была еле видна. Но Джейкоб продолжал нахлестывать лошадь — ведь в недавнем прошлом он пренебрег советом Абигайль, и из-за этого они оба едва не погибли.

Вдали замаячила застава.

— Похоже, прямо по курсу англичане, — прокричал он Абигаиль. — Один... два солдата. На земле лежит бревно. Больше ничего не вижу.

— Придержи лошадь около заставы, не раньше.

— Всегда мечтал сломать шею, вывалившись из фургона, — пробормотал Джейкоб себе под нос и обрушил кнут на спину лошади. Затем резко оглянулся. Абигаиль склонилась над чем-то непонятным. Вокруг — одеяла и одежда.

— Что мне им сказать? — прокричал он.

— Ничего! Веди себя так, будто очень спешишь.

— Ну, это-то нетрудно!

Они стремительно подлетели к заставе. На них были наведены два мушкета.

— Стоять! — раздался тонкий, какой-то детский голосок. — Именем короля, стоять!

Джейкоб не останавливал лошадь до последнего. Черное облако пыли, тянущееся хвостом за фургоном, накрыло с головой и беглецов, и солдат.

Англичанин, стоявший с правой стороны дороги, усиленно заморгал. Однако мушкет не опустил.

— Почему в такой поздний час в дороге?

Джейкоб молчал, как ему и велела Абигаиль. Мушкеты были угрожающе нацелены на него; солдаты ждали ответа.

Неожиданно из фургона донесся душераздирающий вопль:

— Неужели он умер?! Почему, почему мы остановились? Нам надо спешить! Возможно, он все еще жив! Быстрее, кучер, быстрее или генерал умрет!

При слове «генерал» оба солдата бросились к фургону, каждый со своей стороны. Джейкоб наконец-то позволил себе обернуться — и оцепенел. В объятиях Абигаиль Маттесон лежал Бенедикт Арнольд.

Англичане изумленными глазами смотрели на генерала и его спутницу.

Между тем Абигаиль беспрестанно подвывала.

— Это вы нас остановили? Пожалуйста, господа, позвольте проехать, позвольте проехать!

— Что... что случилось? — наконец выдавил из себя один из солдат.

Генеральские глаза закрыты, парик слегка съехал на бок. Одеяло, скрывавшее почти все тело генерала, облаченного в красный мундир, ниспадало до полу.

— Убийца-смертник! — крикнула Абигаиль. — Господа, позвольте нам проехать. Не дайте душегубцу завершить свое злодеяние.

— Хэнкс! Это и впрямь генерал! — срываясь на фальцет, истошно завопил солдатик, стоявший слева.

Оба солдата были очень молоды, на вид Джейкоб не дал бы им и двадцати. Окажись здесь генерал, бравый и крикливый, это и то бы их потрясло, а тут — умирающий... Судя по всему, для них это было катастрофой.

— Он выглядит таким бледным, — воскликнул Хэнкс.

Абигаиль издала протяжный жалобный звук. Голова генерала лежала у нее на коленях; женщина качала «раненого», словно ребенка.

— Он потерял много крови! Наша единственная надежда — Уайт-Плэйнс! Личного врача генерала вызвала к себе одна тамошняя семья. Пожалуйста, господа, именем короля, дайте проехать!

Хэнкс засуетился.

— Барнет! Помоги оттащить бревно в сторону. — Потом Джейкобу: — Давай! Гони! Я догоню вас и провожу до города!

Джейкоб собирался было отказаться от такого эскорта, но Абигайль резко оборвала его.

— Хорошо. Кучер, вперед! Быстро! Я не могу понять, дышит генерал или нет!

— Проезжайте, проезжайте! — подал голос Хэнкс.

Бревно убрали с дороги, и Джейкоб погнал лошадей во весь опор. Минутами позже мимо них проскакал страшно серьезный Хэнкс. Он пристроился впереди фургона. Так они ехали почти двадцать минут. Наконец Абигайль пересаживала «генерала» в угол.

Затем попросила Джейкоба остановиться, что он и сделал. Хэнкс, как и ожидалось, развернулся и подъехал к ним.

Солдат сунул голову в фургон. Абигайль только этого и ждала. В обеспокоенное лицо Хэнкса ткнулось дуло револьвера. Джейкоб взял из рук ошеломленного солдата мушкет. После чего, следуя советам Абигайль, отпустил лошадь англичанина, а его самого заставил раздеться почти догола. Они отправились дальше, а смущенный солдатик остался сиротливо стоять на дороге. Джейкоб тихо посмеивался себе под нос.

— Есть здесь что-то, сделанное не из воска? — крикнул он Абигайль.

Она глянула на восковой револьвер, валявшийся рядом с ней на сиденье, и пожала плечами.

— Я же говорила: мне пришлось много думать над тем, как следует вести себя в той или иной ситуации.

Они миновали Уайт-Плэйнс. Далее начиналась нейтральная полоса. Это была территория беззакония, в чем имели возможность когда-то убедиться Джон Андре и Исав Морган. Джейкоб весь подобрался — беглецы в любую минуту могли встретиться с дезертирами обеих армий.

Небо только-только начало яснеть, ночь отступала. Взору беглецов открылось стальное мерцание реки Гудзон.

«Почти дома», — подумал Джейкоб.

Внезапно, словно из-под земли, выскочил конный отряд, человек двенадцать, и окружил фургон. Все произошло до того стремительно, что Джейкоб даже не успел спросить спутницу, предусмотрела ли она такой поворот событий. Если это англичане, можно вновь воспользоваться «Арнольдом». Но что, если это американцы? Интересно, как быстро Абигайль сможет вылепить лицо генерала Вашингтона.

Всадники были одеты в разномастную одежду. Обтерханную и грязную. Ворье. Пока мародеры держали на мушке Джейкоба и Абигайль, один из них, мясистый бородач, кряхтя, слез с лошади и шагнул вперед. Самоуверенная, неторопливая походочка этого человека указывала на то, что ему нравится контролировать ситуацию и держать в своих пухлых, грязных руках жизни людей. Бородач был облачен в американский мундир. Судя по знакам отличия, это был сержант.

— Парни, мы тут такую красотку сцапали! — Он с вожделием глянул на Абигайль. — Так, что мы имеем? Премиленькую пташку, ее папашку и... — посмотрев на Джейкоба, — мужа? Надеюсь, ты не муж, потому как если муж, мне придется тебя кокнуть. Я не прелюбодей. У меня есть мораль. — Он снова похотливо глянул на Абигайль. — Но нет ничего предосудительного в страсти к вдовицам.

В эту самую минуту Джейкоб его узнал. Сержант Вернет из Вэлли-Фордж. Тот самый

мошенник и игрок в орлянку, жульнически прибравший к рукам обувку Бо. Благодаря Абигайль они преодолели большую часть пути, а дальше? Джейкоб оглянулся назад, может его спутница подаст какой-нибудь знак. Рука Абигайль лежала поверх одеяла, под ним — восковой револьвер. Медленное движение руки вниз, под одеяло. Джейкоб покачал головой.

Спрыгнув с козел, он вскричал:

— Вернет! Как я рад тебя видеть!

Сержант слегка оторопел. Густые брови сошлись у переносицы. Вернет посмотрел из-под них на незнакомца тяжелым взглядом.

— Мы были вместе в Вэлли-Фордж. Помнишь?

Болезненная гримаса на лице Вернета указала на то, что память не хочет ему повиноваться.

— А я-то как раз отчаянно нуждаюсь в проверенном человеке, товарище по оружию. Ты для меня как благословение Господне.

— Никакое я не благословение, — выкрикнул Вернет. Джейкоб ни на минуту и не сомневался в этом. — И никакой я не товарищ по оружию. Не после того, что они со мной сделали. Я сам себе голова. Это мои люди, а я их генерал.

— Еще лучше! — Джейкоб придал своему лицу восторженное выражение. — Дело в том, что в фургоне, — он наклонился к Вернету и шепотом закончил: — Генерал Бенедикт Арнольд! Он смертельно болен, и все, что ему нужно, — увидеться перед уходом в мир иной со своей обожаемой женой Пегги. Вот куда мы направляемся. К дому Робинсона, знаешь, штаб-квартира Арнольда близ Вест-Пойнта. Но нам требуется помощь, и ты как раз самый подходящий для этого человек!

Вернет изверг их себя поток грязных ругательств.

— Может, я и дезертир, но не предатель! Нет ничего хуже изменника!

Он вытащил из-за пояса револьвер и навел ее на «генерала».

— Нет! — голос Джейкоба гневно задрожал. — Если ты всадишь в него пулю, плакали наши денежки!

— Денежки?

— Думаешь, почему я это делаю? Он все равно сохнет, так зачем убивать его здесь и сейчас? По мне, изменник заслуживает смерти. Но он обещал отдать мне все свои сбережения — если я доставлю его в дом Робинсона, к жене! Подумай об этом! Все деньги, которые ему не удалось прихватить с собой, когда он бежал! Должно быть, целое состояние! И если ты поможешь нам добраться до дома Робинсона, я разделю его с тобой.

Вернет терзался сомнениями.

— Я хочу услышать это от самого Арнольда! — наконец решил он.

Джейкоб метнул взгляд в сторону фургона. Абигайль помотала головой.

— Он без сознания! — Она шлепнула рукой по восковым щекам. — Генерал то приходит в себя, то вновь впадает в забытие.

— Нет! — рявкнул Вернет. — Не нужны мне иудины деньги. А ты... — он потряс револьвером перед носом Джейкоба, — кажется, припоминаю... Я не забываю людей, которых вздул... Морган! Тот самый, с придурковатым мальчишкой!

— Ты должен помочь нам, Вернет!

— Теперь-то я усек! — внезапно заорал сержант. — Ты не тот парень, ты того Моргана брат-близнец! — Он обратился к своим товарищам: — Помните того шпиона, которого мы искали? Это он! Хочет пробраться назад! И с ним генерал Арнольд! На этот раз мы сцапали

двух шпионов! И каких!

— Послушай, Вернет, просто отвези нас в дом Робинсона и возьми все деньги. С Арнольда ты сможешь получить гораздо больше, чем с Лафайета. Арнольд очень богат! — Вернет приосанился в седле (воображение угодливо нарисовало ему картину его будущего величия и богатства). — Кто знает, сколько Лафайет выложит за трех предателей? Скорее всего, просто милостиво похлопает тебя по плечу. А Арнольд богат! Все знают это!

— Заткнись, Морган! — Сержант угрожающе махнул револьвером. — Парни! — окликнул он приятелей. — Мы собираемся стать героями. И богачами! Помните, какой переполох устроили вокруг троицы, поймавшей Андре? Так вот! У нас в руках не один, а целых три шпиона! И среди них сам Бенедикт Арнольд! — Вернету все больше и больше нравилась открывшаяся перед ним перспектива. — Ха! Мы покажем им, верно, парни? Они считали нас недостаточно хорошими для армии. До чего же хочется увидеть их лица, когда мы привезем в штаб генерала Лафайета Бенедикта Арнольда! Они будут благодарить нас, воспевать нас, слагать стихи о нас! Мы станем богаты! — Джейкоб хотел было возразить, но сержант тотчас на него шикнул: — Заткнись, предатель, или я разнесу твою башку вдребезги. Лезь в фургон. Мы отвезем тебя к Лафайету!

Сержант не доверил поводья Джейкобу. По его приказу на козлы залез один из мародеров. Джейкоб Морган и Абигайль Маттесон прибыли в штаб Лафайета в сопровождении дезертиров.

Двое из людей Вернета поехали вперед, чтобы раструбить о поимке важных персон. К тому времени, когда процессия достигла улицы, ведущей к штабу генерала Лафайета, вдоль нее собралось столько любопытствующих горожан, что яблоку было негде упасть. Маркиз де Лафайет стоял перед входом в штаб, на верхней площадке лестницы.

Не представившись, Вернет разразился речью, которую он, надо полагать, мысленно репетировал в продолжение всей дороги. Лафайет же, взглянув на людей в фургоне, прервал оратора властным жестом, чуть ли не на втором слове. На лице его сверкнула зловещая улыбка — он распознал в одном из пассажиров фургона Арнольда. Лафайет посмотрел на Абигайль, затем на Джейкоба.

— Полагаю, Исав Морган, — сказал он.

— Нет, сэр, Джейкоб Морган.

Генерал недоверчиво прищурился. И снова обратил свой взор на фургон.

Абигайль подвинулась к «Арнольду» и коротким ударом расквасила ему нос.

Лафайет проворно отскочил назад, покосился на нос «генерала» и весело захохотал.

— Миссис Абигайль Маттесон! — вскричал он. — Я в восторге от встречи с вами! Наконец-то!

«Преступники» превратились в почетных гостей генерала Лафайета, тогда как «герои» угодили за решетку. В штабе Джейкоба и Абигайль встретили с большой помпой. Вернету и его банде вменили в вину многочисленные преступления против континентальной армии.

Прием в честь Абигайль и Джейкоба длился уже около часа, угощали пирожными и кофе. Генерал послал гонца к Вашингтону и теперь ожидал от него вестей, а то и его самого — командующий, безусловно, не преминет лично встретиться со знаменитой миссис Маттесон. В какой-то момент Лафайета вызвали по срочному делу. Джейкоб и Абигайль сидели вдвоем на диване в просторной гостиной, где над каминной полкой висел портрет Людовика XVI. Семейная Библия Морганов лежала между ними.

— Прорвались, — сказал Джейкоб.

— Еще вчера утром думать не думала, что окажусь на американской территории.

— И куда ты теперь?

— Возможно, поеду в Филадельфию. Там любят художников. Андре восторженно отзывался об этом городе.

— Приезжай в Бостон. Будем тебе рады.

Абигайль потупилась.

— Мне там будет очень больно. Я всегда мечтала о Филадельфии, так что сначала туда.

Если ничего не выйдет, кто знает?

— Один из твоих планов, рожденных в ночи?

Она рассмеялась и кивнула.

— А ты, полагаю, возвращаешься в Бостон.

— По крайней мере, на какое-то время. Я должен дать им знать, что жив.

Не проговоренное — и что Исав мертв — заставило их на время замолчать.

— Поедешь один?

— Скорее всего.

— Тогда тебе понадобится это.

Абигайль покопалась в складках своего платья, достала восковой револьвер и протянула ему.

Он повертел «револьвер» в руках и засмеялся.

— Я могу оставить его у себя?

— Если хочешь.

— На память. В один прекрасный день я хоть что-то смогу показать внукам. Тебе не жалко?

— Там, откуда оно взялось, таких много.

Джейкоб слегка отстранился от Абигайль и изучающе глянул на нее.

— Что? — спросила она.

— Мой брат был глупцом.

— Только не начинай по новой!

— Нет, именно так. Как он вообще мог оставить такое невероятное создание, как ты?

В глазах Абигайль закипели слезы. Она потупилась.

— Он был необычным человеком, — наконец проговорила она. — Когда Исав сообщил мне о своем решении, я подумала, что он сошел с ума. Но чем дольше он объяснял мне мотивы этого поступка, тем отчетливее мне вспоминались стихи Священного Писания, любимая моим отцом глава, он называл ее героической. — Она вскинула на Джейкоба глаза. — Думаю, это одна из причин, побудившая меня так сильно любить твоего брата — он напоминал мне отца. В общем, когда Исав в первый раз оставил меня и пошел к тебе, меняться местами, я взяла Библию и нашла ту главу...

Она и на этот раз проделала то же самое. Открыла фамильную Библию Морганов, положила ее на колени и прочла:

«Все сии умерли в вере, не получив обетований, — голос ее сорвался, — а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле... <...> ...были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления...»

Абигайль начали душить рыдания.

Джейкоб не сводил с нее глаз. Он продолжил: «...те, которых весь мир не был достоин...» [\[69\]](#)

Они взялись за руки.

— Обещай мне приехать в Бостон. Мои родители захотят познакомиться с тобой.

— И мне бы хотелось познакомиться с ними, и с Мерси, и с твоим замечательным Бо.

Джейкоб Морган пересек перешеек и въехал в Бостон; он двигался по главной улице города, сменившей за время своего существования несколько названий: Ориндж-стрит, Ньюберри-стрит, Мальборо-стрит и, наконец, Корнхилл-стрит. При себе молодой человек имел восковой револьвер Абигайль и Библию Морганов. Он вез фамильную реликвию домой, где ей и надлежало находиться, однако не испытывал (или почти не испытывал) по этому поводу радости. Поскольку сознавал — ее хранителем был более достоин стать его погибший брат.

По мере приближения к Бикэн-стрит его взору открывались знакомые до боли места. Джейкоб проехал мимо Дерева свободы, под которым когда-то стоял избитый, вывалянный в дегте и перьях Исав, мимо здания старого capitoлия, где Мерси и Энн впервые услышали Декларацию независимости. Сколько всего случилось за эти годы! Бостону уже никогда не быть прежним; не будут прежними и его, Джейкоба, родные, и он сам. Когда Джейкоб последовал за Сэмом Адамсом, он надеялся на скорую победу революции, был ее пламенным сторонником, непримиримым патриотом. Он и теперь оставался адептом независимости, но цена, которую пришлось за нее заплатить, оказалась слишком высокой. Морганы расплатились кровью. И сейчас Джейкобу предстояло сообщить об этом родителям.

Наконец он достиг Бикэн-стрит и медленно направил коня по усыпанной пестрыми листьями улице. Вдали, на крыльце своего дома, он заметил мальчика, более высокого, чем предполагал.

Мальчуган напряженно всматривался в глубину улицы, туда, где находился сейчас Джейкоб. Вот он соскочил вниз на две ступеньки, посмотрел, затем опять взбежал на крыльцо, распахнул дверь и что-то прокричал. Потом с непостижимой быстротой скатился с лестницы, выскочил на середину улицы и во весь дух помчался к Джейкобу.

На пороге дома появились знакомые фигуры. Отец. Мать. Мерси.

Мерси крикнула вдогонку мальчику:

— Бо! Это не Джейкоб! Это Исав!

Джаред сбежал до середины лестницы. Сложил руки рупором и крикнул.

— Бо! Бо! Это Исав! Брат Джейкоба!

Когда всадник приблизился к нему, мальчуган остановился.

— Джейб? — Бо неуверенно шагнул вперед. — Джейб?

Молодой человек широко улыбнулся.

— Я знал, ты никогда не перестанешь меня ждать.

Он не успел спешиться — в него вцепился Бо. Молодой человек тискал мальчика и поглядывал в сторону дома. Мерси вскинула руки к губам и покачнулась. Джаред и Энн подержали ее. Но вот она вихрем слетела по лестнице и побежала к нему.

— Джейкоб? Джейкоб! Господи, неужели это не сон?

Бо не отпускал его. Вот так, волоча за собой мальчика, Джейкоб устремился к жене. Они встретились посреди Бикэн-стрит.

— Не верю своим глазам! — заплакала Мерси. — Ты живой! Живой!

Джейкоб сжал ее и Бо в объятиях, крепких-крепких, до боли в руках. Он не желал их отпускать. Мерси покрывала его лицо поцелуями, всхлипывала. Бо обнимал его и улыбался.

— Нам сказали, что ты мертв! — сквозь слезы еле выговорила Мерси.

— Был бы, — ответил Джейкоб, — если бы не брат.

Борьба Америки за независимость шла еще год. И только после того, как генерал Корнуоллис капитулировал со своей семитысячной армией под Йорктауном, победа американцев стала очевидной. Лорд Норт, спикер английского парламента с 1770 года, услышав о поражении под Йорктауном, воскликнул: «Боже! Все кончено». Британия была вынуждена пойти на мирные переговоры.

Со стороны США переговоры вел единственный оставшийся в Париже уполномоченный Бенджамин Франклин. Предварительные статьи договора были подписаны в 1782 году и приняли силу закона 20 января 1783-го. В том же году, в июне, континентальная армия была распущена, и Джейкоб Морган вернулся домой.

Борьба за независимость североамериканских колоний, начавшаяся с принятия закона о гербовом сборе в 1765 году, длилась восемнадцать лет. Сама война — от Лексингтона до Йорктауна — шла шесть лет. По ее завершении молодое государство занялось формированием правительства.

В особняке Морганов на Бикэн-стрит царило веселье. 4 июля 1786 года вся их большая семья собралась на праздновании десятой годовщины Декларации независимости.

Энн Морган неутомимо сновала между гостями, от одной пары к другой, от группы к группе. Мерси и Присцилла предлагали ей свою помощь, но она ответила им отказом. Это был ее с Джаредом прием, остальные должны чувствовать себя гостями. — Как поживаешь, дорогая?

Хозяйка дома обняла Присциллу Гиббс Морган и с чувством прижала ее к себе. Присцилла разглядывала в саду розовые кусты Энн. Сестре Джареда давно перевалило за семьдесят, но только сейчас в ее густых рыжих волосах появились серебряные нити. Она овдовела около пяти лет назад, и временами на нее накатывали приступы тоски, поэтому Энн положила себе за правило заходить к ней в гости. Питер Гиббс был убит под Йорктауном он переправлял на пароме провиант для войска Александра Гамильтона. Присцилла все еще управляла таверной «Добрая женщина». Там она когда-то познакомилась с мужем — желая продемонстрировать нерадивому кузнецу, что он плохо подковал лошадь, Присцилла затащила ее в таверну, хозяином которой был Питер.

— Для пожилой леди держусь недурно, — ответила она. — Похоже, праздник удался.

— Нам есть, за что быть благодарными.

— А где Джейкоб? Что-то его не видно.

— Скоро будет. Сказал, что у него есть для нас сюрприз.

— И что за сюрприз?

Энн со смехом обняла Присциллу.

— Если бы я знала, это не было бы сюрпризом, верно?

Мерси и Бо вышли из-за угла дома. Бо исполнился двадцать один год. Компания Моргана приняла его на службу докером, с этого же когда-то начинал Джейкоб. Бо давно уже перерос Мерси, возмужал. И хотя его речь была далека от идеала, определенных успехов он все-таки достиг. А еще он по-прежнему обожал барабанить. Молодой человек похлопал Мерси по плечу и указал на калитку, ведущую в сад.

Мерси улыбнулась.

— Да, вот тот, о ком я тебе говорила. Это брат твоего дедушки.

Поселившись у Морганов, Бо стал называть Джареда дедушкой. В эту самую минуту он указывал Мерси на подошедших к дому Филипа, старшего брата Джареда, и его жену-индианку Витамоо. Энн, раскрыв объятия, радостно поспешила им навстречу.

С годами кожа Филипа Моргана приобрела такой же бронзовый оттенок, как у жены. Филип и Витамоо Морган двигались очень легко и слаженно, как это часто случается с семейными парами, которые переплелись друг с другом душами. Улыбка Витамоо по-прежнему ослепляла. Филип же относился к той категории людей, рядом с которыми сразу чувствуешь себя свободно.

Филип и Витамоо уже встречались с Мерси, но не с Бо. Молодой человек никогда не видел индейцев вблизи и был взволнован встречей с настоящей индианкой. После обмена приветствиями Витамоо сняла с себя бусы из морских раковин и надела их на шею Бо. Она сообщила, что это подарок от индейцев ее племени. Весь оставшийся день Бо тайком, дабы не быть уличенным в мальчишестве, перебирал ракушки.

К ним присоединилась Присцилла, а вскоре из дома вышел Джаред. Трое детей и Бенджамин и Констанция Морган вновь были вместе.

— Мама, отец!

— Джейкоб, ты вернулся! — воскликнула Энн.

— Я хочу вас кое с кем познакомить.

На пороге дома стояла светловолосая женщина. Она сощурила на ярком солнце синие глаза и тыльной стороной руки отбросила упавшую на глаза прядь волос.

— Это миссис Абигайль Маттесон.

— Джейкоб, какой сюрприз!

Энн шагнула к Абигайль и обняла ее, словно родное дитя. Следом за ней гостью прижал к сердцу Джаред. Тем временем их сын проскользнул в дом.

— Сумеет ли мы когда-нибудь отблагодарить вас за наших мальчиков? — взволнованно произнесла Энн.

— Это мне следует вас благодарить, — ответила Абигайль. — Исав вошел в мою жизнь в тот момент, когда мои духовные силы иссякали. Он вдохнул в меня жизнь и стал моей любовью.

— Привет, я Мерси, жена Джейкоба.

— Вам незачем представляться. — На лице Абигайль обозначилась легкая улыбка. — Я бы и так вас узнала.

Мерси обняла ее и прошептала:

— Благодарю вас за то, что вы помогли Джейкобу вернуться домой целым и невредимым. До сих пор, несмотря на все его рассказы, мне не верится, что вы двое сумели сделать это.

Абигайль улыбнулась:

— Ну, вы же знаете — мужчины любят все приукрашивать.

— А сейчас я хочу познакомить вас еще с одним мужчиной моей жизни, — весело сказала Мерси и побежала к дому.

В эту самую минуту на пороге возник Джейкоб. Он держал на руках ребенка.

— О! Какой милый! — воскликнула Абигайль. — Всю дорогу Джейкоб только о нем и говорил.

Счастливым отцом с гордостью произнес:

— Миссис Абигайль Маттесон, хочу представить вам мистера Сета Моргана.

— Сколько ему? — спросила Абигайль, протягивая руки к малышу.

— Год и восемь.

Абигайль взяла Сета на руки и крепко прижала к себе. Потом, глядя на Джейкоба и Мерси, промолвила:

— Исав был бы счастлив за вас. Искренне счастлив.

Мерси обвила руками мужа и притянула к себе.

— Мы знаем, — тихо сказала она.

Как всегда бывает на званых вечерниках, по истечении какого-то времени общество разбилось на два кружка. Женщины, собравшись в гостиной, говорили о детях, хозяйстве, обсуждали цены на продукты, а на улице, в саду, мужчины вели разговоры о политике, делах, лошадях.

— Исав это предвидел, — говорил Джаред. — В революции его больше всего пугало то, что она может вылиться в анархию. Он предупреждал нас, что начать революцию легко, но как ее закончить?

— Не могу их осуждать, — вступил в разговор Джейкоб. — Эти люди боролись за свободную страну с оружием в руках, и что они получили взамен? Непосильные налоги, безденежье. Многие из них обанкротились, потеряли фермы, сели за долги в тюрьму. Я бы тоже взбунтовался! [\[70\]](#)

— И много фермеров взяли за оружие? — спросил Филип.

— Я слышал, где-то тысяча, — ответил Джаред.

— Их возглавил Даниел Шейс [\[71\]](#). Во время войны он был капитаном.

— Что может заставить христианина направить оружие против собственной страны? — спросил Филип.

Джейкоб усмехнулся:

— Кажется, мы уже это проходили.

— Страна молодая, — вступил Джаред. — Нам еще предстоит столкнуться с проблемами, и они будут нарастать, как снежный ком. Возможно, это указывает на слабые места в некоторых статьях Конституции. Нам нужна более сильная правительственная система.

— Интересно будет посмотреть, что произойдет этим летом, когда соберется Конституционный конвент. Если не сможем сформировать нормальное правительство — своими руками развалим страну на части.

— Упаси Бог, — вставил Филип.

Вечером вся семья собралась в гостиной. Стулья расставили так, чтобы в окна можно было видеть Бостонскую гавань. Маленький прогулочный кораблик лениво скользил по заливу. Небо разрезали стройные мачты торговых судов (в том числе и принадлежавших Морганам), стоявших в порту или мирно покачивающихся на волнах близ верфи (все со спущенными парусами).

Собравшиеся заняли свои места. Джаред и Энн встали перед ними.

— Мы хотим поблагодарить вас за то, что вы пришли в наш дом, — начал Джаред. — Вы...

— Секундочку, отец! — воскликнул Джейкоб. И нырнул за дверь.

Спустя минуту-другую он вместе со слугой внес в гостиную пьедестал и поставил его в

центре комнаты — так, чтобы его могли видеть все собравшиеся. На пьедестале что-то стояло — что-то, скрытое драпировкой.

— Обещанный сюрприз, — сказал он.

— Мы думали, ты имел в виду Абигайль, — удивилась Энн.

— Очаровательный сюрприз, не правда ли? Но речь шла не только об Абигайль. Она привезла кое-кого с собой.

Джейкоб сдернул драпировку. Это был бюст Исава. Работа была столь выразительна, что, казалось, Исав находится здесь, среди них, в гостиной. Подбородок гордо вскинут, глаза ясные и твердые, возле губ — решительная складка. Завершали образ пудренный парик и треуголка.

Энн заплакала. Джаред тоже, хотя и стесняясь своей слабости. Бо от изумления замер с открытым ртом.

— Абигайль! — Энн растроганно шагнула к гостье. Лица обеих женщин были мокры от слез. — Спасибо тебе, спасибо тебе, спасибо тебе.

Джаред смахнул слезу.

— Я говорил... — Он прочистил горло и, глядя прямо в глаза Абигайль, продолжил: — Мы все — семья. И у нашей семьи есть традиция, связанная с этой Библией. — Он взял Библию со стола и поднял над головой так, чтобы все видели (в этом не было необходимости; все, кроме малыша Сета, знали, что за книгу он держит в руках). — Эта Библия нашего предка Эндрю Моргана, который покинул Англию и приехал в дикую, необжитую страну для того, чтобы создать мир, где его семья могла бы процветать и свободно исповедовать свою веру. Внутри, — Джаред открыл Библию и вынул кружевной крестик, — находится настоящее произведение искусства — кружевной крестик, сотканный руками Нелл Морган, возлюбленной жены Энди. — Джаред положил крестик на место и захлопнул книгу. — Вместе эти символы олицетворяют веру семьи Морган. Трудно вообразить, как сильно изменился мир с тех пор, как здесь появились первые глинобитные хижины.

Он помолчал, посмотрел в окно на крыши церквей, домов, пакгаузов, таверн.

— Энди Морган передал эту Библию своему сыну Кристоферу под красивым раскидистым деревом — там, где первые поселенцы устраивали службы. Он возложил на сына ответственность за то, чтобы следующее поколение Морганов не утратило веру и сохранило духовные традиции семьи. А еще он наказал передавать фамильную Библию от поколения к поколению. Он хотел, чтобы все поколения Морганов следовали путями Иисуса Христа и приняли Его как Спасителя нашего и Господа.

Какое-то время казалось, что его мечте не суждено сбыться. Кристофер стал миссионером и проповедовал христианство индейцам. После того как вспыхнул индейский мятеж, названный войной Короля Филипа ^[72], связь с ним была потеряна. И если бы не наш отец, Бенджамин Морган, мечта Энди так бы и осталась мечтой.

Дневник Энди попал в руки отца случайно. Из него он узнал о пропавшей Библии. Это было незадолго до его гибели. Помните, как взволнованно, с каким упоением собирал он воедино разрозненные ниточки? — Филип и Присцилла улыбнулись и согласно закивали головами. — Умирая, он взял с Филипа слово, что тот найдет Библию и вернет ее семье. Все ниточки вели в резервацию наррагансетов. И мы вернули себе Библию, но потеряли моего брата Филипа!

Все посмотрели на Филипа и засмеялись.

— Надо сказать, что Филип нашел не только Библию, но и Кристофера Моргана. А еще он влюбился в красавицу индианку и остался в резервации. Они с Витамоо учат наррагансетов чтению и письму, а также тому, что Иисус — Бог всех людей. Ну а теперь обо мне. — У Джаред перехватило горло, он сглотнул и продолжил: — Филип хотел, чтобы Библия осталась у нас, в кругу семьи, поэтому он передал ее мне, своему брату. И вот сегодня, в соответствии с традицией, начало которой положил наш общий предок Эндрю Морган, я выполняю свой долг и передаю эту Библию моему сыну. Джейкоб, подойди, пожалуйста, ко мне.

Джейкоб поднялся и шагнул к отцу.

— Я выбрал этот день неслучайно. Думаю, Энди Моргану мой выбор пришелся бы по душе. Он сбежал от английской тирании; он хотел помочь становлению нового, свободно поклоняющегося Богу общества. Сегодня мы празднуем десятую годовщину Декларации независимости. Парламентарии готовятся сформировать правительство, которое станет гарантом так высоко ценимых нами свобод. Среди нас появился первый Морган, родившийся гражданином Соединенных Штатов Америки. Я говорю о моем внуке, Сете. Хочется верить, что Эндрю Морган гордился бы нами.

Послышались негромкие рукоплесканья. Джаред выглядел довольным. Он открыл Библию.

— По традиции, имена хранителей духовного наследия Морганов заносятся на титульный лист нашей фамильной Библии. Рядом с каждым именем ставится дата и стих Писания, который характеризует жизнь данного человека. Позвольте мне прочесть эти имена:

«Энди Морган, 1630, Захария 4:6.

Кристофер Морган, 1654, Матфея 28:19.

Филип Морган, 1729, Филиппийцам 2:3,4.

Джаред Морган, 1741, Иоанна 15:13».

И сегодня я вношу в этот список еще одно имя — имя моего сына Джейкоба. Я передаю ему эту Библию, а вместе с ней вверяю ему будущее семьи Морган.

Он посмотрел на сына с нескрываемой гордостью.

— Но сначала одно маленькое пояснение. Когда я сказал Джейкобу, что хочу сегодня передать ему Библию, он сам выбрал стих. И я от всего сердца согласился с его выбором. Вот что я написал внизу, под своим именем:

«Джейкоб Морган, брат Исав, 1786, 1 Иоанна 2:10».

И пока существует эта Библия, Джейкоб и Исав будут делить эту строчку в память о том вкладе, который они внесли в нашу семейную историю. Этот стих гласит: «Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна».

Джаред положил руку на плечо сына и произнес слова молитвы:

— Господи, много лет назад не было счастливее человека на земле — ведь Ты благословил Энн и меня близнецами. Все эти годы они соперничали друг с другом, пока не познали истинный путь. И хотя Исав пребывает с Тобой, а Джейкоб с нами, сегодня и навсегда они объединились сердцами. Благослови моих сыновей счастьем, Господи. И дай Джейкобу мужество прожить положенный ему срок до конца дней своих, веруя так же сильно, как Исав. И молимся мы во имя Иисуса Христа, Спасителя нашего. Аминь.

И Джаред, обняв сына, вручил ему Библию.

Всем тем, кто собрался этим вечером в доме Морганов, казалось, что Исав находится

среди них и одобряет выбор отца.

— Ты самый старший, тебе и карты в руки, — сказал Джаред.

— Однажды я уже проделал это, теперь твоя очередь, — упирался Филип.

— Я и так им надоел. Доставь всем удовольствие, расскажи сам. В конце концов, эту историю из уст Кристофера Моргана слышал ты.

— Но его отец ты. Так что и рассказывать тебе. Слова отца будут значить для него больше.

Энн и Витамоо подошли к своим мужьям.

— О чем это вы спорите? — поинтересовалась Энн.

— Кому рассказывать историю Энди Моргана, — объяснил Джаред. — Я думаю, это должен сделать Филип, он старший. Да и на титульном листе Библии его имя появилось раньше моего.

— Но по традиции эту историю рассказывает тот, кто передает Библию! — воскликнул Филип.

— Слушайте, вы оба! — рассердилась Витамоо. — Вам должно быть стыдно. Это великая честь — рассказать историю вашей семьи.

— Верно! Вот почему это должен сделать Филип! — подчеркнул Джаред.

— Нет, это твой дом, твой сын, твоя очередь! — парировал его брат.

Джейкоб прошел мимо спорщиков. Он нес Сета наверх, в спальню.

— Вы, два брата, должны научиться ладить друг с другом, — бросил он на ходу. Затем кивком головы указал на Сета и добавил: — Какой пример вы подаете молодому поколению?

Остаток вечера семья провела вместе. Поздравляли Джейкоба. Отмечали день рождения новой нации.

Но вот тени стали длиннее, залив сменил небесно-голубой цвет на темно-синий. И Джаред вновь обратился к собравшимся.

— Я уже говорил, что сегодняшней день уникален, — начал он. — Обычно, на подобных церемониях присутствуют только два хранителя Библии — тот, кто передает ее, и его преемник. Но сегодня нас трое: Филип, я и Джейкоб. Кто знает, случится ли подобное когда-нибудь еще?

И Джаред рассказал историю Эндрю Моргана, которую он когда-то услышал от Филипа:

— Эта история началась в тот самый день, когда Энди Морган повстречал в Виндзорском замке ^[73]епископа Лода. С тех пор все в его жизни пошло не так...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Послесловие

Роман «Патриоты» относится к числу моих самых значительных исторических проектов, рассказывающих о жизни одной американской семьи. Воспользуйся я всеми материалами, которыми намеревался воспользоваться, и книга разбухла бы до тысячи и более страниц.

Исторические персонажи, действующие в этом романе, более узнаваемы, чем в предшествовавших книгах серии. Если иные читатели могли и не понять, что епископ Вильям Лод в «Пуританах» или Джон Элиот и Джон Сассамон в «Колонистах» — лица исторические, то кто не слышал о Джордже Вашингтоне, Бенджамине ФранкLINE и Бенедикте Арнольде?

Однако в этом-то как раз и кроется проблема. Исторических деятелей героизируют и обожествляют. Вместе с тем они должны взаимодействовать с обычными персонажами книги — значит, их надо сделать более живыми, правдоподобными. Такой труд — еще и попытка вернуть небожителей на землю, где им, собственно говоря, и надлежит находиться.

Как часто приходится слышать от современников знаменитостей, что в повседневной жизни те были обычными людьми! В этом смысле наш случай типичен. За исключением Франклина, стяжавшего мировую известность еще при жизни, прочие исторические персонажи, действующие в «Патриотах», были в глазах тогдашней публики обычными людьми, ставшими национальными лидерами в необычные времена.

Что может заставить христианина выйти с оружием против правительства? Это один из самых трудных вопросов, поставленных мною в романе. Для ответа на него, по моему разумению, надо обратить взгляд в прошлое.

В те годы праведные христиане обоих полов отказывались воевать с метрополией по религиозным соображениям. Многие жители колоний не желали оказывать вооруженное сопротивление правительству и предпочли вернуться в Англию. По оценкам Джона Адамса, к началу Войны за независимость треть колонистов были революционерами, треть — лоялистами, треть приходилась на долю тех, кто не определился с выбором. Вот почему слово «патриоты» так подходит для названия романа. Мужчины и женщины, находившиеся по разные стороны баррикад, считали себя истинными патриотами — патриотами Англии или Америки.

Роман имеет четыре сюжетные линии. Джаред Морган, как доверенное лицо Франклина, был вовлечен в деятельность американской дипломатической миссии, работавшей во Франции. Путь Джейкоба Моргана традиционен для американского патриота: активное участие в «Сынах свободы», Лексингтон и Конкорд, служба в армии под началом Джорджа Вашингтона. Путь его брата-близнеца не столь характерен для лоялиста, но по-своему очень захватывающ: Исав с большой неохотой вступает в континентальную армию и волею судеб становится сподвижником Бенедикта Арнольда. На примере Энн и Мерси Морган показана обыденная жизнь женщин в революционном Бостоне. (История двух колонисток, сумевших доставить американской армии информацию о передвижении британских войск, основана на реальных фактах.)

Трое гостей, присутствовавших на званом обеде в доме Морганов, — доктор Сэмюэл Купер, Джон Хэнкок и Сэм Адамс — реальные люди. Их образы созданы на основе исторических документов. Наиболее сложным и интересным человеком я счел Сэма Адамса,

что и попытался изобразить в романе.

Будучи истым революционером, Сэм Адамс придерживался сомнительной сентенции «цель оправдывает средства». Мало того, он неплохо себя чувствовал на хмельных попойках в тавернах. Вместе с тем он был одним из самых добродетельных и благочестивых представителей первого поколения революционеров, мечтал о духовном возрождении своей страны — из-за чего даже получил прозвище Последний Пуританин. Адамс надеялся, что революция будет способствовать дальнейшему духовному пробуждению колоний, начатому Джорджем Уайтфилдом, и позволит окончательно отделиться от Англии, которая, по его мнению, дурно влияла на нравственное состояние колонистов.

Я никак не мог понять, как Адамс примирял свои действия со своей верой, пока не подумал о том, что мне самому тоже случается быть непоследовательным.

Правила этикета, изложенные Мерси в столь забавной форме, были взяты из рукописного учебного пособия, которое предлагалось изучать американским школьникам. Этот исторический документ написан рукой мальчика по имени Джордж Вашингтон.

В те времена предприимчивые торговцы открыли для себя новый привлекательный рынок — Китай. За образцы посуды, стоявшей на обеденном столе в доме Морганов, взята реальная посуда, чрезвычайно ценящаяся в ту пору американцами.

Хорошие студенты исторических факультетов тотчас сообразят, что полемика между Исавом и Адамсом представляет собой краткий обзор предреволюционного периода американской истории. Так я не только надеялся включить роман в исторический контекст, но и хотел напомнить, что в те дни действия английского парламента были в американских семьях обыденной темой для разговоров — сходным образом наши современники обсуждают те или иные новости и политические события. Кроме того, не следует забывать, что отцы-основатели не всегда действовали согласованно и порой придерживались различных взглядов на методы революционной борьбы (о чем свидетельствует конфликт, возникший между Сэмом Адамсом и Франклином из-за личных писем генерала Хатчинсона).

Эпизод с дегтем и перьями основан на многочисленных исторических документах. Он наглядно демонстрирует внутривнутриполитическую борьбу в колониях и дает представление о том смутном времени, когда одни американцы уже приняли решение отделиться от Англии, а другие еще не были к этому готовы.

Описание «бостонской бойни» и ежегодных публичных дней поминовения горожан, погибших в этом кровавом инциденте, основано на исторических материалах. Полицейские и представители суда знают, каково это — воссоздавать картину происшествия, основываясь на противоречивых показаниях очевидцев. У историков те же трудности, разве что интересующее их событие произошло сотни лет назад.

События в Лексингтоне и Конкорде — факты истории, как и действия Ревира, Прескотта и Доуза.

Адамс и Хэнкок останавливались в доме преподобного Джонаса Кларка и покинули его перед самым приходом королевских войск, как и сказано в книге.

Описание военной экспедиции Бенедикта Арнольда, прошедшего со своим отрядом через глухие леса Мэна к Квебеку, исторически достоверно.

Церковная служба в Ньюберипорте и вскрытие гроба Уайтфилда воссозданы по документальным свидетельствам.

По иронии судьбы самый известный предатель Войны за независимость был одним из

ее первых героев. Сражение при Квебеке, а также ранения Арнольда — исторические факты.

Сведения о дипломатической деятельности Франклина во Франции были почерпнуты мною из его биографии. Популярность Франклина во французском обществе, дружба с Брийонами, его привычки, методы работы, отношения с другими членами дипломатической миссии — факты истории.

При изучении американской истории о работе американской дипломатической миссии во Франции обычно не упоминают. Между тем без ее действий, благодаря которым французское правительство оказало Соединенным Штатам экономическую и военную помощь, революция вряд ли бы победила. Кроме того, шпионская составляющая этих ранних дипломатических достижений просто пленяет. Подготовительная работа в Париже, секретные переговоры с Британией, а также предварительное соглашение с Францией сформировали основу для Договора 1783 года.

Описание жизни в местечке Вэлли-Фордж и сражения при Монмуте дано на основе исторических свидетельств. Условия жизни в лагере были невыносимыми; процветала там и карточная игра. Общеизвестные факты я дополнил яркими, выразительными деталями (так в романе появился босой часовой, стоящий на шапке), которые почерпнул из подлинных документов.

То, что барон фон Штейбен обучал солдат и офицеров американской армии военной науке, — факт общеизвестный.

Переход Филадельфии из рук американцев в руки англичан и обратно вызвал к жизни несколько замечательных историй — и выдуманных, и реальных. В то время как американские солдаты холодали и голодали в местечке Вэлли-Фордж, британцы устраивали в Филадельфии пышные приемы.

Семья Шиппен существовала в действительности; за Пегги на самом деле ухаживали майор королевских войск Джон Андре и генерал американской армии Бенедикт Арнольд.

Контакты Арнольда с британцами, осуществлявшиеся на первых порах через его жену (до того, как он покинул ее в Вест-Пойнте), действительно имели место. Я не пытался понять, что двигало изменником, лишь ввел в роман общеизвестные факты.

Став перебежчиком, Арнольд получил чин бригадного генерала британской армии; в этом качестве он совершил грабительские походы в Вирджинию и Нью-Лондон, штат Коннектикут.

После войны Арнольд и Пегги обосновались в Англии — там к нему относились с презрением.

В последние годы жизни Арнольд был чрезвычайно озабочен своей репутацией. Впрочем, самое худшее, что могло с ним случиться, случилось — американцы выиграли Войну за независимость (по каким-то причинам Арнольд убедил себя, что без него колонистам успеха не достичь).

Большой интерес для меня представляла личность майора Джона Андре. Как показано в романе, этого человека любили все. Когда Андре приговорили к казни через повешение, полковник Александр Гамильтон написал личное письмо Вашингтону, в котором просил его проявить снисходительность. Однако командующий не внял его просьбе (как, впрочем, и мольбам других людей), и Андре повесили. Гамильтон так возмутился, что решил — правда, ненадолго — уйти в отставку. О том, что Гамильтон был чрезвычайно расположен к Андре, знали все, поэтому британская секретная служба считала вполне вероятным, что он, как и Арнольд, может перейти на их сторону.

Хотя Абигайль Маттесон — фигура вымышленная, она вызвана к жизни личностью исторической.

Пейшенс Райт была художницей по воску и американской шпионкой; она жила в Нью-Йорке и дружила с Франклином. Ее виртуозно выполненные работы, как и показано в «Патриотах», поражали своей реалистичностью, чему существует бесчисленное множество свидетельств.

Одна английская леди, войдя в комнату, заговорила с горничной. И только после того как прислуга ей не ответила, англичанка осознала, что перед ней — работа Пейшенс Райт.

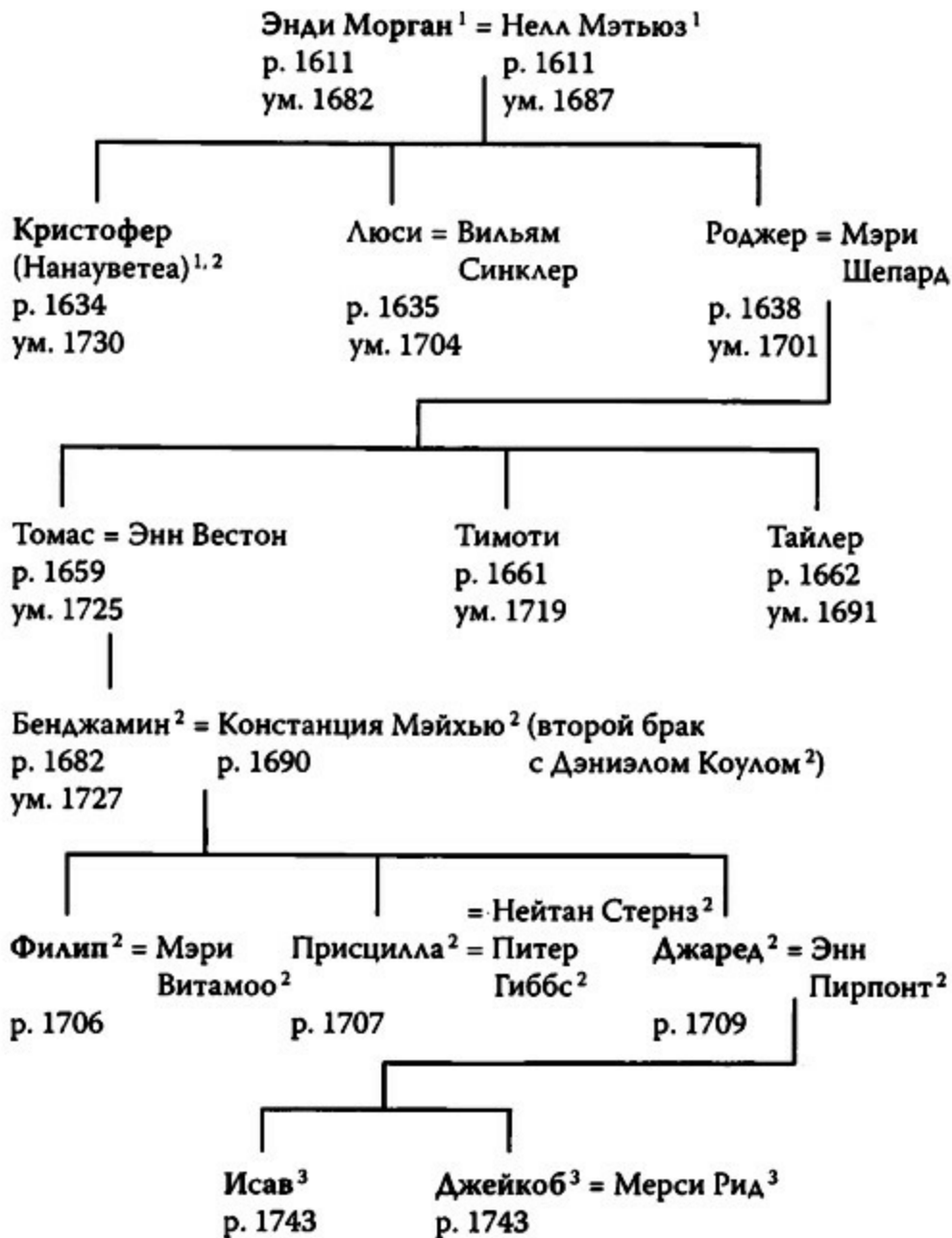
Миссис Джон Адамс писала, что она долго, минут десять, наблюдала за старым священником, находившимся в студии миссис Райт, прежде чем сообразила, что это восковая фигура.

Во Франции экипаж миссис Райт был задержан на контрольно-пропускном пункте. Дело было ночью. В руках художница держала восковую голову. Полицейские решили, что перед ними душевнобольная, которая убила человека и теперь пытается избавиться от его головы, и арестовали миссис Райт.

Фигура этой яркой и отважной женщины не могла не приковать к себе моего внимания; тем более что такая героиня — настоящая находка для романиста. При создании образа Абигайль я позаимствовал у Пейшенс Райт профессию и технику воскового моделирования, но не особенности ее характера, человеческие качества и судьбу.

Как и в предыдущих книгах, жизнь и приключения Морганов полностью вымышлены автором; их семейные традиции и фамильная Библия — плод моей фантазии.

СЕМЬЯ МОРГАН

Имена, выделенные жирным шрифтом, внесены в фамильную Библию Морганов.
 Надстрочные цифры рядом с именами соответствуют роману, в котором появляется данный герой.

*Джек Кавано
 Сан-Диего,
 1995*

Хэнкок Джон (1737–1793) — один из лидеров освободительной борьбы английских колоний в Северной Америке. В 1787 г. председатель Конвента, утвердившего Конституцию США. Неоднократно избирался губернатором Массачусетса.

Адамс Сэмюэл (1722–1803) — руководитель освободительного движения Новой Англии, публицист. Возглавлял организацию «Сыны свободы». Основал Корреспондентский комитет в Бостоне — прообраз местной революционной власти. Вице-губернатор (1789–1793) и губернатор (1794–1797) Массачусетса.

Лоялисты (или тори) — партия сторонников метрополии во время Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), враги независимости колоний.

Наррагансеты — «народ маленького места». Конфедерация алгонкинских племен. Проживали на берегу залива Наррагансет в западном Род-Айленде. Были истреблены почти полностью колонистами во время так называемой войны Короля Филипа (1675–1676).

Речь идет о морском сражении 1588 г., во время которого военный флот Испании («Непобедимая армада») был разбит английским флотом.

Елизавета I (1533–1603) — английская королева с 1588 г. Во время ее правления были укреплены позиции абсолютизма, восстановлена англиканская церковь.

Имеются в виду Корреспондентские комитеты — организации радикальной буржуазии, фермеров, ремесленников, возникшие в североамериканских колониях Англии накануне Войны за независимость (первый комитет появился в 1772 г. в Бостоне; его возглавил С. Адамс). Прообраз местной революционной власти.

Цяньлун (1711–1799) — император (1736–1796) маньчжурской династии Цин в Китае.

Виги — здесь: сторонники независимости североамериканских колоний Англии.

Британский лев — национальная эмблема Великобритании.

Речь идет о военных действиях в Северной Америке, которые являлись частью Семилетней войны (1756–1763). Английские колонисты называли их «войной с французами и индейцами», поскольку французам помогали индейцы, с которыми они ладили лучше, чем англичане. За восемь лет войны в Северной Америке Франция лишилась всей Канады и верховьев Миссисипи.

Новая Англия — общее название группы северо-восточных колоний, предложенное в 1614 г. английским капитаном Джоном Смитом (1580–1631). В настоящее время в Новую Англию входят штаты: Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут.

«Бостонское чаепитие» — один из эпизодов борьбы североамериканских колоний Англии за независимость. В 1773 г. группа молодых американцев, переодетых индейцами, забралась на три судна Ост-Индской компании и в знак протеста против беспошлинного ввоза англичанами чая в Северную Америку выбросила за борт 342 ящика с чаем. Правительство ответило репрессиями: в Бостоне запрещалась морская торговля, распускалось законодательное собрание, в Новую Англию были направлены военные корабли. Эти меры послужили сигналом к всеобщему сопротивлению североамериканских колоний.

Локк Джон (1632–1704) — английский философ-просветитель, создатель идейно-политической доктрины либерализма. Разработал эмпирическую теорию познания. Главные произведения — «Опыт о человеческом разуме» (1690), «Письма терпимости» (1690–1692), «Два трактата о государственном правлении» (1690), в которых он отрицает «божественное право» королей и оправдывает революцию. Оказал огромное влияние на американское общество. Цитаты из работ Локка были нередки даже в проповедях пасторов.

Франклин Бенджамин (1706–1790) — американский просветитель, государственный деятель, дипломат, философ-естествоиспытатель, экономист. Один из авторов Декларации независимости и отцов-основателей США. В 1776–1785 гг. находился во Франции как посол молодой Американской республики.

Хатчинсон Томас (1711–1786) — последний королевский губернатор Массачусетса (1769–1774). Автор «Истории колонии и провинции залива Массачусетс» (1764, 1767, 1828).

Лод Вильям (1573–1645) — один из ближайших сподвижников английского короля Карла I (1600–1649); архиепископ Кентерберийский с 1633 г. Жестоко преследовал пуритан. Казнен по приговору Долгого парламента.

Пуритане (от лат. *puritas* — чистота) — протестанты, не довольствовавшиеся половинчатой, незавершенной реформацией в Англии. Важнейшая основа их воззрений — кальвинистское учение о предопределении. Настаивали на дальнейшем очищении церкви от католических обрядов и возвращении к библейским принципам веры. Эмиграция пуритан, бежавших от религиозных преследований и приехавших в Новый Свет для того, чтобы построить там идеальное общество — Царство Божие, фактически положила начало основанию североамериканских колоний Англии.

Чиппендейл Томас (1718–1779) — выдающийся английский мебельный мастер. Создатель своеобразного стиля, представляющего собой сочетание функциональной целесообразности форм с изяществом линий. Сыграл огромную роль в истории мебельного искусства.

Гейдж Томас (1721–1787) — английский генерал. В 1774–1775 гг. — губернатор Массачусетса. К началу Войны за независимость командовал британскими войсками в Америке.

«Сыны свободы» («Партия Дерева свободы») — массовая тайная антиколониальная организация в североамериканских колониях Англии; возникла в 1765 г. Сыграла одну из главных ролей в подготовке американской революции.

Георг III (1738–1820) — английский король с 1760 г. Во время его правления английские колонии в Северной Америке отделились от Великобритании. 4 июля 1776 г., в день принятия Декларации независимости США, Георг III записал в своем дневнике «Сегодня ничего особенного не произошло».

Адамс Джон (1735–1826) — второй президент США (1797–1801), участник Войны за независимость. Талантливый адвокат. В 1770 г. с успехом защищал британских солдат, обвиненных в «бостонской бойне». Позже под влиянием своего двоюродного брата С. Адамса примкнул к радикальному крылу патриотов. Один из пятидесяти пяти отцов-основателей США. Его подпись стоит под текстом Декларации независимости. Был посланником США во Франции, Голландии, Великобритании. Участвовал в подписании Версальского мирного договора (1783).

Ревир Пол (1734–1818) — серебряных дел мастер (считался лучшим чеканщиком по серебру своего времени). Один из героев Войны за независимость. В ночь с 18 на 19 апреля 1775 г. проскакал от Бостона до Лексингтона, предупреждая жителей о приближении королевских войск. Его подвиг был воспет Г. Лонгфелло (поэма «Скачка Пола Ревира»).

Северная церковь (церковь Христа) — вторая по счету епископальная церковь Бостона. Была построена в 1723 г. Бостонцы ласково называют ее Северной Старушкой.

Бо — имя образовано от англ. «boy» — «мальчик».

Речь идет о так называемой петиции оливковой ветви (петиции о примирении), направленной королю Георгу III Континентальным конгрессом в июле 1775 г. В петиции содержалась просьба приостановить военные действия, пока не будет выработано мирное соглашение. Через день последовала еще одна резолюция, в которой говорилось, что колонии не жаждут независимости, но не потерпят рабства. В ответ 23 августа 1775 г. король объявил колонистов мятежниками.

Норт Фредерик (1732–1792) — лорд, премьер-министр Великобритании (1770–1782).
Англичане долгое время обвиняли его в том, что это именно он потерял Америку.

Вашингтон Джордж (1732–1799) — американский государственный деятель; с 1775 г. главнокомандующий армией колонистов в Войне за независимость; первый президент США (1789–1797).

Арнольд Бенедикт (1741–1801) — американский генерал, один из самых авторитетных и популярных военачальников в континентальной армии. Герой битвы при Саратоге. Дж. Вашингтон называл его «храбрейший из храбрейших». В 1779 г. из-за конфликтов с Конгрессом перешел на сторону англичан. Вошел в историю Войны за независимость под именем «Предатель». В Саратогe есть безымянный памятник, на котором стоит сапог; это означает, что только раненая нога Арнольда заслуживает уважения.

Уизерспун Джон — протестантский священник, теолог, борец за независимость английских колоний в Северной Америке.

Исх. 33:15.

Уайтфилд Джордж (1714–1770) — выдающийся английский проповедник. Начал проповедовать в Новой Англии осенью 1740 г. после триумфальной поездки по центральным колониям. Посещал Северную Америку семь раз. Его последователей принято называть кальвинистскими методистами. С именем Уайтфилда во многом связана вторая волна Великого Пробуждения.

Монтгомери Ричард (1736–1775) — генерал-майор, герой войны с французами и индейцами и Войны за независимость. Убит при штурме Квебека. В его честь названа столица штата Алабама. Один из героев «Баллады об Американской войне» Роберта Бернса.

Болиголов — род двулетних трав семейства зонтичных. Голые ветвистые ветви и трижды (иногда четырежды) перистые листья. Цветки мелкие, белые, собраны в сложные зонтики.

День благодарения — праздник в память о первых поселенцах, высадившихся в 1620 г. на побережье Новой Англии и основавших колонию Новый Плимут. Отмечается в последний четверг ноября.

Каперство — морской промысел в XVI–XIX вв. Заключался в том, что капер (пират) снаряжал на свои средства с разрешения воюющей и даже нейтральной страны судно для захвата неприятельских торговых судов. Каперство было запрещено в 1856 г. Декларацией о морской войне.

Декларация независимости США — принята Вторым Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г.; провозглашала отделение колоний от Британии и создание самостоятельного государства — США. Ее автор — Т. Джефферсон (1743–1826), впоследствии третий президент США.

Капитолий — здесь: здание законодательной ассамблеи штата.

Энн и Мерси Морган слушают текст Декларации независимости США.

Шомон (Галезьер) Антуан-Мартин (1697–1787) — маркиз, государственный деятель, член финансового совета при Людовике XVI.

Вержен Шарль Гравье (1717–1787) — граф, французский государственный деятель, дипломат. В период Войны за независимость в Северной Америке поддерживал американцев, стремясь ослабить Великобританию. В 1780 г. в связи с успехами США в войне с Великобританией выдвинул план раздела Северной Америки между Францией, Великобританией и Испанией.

Людовик XVI (1754–1793) — французский король (1774–1792). Осужден Конвентом и казнен во время Великой французской революции.

Хоу Уильям (1729–1814) — английский генерал. В октябре 1775 г. сменил Гейджа на посту главнокомандующего английскими войсками в Америке.

«Вэлли-Фордж» в переводе на русский язык значит «Кузнечная долина».

Штейбен Фридрих фон (1730–1794) — генерал американской армии. Во время Семилетней войны служил в прусских войсках, был замечен Фридрихом Великим. После того как началась Война за независимость, прибыл в Пенсильванию и предложил Вашингтону свои услуги. Оказал молодой американской армии неоценимую помощь в создании боеспособного войска. Отличился в битве при Монмуте (1778).

Грин Натаниел (1742–1786) — генерал, выдающийся американский полководец времен Войны за независимость.

Клинтон Генри — командующий британской армией.

Лафайет Мари Жозеф (1757–1834) — маркиз, видный французский политический деятель, активный участник Войны за независимость в Северной Америке. Генерал-майор американской армии. В начале Великой французской революции командовал Национальной гвардией. Автор первого проекта Декларации прав человека и гражданина (1789). Содействовал вступлению на престол Луи-Филиппа. Когда «американский маркиз» умер, в США был объявлен траур; все флаги в стране были приспущены.

Ли Чарлз (1721–1782) — американский генерал. После сражения при Монмуте (1778) был с позором уволен Вашингтоном из армии.

«Янки Дудль» — патриотическая песня; появилась во время Войны за независимость. Автором принято считать английского врача Шомбурга.

Зал независимости — в этом здании в 1776 г. была подписана Декларация независимости, а в 1787 г. — Конституция США.

Квакеры («трясуны») — протестанты, отвергающие канонизированные формы богослужения, а также многие государственные установления. Проповедуют пацифизм и непротивление.

Саратога — имеется в виду одна из решающих битв Войны за независимость, произошедшая под г. Саратога (ныне Скайлервилл, штат Нью-Йорк). Английская армия была окружена и 17 октября 1777 г. сложила оружие.

Бургойн Джон (1730–1792) — английский генерал; потерпел поражение в битве при Саратоге.

Гессенская пуля — во время Войны за независимость британское правительство использовало иностранных наемников. Англия поставила под ружье около тридцати тысяч гессенских немцев.

Андре Джон (1751–1781) — английский офицер, адъютант генералов Хоу и Клинтона, сотрудник секретной службы. Казнен по приказу Вашингтона.

Корнуоллис Чарлз (1738–1805) — английский генерал. Возглавлял королевские войска на юге Северной Америки. Одержал несколько крупных побед над американцами. Попав в ловушку под Йорктауном, вынужден был сдаться. Эта капитуляция решила исход Войны за независимость.

Речь идет об одном из шести мятежей, произошедших в американской армии. Были вызваны нехваткой провианта и обесцениванием денег.

Ланселот — герой артуровских легенд и средневековых рыцарских романов, влюбленный в королеву Гвиневу, в честь которой совершил множество подвигов.

Деист — приверженец религиозно-философского воззрения, согласно которому Бог, сотворив мир, более не принимает в нем какого-либо участия и не вмешивается в закономерное течение событий. Деизм не допускает иных путей к познанию Бога, кроме разума. Деистами, в частности, были Б. Франклин и Т. Джефферсон.

Гоббс Томас (1588–1679) — английский философ-материалист. Основные сочинения «Левиафан» (1651), «Основы философии» (1642, 1655, 1658).

Вольтер (Аруэ) Мари Франсуа (1694–1778) — французский писатель, философ-просветитель, деист, критик абсолютизма.

Гамильтон Александр (1757–1804) — американский политический и государственный деятель, лидер партии федералистов. Секретарь Дж. Вашингтона во время Войны за независимость. Министр финансов США (1789–1795).

См. Ин. 14:2.

Речь идет об Уильяме Питте (1708–1778), премьер-министре Великобритании в 1766–1768 гг. и министре иностранных дел в 1756–1761 гг. Был сторонником колониальной экспансии. В 1766 г. Питт стал графом Чатамом и вошел в палату лордов.

Ис. 40:30–31.

Евр. 11:13, 37–38.

Винтроп Джон (1588–1649) — один из основателей Массачусетса и его первый губернатор. Прибыл в Северную Америку в 1630 г. на корабле «Арбелла» с большой группой единоверцев. Его дневник (опубликован в 1790; 1825–1826) — важнейший источник сведений по ранней истории Массачусетса и политической доктрине пуританства.

Коттон Джон (?–1727) — пуританский священник, лидер колониального конгрегационализма.

Ис. 40:28–29.

Речь идет о восстании фермерской бедноты, вспыхнувшем в штате Массачусетс в 1786–1787 гг. Восставшие, в частности, требовали равного распределения земли и ликвидации долгов.

Шейс Даниел (ок. 1747–1825) — руководитель восстания фермерской бедноты 1786–1787 гг. Ветеран Войны за независимость. Награжден за храбрость золотым оружием. После разгрома восстания был приговорен к смертной казни, но затем помилован.

Речь идет о войне 1675–1676 гг. между колонистами Новой Англии и индейцами. Коалицию индейских племен возглавил вождь племени вампаноагов Метакон (1662–1676), прозванный англичанами Королем Филипом по имени испанского короля Филиппа II (1527–1598), известного своей чудовищной жестокостью. Война закончилась поражением индейцев.

Виндзорский замок — резиденция английских королей. Построен в XI в.; в XIV в. Эдуард III (1312–1377) разрушил его и построил новый; с той поры замок неоднократно перестраивался.